

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

Анти- гитлеровская коалиция

1939

Формула
провала

АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ – 1939

Формула провала

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2019

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)61
А72

Под общей редакцией генерального директора
Института внешнеполитических исследований и инициатив
Вероники Крашенинниковой

Ответственный редактор
Олег Назаров

А72 Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала. Сб. ст. /
под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. —
М.: Издательство «Кучково поле», 2019. — 336 с.: ил. — (Реальная
политика)

ISBN 978-5-907171-24-4

Почему раздел Чехословакии ничему не научил «европейские демократии»? Хотели ли они заключить военный союз с СССР и остановить гитлеровскую агрессию? А если нет — то почему? На широкой документальной основе ведущие российские и зарубежные историки представляют картину мировой политики на 1939 г. Они дают ответ на главный вопрос: почему в 1939 г. не были сформирована антигитлеровская коалиция и создана система коллективной безопасности, которая могла бы дать возможность избежать эскалации ситуации. Впервые в приложении к сборнику помещены предоставленные МИД фотографии оригиналов Советско-германского договора и Секретного протокола к нему.

Книга предназначена политикам, экспертам, журналистам и широкому кругу читателей, интересующихся историей Европы и Второй мировой войны.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)61

На обложке изображена памятная медаль, посвященная созданию имперского протектората Богемии и Моравии в 1939 г.

ISBN 978-5-907171-24-4

© АНО «Институт внешнеполитических
исследований и инициатив», 2019

© ООО «Издательство «Кучково поле», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В серии «Реальная политика» мы продолжаем исследовать сложные годы кануна Второй мировой войны, насыщенные политическими интригами, когда на кону стояла судьба континента. Сборник «Анти-гитлеровская коалиция — 1939: формула провала» продолжает тему, поднятую книгой «Мюнхен-1938: падение в бездну Второй мировой», вышедшей в сентябре 2018 г. и приуроченной к 80-летию Мюнхенского сговора.

В 1939 г. — вплоть до начала военных действий 1 сентября — Советский Союз продолжал отчаянные попытки создать коалицию европейских государств, чтобы остановить агрессию Третьего рейха. Если позорный для себя 1938 год западные эксперты и медиа обошли молчанием, то в этом году все информационные «пушки» направлены на Договор о ненападении между Германией и СССР, подписанный 23 августа 1939 г. Он используется для того, чтобы возложить ответственность за начало Второй мировой войны на Советский Союз, чтобы поставить знак равенства между «коммунизмом и фашизмом».

Авторы этого сборника, основываясь на фактах и архивных документах, развенчивают эти клеветнические и явно ангажированные обвинения. Договор о ненападении для Москвы был вынужденным шагом, когда стало понятно, что антигитлеровской коалиции не будет. Он дал Советскому Союзу почти два года передышки для подготовки к отражению неминуемой агрессии. Более того, аналогичные договоры до СССР подписали и «главные обвинители»: Великобритания, Франция, Дания, Латвия, Литва и Эстония.

В сборнике впервые опубликованы фотографии советского оригинала Договора о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему. Для историков это настоящее событие, поскольку до сих пор были доступны только их немецкие варианты. И между двумя

вариантами есть расхождения. Дело в том, что в 1939 г. текст договоров печатался на пишущих машинках без использования копировальной бумаги. Договор и протокол печатались четыре раза, и это объясняет некоторые технические несовпадения текстов. Необычность оформления договора и протокола может свидетельствовать о крайне ограниченном времени, имевшемся на подготовку и согласование текстов.

Читая шифротелеграммы советских послов и разведчиков, приведенные в книге, никак нельзя отмахнуться от параллелей с сегодняшним днем. И советские, и западные дипломаты говорили о приближающейся войне и называли сроки, которые оказались верными. Единственный путь предотвратить войну лежал тогда через создание системы коллективной безопасности в Европе. Сегодня, когда администрация США разрушает систему договоров о вооружениях и требует милитаризацию Европы, сохранение мира на континенте, также требует создания системы коллективной безопасности. В прошлый раз гигантские усилия Москвы не увенчались успехом. Усвоили ли сегодняшние политики суровые уроки той катастрофы?

Выражаю благодарность всем авторам, принявшим участие в этом сборнике. Их материалы — результат десятилетий кропотливых исследований и борьбы за историческую истину. Отдельно стоит отметить работу канадского историка Майкла Джабара Карлея: западному ученому приходится идти против очень мощного течения, что требует независимости мышления, крепкого стержня и мужества.

Особая благодарность Олегу Геннадьевичу Назарову, который в очередной раз в качестве ответственного редактора координировал работу коллектива историков со всей компетентностью и вниманием к деталям.

Мы глубоко признательны Историко-документальному департаменту МИД РФ и лично директору департамента Надежде Михайловне Бариновой за предоставленные документы, фотографии которых приведены в книге, и за ценные советы по пониманию исторических вопросов.

Благодарю нашего давнего партнера издательство «Кучково поле» и лично Георгия Эдуардовича Кучкова, с которым мы в 2012 г. запустили серию «Реальная политика», за высокое качество их работы, за скрупулезное внимание к изданию и творческий подход.

Дорогой читатель, наши книги призваны снабдить вас знаниями и аргументами в защите нашей страны на арене политической, военной и информационной. Недостаточно глубокое понимание оппонентов и собственные просчеты стоят нам слишком дорого. «В мире нет ничего нового, за исключением истории, которой вы не знаете», — говорил

американский президент Гарри Трумэн. «История — самый лучший учитель, у которого самые плохие ученики», — повторяла премьер-министр Индии Индира Ганди.

Пусть это будет не про нас.

Вероника Крашенинникова

Генеральный директор

Института внешнеполитических исследований и инициатив,

Член Общественной палаты РФ, заместитель председателя

*Комиссии по развитию общественной дипломатии, гуманитарному
сотрудничеству и сохранению традиционных ценностей*

СТО ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ

От ответственного редактора

Олег Назаров

В текущем году исполняется 80 лет с начала самой кровопролитной и разрушительной в истории человечества войны. Вопрос, можно ли было ее предотвратить, всегда интересовал и будет интересовать миллионы людей. Чтобы дать на него ответ, необходимо анализировать предпосылки и причины войны. Данный коллективный труд российских и зарубежных историков по острым вопросам предвоенной истории дает богатую пищу для размышлений. Он является продолжением работы, начатой в сборнике «Мюнхен-1938: падение в бездну Второй мировой»¹, в котором были проанализированы предыстория, ход и результаты Чехословацкого кризиса 1938 г. и дана оценка Мюнхенскому сговору.

30 сентября 1938 г. в Мюнхене рейхсканцлер Адольф Гитлер и премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен подписали также и англо-германскую декларацию — «пакт Гитлера — Чемберлена»². В тот печально знаменитый день государственный секретарь США Корделл Хэлл собрал пресс-конференцию, где заявил, что результаты Мюнхенской конференции вызывают «всеобщее чувство облегчения»³. Американский политик выдавал желаемое за действительное. Соглашение, по которому Чемберлен, премьер-министр Франции Эдуард Даладье и лидер фашистской Италии Бенито Муссолини передали гитлеровской Германии Судетскую область Чехословакии, не поинтересовавшись мнением граждан этой демократической страны, вызвало чувство тревоги у народов многих европейских государств. Эстонский историк Магнус Ильмярв констатировал: «В Эстонии и других балтийских государствах сделали собственные выводы из Мюнхенского договора и сложившейся

после него в Европе ситуации: гарантии, выданные Англией и Францией лимитрофам, больше не имеют значения»⁴. В октябре 1938-го прекратила существование Малая Антанта⁵. Советский Союз оказался в международной изоляции. В конце года Муссолини заявил: «То, что произошло в Мюнхене, означает конец большевизма в Европе, конец всего политического влияния России на нашем континенте»⁶. И хотя дуче сгустил краски, СССР действительно попал в сложное положение.

Зато в Лондоне в первые недели после Мюнхена царила эйфория. Вернувшего из Германии Чемберлена встретила восторженная толпа англичан, исполнявшая хвалебную песнь «Потому что он прекрасный парень» в честь «старого доброго Невилла». Воодушевленный премьер-министр заявил: «Вот уже второй раз в нашей истории из Германии на Даунинг-стрит вернулся почетный мир. Я верю, что этот мир продлится в течение всей нашей жизни»⁷. Палата общин британского парламента одобрила Мюнхенское соглашение большинством голосов: 366 — «за», 144 — «против»⁸. Мнение британской прессы не было единым. Ряд изданий оценивал заключенную с Гитлером сделку как капитуляцию перед агрессором⁹.

В сентябре, добиваясь согласия Праги на передачу Германии Судет, Лондон и Париж крутили перед носом президента ЧСР Эдварда Бенеша «пряником», обещая стать гарантами новых чехословацких границ¹⁰. Однако уже в октябре англичане и французы перестали об этом даже вспоминать. Постмюнхенская Чехо-Словакия (так официально стала называться эта страна с 6 октября 1938 г., после получения Словакией автономии) была брошена западными державами на произвол судьбы. Точнее, ее оставили на милость германских нацистов¹¹, что имело катастрофические последствия не только для чехов.

Однако предательство ЧСР имело последствия и для «умиротворителей». В первую очередь для французов. 11 ноября 1938 г. полномочный представитель СССР во Франции Яков Суриц сообщил наркому иностранных дел СССР Максиму Литвинову: «Все жертвы, которые до сих пор приносились Гитлеру, очень сильно ослабили Францию, лишили ее преимущественного положения в Европе, отняли у нее почти всех ее союзников... Никто сейчас, например, не сомневается, что Мюнхен равносителен Седану¹², но все же с точки зрения будущих перспектив...»¹³

То, что перспективы были отнюдь не блестящими, трезвые умы осознали быстро. 18 октября по горячим следам мюнхенского предательства посол Франции в Москве (вскоре он перебрался в Берлин) Робер Кулондр, делясь в письме с министром иностранных дел Жоржем Бонне своими опасениями, задал вопрос, который вплоть до начала войны оставался ключевым: «В случае, если проводимая ныне политика окажется

неэффективной и если потерпят провал все попытки общеевропейского урегулирования, смогут ли Франция и Англия, вынужденные создавать оборонительную систему союзов для сдерживания германской агрессии, подтолкнуть Польшу к более правильному пониманию ее жизненных интересов и, во имя союза с западными державами и под страхом изоляции, которая оставит ее на милость Германии, заставить ее пойти на военный союз с Советами?» Однако в министерстве на набережной Кэ д'Орсе, утверждает д. и. н. Е. О. Обичкина, «этому предупреждению не вняли и не вели серьезных разговоров с Польшей в пользу военных польско-советских договоренностей вплоть до середины августа 1939 г.»¹⁴.

15 марта 1939 г. гитлеровская Германия ввела войска в Прагу, а 16 марта по указу Гитлера чешские земли были превращены в протекторат Богемия и Моравия. Двумя днями ранее с санкции Берлина Словакия обрела липовую «независимость». Еще 12 марта словацкий политик Йозеф Тисо встретился сначала с министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом, а затем с Гитлером. 14 марта по их «совету» Тисо возглавил правительство Словацкого государства. «Оно явилось побочным продуктом европейского политического кризиса конца 1930-х гг., возникло под прямым давлением Берлина при содействии политиков-германофилов в самой Словакии. Выбор вариантов ее будущего был невелик: либо отделение от Ч-СР и провозглашение самостоятельности, либо оккупация и раздел между Германией, Венгрией и Польшей»¹⁵, — пишет крупнейший отечественный специалист по истории Чехословакии и международным отношениям предвоенного времени, д. и. н. В. В. Марьина.

Захватив чешские земли, Гитлер нарушил заключенное с Великобританией, Францией и Италией Мюнхенское соглашение. Лондон и Париж отреагировали лишь 18 марта, выразив протест действиям Германии и отозвав из Берлина послов «для консультаций». В тот же день Лондон запросил Советский Союз¹⁶, Польшу, Грецию, Югославию и Турцию об их действиях в случае германского вторжения в Румынию. В свою очередь эти страны запросили англичан об их намерениях, а Москва предложила созвать для обсуждения ситуации конференцию с участием СССР, Великобритании, Франции, Польши, Румынии и Турции. В ответ 21 марта Лондон предложил подписать проект англо-франко-советско-польской декларации о консультациях в случае агрессии. Однако выяснилось, что Варшава не станет подписывать документ, если под ним будет стоять подпись представителя СССР. А затем и Лондон без каких-либо удовлетворительных объяснений отказался от своей инициативы¹⁷. 31 марта Чемберлен заявил о британских гарантиях Польше, пообещав полякам защиту от германской агрессии.

Пока происходили эти события, а министры иностранных дел Великобритании и Франции «консультировали» своих послов, Гитлер развивал успех. Объектом его агрессии стала не Румыния, а Литва. У нее имелись собственные «Судеты» — Клайпеда (Мемель). Гитлер присоединил Клайпеду к Германии без долгих разговоров и проволочек. Как сообщил 22 марта в Народный комиссариат иностранных дел СССР временный поверенный в делах СССР в Литве Николай Поздняков, 20 марта в Берлине Риббентроп заявил министру иностранных дел Литвы Юозасу Урбшису, что «присоединение Клайпеды к Германии является для клайпедских немцев жизненной и срочной необходимостью. Если литовское правительство не очистит Клайпеду добровольно, то там немедленно вспыхнут беспорядки, которые вызовут вмешательство рейхсвера (так в тексте ошибочно названы германские вооруженные силы. — *О. Н.*). Если в ходе беспорядков будет убит хотя бы один немец, то рейхсвер пойдет в глубь Большой Литвы». Через два дня Германия и Литва заключили договор о ненападении. Клайпеда (Мемель) отошла Германии. Лондон и Париж и на этот раз не сочли нужным противодействовать Гитлеру. А ведь в 1924-м они подписали конвенцию, по которой Клайпедский край был признан частью Литвы. В начале апреля фашистская Италия захватила Албанию.

Не вдаваясь в подробное описание последующих событий, поскольку это сделали авторы сборника, обратим внимание читателей на наиболее важные из них. 17 апреля Литвинов передал английскому послу в Москве Уильяму Сидсу документ, содержащий восемь предложений (документ публикуется в Приложении). В пункте 1 СССР предлагал заключение официального соглашения сроком на 5—10 лет, прописывавшего незамедлительную взаимопомощь в случае любой, в том числе военной, «агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Следующие пункты уточняли взаимные обязательства Лондона, Парижа и Москвы, предполагавшие совместное оказание помощи всем государствам Восточной Европы от Балтики до Черного моря по советской границе. Пункт 3 гласил: «Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2». Переговоры по военной части соглашения СССР предлагал провести «в кратчайший срок», чтобы прописать детали оказания военной помощи всем государствам, перечисленным в соглашении. Стороны, подписавшие договор, брали на себя обязательство не заключать сепаратный мир¹⁸.

«Советское предложение расставило все точки над “i” — или большинство из них», — констатировал в своей статье канадский историк Майкл Джабара Карлей. Он же поведал о том, почему политические переговоры между Лондоном, Парижем и Москвой оказались неудачными.

Одной из главных причин их провала было нежелание лидеров Великобритании и Франции лично встречаться с Иосифом Сталиным. Советский лидер был им неприятен. Примечательно, что неприязненное отношение к Сталину выказывали люди, которые в сентябре 1938 г. по первому «свистку» Гитлера бросали все свои дела, мчались на встречу с рейхсканцлером, радостно жали ему руку. А вот поездка в Москву британского министра, по словам Чемберлена, «была бы унижительна». Решение отправить в июне на переговоры с главой Советского правительства Вячеславом Молотовым Уильяма Стрэнга¹⁹, возглавлявшего Центральноевропейское управление Министерства иностранных дел Великобритании, осудил даже бывший британский премьер Дэвид Ллойд Джордж: «Мистер Чемберлен вел прямые переговоры с Гитлером. Он ездил на встречи с ним в Германию. Он и лорд Галифакс посещали Рим. Но кого они отправили в Россию? Они не послали даже члена кабинета самого низкого ранга, они послали клерка из Форин офис. Это было оскорблением»²⁰.

В отличие от Чемберлена во время Второй мировой войны премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и президент США Франклин Рузвельт относились к Сталину и СССР иначе. Будучи по-настоящему крупными западными политиками, они вели уважительный диалог со Сталиным²¹, видя в нем достойного собеседника, который ни в чем им не уступал, а в чем-то и превосходил. И хотя взаимоотношения между лидерами «Большой тройки» не были простыми, на их фоне поведение Чемберлена выглядит убого. Результат проводившейся им политики «умиротворения» оказался катастрофическим. Фактически Чемберлен помог укрепиться нацистскому режиму в Германии и дал «зеленый свет» германской агрессии.

Несмотря на неудачи предыдущих переговоров, в начале августа шанс объединить усилия и дать коллективный отпор обнаглевшим нацистам еще оставался. Но когда 12 августа в Москве начались переговоры военных миссий СССР, Великобритании и Франции, выяснилось, что возглавлявший французскую делегацию генерал Жозеф Думенк имел полномочия только на ведение переговоров, но не на подписание соглашения. Английскую делегацию возглавлял адмирал Реджинальд Дракс. Он прибыл в советскую столицу без каких-либо полномочий, но с четкой директивой министра иностранных дел Великобритании Эдуарда Галифакса «тянуть с переговорами возможно дольше»²². Лондон пошел на переговоры не для заключения военного соглашения с СССР. Его целью было посеять в умах советских руководителей иллюзии и отвлечь их от мыслей о возможном соглашении с Германией. В Кремле это быстро поняли и сделали свои выводы.

Уже в ходе первых заседаний глава советской делегации, нарком обороны СССР Климент Ворошилов поставил вопрос о пропуске частей РККА через Польшу, обозначив эту проблему в качестве кардинальной.

С такой постановкой вопроса согласился и французский МИД, признавший в записке на имя премьер-министра Франции Даладье требования Кремля логичными и законными. В ней говорилось, что если не решить положительно вопрос о пропуске частей Красной армии через польскую территорию, то военные переговоры были бы беспредметными: «Едва ли можно что-либо противопоставить этому утверждению, которое подводит нас к самой сущности вопроса».

Однако, даже понимая, что позиция СССР — правильная, честная и конструктивная, на переговорах французы шли за англичанами. Это позже признал член французской военной миссии капитан (впоследствии генерал) Андре Бофр. Оценивая советские предложения, он заметил: «Трудно быть более конкретным и более ясным... Контраст между этой программой... и смутными абстракциями франко-английской платформы поразительный и показывает пропасть, которая отделяла две концепции... Советские аргументы были весомее... Наша позиция оставалась фальшивой...»²³

Констатируя то, что, прибыв в Москву, англичане и французы не были готовы к заключению военного союза с СССР против Германии, отметим и польский вклад в срыв трехсторонних переговоров военных миссий. Тем более, что он вполне сопоставим с британским.

Поляки категорически не желали пропускать части Красной армии через свою территорию. 18 августа посол Польши во Франции Юлиуш Лукасевич сообщил в польский МИД о том, что Бонне подробно проинформировал его о ходе военных переговоров в Москве, застопорившихся на вопросе, смогут ли советские войска пройти через коридоры в Польше и Румынии. В конце телеграммы Лукасевич заметил: «Англичанам и французам с трудом удалось убедить советскую делегацию, что следует сохранить видимость продолжения переговоров, вследствие чего имеют место формальные заседания, бессодержательные и несущественные»²⁴. Таким образом, польские дипломаты не только демонстрировали непреклонность позиции Варшавы, но еще и злорадствовали.

В тот же день посол Великобритании в Варшаве Говард Кеннард в телеграмме в Форин офис сообщил о содержании беседы военного атташе Франции в Варшаве генерала Феликса Жозефа Мюсса с начальником Генерального штаба Войска Польского генералом бригады Вацлавом Стахевичем. Француз попытался убедить собеседника в необходимости заключения военного соглашения с СССР и предоставления Красной армии возможности прохода «через ограниченные коридоры

на севере и юге Польши». В ответ польский военачальник выразил «серьезные сомнения относительно искренности намерений» советского правительства, которое «скорее всего желает оккупировать территорию Польши»²⁵.

То, что такая угроза является надуманной, понимали все, кроме польских руководителей. Фальшивым был и аргумент министра иностранных дел Польши, полковника Юзефа Бека, утверждавшего, что согласие Варшавы на советское предложение немедленно приведет к объявлению Германией войны Польше. Даже Галифакс в письме Кеннарду отметил противоречие в позиции Бека: «Если г-н Бек думает, что он может предотвратить или уменьшить вероятность такого нападения просто тем, что он воздержится принять помощь от Советского Союза, я думаю, что он заблуждается. А когда он говорит, что если война в самом деле начнется, то положение, возможно, будет другим и польская позиция, возможно, изменится, я думаю, что он противоречит сам себе. Если Польша сможет позволить себе принять советскую помощь, если начнется война, то неясно, почему она не может согласиться подумать о принятии такой помощи, когда война близка»²⁶.

Искать логику в умозаключениях польских руководителей предвоенного времени дело заведомо безнадежное. А некоторые их заявления анализировать должны не историки, а представители совсем других профессий. Например, за несколько дней до начала войны маршал Польши Эдвард Рыдз-Смиглы с пафосом заявил: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу»²⁷. Оккупационная политика Германии на территории Польши в годы Второй мировой войны показала, сколь далекой от реальности была демагогия польского маршала²⁸.

В этой связи огромную ценность имеет свидетельство Яна Карского (наст. имя Ян Козелевский). В 2002 г. в Вашингтоне в парке Джорджтаунского университета ему установили памятник. Карский знаменит тем, что в годы войны в качестве курьера осуществлял связь между польским подпольем и эмигрантским правительством в Лондоне. Он одним из первых поведал миру об уничтожении евреев в оккупированной немцами Польше, за что получил от Израиля звание Праведника мира. В Польше Карского иногда представляют «узником советских лагерей», хотя он всего несколько недель находился в лагере вблизи Козельска Калужской области. Осенью 1939-го Берлин и Москва произвели обмен военнопленными. Немцы передали СССР уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии, взамен получив поляков, до войны проживавших на захваченной гитлеровцами территории Польши. Карского передавать не собирались. Воспользовавшись случаем, он добился этого и получил возможность сравнить Козельский лагерь с германским

лагерем в Радоме и узнать, насколько разным было отношение к военнопленным полякам советских людей и гитлеровцев. Противник СССР и социализма свидетельствовал, что советские охранники «всегда были снисходительны, насколько позволяла военная дисциплина. Чтобы они били и унижали пленных — такого я не видел ни разу...». Отношение немцев оказалось принципиально иным: «Любое приказание или замечание неизменно начиналось с обращения “польская свинья”». Они никогда не упускали случая двинуть пленному ногой в живот или кулаком в лицо. Малейший проступок или даже намек на какую-либо провинность карались немедленно и самым жестоким образом»²⁹.

Накануне войны такой сценарий развития событий польские руководители не рассматривали. Более того, в беседе с Бонне посол Лукасевич в ответ на замечание, что угроза войны с Германией делает для Польши необходимой помощь СССР, пообещал: «Не немцы, а поляки ворвутся в глубь Германии в первые же дни войны!»³⁰

Позиция Варшавы не изменилась и 23 августа, когда Бек сообщил дипломатическим представительствам Польши:

«Учитывая сложившуюся в результате приезда Риббентропа в Москву новую ситуацию, французский и английский послы в повторном демарше выразили пожелание своих правительств, заключающееся в том, чтобы, начав вновь военные переговоры для ограничения возможностей и сферы действия германо-советского договора, можно было в тактическом плане изменить ситуацию. В связи с этим к нам вновь обращаются с просьбой о “тихом согласии” на выражение военными делегациями в Москве уверенности в том, что в случае войны польско-советское военное сотрудничество не исключается.

Я заявил, что польское правительство не верит в результативность этих шагов, однако, чтобы облегчить положение франко-английской делегации, мы выработали определенную формулировку, причем я повторил не для разглашения наши оговорки, касающиеся прохода войск.

Формулировка звучала бы так: “Французский и английский штабы уверены, что в случае совместных действий против агрессора сотрудничество между СССР и Польшей в определенных условиях не исключается. Ввиду этого штабы считают необходимым составление с советским штабом любых планов”.

Используя возможность, я еще раз сделал категорическое заявление, что я не против этой формулировки только в целях облегчения тактики, наша же принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений»³¹.

Непреклонная позиция Варшавы была хорошо известна англичанам и французам. Но поскольку они стремились не допустить заключения

договора между Москвой и Берлином, Париж предпринял попытку предотвратить развитие событий по нежелательному сценарию. 21 августа в 16 часов правительство Франции телеграммой за подписью Бонне наделило генерала Думенка полномочием заявить, что при условии согласия польского правительства французское правительство готово согласиться на проход советских войск через Польшу и в соответствии с этим разработать и подписать соответствующую конвенцию. 22 августа Думенк письменно известил Ворошилова о своих полномочиях и был принят им в тот же день между 19 часами и 19 час. 50 мин. Комментируя встречу глав советской и французской военных миссий, немецкий историк И. Фляйшхауэр отметила: «Отношения с западными партнерами по переговорам по-прежнему оставались на повестке дня, на что указывают заинтересованность и настойчивость, с которыми Ворошилов задавал в этот вечер свои вопросы главе французской делегации. Увы, все они оставались без убедительных ответов...»³² Главное, что Польша и Румыния по-прежнему не давали согласия пропустить части Красной армии навстречу германским войскам, и изменить это решение Варшавы и Бухареста Париж был не в силах. В ходе беседы в словах Ворошилова прозвучало разочарование поведением западных держав: «Мы ведь самые элементарные условия поставили. Нам ничего не дает то, что мы просили выяснить для себя, кроме тяжелых обязанностей — подвести наши войска и драться с общим противником. Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом!»³³

Два дня спустя, провожая западные военные миссии, взволнованный Ворошилов сказал о том же и адмиралу Драксу: «Выходит, нам следовало бы завоевать Польшу, чтобы предложить ей нашу помощь, или на коленях попросить у поляков соизволения предложить им помощь? Наше положение было невыносимым». Дракс и британский атташе в Москве полковник Рой Файрбрейс сочли это проявление эмоций со стороны Ворошилова «искренним»³⁴.

Через несколько часов после того, как Бек напомнил польским послам об отказе Варшавы пропустить через территорию страны части Красной армии, Советский Союз и Германия подписали договор о ненападении, который, по признанию польского историка Э. Дурачиньски, «не просто не был должным образом оценен Варшавой, но был ею совершенно проигнорирован»³⁵. Зато в наше время в Польше и других западных государствах его не только оценили, но и переоценили, изображая главной причиной Второй мировой войны.

В ситуации конца августа 1939 г. здравомыслящие политики понимали, что нападение Германии на Польшу произойдет в ближайшие

дни. Гораздо сложнее было спрогнозировать, как долго продлится война между ними и как поведут себя Лондон и Париж, давшие Варшаве свои гарантии. В любом случае, заключая с Германией договор о ненападении, Сталин и Молотов думали не о разделе Польши³⁶, а о том, как обезопасить, хотя бы на время, свою страну и народ от германской агрессии. Небезразлична им была и судьба украинцев, белорусов и евреев, живших на захваченной Польшей территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Подписав 23 августа договор о ненападении, советское руководство обезопасило страну от угрозы войны на два фронта — конфликт с Японией на Халхин-Голе еще продолжался. К тому времени пакты о ненападении с гитлеровской Германией уже имели Великобритания, Франция, Дания, Латвия, Литва и Эстония. Примечательно, что каяться за это никто из них никогда не собирался и не собирается. Нет причин для самобичевания и у нас³⁷. Советско-германский договор о ненападении, давший Советскому Союзу почти два года для подготовки к решающей схватке с нацистской Германией, достоин объективной оценки, а не осуждения и проклятий³⁸.

* * *

Название статьи «Сто дней до войны» не стоит понимать буквально — период, проанализированный в представленном на суд уважаемых читателей сборнике статей, шире. Некоторые из авторов, чьи темы того требовали, обращались к событиям, происходившим задолго до весны 1939 г. Тем не менее главное внимание в книге уделено событиям предвоенных весны и лета. Вторая мировая война в сборнике не исследуется, поскольку она — предмет отдельного разговора.

Статья д. и. н. В. В. Марьиной «Расчленение Чехо-Словакии (март 1939 г.): реакция в мире» стала хорошим мостиком от сборника «Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой» к нашему новому коллективному труду. В. В. Марьина показала, какой была реакция правительств наиболее влиятельных стран мира на исчезновение с политической карты Европы целого государства и на превращение чешских земель в протекторат Богемия — Моравия.

Еще 14 марта, накануне ввода германских войск в Прагу, отмечает автор статьи, словацкий сейм, «поставленный перед альтернативой — оккупация или самостоятельность, единогласно проголосовал за второе, хотя это вовсе не означало, что все депутаты являлись искренними сторонниками принятого решения». Так появилась формально независимая Словакия, руководство которой находилось под бдительным присмотром Берлина. Третья составная часть послемюнхенской Чехо-

Словакии, Подкарпатская Русь, также провозгласила свою независимость. Однако сразу вслед за этим с согласия Гитлера она была оккупирована венгерскими войсками и включена в состав Венгрии.

На захват чешских земель нацистской Германией Москва отреагировала нотой, которая, как отмечает В. В. Марьина, «привлекла к себе внимание мировой общественности четкостью и бескомпромиссностью формулировок». Свой протест выразили также Лондон и Париж. Однако сделано это было для «галочки». Очень скоро они перестали вспоминать о событиях 14–15 марта 1939 г. Более того, англичане и французы сорвали попытку советских дипломатов вынести чехословацкий вопрос на заседание Лиги Наций.

Три статьи в сборнике, авторами которых являются Д. С. Буневич, К. В. Шевченко и А. А. Киселёв, посвящены Польше. И дело не только в том, что с нападения Германии на Польшу началась Вторая мировая война. В контексте разговора об ее предыстории важно подчеркнуть неоспоримый факт — политический курс руководства Польши способствовал агрессивным замыслам Гитлера в Европе.

2019 год отмечен не только 80-летием начала Второй мировой. В январе исполнилось 85 лет «пакту Липского — Нейрата» — важнейшему событию на пути развязывания Второй мировой войны. 26 января 1934 г. министр иностранных дел Третьего рейха Константин фон Нейрат и польский посол Юзеф Липский подписали в Берлине Декларацию о неприменении силы между Польшей и Германией. Д. С. Буневич в статье «Польша весной и летом 1939 года» отмечает, что польско-германский договор, заключенный всего через год после прихода Гитлера к власти, стал «основой сотрудничества Берлина и Варшавы в 1934–1938 гг.». В декларации отсутствовало стандартное для такого рода документов положение о прекращении действия в случае начала вооруженного конфликта одной из договаривающихся сторон с третьей державой, что позволяет трактовать «пакт Липский — Нейрат» как скрытую форму союза³⁹.

Польско-германское сотрудничество было весьма долгим и разносторонним. 27 сентября 1934 г. в Женеве Бек вручил министру иностранных дел Франции Луи Барту памятную записку, в которой была изложена негативная позиция Варшавы в отношении Восточного пакта⁴⁰. А на следующий день начальнику канцелярии Барту по указанию Бека передали ноту следующего содержания: «Польша заявляет о своей воле связать отныне свою судьбу с судьбой Германии и отвергнуть проект Восточного пакта»⁴¹. Польша благосклонно отнеслась к захвату Гитлером Австрии. Кульминацией польско-германского сотрудничества стало участие Варшавы в разделе Чехословакии. Вплоть до 1 сентября 1939 г. Польша была тем шлагбаумом, который препятствовал политике

«коллективной безопасности». В 1938 г. польские власти сделали все, чтобы Красная армия не смогла помочь Чехословакии. В 1939 г. Варшава отвергла предлагавшуюся Кремлем помощь против Германии. Расплачиваться на недалекую и безответственную политику Бека и К° пришлось простым полякам.

Признавая то, что провал переговоров военных миссий Великобритании, Франции и СССР летом 1939 г. в Москве имел много причин, Д. С. Буневич пришел к выводу, что «позиция Польши и ее отказ даже обсуждать вопрос о проходе Красной Армии делал практически невозможным заключение полноценного и равноправного соглашения, направленного на усмирение германской агрессии. А если предположить, что западные державы и не слишком стремились к достижению компромисса с СССР, то польская позиция давала им прекрасную возможность сорвать переговоры чужими руками».

Важную и не утратившую актуальности тему поднял белорусский историк д. и. н. К. В. Шевченко. Как известно, в 1939 г. граница между Польшей и СССР проходила всего в 30 км к западу от Минска, который был тогда приграничным городом. Такие крупные города нынешней Белоруссии и Украины как Барановичи Брест, Пинск, Гродно, Львов, Луцк и Ровно, являлись глухой польской провинцией и имели польский культурно-языковой облик. Главными фигурами здесь были польский чиновник, польский офицер и польский учитель. Практически половина территории нынешней Белоруссии и значительная часть Украины находились до 17 сентября 1939 г. в составе Польши. Белорусское и украинское население этих земель подвергалось жесткой ассимиляционной политике со стороны Варшавы, которая воспринимала восточнославянские национальные меньшинства как «этнографический материал», уделом которого является полонизация.

Менее известно, однако, то, что к 1938–1939 гг. полонизаторский курс официальной Варшавы приобрел характер полномасштабного этноцида. Польские власти, системно и целенаправленно искореняя белорусскую и украинскую культуру, стремились к полной ликвидации белорусов и украинцев как самобытных народов путем их тотальной полонизации. Судя по последовательно проводимой Варшавой политике, таковой являлась ее конечная цель. К. В. Шевченко, опираясь на материалы белорусских архивов и прессу, прослеживает механизм и конкретные технологии денационализации белорусов и украинцев польскими властями, которые широко и весьма креативно использовали для этого культурную, образовательную и церковную политику, а также административный ресурс. При этом, как отмечает автор, к 1939 г. главным «аргументом» Варшавы в отношении собственных нацменьшинств окончательно становятся

откровенные репрессии с опорой на полицию и армию. Закономерным итогом подобной политики стало то, что день 17 сентября 1939 г. стал праздником для белорусского и украинского населения восточных воеводств II Речи Посполитой, с энтузиазмом встречавшего солдат Красной армии как освободителей от польского господства.

В статье минского историка А. А. Киселёва рассматривается то, какое отражение в польской периодической печати нашел внешнеполитический курс санационной⁴² Польши весной-летом 1939 г. Это позволяет ответить на вопрос о том, как в польском общественном мнении воспринимались ключевые международные события кануна войны. В результате оказалось, что основные политические силы, несмотря на оппозиционность к правящему режиму, фактически поддерживали внешнюю политику властей, заинтересованных в сохранении СССР вне европейской системы безопасности. Практически все свои надежды польское общество безоговорочно возлагало на внешнеполитический союз с Великобританией и Францией. При этом настолько же согласованной в общественном мнении была позиция, направленная на категорическое отрицание идеи кого-либо тесного сотрудничества Польши с Советским Союзом по вопросам международной безопасности. Мотивация такого взгляда варьировалась от изображения восточного соседа как колосса на глиняных ногах, не способного на равных участвовать в грядущей войне, до стремящегося к мировой революции орудия мирового коммунизма.

Такая крайне идеологизированная и пренебрежительная оценка СССР прекрасно уживалась с ярко выраженным комплексом национального превосходства перед восточным соседом. В польской прессе спокойно и даже не без злорадства восприняли срыв московских переговоров военных миссий СССР, Великобритании и Франции. В советско-германском договоре о ненападении публицисты увидели лишнее доказательство в пользу польской востребованности англо-французскими союзниками. Почти вся пресса жила иллюзией того, что Польше наконец удалось заменить собой Россию как основного партнера в отношениях с ведущими державами Западной Европы, одновременно переживая свое «признание» на Западе и чувство превосходства перед СССР. Такое отношение исключало возможность каких-либо совместных действий Польши и СССР в деле противодействия агрессии со стороны нацистской Германии.

Неоспоримой заслугой белорусского автора является то, что, скрупулезно занимаясь слабо изученной в России темой, он ввел в научный оборот целый ряд новых источников.

К. И. Софронов и Д. В. Суржик написали статью «Развитие право-консервативных идеологий и режимов в постверсальской Восточной

Европе накануне Второй мировой войны». Исходя из того, что «правоконсервативные политические учения и практики имели глубинную идейную основу, сформировавшуюся из амальгамы теорий XIX столетия, сплавленных с актуальными для пост-Версальского мира проблемами», авторы весьма подробно проанализировали события, которые происходили задолго до 1939 г. и привели к возникновению фашистских и праворадикальных режимов в целом ряде европейских государств. Завершая статью, К. И. Софронов и Д. В. Суржик обращают внимание на то, что сегодняшние «популистские» лозунги в Европе отнюдь не новы: «Они представляют собой актуализированные на современные проблемы послы праворадикалов вековой давности: “наведение порядка”, ликвидация демократических элементов управления страной, клерикализм, опора на “консервативные ценности”. “Словакия для словаков” в разных национальных вариантах. В предыдущий раз такие послы привели к мировой войне».

В. В. Симиндей в статье «Прибалтика-1939: пакты с Гитлером» отмечает то, что после Мюнхенского сговора внешнеполитический курс Эстонии, Латвии и Литвы имел очевидный прогерманский крен. Ярким проявлением этого стали пакты о ненападении, подписанные с нацистской Германией Литвой (22 марта), Латвией (7 июня) и Эстонией (7 июня). Сегодня в Прибалтике часто звучат проклятия по адресу так называемого «пакта Молотова — Риббентропа». Зато о германо-эстонском и германо-латвийском договорах о ненападении там предпочитают помалкивать. Показательно, что в Эстонии и Латвии их не называют «пактом Риббентропа — Сельтера» и «пактом Риббентропа — Мунтерса».

Крайне важно еще и следующее. Несмотря на то, пишет В. В. Симиндей, что «в архивных фондах не найдено каких-либо подписанных сторонами особых приложений военно-политического характера к договорам о ненападении от 7 июня 1939 г., в Федеральном архиве Германии отложился документ, который содержит прямое указание на секретный протокол (“секретную клаузулу”) к этим договорам и раскрывает его положения». 8 июня, то есть спустя день после подписания пактов высокопоставленный сотрудник пропагандистской Службы немецких новостей для зарубежья Георг Дертингер констатировал в информационном отчете № 55: «Эстония и Латвия помимо опубликованного договора о ненападении договорились с нами и еще об одной секретной клаузуле. Последняя обязывает оба государства принять, с согласия Германии и при консультациях с германской стороной, все необходимые меры военной безопасности по отношению к Советской России. Оба государства признают, что опасность нападения для них существует только со стороны Советской России и что здравомыслящая реализация

их политики нейтралитета требует развертывания всех оборонительных сил против этой опасности. Германия будет оказывать им помощь в той мере, насколько они сами не в состоянии это сделать».

Для Москвы прогерманская политика Литвы, Латвии и Эстонии секретом не являлась. В сложившейся ситуации Сталину ничего не оставалось, как думать об ответных мерах.

Один из лучших российских специалистов по Финляндии и истории взаимоотношений наших стран в XX веке профессор Санкт-Петербургского государственного университета, д. и. н. В. Н. Барышников написал статью «Политический кризис 1939 г. и Финляндия». В обстановке быстро нараставшей угрозы начала новой мировой войны жизненно важным вопросом для советского руководства оставалась проблема Ленинграда. Расстояние от границы города до границы государства едва превышало 30 км. Серьезную обеспокоенность у Сталина и других руководителей Советского Союза вызывала уязвимость морских коммуникаций на Балтийском море. Это объясняет, почему с весны 1939 г. в ходе дипломатических контактов с представителями Великобритании и Франции советское руководство так настойчиво продвигало идею предоставления гарантий Финляндии, Эстонии и Латвии. Однако добиться желаемого Кремлю не удалось, так как Лондон и Париж всячески уклонялись от заключения такой договоренности с Москвой. Против гарантий выступало и руководство Финляндии, которое, говоря о нейтралитете своей страны, на деле все больше ориентировалось на развитие отношений с гитлеровской Германией.

В. Н. Барышников пишет, что когда известие о том, что 23 августа 1939 г. Германия и Советский Союз подписали договор о ненападении, достигло Суоми, оно потрясло руководителей этой северной страны. Они были возмущены решением Берлина, который «продал» Финляндию Москве. Как поясняет В. Н. Барышников, «глубокая обида в Хельсинки на Германию являлась следствием того, что она рассматривалась финским руководством в качестве надежной опоры и тем самым Финляндия, как выразился финский историк Макс Якобсон, “обманула сама себя”».

Профессор Кубанского государственного университета (г. Краснодар), д. и. н. А. Г. Иванов — крупный специалист по внешней политике Великобритании. В своей статье он использовал большой массив документов, выявленных в Государственном архиве Великобритании. Рассматривая последствия Мюнхенского сговора, автор подчеркивает, что «Мюнхенское соглашение нанесло сильный удар и по франко-советским отношениям, сведя на нет пакт о взаимопомощи между Францией и СССР 1935 г. После Мюнхена правительство Эдуарда Даладье рассчитывало вообще избавиться от пакта».

Вскоре после ликвидации Чехо-Словакии Лондон, а за ним и Париж предоставили гарантии Польше, которые, отмечает А. Г. Иванов, «не имели реального содержания. Они предназначались для успокоения общественности и были призваны служить средством сдерживания Германии. Но последнее было более чем проблематичным...». Анализируя предысторию и ход военных переговоров Великобритании, Франции и Советского Союза, историк замечает: «Правительства западных держав согласились отправить свои миссии в Москву (они предпочитали ей Лондон или Париж) под давлением той неопределенной ситуации, которая сложилась летом 1939 г. Важно было не допустить нормализации советско-германских отношений, и это соображение перевешивало антипатию руководителей Англии и Франции к России и русским». А. Г. Иванов указал: еще 26 июля на заседании правительства Великобритании отмечалось, что «на военных переговорах с советским правительством возникнут трудности из-за отсутствия политического соглашения». В сложившейся ситуации, утверждает автор, «московские переговоры были бесперспективными с самого начала».

Д. и. н. М. И. Мельтюхов в статье «Англо-франко-польская коалиция против Германии в 1939 г.» сравнил военные потенциалы Великобритании, Франции, Польши и Германии, а также их военные планы. Сделанные им подсчеты показывают, что соотношение сил было явно не в пользу Германии. Несмотря на это, сразу после того, как 11 апреля Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.», пишет М. И. Мельтюхов, в Германии началось «конкретное оперативное планирование войны с Польшей». Об этом факте очень не любят вспоминать фальсификаторы истории, которые видят причину Второй мировой войны в советско-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г.

Германские генералы, принимавшие участие в Перовой мировой войне 1914—1918 гг., больше всего опасались войны на два фронта. В 1939 г. вести войну на два фронта гитлеровский Третий рейх был не способен. «Обладая на Западном фронте подавляющим превосходством над Германией, — отмечает М. И. Мельтюхов, — союзники имели в начале сентября 1939 г. полную возможность начать решительное наступление, которое, скорее всего, стало бы роковым для Германии. Участники событий с немецкой стороны единодушно утверждали, что это означало бы прекращение войны и поражение Германии». Как известно, уникальный шанс совместно с Польшей зажать Германию в тиски войны на два фронта и нанести ей решающее поражение Лондон и Париж не использовали. Свою статью автор завершает таким выводом: «Можно по-разному объяснять позицию Англии и Франции, но никуда

не уйти от того факта, что союзники бросили Польшу на произвол судьбы. Причем, как теперь известно, эта позиция Лондона и Парижа не была какой-то импровизацией, возникшей под влиянием событий. Нет, это была заранее сформулированная и неуклонно проводимая в жизнь стратегическая линия англо-французских союзников, определявшаяся политикой “умиротворения” Германии».

Одну из ключевых статей, вошедших в сборник, написал известный канадский историк Майкл Джабара Карлей. На широком круге источников он проанализировал дипломатические контакты между Советским Союзом, Великобританией и Францией, а также трехсторонние переговоры в Москве, целью которых было создание союза против нацистской Германии. Опираясь на многочисленные документы, автор показал, сколь циничным был политический курс Чемберлена, явно не торопившегося заключить альянс с Москвой. Хотя опросы общественного мнения, проводившие в 1939 г. на берегах туманного Альбиона, показывали широкое одобрение союза Великобритании с СССР. К примеру, в апреле 1939 г. один из опросов выявил, что 87 % респондентов выступают за англо-франко-советский союз и только 7 % — против.

В статье известного западного историка показана конструктивная позиция СССР на московских переговорах и проанализирована реакция правительств Великобритании и Франции на предложения Кремля. Карлей цитирует документы, раскрывающие скрытые от широкой общественности мотивы, лежащие в основе позиции англичан. 29 апреля 1939 г. Чемберлен в письме сестре Хильде констатировал: «Главная наша головная боль — Россия. Признаюсь, меня терзают большие подозрения на ее счет. Я не могу поверить, что она преследует те же цели и интересы, что и мы...» По его словам, «все усилия России направлены на столкновение между собой других, тогда как сама она только обещает туманную помощь». Комментируя слова британского премьера, Карлей справедливо замечает: «“Только обещает туманную помощь”? Но ведь именно Советский Союз настаивал на военном альянсе с четкими взаимными обязательствами, а как раз Чемберлен и Галифакс этому противились».

Во второй части статьи рассматривается попытка британских властей сделать виновником провала трехсторонних переговоров Советский Союз. «Начало войны настолько потрясло Европу, что правительство Великобритании было вынуждено объясниться и не нашло ничего лучше, чем возложить вину на Советский Союз», — констатировал Карлей.

Крупный отечественный специалист по истории российско-японских отношений, профессор Института стран Востока, приглашенный профессор Осацкого университета экономики и права, д. и. н. А. А. Кошкин написал статью «“На границе тучи ходят хмуро...”. СССР и Япония

накануне Второй мировой войны». На протяжении всех 1930-х гг. отношения между Москвой и Токио оставались напряженными. Советский Союз помогал китайцам в их борьбе с японскими агрессорами. Главная задача Токио, утверждает А. А. Кошкин, «состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить».

Захватнические планы у японцев были и в отношении территории СССР. Это и не удивительно — еще свежи были в памяти события периода Гражданской войны в России. Тогда, воспользовавшись ситуацией, на протяжении нескольких лет японцы грабили российский Дальний Восток. В 1938-м японские военные развязали вооруженный конфликт на озере Хасан. Его результат обескуражил самураев, но, увы, не успокоил их.

Выступая в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), Сталин перечислил территории, захваченные германскими, итальянскими и японскими агрессорами. Останавливаться на достигнутом в Берлине, Риме и Токио явно не собирались. Уже в марте Германия захватила Клайпеду, а в начале апреля Италия — Албанию. В мае японцы спровоцировали конфликт на реке Халхин-Гол. А. А. Кошкин подчеркивает, что они рассчитывали на то, что «в обстановке угрозы германского нападения СССР не сможет использовать крупные силы в восточных районах страны и в случае вооруженного столкновения с Японией будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки».

Затягивание боев на Халхин-Голе против относительно слабой в военно-техническом отношении японской армии, пишет А. А. Кошкин, «могло породить сомнение в способности СССР вести большую войну с значительно превосходившей японскую армию Германией. В Кремле было принято решение, не допуская перерастания халхингольских событий в войну, преподать японцам чувствительный урок». Выводы, извлеченные японскими военными из поражения на Халхин-Голе, повлияли на решение Токио не начинать в 1941 г. войну против СССР.

Полковник в отставке Службы внешней разведки РФ, к. и. н. М. Ю. Богданов представил статью «Предвоенный политический кризис 1939 г. глазами “Кембриджской пятерки”», в которой весьма подробно рассказал о работе в предвоенные годы прославленных разведчиков — Кима Филби, Дональда Маклина, Гая Берджесса, Энтони Бланта и Джона Кернкросса. Их вклад в победу над нацистской Германией и ее сателлитами поистине огромен. О многом говорит хотя бы тот факт, что информация и документы, поступавшие от «Кембриджской пятерки», руководитель советской внешней разведки Павел Фитин постоянно переправлял Сталину, председателю СНК СССР и наркому иностранных

дел СССР Вячеславу Молотову, наркому внутренних дел СССР Лаврентию Берия⁴³. Не удивительно, что читательский интерес к «Кембриджской пятерке» сохраняется на протяжении многих десятилетий.

Интересная и поучительная статья М. Ю. Богданова, который был лично знаком с Кимом Филби, содержит много ценной информации. В частности, рассказывая о Берджессе, автор особо отмечает то, что советский разведчик стал «доверенным лицом и даже курьером британской разведки в вопросе обмена секретными посланиями между английским премьером Чемберленом и французским премьером Эдуардом Даладье. В своих письмах руководители двух стран обговаривали планы умиротворения германских нацистов за счет сдачи им Чехословакии, что имело целью открыть путь к агрессии Гитлера на Восток».

Накануне Второй мировой войны и после ее начала, пишет М. Ю. Богданов, Берджесс «продолжал направлять в Москву поток полезной развединформации. Его сообщения имели широкий диапазон: от подробностей разработанного в недрах МИ-6 плана убийства Гитлера до попыток организации через лейбористскую партию забастовки шведских шахтеров с целью лишить Германию поставок угля».

Примечательно, что в августе 1939 г. Берджесс сообщил своему куратору из НКВД о том, что, по имеющейся у него информации, в «правительственных департаментах... никогда не думали заключить серьезный военный пакт» с Советским Союзом. Автор делает вывод: «Такая информация, поступающая в Кремль изнутри английской разведки от достойного доверия агента, могла лишь усилить уверенность Иосифа Сталина в том, что британское и французское правительства не имеют серьезной заинтересованности в соглашении. Вполне логично предположить в этой связи, что данный фактор во многом способствовал принятию советским руководством решения о заключении советско-германского договора о ненападении».

В статье «Советский Союз, Германия и политический кризис 1939 г.» М. И. Мельтюхов обстоятельно рассказал о советско-германских отношениях 1939 г. в контексте международного политического кризиса. Он не только подробно прописал хронику событий, но и дал оценку многим из них. М. И. Мельтюхов показал, какие попытки с конца 1938 г. предпринимал Берлин с целью нормализации отношений с Советским Союзом. 19 декабря без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. А уже 22 декабря Берлин предложил Москве возобновить переговоры о 200-миллионном кредите, намекнув на необходимость общей нормализации отношений.

В отличие от англичан и французов, которые вели с Москвой переговоры с целью удержать ее от контактов с Берлином, Германия на деле

продemonстрировала готовность обсуждать широкий круг вопросов с целью достичь реальных договоренностей. Целью немецких приглашений к переговорам было в первую очередь не допустить заключения трехстороннего соглашения между Великобританией, Францией и СССР, а во вторую очередь — обеспечить нейтралитет Москвы во время войны Германии с Польшей⁴⁴.

19 августа 1939 г. Германия и Советский Союз заключили важное для Москвы Кредитное соглашение (документ публикуется в Приложении). Говоря о подписанном четыре дня спустя советско-германском договоре о ненападении, М. И. Мельтюхов пришел к выводу, что он «стал большим успехом советской дипломатии. Используя склонность Германии к соглашению, советское руководство сумело добиться серьезных уступок со стороны Берлина, что также способствовало нормализации советско-японских отношений. Советскому Союзу удалось на определенное время остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах». Вместе с тем, подчеркивает автор статьи, советско-германский договор о ненападении не был детонатором войны в Европе, так как «вместо честного выполнения своих союзнических обязательств перед Варшавой Лондон и Париж продолжали добиваться соглашения с Германией, что фактически подтолкнуло ее к войне с Польшей».

Не менее интересна и третья статья М. И. Мельтюхова «Советско-германские документы августа 1939 г.: проблема источников». В ней, ссылаясь на доступные сегодня дипломатические документы Германии и СССР, известный российский историк пришел к однозначному выводу, что «никакой советско-германской договоренности относительно совместного нападения на Польшу не существовало». Только после того, как 3 сентября Великобритания и Франция объявили Германии войну, руководство Третьего рейха «стало предлагать СССР ввести войска в Западную Белоруссию и Западную Украину, входивших в то время в состав Польши. Учитывая разгром польской армии и оккупацию значительной части Польши вермахтом, ситуацию “Странной войны” в Западной Европе и просьбы Берлина, советское руководство стало склоняться к вводу войск в Западную Белоруссию и Западную Украину». В статье дан скрупулезный анализ советско-германских документов августа 1939 г., а также сформулированы нерешенные проблемы.

В начале своей статьи «Предвоенный мир глазами Кремля» д. и. н. А. В. Шубин обращает внимание читателей на то, что к 1939 г. «почти

весь Старый Свет был поделен несколькими колониальными державами. СССР был крупнейшей страной, которая оказалась вне этого раздела. Советский Союз воспринимался западными лидерами как аномалия, а некоторыми — и как возможный ресурс, который наконец позволит насытиться экспансивному Гитлеру. СССР находился в условиях внешнеполитической изоляции, вызванной Мюнхенским сговором и агонией Испанской республики».

Однако после событий марта 1939 г. Лондон и Париж оказались в весьма сложной ситуации. Воевать с Германией они по-прежнему не собирались, но агрессивный внешнеполитический курс Гитлера вызывал у англичан и французов растущие опасения. В этих условиях их взор обратился к Советскому Союзу, который Лондон и Париж рассчитывали использовать в своих целях, ничего не дав взамен. Интерес к Москве проявил и Берлин. Пользуясь сложившейся ситуацией, СССР стал быстро наращивать свой политический вес в мире. А. В. Шубин подчеркивает: «Сила советской позиции заключалась в том, что Кремлю некуда было торопиться. Два империалистических блока шли к столкновению и до его начала стремились выяснить позицию СССР».

Автор завершает статью важным выводом: «Оценивая ситуацию, в которой был заключен советско-германский договор о ненападении, нужно учитывать широкий спектр альтернатив, которые должны были браться в расчет в Кремле. Уже после пакта могло состояться германо-польское соглашение под давлением Великобритании и Франции и новый Мюнхен — уже с участием СССР. После нападения Германии на Польшу могло начаться эффективное наступление на Западном фронте в момент нападения немцев на Польшу, которое оттянуло бы силы Гитлера на запад и спасло бы поляков от быстрого разгрома. Каждый из этих вариантов был выгоднее СССР, чем ситуация июля и тем более марта 1939 года, и она совершенно не исключалась пактом».

В Приложении публикуются документы, предоставленные Историко-документальным департаментом Министерства иностранных дел Российской Федерации. Их визуальные образы позволяют широкой публике увидеть, как выглядят различные дипломатические документы. Отметим и то, что ранее были доступны только немецкие фотокопии советско-германских документов августа 1939 г. Теперь у читателей появилась возможность сравнить российские и немецкие визуальные образы важнейших советско-германских документов 1939 г.

Благодарим за предоставленные документы и помощь в реализации проекта ИДД МИД России и лично директора Надежду Михайловну Баринову.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М., 2018. — 272 с.: ил.

² Там же. С. 264; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т. 2. М., 1981. С. 241. Молдавский историк и политолог С. М. Назария справедливо заметил: «По существу этот документ оценивался как пакт о ненападении между Германией и Англией» (*Назария С. М. Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология. Кишинев, 2012. С. 135*).

³ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 337.

⁴ *Ильмарс М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х гг. до аннексии в 1940 г.). М., 2012. С. 334.

⁵ В состав Малой Антанты, сложившейся в 1920–1921 гг., входили Чехословакия, Румыния и Югославия.

⁶ Цит. по: *Молодяков В. Э.* Риббентроп: Дипломат от фюрера. М., 2019. С. 206.

⁷ Цит. по: Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой... С. 84.

⁸ *Иванов А. Г.* Дипломатическая борьба в Европе в канун Второй мировой войны. Краснодар, 2018. С. 147.

⁹ См. подробнее: *Капитонова Н. К.* Невилл Чемберлен и политика «умиротворения» // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 198; «Мы» и «они»: Великая Отечественная война в оценках англо-американской общественности и современной историографии: монография. Самара, 2015. С. 23–26.

¹⁰ 25 сентября 1938 г. посланник ЧСР в Великобритании Ян Масарик направил ноту Чемберлену. В ней говорилось: «Мы приняли этот план под чрезвычайно сильным давлением. У нас не было времени даже на то, чтобы сделать какие-либо представления относительно его неприемлемых условий. Тем не менее мы приняли его, так как нам дали понять, что это предел предъявляемых нам требований и поскольку англо-французский нажим означал, что эти державы возьмут на себя ответственность за наши сократившиеся границы и будут гарантировать нам помощь в случае вероломного нападения на нас». Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 291.

¹¹ Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. В 2 ч. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. М., 1990. С. 115; *Марьина В. В.* СССР — Словакия 1939–1945 гг.: военно-политические аспекты. М., 2017. С. 51.

¹² Город на северо-востоке Франции. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. у Седана 1–2 сентября 1870 г. была окружена и капитулировала французская Шалонская армия. В плен попал и император Наполеон III.

¹³ Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 391.

¹⁴ *Обичкина Е. О.* Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 105.

¹⁵ *Марьина В. В.* Указ. соч. С. 60.

¹⁶ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... С. 48.

¹⁷ *Ржевский О. А.* Москва, Спиридоновка, 17 // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 73.

¹⁸ Год кризиса... Т. 1. С. 386–387; Документы и материалы кануна Второй мировой войны... С. 72; *Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну?* М., 2009. С. 376.

¹⁹ По утверждению переводчика советских руководителей, Стрэнг был известен «своим патологическим антикоммунизмом». *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 14.

²⁰ Цит по: *Никонов В. А.* Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн. 2. М., 2016. С. 15. Н. К. Капитонова утверждает, что Чемберлен «ввел в практику заблаговременно направлять диктаторам — Муссолини и Гитлеру — тексты важных своих речей, чтобы выступать согласованно и в одном ключе». *Капитонова Н. К.* Невилл Чемберлен и политика «умиротворения» // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 198.

²¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1–2. М., 1957–1958; *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1982; *Быстрова И. В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М., 2011; *Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982; *Калинин А. А.* Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9; *Назаров О.* Большая тройка и польский вопрос // URL: <https://ria.ru/20150205/1046060409.html>; обращение 26.02.2019; *Назаров О.* Долгая дорога в Тегеран // Историк. 2018. № 11; *Никонов В. А.* Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. М., 2016; *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Черчилль: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006; *Ржевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004; *Трухановский В. Г.* Черчилль. М., 2003; *Уткин А. И.* Рузвельт. М., 2000; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000 и др.

²² Цит. по: *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. С. 265.

²³ Там же. С. 271.

²⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... С. 307, 308.

²⁵ *Иванов А. Г.* Указ. соч. С. 245.

²⁶ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... С. 316. Оценивая роль Бека, министр иностранных дел Румынии Григоре Гафенку констатировал: «Бек сделал все, чтобы вызвать всеобщее раздражение, и его дипломатические действия умышленно имели негативное значение. Жесткость, резкость и более всего гордость привели к тому, что он с преступным упрямством подыгрывал Германии». Цит. по: *Молодяков В. Э.* Указ. соч. С. 242.

²⁷ Цит. по: *Шубин А. В.* На пути к пакту 1939 года: сложности и противоречия // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?... С. 145.

²⁸ См.: *Григорьянц Т. Ю.* Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939–1944). М., 1979.

²⁹ *Карский Я.* Я свидетельствую перед миром. История подпольного государства. М., 2012. С. 64, 68–69. См. также: *Назаров О.* Крах Польши глазами Яна Карского // URL: <https://ria.ru/20170926/1505614453.html>; обращение 11.03.2019.

³⁰ Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. С. 242; Прудникова Е., Чигирин И. Катынь. Ложь, ставшая правдой. М., 2011. С. 334.

³¹ Год кризиса... Док. 598.

³² Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1990. С. 274.

³³ Год кризиса... Док. 591.

³⁴ Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 275–276.

³⁵ Дурачински Э. Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 160.

³⁶ То, что 23 августа речь о разделе Польши не шла, во время своего второго визита в Москву подтвердил Риббентроп. Вечером 27 сентября 1939 г. в беседе со Сталиным и Молотовым он произнес: «Во время московских переговоров 23 августа 1939 года остался открытым план создания независимой Польши. С тех пор, кажется, и Советскому правительству стала ближе идея четкого раздела Польши» (Цит. по: Молодяков В. Э. Указ. соч. С. 255). Остается напомнить, что в сентябре 1939 г. Польское государство развалилось и прекратило свое существование.

³⁷ В. А. Никонов абсолютно прав, отмечая: «Международное право к тому моменту превратилось в эвфемизм. Но, строго говоря, секретный протокол не являлся юридическим основанием для каких-либо действий, включая перекройку границ, хотя по факту предрешил судьбу ряда третьих стран. Это было максимально расплывчатое соглашение, которое оставляло простор для самых широких интерпретаций, включая и само понятие “сфера интересов”. Для Сталина и Молотова 23 августа линия разграничения интересов означала не новую границу СССР, а в первую очередь ту черту, которую не должен был переступать сапог немецкого солдата в ближайшие дни. Советский Союз вовсе не стал союзником Германии, он вырвал передышку». Никонов В. А. Указ. соч. С. 29–30. См. также: Шишкин И. Почему они так ненавидят Пакт Молотова — Риббентропа? // http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/pochemu_oni_tak_nenavidit_pakt_molotova-ribbentropa_580.htm; обращение 10.04.2019.

³⁸ Что же касается секретного дополнительного протокола, то еще 30 лет назад немецкий историк И. Фляйшхауэр писала: «Крайняя неясность текстов и неопределенность применяемых понятий, особенно основополагающих понятий, содержащихся в секретном дополнительном протоколе, оставляют открытым множество возможностей истолкования. Это касается в первую очередь цели территориального разграничения путем определения демаркационной линии и объема понятия “сфера интересов”» (Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 358). В свою очередь, к. и. н. Ю. А. Никифоров остроумно заметил, что «продолжать обмусоливать тему “ужасного секретного протокола” могут сегодня только те, кто до сих пор так и не удосужился его прочитать» (Никифоров Ю. Что, братцы, опять к юбилею готовимся? // URL: http://zavtra.ru/blogs/chto_brattci_opyat_k_yubileyu_gotovimsya; обращение 16.03.2019).

³⁹ Польский историк М. Корнат утверждает, что «Пилсудский и Бек считали соглашение с Германией величайшим достижением польской дипломатии», см.: Корнат М. Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 351.

⁴⁰ Идею «Восточного пакта» («Восточное Локарно») в начале 1934 г. выдвинул министр иностранных дел Франции Луи Барту. Речь шла о проекте договора о взаимопомощи между Чехословакией, Польшей, Латвией, Эстонией, Литвой и Финляндией. Идею поддержала и Москва. В результате имевших место в мае 1934 г. франко-советских переговоров договорились о том, что Франция присоединится к «Восточному пакту» в качестве его гаранта, а СССР в таком же качестве присоединится к Локарнскому пакту. Приглашение присоединиться к проекту направили Германии и другим заинтересованным государствам. 12 июля правительство Великобритании довело до сведения министров иностранных дел Италии, Германии и Польши, что поддерживает проект. Летом его одобрили Чехословакия, Латвия, Эстония и Литва. Однако 11 сентября Берлин и 27 сентября Варшава отказались участвовать в «Восточном пакте». 9 октября 1934 г. в Марселе Барту и король Югославии Александр Карагеоргиевич были убиты, а проект «Восточного пакта» не был осуществлен.

⁴¹ Цит по: *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения 1933–1939 гг. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004. С. 165.

⁴² В мае 1926 г. Юзеф Пилсудский совершил в Польше государственный переворот и установил правоконсервативный и националистический режим санации (*sanacja* от *лат.* *sanatio* — «оздоровление»).

⁴³ *Долгополов Н. М.* «Гомер» раскрыл секреты бомбы (Дональд Маклейн) // Легендарные разведчики — 2. М., 2018. С. 226.

⁴⁴ См. также: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 338.

РАСЧЛЕНЕНИЕ ЧЕХО-СЛОВАКИИ (март 1939 г.): РЕАКЦИЯ В МИРЕ

Валентина Марьина

Мюнхенское соглашение не положило конец намерениям Адольфа Гитлера ликвидировать ненавистное ему Чехословацкое государство, которое после предоставления автономии Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине) в октябре-ноябре 1938 г. стало именоваться Чехо-Словацкая республика (Ч-СР) — Чехо-Словакия. В мире, правда, это не было принято во внимание, и государство по-прежнему именовалось Чехословакией.

В середине марта 1939 г. в ней сложилась благоприятная с точки зрения Гитлера ситуация, которая давала возможность реализовать его дальнейшие захватнические планы: правительство автономной Словакии во главе с монсеньором Йозефом Тисо, входившее во все большую конфронтацию с пражским центром, было отправлено им в отставку, а в Словакии объявлено чрезвычайное положение. В Праге и Братиславе пытались найти решение, приемлемое для обеих сторон. Возникший конфликт, в значительной степени спланированный Берлином, оказался на руку фюреру. Он немедленно отправил в Словакию своего эmissара для переговоров о провозглашении Словакии самостоятельным государством. Но попытка не удалась¹. Тогда 13 марта Гитлер пригласил в Берлин словацкого экс-премьера Тисо, которого, как предполагал фюрер, проще было склонить к реализации идеи разрыва Братиславы с Прагой. Тисо был поставлен перед выбором: либо оккупация Словакии готовыми к этому венгерскими войсками, чему Гитлер не будет препятствовать, либо создание при поддержке и под эгидой Германии самостоятельного Словацкого государства. Ответить на ультиматум предлагалось в считанные часы.

Тисо предпочел, естественно, второй вариант, но для его осуществления требовалось формальное согласие словацкого сейма, чтобы акция выглядела законной в глазах мировой общественности. Собравшийся 14 марта сейм, поставленный перед альтернативой — оккупация или самостоятельность, единогласно проголосовал за второе, хотя это вовсе не означало, что все депутаты являлись искренними сторонниками принятого решения. В сложившейся ситуации оно скорее являлось вынужденным: большинство сейма тогда стояло на платформе автономизма, а не последовательного сепаратизма. Таким образом, 14 марта было объявлено о создании самостоятельного, но фактически зависимого от Третьего рейха, Словацкого государства, которое позднее, по конституции, принятой летом 1939 г., получило наименование Словацкая республика².

Нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов уже 15 марта в беседе с польским послом в СССР Вацлавом Гжибовским заявил, что «никакой независимости Словакия иметь не будет и что хозяйничать там будут исключительно немцы». Далее он добавил: «Мы твердо стоим на позиции самоопределения народов, но... с этим принципом не имеет ничего общего провозглашение независимости Словакии при известных нам обстоятельствах. Мы всегда были также за добровольное объединение малых народов, в особенности таких родственных по языку, культуре и истории, как чешский и словацкий... Отпадение Словакии мы рассматриваем как полное уничтожение ее независимости и превращение ее в марионеточное государство типа Маньчжоу-Го... и мы, подобно Польше, не можем, конечно, радоваться усилению мощи Германии»³.

Посол Франции в Германии Роберт Кулондр в сообщении в Париж от 16 марта тоже считал, что с независимостью Словакии, обратившейся к фюреру с просьбой взять новоиспеченное государство под защиту рейха, покончено сразу же после провозглашения его независимости, и что «существовать самостоятельно она (Словакия. — В. М.) не может»⁴.

Случившееся застигло пражские власти врасплох. А в это время 200-тысячная немецкая армия уже стояла в боевой готовности на границах чешских земель, ожидая приказа о начале вторжения в них. 14 марта президент Ч-СР Эмиль Хаха и министр иностранных дел Франтишек Хвалковский были приглашены на беседу с Гитлером. Они прибыли в Берлин ночью, когда некоторые части вермахта уже начали переходить чехословацкие границы. Фюрер предъявил Хахе жесткий ультиматум: дать немедленное согласие на оккупацию оставшейся части страны Германией, на создание протектората Богемия и Моравия и его включение в состав Третьего рейха; в противном случае — слом возможного

чешского вооруженного сопротивления значительно превосходившей по силе немецкой армией, напрасное массовое кровопролитие, бомбежки и уничтожение Праги. Сломленный и униженный, пребывавший в глубокой депрессии Гаха подписал ультиматум, согласно которому «преисполненное доверия» к фюреру чешское правительство вручало судьбу Богемии и Моравии в его руки. Одновременно Гаха позвонил в Прагу и отдал приказ по армии не оказывать сопротивления германским оккупационным войскам.

15 марта в 9 часов утра их первые моторизованные подразделения вступили в Прагу⁵. В 19.15 того же дня Гитлер в колонне автомобилей и бронетранспортеров прибыл в столицу Чехо-Словакии. Несколько позже, в 19.30 специальным поездом из Берлина приехал и Гаха. Его ожидал на вокзале немецкий комендант оккупированного города генерал-майор барон Эккарт фон Габленц с почетным караулом вермахта. Охрану Града (Пражского кремля) уже несли эсэсовцы. 16 марта Гитлер принял Гаху. Аудиенция длилась примерно полчаса. Предварительно ему было вручено решение фюрера об образовании протектората на оккупированных чешских землях. Этим односторонним актом правительство Чехо-Словакии становилось правительством протектората⁶.

Шестидесятилетний Гаха, по профессии юрист, вынужденный под угрозой применения силы уступить, выбрал, как он тогда считал, из двух зол меньшее, полагая, что чешское правительство и чешские власти станут играть роль некоего «буфера» между оккупантами и чешским народом и смогут таким образом ослабить многие негативные последствия оккупации и нацистской политики. Хотя большинство чешского народа было настроено антифашистски и внутренне не приняло оккупацию, значительная часть общества поняла и признала вынужденность поступка Гахи, во всяком случае, резко не осуждала его.

В то же время часть чехов заняла остро критические позиции, расценив деятельность президента как коллаборационизм. Каковы бы ни были субъективные намерения Гахи и его окружения, но выполнение гитлеровского ультиматума оскорбляло национально-патриотические чувства чехов, на первых порах рождало пессимизм и подрывало веру в возможность действенного сопротивления оккупантам. Корреспондент ТАСС Д. Д. Монин, находившийся 15 марта в Праге, так описывал встречу немецких оккупантов ее жителями: «Все население Праги было 15 марта на улицах, но встречало германские войска злобно, с антифашистскими лозунгами, поднятыми вверх кулаками, часто — возгласами “Рот фронт”. Весь город был украшен чешскими национальными флагами, а не германскими фашистскими. В Праге 15 марта было расстреляно на месте 6 человек, открыто выразивших свое возмущение оккупа-

цией». Случаи открытого возмущения, по сообщению корреспондента, имели место также в городах Моравска Острава, Кладно, Брно⁷.

Но налицо было и другое: безропотное подчинение оккупантам, чему удивлялся даже начальник Верховного командования вермахта Вильгельм Кейтель: «Мы входили в город и видели всех солдат запертыми в казармы и разоруженными. Начальники стояли у входа, передавали нам ключи, козыряли, говоря “zum Befehl”. Для нас, военных, это зрелище было непостижимо»⁸.

По некоторым данным, в результате оккупации чешских земель Германия захватила 1582 самолета, 501 зенитное орудие, 2175 пушек, 785 минометов, 43976 пулеметов, 469 танков, свыше 1 млн винтовок, 114 тысяч пистолетов, 1 млрд патронов, 3 млн снарядов и другие виды военной техники и снаряжения, достаточные для вооружения 40 немецких дивизий⁹.

Третья составная часть послеюнхенской Чехо-Словакии, Подкарпатская Русь, тоже провозгласившая 15 марта свою независимость, сразу вслед за этим с согласия Гитлера была оккупирована венгерскими войсками и включена в состав Венгрии¹⁰.

Так с политической карты Европы исчезло просуществовавшее два десятилетия Чехословацкое государство. Мир был шокирован наглостью и очередным вероломством гитлеровской Германии, не в первый раз показавшей, что международные соглашения для нее являются не более чем пустой бумажкой. «Германия продолжает оставаться страной, где любой документ — “клочок бумаги”»¹¹, — писал Р. Кулондр в МИД Франции 16 марта.

Мировая общественность получила убедительное доказательство того, что попустительство агрессору ведет не к миру в Европе, а к развязыванию новой войны. Реакция СССР, Англии, Франции, США на уничтожение Чехо-Словакии по сути была однозначно негативной, осуждающей агрессию Германии, но по форме — разной. СССР фактически уже 15 марта, т. е. в день оккупации чешских земель и вступления немецких войск в Прагу, выступил с осуждением ликвидации Чехословацкого государства. В газете «Правда» за подписью «Обозреватель» появилась статья «Новый акт агрессии в Центральной Европе», написанная, очевидно, на основе ночных сообщений телеграфных агентств о начале оккупации чешских земель. В ней подчеркивалось: «Цель этого очередного агрессивного акта — окончательно ликвидировать чехословацкое государство, раздробить его, превратить в придаток “Третьей империи”... Новый акт агрессии германского фашизма сразу опрокинул послеюнхенское “равновесие” в Центральной и Юго-Восточной Европе, которым так восхищались лондонские и парижские “миро-

творцы”... Новый акт агрессии делает и без того напряженное положение в Центральной Европе еще менее устойчивым, еще более чреватым новыми конфликтами и столкновениями»¹².

16 марта немецкий посол Фридрих Вильгельм фон дер Шуленбург вручил председателю советского правительства Вячеславу Молотову ноту, в которой до сведения кремлевского руководства доводилось «соглашение», подписанное в ночь на 15 марта в Берлине, говорилось о вступлении немецких войск на территорию чешских земель и установлении над ними германского протектората. В новой немецкой ноте от 17 марта содержался указ фюрера о статусе этой территории. Во вступительной части указа о Чехословакии говорилось как об искусственном государственном образовании, являвшемся очагом постоянного беспокойства, как о государстве, которое «доказало свою внутреннюю нежизнеспособность»¹³ и «подверглось фактическому распаду». Поэтому, дескать, «германская империя решила вмешаться категорическим образом в целях восстановления основ разумного порядка в Центральной Европе»¹⁴. Согласно сообщению советского генконсула в Праге Владимира Яковлева в НКВД Протекторат Богемия и Моравия занимал площадь 49 362 кв. км и имел 6,8 млн населения¹⁵.

Ознакомившись с обеими германскими нотами, советское правительство 18 марта подготовило ответную ноту, подписанную Литвиновым. 19 марта она была вручена им Шуленбургу. В ней говорилось, что характеристики, данные Чехословацкому государству во вступительной части германского указа, «не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всеми миру фактам» и что на самом деле ЧСР была одним из немногих европейских государств, где «были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика». Подчеркивалось, что Гаха не имел никаких полномочий от своего народа подписывать берлинский акт 15 марта и действовал в явном противоречии с чехословацкой конституцией, вследствие чего этот акт «не может считаться имеющим законную силу». «При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, — говорилось в ноте, — оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Это целиком относилось и «к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа». Подчеркивалось также, что «действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь (Закарпатскую Украину. — В. М.) и к нарушению элементарных прав ее населения». «Ввиду изложенного, — гово-

рилось в ноте, — Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов». По мнению Москвы, «действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов»¹⁶.

20 марта газеты «Правда» и «Известия» поместили пространные комментарии к советской ноте, в которых еще раз подчеркивалось, что «берлинский акт», который «не может считаться имеющим законную силу», «свидетельствует о дальнейшем развертывании Второй мировой войны», ведущейся агрессорами против «интересов так называемых демократических государств»¹⁷.

Советская нота привлекла к себе внимание мировой общественности четкостью и бескомпромиссностью формулировок. Так, чехословацкий полпред в Москве Зденек Фирлингер информировал Литвинова 23 марта: «...Сообщение точки зрения Вашего правительства к происшедшим в Чехословакии событиям найдет самое существенное и восторженное согласие чехословацкого народа»¹⁸. Советский посол в Лондоне Иван Майский сообщал в НКВД, что нота произвела впечатление и в Англии¹⁹.

Великобритания и Франция 18 марта также направили Германии ноты протеста, в которых они отказывались признать законность ее действий против Чехословакии. По своему содержанию они отличались от советской ноты тем, что в них осуждалась не сама агрессия против суверенного государства, а нарушение Гитлером обещаний, данных им в Мюнхене²⁰. В английском обществе в связи с событиями 15 марта усилилось недовольство проводимой ранее Великобританией политикой сговора с фашистской Германией. «Аннексия Чехословакии, несомненно, произвела громадное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее... Политика "умиротворения" в сознании широчайших масс мертва... усилилось сознание необходимости коллективного отпора агрессорам. Отсюда довольно крутой поворот в сторону СССР»²¹, — сообщал Майский в НКВД 20 марта.

Психология «умиротворения», свойственная тогдашним руководителям западных демократий, была действительно сильно поколеблена, но пока еще не преодолена. Поэтому Литвинов более сдержанно

оценивал настроения английской общественности. 19 марта он писал Майскому, что хотя чехословацкие события и «встряхнули общественное мнение» как в Англии, так и во Франции, но Чемберлен и Даладье «отнюдь еще не сдались» и «начнут вновь выступать в защиту мюнхенской линии», поскольку упомянутые события «полностью укладываются в рамки любезной им концепции движения Германии на Восток»²².

Потрясена была новым вероломным актом фашистской Германии и французская общественность. Полномочный представитель СССР во Франции Яков Суриц писал Литвинову 26 марта: «По степени взбодраженности и всеобщей встревоженности реакция французской общественности на последний гитлеровский захват Чехословакии значительно превосходит все то, что мы наблюдали в прошлогодние сентябрьские дни. Акт 15 марта... по щепкам разнес все здание, построенное в Мюнхене». Его французские «архитекторы», по словам полпреда, «не сразу хотели в этом признаться. Они на первых порах пытались даже багателизировать (от *фр.* *bagatelle* — безделушка. — *В. М.*) события, крючкотворствовали, доказывая, что налицо нет открытой агрессии, что все произошло в рамках двустороннего и “добровольного” соглашения, но под напором давления своего общественного мнения они недолго удержались на таких позициях и решили во избежание революции “снизу” возглавить революцию “сверху”»²³.

Агрессию Германии против Чехо-Словакии осудили и Соединенные Штаты Америки. Госсекретарь США Самнер Уэллс 17 марта заявил, что его страна не намерена признавать акт насилия, совершенный Германией. В таком же духе была составлена и нота американского правительства от 20 марта²⁴. В знак протеста США отозвали своего посла из Берлина. Польша предпочла позицию стороннего наблюдателя, хотя перспектива того, что она станет жертвой очередного удара агрессора, становилась все более очевидной. По словам министра иностранных дел Польши Юзефа Бека от 17 марта, она «ограничится подтверждением получения германских нот, не касаясь существа их. Польша, конечно, не одобряет германских методов, но согласно своим традициям она воздерживается от протестов, когда за ними не могут следовать какие-либо действия». Та же позиция была подтверждена и в беседе польского посла в Великобритании с ее министром иностранных дел 24 марта: «Он (посол. — *В. М.*) не скрывал, какое сильное воздействие на польское общественное мнение оказал захват рейхом Богемии, а еще больше — Словакии. Установив опеку над этой страной, немцы располагают летними базами на расстоянии чуть менее 70 миль от польской границы. Но вызванная последними событиями обеспокоенность, кажется,

не изменила желание польского правительства соблюдать видимость нейтралитета»²⁵.

Взбурдаженное актом 15 марта европейское общественное мнение не сомневалось в том, что Чехо-Словакия — не последняя жертва агрессора, что за ней последуют другие, но колебалось в ответе на вопрос о направлении следующего удара Гитлера: Восток? Юго-Восток? Запад? При этом все большее и большее число сторонников находила последняя версия. Уинстон Черчилль в разговоре с Майским еще 15 марта высказал мнение, что «акция Гитлера в Чехословакии не только не является прелюдией к удару на Восток, а, наоборот, предвещает усиленный нажим на Запад, для чего Гитлер хочет обеспечить себе тыл, окончательно ликвидировав Чехословакию и её армию»²⁶.

Аналогичной версии придерживались также Майский и Суриц, что следует из их телеграмм и писем в Москву весной 1939 г.²⁷ Майский, например, писал Литвинову 4 апреля, что «западное направление германской агрессии становится все более вероятным», что, получив в свое распоряжение «пищевые, минеральные, сырьевые, человеческие ресурсы Центральной и Юго-Восточной Европы», Гитлер, скорее всего, ударит по Франции. «Почему не на Восток? Не против СССР? — задавался вопросом посол. — Потому что удар против СССР означает несомненную войну, очень опасную для Германии войну, а Гитлер предпочитает “бескровные победы”»²⁸.

Опасность остаться наедине, лицом к лицу, с гитлеровской Германией усилила в Англии и Франции тенденции к оживлению системы коллективной безопасности и началу переговоров по этому вопросу с СССР. Но это вовсе не означало окончательного отказа тогдашнего руководства этих стран от политики «умиротворения», рецидивы которой стали учащаться по мере удаления от событий 14–15 марта 1939 г. Одной из причин подобного рода рецидивов, по мнению Майского, являлось то, что «душа души» британского премьера Невилла Чемберлена в области внешней политики «сводится к сговору с агрессорами за счет третьих стран», что «Чемберлен идет по пути так называемой “новой политики” крайне неохотно, на каждом шагу упираясь и все время выжидая момента, когда можно было бы вновь свернуть на столь знакомый ему путь политики “умиротворения”»²⁹.

Одним из проявлений желания как можно скорее забыть о событиях 14–15 марта 1939 г. стала история обсуждения «чехословацкого вопроса» в Лиге Наций. Экс-президент ЧСР Эдвард Бенеш, находившийся в то время в США, где он читал лекции в Чикагском университете, по просьбе многочисленной чехословацкой эмиграции согласился возглавить за границей борьбу за восстановление Чехословакии³⁰.

Уже 16 марта он направил Франклину Делано Рузвельту (США), Чемберлену (Великобритания), Эдуарду Даладье (Франция) и Литвинову меморандум с протестом против ликвидации ЧСР и просил правительства их стран «не признавать это преступление и сделать выводы, которые сегодня настоятельно требует трагическая ситуация Европы и мира». Аналогичное заявление было направлено Генеральному секретарю Лиги Наций французскому дипломату Йозефу Авенюлю³¹. Однако попытки советских дипломатов вынести чехословацкий вопрос на ее заседание окончились неудачей³². Позже Бенеш с горечью писал: «Следует с болью констатировать, что западноевропейские демократии вообще не понимали, о чем идет речь не только во время мюнхенского кризиса, но и весь следующий год до начала войны»³³.

Тем не менее официальное осуждение Англией, Францией и США гитлеровской агрессии против Чехо-Словакии диктовало и определенную линию их поведения в некоторых вопросах, в частности, в отношении находившихся на их территории чехо-словацких дипломатических представительств. Полпреды Ч-СР в Париже и Лондоне отказались повиноваться приказам властей протектората и с согласия соответствующих правительств сохранили свои посты. Чехословацкий посол в Вашингтоне полковник Владимир Гурбан, который после Мюнхена находился здесь на положении частного лица, еще днем 15 марта уведомил правительство США, что он остается на посту посла республики и отказывается сдать дипломатические полномочия германским представителям. Вашингтон продолжал признавать Гурбана послом Чехословакии в США.

Продолжало действовать, хотя и не без трудностей, чехословацкое постпредство в Москве. 23 марта Фирлингер направил Литвинову ноту, в которой просил «принять к сведению», что он намерен продолжать выполнять обязанности посланника на основании «прежних и до сих пор действительных полномочий»³⁴. Литвинов в тот же день доложил о содержании ноты Иосифу Сталину, сообщив также о получении 14 марта из Словакии ноты, содержащей просьбу о признании Советским Союзом нового Словацкого государства. Литвинов предлагал пока оставить как ноту Фирлингера, так и ноту словацкого правительства без ответа: «Позднее будет видно, как с этим поступить»³⁵.

Примерно такая же позиция изложена наркомом в письме к советскому генконсулу в Праге Владимиру Яковлеву от 28 марта 1939 г.: «Я сказал Фирлингеру, что практического значения его заявление не имеет, ибо, не связанный ни со своей страной, ни со своим правительством, он не может разрешать с нами какие-либо дела, но что, поскольку он хочет оставаться представителем какого-то символического государ-

ства и правительства, мы его пока трогать не будем, а дальше видно будет. В затишье находится дипкорпус, который не знает, признавать ли впредь Фирлингера дипломатом или игнорировать его. Поступит дипкорпус, вероятно, в соответствии с указанием своих правительств»³⁶. В дальнейшем немногочисленная чехословацкая миссия в Москве «с молчаливого согласия» НКВД занималась преимущественно делами бывших граждан Ч-СР, оказавшихся по той или иной причине на территории СССР. Своё существование она прекратила в декабре 1939 г., то есть уже после решения Москвы признать Словацкое государство де-юре и установить с ним дипломатические отношения. Тогда же Фирлингер покинул СССР, несмотря на полученное им предложение НКВД остаться здесь на положении частного лица, с чем согласен был и Бенеш³⁷.

Позиция СССР по чехо-словацкому вопросу летом 1939 г. может быть понята только в контексте событий в Европе и советской внешнеполитической деятельности той поры. Она была нацелена, с одной стороны, на соглашение с западными державами, а с другой, не упускалась из вида и возможность (в случае невозможности договориться с ними) сближения с Германией. Если неуспех англо-франко-советских переговоров имел следствием осторожность СССР в подходе к чехо-словацкому вопросу, то надежда на возможность договориться с Западом, наоборот, вела к положительным оценкам в этом вопросе. Но надежды на успех переговоров не оправдались. Резкое изменение советского внешнеполитического курса, явственно обозначившееся к концу второй декады августа 1939 г., повлекло за собой и корректировку позиций СССР в чехо-словацком вопросе. 18 августа Фирлингер в ответ на вопрос Бенеша об отношении СССР к Словакии уже отвечал: «...трудно сегодня на этот вопрос ответить ясно и определенно. Ситуация меняется каждую секунду»³⁸. После заключения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г.³⁹ чехо-словацкий вопрос для СССР стал частью его новой внешнеполитической стратегии.

В книге «Современная война как социальный кризис», вышедшей в Лондоне в 1940 г., Фирлингер оценивал позицию СССР в августе 1939 г. так: «Советский Союз счел за правильное перейти к собственной самостоятельной политике»⁴⁰. Сразу после заключения пакта Фирлингер смотрел на него хотя и с оттенком некоторого недоумения, но сдержанно. В своем сообщении Бенешу 26 августа он писал, что не ожидал «столь радикального ответа Москвы на непрестанные проволочки и закулисные переговоры западных держав», из-за которых «переговоры зашли в тупик», и что «обвинять сегодня Москву в предательстве, по меньшей мере, чрезмерно». В то же время он предполагал, что пакт «вызовет среди наших людей панику», что официальные комментарии советской печати

«будут не поняты нашей общественностью», поскольку «пакт внешне выглядит как договор о действительной дружбе и политическом сотрудничестве». «Тем не менее, — считал Фирлингер, — мы должны подождать, прежде чем сможем судить о его действительном значении и содержании». «Надеюсь, — заканчивалось письмо, — что Вы смотрите на события, как и я, и что не следует оценивать их как трагические. Наоборот, я полагаю, что они могут существенно ускорить европейское развитие»⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Dejiny Slovenského národného povstania. Zv. 3. Dokumenty. (далее: DSNP). Bratislava, 1984. S. 16.

² См. подробнее: *Марына В. В.* Путь к независимости? Создание Словацкой республики 14 марта 1939 г. // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 201—225; *Bystrický V.* Nacistické Nemecko a vznik Slovenského štátu // Vojenská historia. Bratislava. 2001. N 2. S. 41—61.

³ Год кризиса 1938—1939. Документы и материалы в 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 280—281.

⁴ Там же. С. 286.

⁵ Там же. С. 285.

⁶ *Tomašek D., Kvaček R.* Causa Emíl Hácha. Praha, 1995. S. 39.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 542. Л. 72.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 089. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 161.

⁹ <http://hrono.rspu.ryazan.ru/sobyty/1939cseh.html>. Эти цифры были названы в выступлении Гитлера 23 апреля 1939 г. (http://militera.lib.ru/research/martirosyan_ab/index.html).

¹⁰ См.: *Марына В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939—1945 гг. Документальный очерк. М., 2003. С. 6—12.

¹¹ Год кризиса 1938—1939. Т. 1. С. 287.

¹² Правда, 15 марта 1939 г. С. 12.

¹³ Следует отметить, что о нежизнеспособности Чехословацкого государства говорил в своем выступлении по радио 15 марта и Н. Чемберлен.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 27. Д. 254. Л. 149—152.

¹⁵ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 9. Л. 37.

¹⁶ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее: ДМИСЧО). М., 1978. Т. 3. С. 607—608.

¹⁷ ДМИСЧО. М. 1981. Т. 4. Кн. 1. С. 15—20; *Марына В. В.* СССР и чехословацкий вопрос. 1939 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990. С. 97.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 3. Л. 50—51.

¹⁹ Год кризиса 1938—1939. Т. 1. С. 297. Майский ознакомил Галифакса с нотой 19 марта, то есть до ее опубликования.

²⁰ Там же. С. 293.

²¹ Там же. С. 306.

²² ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. С. 14.

²³ Год кризиса 1938—1939. Т. 1. С. 329—330.

²⁴ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 23. П. 36. Д. 3. Л. 19.

²⁵ Год кризиса 1938—1939. Т. 1. С. 288—289, 328.

²⁶ Там же. С. 274—275.

²⁷ Там же. С. 293, 323, 331, 332, 335 и др.

²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 5. Д. 35. Л. 93.

²⁹ Год кризиса 1938—1939. Т. 1. С. 444—445. О готовности руководителей Англии пойти на новые уступки Гитлеру, т. е. продолжить политику «умиротворения» агрессора, свидетельствуют их многочисленные заявления и действия весной-летом 1939 г. Там же. Т. 2. С. 125—127, 131—134, 395—396, 400, 401, 402.

³⁰ См. подробнее: *Марына В. В.* Борьба за признание Мюнхенского соглашения недействительным. 1939—1945 гг. // Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. М., 2018. С. 216—228.

³¹ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939—1945. Dokumenty. Díl 1. Praha, 1998. S. 42—43 (далее: ČSVDJ. Díl 1.)

³² Цит. по: *Němeček J.* Okupace českých zemí 1939 a Společnost národů // *Moderní dějiny. Sborník k dějinám 19. a 20. století*. 5. Praha, 1997. S. 151; *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. Díl 1, 2. Praha. 1947. Díl 1. S. 222.

³³ *Beneš E.* Demokracie dnes a zítra. Londýn, [1943?]. Sv. 1. S. 64.

³⁴ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 3. Л. 50—53.

³⁵ Документы внешней политики (далее: ДВП). Т. XXII. Ч. 1. М., 1992. С. 221.

³⁶ АВП РФ, Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 26.

³⁷ См. подробнее: *Марына В. В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. 1939—1941 гг. М., 2007. С. 61—90.

³⁸ *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Díl 1. S. 271.

³⁹ Надо сказать, что подобные соглашения о ненападении (политические декларации) с Германией к этому времени имели уже Англия и Франция. Они были подписаны соответственно 30 сентября и 6 декабря 1938 г. Мало того, английские и германские промышленные магнаты заключили 15 марта 1939 г. (!) как экономическое дополнение к Мюнхенскому соглашению так называемое Дюссельдорфское соглашение, в котором, по сути, оговаривался экономический раздел Европы. Однако оно не вступило в силу, поскольку сторонам не удалось договориться по некоторым конкретным вопросам.

⁴⁰ Цит. по: АВП РФ. Ф. 138. Оп. 21. П. 34. Д. 3. Л. 23. Судя по главам, посвященным Советскому Союзу, Фирлингеру были свойственны идеализация советской действительности, искренняя вера в правильность советской внутренней политики и оправдание, в частности, политических процессов как меры, необходимой в интересах безопасности СССР.

⁴¹ *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Díl 1. S. 279—283.

ПОЛЬША ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1939 г.

Дмитрий Буневич

Режим «санации» в Польше накануне войны

В межвоенной Польше, как и в большинстве молодых государств Центральной и Восточной Европы, образовавшихся после Первой мировой войны на обломках бывших империй, первоначально был установлен относительно демократический, парламентский режим, который, однако, вскоре столкнулся с серьезными трудностями. Либеральная конституция 1921 г., закрепившая ведущую роль парламента в политической системе новой Польши, быстро продемонстрировала свою низкую эффективность и неспособность быть инструментом разрешения усиливавшихся в обществе социальных и национальных конфликтов, а насилие с первых дней существования II Речи Посполитой¹ стало частью политического процесса — всего через пять дней после своего избрания на пост главы государства в конце 1922 г. правыми радикалами был убит первый президент Польши Габриэль Нарutowич².

Уже в 1926 г. маршал Юзеф Пилсудский³, в 1918 г. сыгравший ведущую роль в процессе восстановления польской независимой государственности, стал во главе так называемого майского переворота (*zamach majowy*) — правоконсервативного военного мятежа, направленного против нестабильного и коррумпированного правительства. После переворота в стране были существенно ограничены демократические права и свободы, а парламент, где вскоре стал доминировать Беспартийный блок сотрудничества с правительством (*Bezpartyjny Blok Współpracy z Rządem*), утратил свое прежнее значение. Во главе государства фактически встал Пилсудский, занявший пост председателя Совета министров, и лично преданные ему офицеры консервативных политических взглядов. Новое правительство взяло курс на подавление свободы слова

и собраний, борьбу с политической оппозицией и национальными движениями украинцев, белорусов, литовцев и евреев⁴, составлявших значительную часть польских граждан⁵.

Идеологи нового режима, получившего название санация (*sanacja* от *лат. sanatio* — оздоровление), предлагали польскому большинству сплотиться вокруг сильной и централизованной власти, которая единственная «могла навести в стране порядок и дать отпор коммунизму и немецкому реваншизму». В апреле 1935 г. в стране была принята новая конституция, закрепившая авторитарный характер государства, который отныне предлагалось строить на принципах корпоративизма. Последовавшая спустя всего месяц смерть фактического главы государства маршала Пилсудского привела к началу кризиса режима санации. Он продолжался до крушения Польши в сентябре 1939 г. и оказывал влияние на позицию страны в ходе напряженных дипломатических переговоров, проходивших в предвоенные месяцы 1939 г.⁶

После смерти Пилсудского во главе режима санации уже не стоял единый лидер, обладавший непререкаемым авторитетом, каким при жизни пользовался маршал. Страну возглавил своеобразный «триумvirат», состоявший из преемника Пилсудского на посту генерального инспектора вооруженных сил маршала Эдварда Рыдз-Смиглы, президента Польши Игнация Мосцицкого и влиятельного главы МИД Юзефа Бека. Несмотря на внешнее единство наследников Пилсудского, режим санации в 1936—1939 гг. раздирали противоречия, что позволило ряду польских исследователей даже говорить о расколе санации на три фракции⁷: так называемую «замковую группу» президента страны, стремившегося насколько это было возможно законсервировать существовавший политический режим; более националистическую фракцию маршала Рыдз-Смиглы; так называемую «левую санацию», чей лидер Валерий Славек, один из ближайших сподвижников Пилсудского, предлагал прийти к компромиссу с оппозиционными группами в парламенте. В результате внутренней борьбы лидерство осталось за конкурирующими группами Мосцицкого и Рыдз-Смиглы, а Славек был отстранен от власти и в начале 1939 г. покончил с собой.

В 1937 г. на смену Беспартийному блоку сотрудничества с правительством в качестве главной институциональной опоры политического режима пришел созданный Рыдз-Смиглы Лагерь национального объединения (*Obóz Zjednoczenia Narodowego*). Новая проправительственная партия была значительно более идеологизированной, авторитарной, националистичной и клерикальной, чем ее предшественница. Жесткий централизм OZN сочетался с попытками создать политический культ Рыдз-Смиглы в качестве нового «отца нации». Усиливались милитари-

зация общества и давление на национальные меньшинства, закрывались украинские и белорусские школы, газеты на национальных языках, преследовались интеллигенция и политические активисты, которых направляли в концентрационный лагерь в Берёзе-Картузской, начавший свою работу еще при Пилсудском⁸.

К началу 1939 г. Вторая Речь Посполитая подошла политически и национально разобщенным государством, во главе которого стояли конкурировавшие группы «пилсудчиков» — авторитарных националистов, проводивших систематическую политику дискриминации национальных меньшинств. Режим «санации» после смерти Пилсудского продолжал дрейф вправо. С созданием Лагеря национального объединения опорой правительства стала политическая сила, чья идеология была весьма близка к итальянской модели фашизма.

Стратегическое положение Польши в 1939 г.

Вопреки надеждам польского руководства, которое после соучастия в расчленении Чехословакии осенью 1938 г. рассчитывало, что Варшава станет ведущей силой в Восточной Европе, стратегическое положение Второй Речи Посполитой после Мюнхена существенно ухудшилось⁹. Надежды на формирование союза с Венгрией, Италией, Румынией или Югославией так и остались пустыми иллюзиями. А вскоре после решения «чехословацкого вопроса» Адольф Гитлер обратил свой взгляд на Польшу. Это было закономерным и вполне предсказуемым продолжением внешнеполитической линии фюрера на ревизию Версальского мира. К востоку от проведенной Антантой польско-германской границы проживало значительное число этнических немцев. Восточная Пруссия была отрезана от основной части Германии так называемым Польским коридором, который предоставлял Варшаве доступ к побережью Балтийского моря и крупному порту Гданьску (Данцигу), имевшему стратегическое значение в качестве центра польской внешней торговли.

Уже 24 октября 1938 г. министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп в беседе с послом Юзефом Липским — тем самым, кто в 1934 г. подписал польско-германский договор, ставший основой сотрудничества Берлина и Варшавы в 1934—1938 гг., сообщил, что хотел бы обсудить со своим коллегой Беком «проблему общего характера», связанную со статусом Гданьска. Германская сторона предложила, чтобы Польша передала рейху этот город, а также выделила в Польском коридоре экстерриториальную полосу для строительства автострადы и многоколейной железной дороги, которая бы соединила Восточную Пруссию с основной территорией Германии¹⁰. Взамен Риббентроп пред-

лагал заключить соглашение о полном признании польско-германской границы и продлить польско-германский договор 1934 г. сразу на 25 лет. В случае положительного решения этого вопроса Варшаве также было предложено рассмотреть вопрос о присоединении к Антикоминтерновскому пакту и выработке общей линии по отношению к СССР.

Фактически Берлин предлагал Варшаве следующую сделку: уступить часть спорных территорий, а взамен стать младшим партнером Германии в рамках планируемого нацистами переустройства Европы. Разумеется, постановка проблемы о выработке «скоординированной позиции» в отношении СССР могла означать лишь то, что «компенсацию» за свои уступки на Западе Польша сможет получить только на Востоке — за счет территорий Советского Союза. Варшава тогда ответила уклончиво, очевидно, не готовая подчиниться германскому давлению и в расчете на то, что Польша еще может сохраниться в качестве самостоятельной силы в Европе.

В январе 1939 г. Бек лично отправился на переговоры с Гитлером. Их встреча прошла в Берлине. Фюрер убеждал польского министра, что «при всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России», продолжая одновременно настаивать на решении Данцигского вопроса. Немецкий диктатор утверждал, что «он думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши. Данциг остается и всегда будет немецким; рано или поздно этот город отойдет к Германии». Признавая, что «связь с морем для Польши абсолютно необходима»¹¹, Гитлер настаивал на том, что и связь самой Германии с Восточной Пруссией является вопросом первостепенной важности.

Глава польского дипломатического ведомства впоследствии признавался, что настойчивость фюрера стала для него полной неожиданностью. Даже «германофил» Бек вынужден был констатировать, что именно после этих переговоров он понял, что существует реальная возможность войны с Германией. Визит Риббентропа в Варшаву, приуроченный к пятой годовщине подписания польско-германского соглашения 1934 г., также оставил неприятное впечатление у польского руководства. Рассуждая о неутешительных итогах переговоров со своим германским визави, Бек эмоционально воскликнул: «Мы всё же не чехи!»¹²

Несмотря на более чем ясную позицию рейха, озвученную лично Гитлером на январских переговорах в Берлине, польские лидеры, вероятно, продолжали находиться в иллюзиях относительно того, что Вторая Речь Посполитая сможет стать частью самостоятельного блока в Европе,

который будет противостоять нацистскому давлению. В конце февраля 1939 г. в Варшаву даже был приглашен министр иностранных дел Италии и зять Бенито Муссолини граф Галеаццо Чиано. Визит, впрочем, ни к чему не привел. Дуче не считал возможным идти на какие-либо договоренности по ситуации в Восточной Европе без учета позиции Германии. Спустя всего несколько недель Гитлер в одностороннем порядке разорвал мюнхенские договоренности и полностью ликвидировал Чехо-Словакию¹³ в качестве независимого государства: чешские земли стали имперским протекторатом, а в Словакии был установлен марионеточный прогерманский режим.

После этой акции, наглядно продемонстрировавшей усилившуюся мощь Германии, которой уже не потребовалось собирать конференцию, как это было осенью 1938 г., стратегическое положение Польши стало еще более уязвимым. Рейх теперь «нависал» над Польшей с севера, запада и юга. Венгрия, вновь получившая территориальные приращения за счет остатков Чехословакии, стала еще более близким партнером Берлина и присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Шансов на создание польско-венгерского союза не осталось.

Чувствуя нарастание германского влияния в Восточной Европе и желая положить этому предел, Великобритания 21 марта 1939 г. выступила с инициативой по подписанию англо-франко-польско-советской декларации о консультациях в случае начала агрессии в Европе. В ходе обсуждения этого британского предложения выяснилось, что ни Польша, ни Румыния не хотят подписывать какого-либо совместного заявления с Советским Союзом¹⁴. Одновременно с этой безрезультатной британской инициативой началось новое дипломатическое наступление Германии: 21 марта Риббентроп повторил свои предложения польскому послу, дополнив их выражением неудовольствия по поводу уклончивости поляков и отказа правительства разгонять антинемецкие демонстрации, проходившие в польских городах. «Фюрер всегда стремился к урегулированию взаимоотношений и взаимопониманию с Польшей. Фюрер и теперь продолжает желать этого. Однако его все более удивляет позиция Польши», — подчеркнул нацистский министр, отдельно оговорив, что Варшава должна прекратить лавировать и определиться в своем отношении к германским предложениям¹⁵. Так начался кризис, который спустя пять месяцев привел к началу Второй мировой войны.

После этого германского заявления Варшаве не оставалось иного выхода, кроме как занять четкую позицию по поводу территориальных претензий рейха. Министр иностранных дел Польши Бек вынужден был объявить германскому послу, что «интервенция германского правительства в целях изменения Status quo в Данциге будет рассматриваться как

нападение на Польшу»¹⁶. Спустя всего несколько дней было опубликовано заявление правительства Великобритании о готовности оказать Польше помощь в случае германской агрессии против нее. А еще через неделю Бек прибыл в Лондон, и 6 апреля было опубликовано польско-британское коммюнике. В нем указывалось, что между Великобританией и Польшей достигнута договоренность о взаимной помощи «в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон»¹⁷. Польша оказалась готова дать отпор немецкой агрессии, но ее стратегическое положение было почти катастрофическим — страна была с трех сторон окружена Германией и не имела союзников, способных оказать реальную поддержку в случае начала войны.

Польша и проблема формирования антигерманской коалиции весной–летом 1939 г.

Предоставление британских гарантий Польше не смутило Гитлера — германский фюрер был уверен, что Великобритания и Франция в очередной раз уступят его нажиму, как это уже было в случае с занятием Рейнской области, аншлюсом Австрии и уничтожением Чехословакии. Уже в апреле-мае 1939 г. германское командование разработало стратегический план нападения на Польшу, получивший название «Белый план» (Fall Weiß). При подготовке этой агрессии одной из целей военно-политического руководства рейха было «ограничить войну боевыми действиями в Польше»¹⁸ и таким образом не допустить перерастания германо-польской войны в общеевропейскую.

Нацистское руководство, очевидно, рассчитывало на некое повторение мюнхенского сценария и активно запугивало западных союзников перспективой новой большой войны. Берлин надеялся добиться своих целей путем шантажа. В германской прессе специально сдерживалась антипольская кампания. Примечательная установка германского МИДа прессе гласила: «Дверь перед Польшей не должна захлопываться! Максимум, что следует сделать, так это ее немножко прикрыть, чтобы одна щель всё же оставалась для возможных переговоров»¹⁹.

В конце апреля 1939 г. Гитлер, выступая в Рейхстаге, заявил, что Мюнхенский договор не решил всех территориальных проблем в Европе, попутно обвинив Лондон и Варшаву в проведении «антигерманской политики окружения». Тогда же Германия объявила о выходе из британо-германского соглашения 1935 г. и польско-германского договора 1934 г. — более не существовало никаких дипломатических оснований, препятствовавших немецкому нападению на Польшу.

Франция и Великобритания между тем продолжили раздавать свои уже мало что значащие «гарантии». В середине апреля их получили Румыния и Греция, а чуть позже и Турция. Французский премьер-министр Эдуард Даладье также счел необходимым подтвердить франко-польский союз 1921 г. Французам, однако, было практически очевидно, что без привлечения к сдерживанию германской агрессии СССР франко-британские гарантии оказывались пустыми декларациями. Неслучайно поэтому, что именно французские политики первыми подняли вопрос о необходимости поиска союза с Москвой — в апреле между Францией и СССР начался обмен предложениями по вопросу заключения соглашения о взаимной поддержке, к которому вскоре присоединилась и Великобритания²⁰. В ходе консультаций выяснилось, что между сторонами существуют серьезные противоречия: Советский Союз не хотел давать односторонних гарантий Польше и другим восточноевропейским странам, которые могли стать жертвами вероятной нацистской агрессии, в то время как Франция и Великобритания не желали связывать себя союзническими обязательствами с СССР. Советская же сторона настаивала на заключении полноценного и равноправного союза.

19 мая была заключена франко-польская военная конвенция, в соответствии с которой Франция все же брала на себя обязательство «начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации». Возможно, именно надежда на это обещание Франции, а также преувеличение возможностей собственной армии привели к тому, что Варшава заняла деструктивную позицию, когда в июле-августе 1939 г. на московских переговорах трех держав, казалось, наметился прогресс. Проблема заключалась в том, что Польша категорически отказывалась подписывать какое-либо соглашение с СССР, предусматривавшее пропуск частей Красной армии через польские территории, что было необходимо для отражения агрессии, поскольку СССР и Германия в тот момент не имели общей границы.

Еще в мае 1939 г. в ходе своей миссии в Варшаву заместитель наркома иностранных дел СССР Владимир Потёмкин сообщил Беку, что «СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала». Однако спустя всего день польский посол в СССР прямо заявил советскому наркому Вячеславу Молотову, что Польша не нуждается в коллективных англо-франко-советских гарантиях и не считает возможным заключение договора взаимопомощи с Советским Союзом²¹. Западные дипломаты также понимали, что заключение полноценного англо-франко-советского соглашения, направленного против германской агрессии, возможно только при условии, что Польша подпишет соответствующий договор с Советским Союзом и предоставит СССР право

пропуска войск через свою территорию²². Тем не менее ни Франция, ни Великобритания не оказали сколько-нибудь существенного давления на Польшу, чтобы склонить ее к сотрудничеству с Советским Союзом и выработки хотя бы какого-то компромиссного решения, касающегося пропуска Красной армии через польские территории. Даже во второй половине августа, когда до германского нападения остались считанные дни, польское руководство оставалось непреклонным. Глава польского Генштаба и один из ближайших соратников маршала Рыдз-Смиглы Вацлав Стахевич 20 августа категорично заявил: «Не может быть и речи о том, чтобы разрешить пропуск советских войск через польскую границу»²³.

Несомненно, провал англо-франко-советских переговоров в Москве имел много причин, но именно позиция Польши и ее отказ даже обсуждать вопрос о проходе Красной армии делали практически невозможным заключение полноценного и равноправного соглашения, направленного на усмирение германской агрессии. А если предположить, что западные державы и не слишком стремились к достижению компромисса с СССР, то польская позиция давала им прекрасную возможность сорвать переговоры чужими руками. Косвенно эта польская непреклонность играла и в пользу планов Гитлера избежать перерастания германо-польского конфликта в общеевропейский — внешнеполитическая линия Варшавы лишала ее реальных союзников.

Дело в том, что ни Франция, ни Великобритания не были готовы оказать незамедлительную помощь Польше в случае нападения на нее Германии. Подписанный 25 августа 1939 г. англо-польский военный договор так и остался пустой декларацией. Ведь даже объявив 3 сентября войну Германии, британское и французское правительства так и не оказали никакой реальной военной помощи своему союзнику.

* * *

Польша образца 1939 г. не была демократическим государством. Напротив, у власти в стране находились убежденные националисты, строившие авторитарное государство на основе корпоративизма, шовинизма и ксенофобии. Правительство преследовало несогласных, дискриминировало представителей национальных меньшинств, потворствовало антисемитским настроениям. Не было это государство и миролюбивым — в октябре 1938 г. Варшава приняла участие в расправе над Чехословакией, а чуть ранее шантажом вынудила Литву признать незаконную аннексию Вильно²⁴. Не гнушалась Вторая Речь Посполитая и сотрудничества с Третьим рейхом, до последнего рассчитывая найти компромисс с Гитлером.

Несмотря на это, факт остается фактом — Польша стала первой страной, оказавшей вооруженное сопротивление нацистской агрессии, больше 65 тыс. польских солдат и офицеров пали в боях с вермахтом осенью 1939 г., и даже оказавшись под оккупацией, тысячи поляков продолжили сопротивление захватчикам. Тем печальнее, что правительство Польши, в критический момент выразившее готовность сражаться с Германией, не нашло в себе мудрости и мужества пойти на компромисс с Советским Союзом, не смогло преодолеть недоверие и подозрительность, которые, конечно, объективно присутствовали между двумя государствами.

Разумеется, существовало множество причин идеологического, стратегического и даже исторического свойства, отравлявших отношения Москвы и Варшавы в 1920-е — 1930-е гг. Однако летом кризисного 1939 г. существовал некоторый — пусть и весьма небольшой — шанс на сотрудничество двух держав в борьбе с агрессором. Если бы уже тогда, в летние месяцы 1939 г., удалось создать антигитлеровскую коалицию, миллионы жизней были бы спасены, а Советскому Союзу не пришлось бы, как это было в 1941—1945 гг., «кровью искупать Европы вольность, честь и мир» и самому освобождать ту же Польшу, за спасение которой от нацистской оккупации отдали свои жизни более 600 тыс. наших соотечественников. Но категорическим отказом предоставить право прохода советским войскам и слепой верой в эфемерную помощь Великобритании и Франции наследники Пилсудского обрекли свою страну и миллионы соотечественников на гибель в пламени Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вторая Речь Посполитая (II Rzeczpospolita) — принятое в Польше обозначение Польского государства, существовавшего в 1918—1939 гг.

² Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012. С. 139—145.

³ Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008.

⁴ Гудаков Ф. В. К вопросу об антисемитизме в Польше в межвоенный период (1918—1939) // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. № 7. С. 118—124.

⁵ Польша в XX веке... С. 198—219.

⁶ Ким И. К. Политическая борьба в Польше накануне Второй мировой войны (1936—1939). Волгоград, 2003.

⁷ Faryś J. Polska bez Piłsudskiego: z dziejów myśli piłsudczykowskiej (1935—1939) // Mazowieckie Studia Humanistyczne. 2002. № 2. S. 281—289.

⁸ Лицкевич О. Концлагерь по-польски // Беларуская думка. № 3. 2010. С. 78–85.

⁹ Подробнее об участии Польши в Мюнхенском стоворе см.: Буневич Д. С. Польша и Судетский кризис 1938 г. // Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. М., 2018. С. 147–158.

¹⁰ Год кризиса: 1938–1939: Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. С. 83.

¹¹ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 146–153.

¹² *Szembek J. Diariusz i teki Jana Szembeka 1934–1939. T. IV. London, 1972. S. 484.*

¹³ После Мюнхенского соглашения 1938 г. и до своей ликвидации в 1939 г. чехословацкое государство официально именовалось Чехо-Словацкой республикой (*Česko-Slovenská Republika*).

¹⁴ Документы внешней политики. М., 1992. Т. 22. Кн. 1. С. 216.

¹⁵ Севостьянов Н. Г. Европейский кризис и позиция США. 1938–1939. М., 1992. С. 179.

¹⁶ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. М., 1981. С. 361.

¹⁷ СССР в борьбе за мир... С. 290, 308–309.

¹⁸ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. М., 2004. С. 305–306.

¹⁹ Цит. по: Случ С. З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 — август 1939) // Вестник МГИМО-Университета. История. Исторические науки. 2009. № 4. С. 251–270.

²⁰ *Adamthwaite A. P. France and the Coming of the Second World War, 1936–1939. London, 1977. P. 311–312.*

²¹ СССР в борьбе за мир... С. 389, 393.

²² Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 75–76.

²³ Цит. по: Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979. С. 265.

²⁴ См. подробнее: Год кризиса: 1938–1939. Т. 1... С. 279–280.

«КАРТИНА ВАРВАРСТВА И ГЛУПОСТИ»: БЕЛОРУССКОЕ И УКРАИНСКОЕ МЕНЬШИНСТВО II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В КОНЦЕ 1930-х гг.

Кирилл Шевченко

Накануне Второй мировой войны традиционно ассимиляторская политика официальной Варшавы в отношении белорусского и украинского национальных меньшинств ужесточилась и приобрела ярко выраженный репрессивный характер. Печальным символом национальной политики Варшавы стал созданный польскими властями в июне 1934 г. концентрационный лагерь в полесском городке Берёза-Картузская, среди узников которого было много белорусов и украинцев.

К 1939 г. под давлением властей были закрыты практически все белорусские общественные и культурные организации и школы, а православная церковь подверглась растущей полонизации. Усилились репрессии против украинского населения Подляшья, Полесья, Холмщины, Волыни и Восточной Галиции. Противостояние польских властей и украинских националистов подчас обретало формы латентной гражданской войны.

Главной целью польской администрации в этнически белорусских и украинских восточных воеводствах II Речи Посполитой была тотальная полонизация местного восточнославянского населения. К 1939 г. полонизационные усилия властей достигли своей кульминации, обнаружив черты этноцида, понимаемого как «уничтожение культуры народа, ведущее к его исчезновению путем ассимиляции»¹. «Наша внутренняя жизнь являет собой грустную картину... варварства и глупости»², — такую нелицеприятную и самокритичную оценку политике Польши дал лидер польской национальной демократии Роман Дмовский в 1931 г. Столь нелестные слова в первую очередь можно адресовать политике Варшавы в отношении национальных меньшинств.

В польской политической мысли задолго до возрождения Польши в 1918 г. сформировалась устойчивая традиция рассматривать белорусов и украинцев с позиций цивилизационного превосходства, трактуя польский этнос на белорусских и украинских землях как «доминирующую цивилизационную силу, способную к политической организации». Как полагал лидер польских национальных демократов Дмовский, «будущее польское государство может выйти за пределы польских этнографических границ в мере, учитывающей ценности исторической Польши и цивилизационный потенциал великого народа»³. Лидер социалистов и будущий «начальник государства Польского» Юзеф Пилсудский относил народы к востоку от поляков к числу «неисторических», считая польскую политическую опеку над ними естественным явлением⁴. Часть польской элиты продолжала мыслить категориями средневековой Речи Посполитой «от моря до моря» в границах 1772 г.

Рижский мирный договор, заключенный после советско-польской войны в марте 1921 г., оставлял значительную часть восточнославянских земель в составе Польши. В условиях напряженных отношений между СССР и II Речью Посполитой белорусский и украинский вопросы стали камнем преткновения между Москвой и Варшавой. Особую ожесточенность этой борьбе придавали как идеологические конфликты, так и геополитические амбиции Варшавы, стремившейся к расчленению СССР. Польская элита мечтала о границах 1772 г., воспринимая уступку Минска восточному соседу как непростительную слабость⁵. Хотя статья VII Рижского договора фиксировала обязательство Варшавы обеспечить русским, украинцам и белорусам «свободное развитие их культуры, языка и выполнение религиозных обрядов»⁶, а статья 109 Конституции Польши провозглашала право на сохранение своей национальности и языка, «действительность разительно расходилась с этой декларацией»⁷. Считая Гродненщину, Виленщину, Полесье, Волынь и Восточную Галицию, населенные в основном белорусами и украинцами, исконно польскими землями, Варшава проводила здесь агрессивную политику этнокультурного реванша.

Полонизаторская политика властей заставила белорусских деятелей пересмотреть свое отношение к Польше, которую они поначалу воспринимали как потенциального союзника. Если в декларации от 12 июля 1919 г. Центральная белорусская рада Виленщины и Гродненщины выражала надежду на союз с Польшей, то уже 17 сентября того же года ее позиция изменилась. «Со стороны польской власти в вопросе создания независимой Белорусской державы ничего не сделано, — говорилось в резолюции Белорусской рады. — Представители польской политиче-

ской мысли высказались, что земли на восток до Березины, возможно, до Днепра, являются польскими и их нужно присоединить к Польше»⁸. Негативную оценку политике Польши дало правительство БНР, констатируя 27 января 1921 г. наличие угрозы «национальной смерти» белорусов в Польше и отметив, что «на деле польская толерантность есть самая дикая нетерпимость национальная и религиозная»⁹.

Украинская общественность Восточной Галиции с ее развитым украинским движением изначально не питала иллюзий по поводу политики Варшавы. Провозглашенная 13 ноября 1918 г. во Львове Западно-украинская народная республика (ЗУНР) вступила в войну с Польшей, закончившуюся летом 1919 г. разгромом западноукраинских войск и включением Восточной Галиции в состав Польши. Сразу после этого «украинская национальная жизнь резко ухудшилась... Заметно уменьшилось число украинских культурных организаций; было закрыто девять из десяти украинских кафедр Львовского университета. После 1924 г. в ходе школьной реформы украинские школы были заменены двуязычными польско-украинскими школами»¹⁰.

Польские власти последовательно искореняли белорусскую и украинскую культуру. Для реализации этой цели Варшава, проникнутая идеей культуртрегерства, прибегала к различным методам этнокультурной инженерии, включая образование, церковную и культурную политику, а также административный ресурс. Яркой иллюстрацией отношения польской элиты к белорусам служит высказывание известного польского политика, министра юстиции Польши в 1926–1928 гг. Александра Мейштовича. Он утверждал: «Белоруссия самой историей предназначена быть мостом для польской экспансии на Восток. Белорусская этнографическая масса должна быть переделана в польский народ. Это приговор истории; мы должны этому способствовать»¹¹.

Политический курс Варшавы был направлен на реализацию данных идей. Полонизаторская политика II Речи Посполитой эксплуатировала незавершенность процесса становления национальной идентичности белорусов и украинцев. В ряде областей Полесья ведущее место в иерархии идентичностей местного населения занимала конфессиональная или региональная принадлежность. По данным польских властей многие жители Полесья идентифицировали себя не как «белорус» или «украинец», а как «полешук» или «тутэйшы», что было характерно для Дрогичинского, Камень-Каширского и Кобринского поветов¹². К январю 1924 г. на территории Полесья проживало 441 702 «полешука», 412 506 белорусов, 125 643 еврея и 84 614 поляков, то есть большинство жителей определяли себя как «полешуков»¹³. Используя этнокультурную специфику Полесья, полесский воевода Альберт де Траммекур на сове-

щении глав восточных воеводств в Гродно 24 апреля 1937 г. утверждал, что полешуки — отдельный народ, представляющий собой клин между украинцами и белорусами, который необходимо изолировать от украинского и белорусского влияния, подвергнув интенсивной полонизации¹⁴. Продолжая эту мысль, 25 апреля 1938 г. полесский воевода Вацлав Костек-Бернацкий предписывал польским чиновникам «считать поляками независимо от их веры или языка тех полешуков, которые не относят себя к украинцам, белорусам или русским; относиться к ним приветливо и дружелюбно, окружая их опекой и тем самым приближая к польскости»¹⁵. Невыполнение этого распоряжения воевода рассматривал как служебный проступок.

Политика Варшавы отличалась жесткой дискриминацией по этноконфессиональному признаку. В сентябре 1919 г. Белорусская рада Виленщины и Гродненщины жаловалась польским властям на дискриминацию белорусов, указывая, что местная администрация не принимает документов на белорусском языке, требуя употребления только польского языка¹⁶. Руководители рады сообщали, что на Гродненщине идут массовые увольнения с работы белорусов-православных¹⁷, из гродненской полиции увольняют лиц православного вероисповедания и работников железной дороги, не являвшихся поляками по национальности¹⁸. К запретам на профессии по этноконфессиональному признаку польская администрация широко прибегала и позже. В ноябре 1930 г. представитель Виленского управления железных дорог предлагал старосте Дрогичинского повета Полесского воеводства уволить в трехмесячный срок всех работников железной дороги православного вероисповедания, откровенно аргументируя это «интересами полонизации кресов»¹⁹.

Особенно тщательно польские власти применяли «этноконфессиональное сито» при отборе кадров в сфере образования, которое считалось Варшавой важным и весьма эффективным орудием полонизации населения. Именно поэтому власти в массовом порядке увольняли учителей, не являвшихся поляками по национальности. В результате многолетнего систематического уничтожения образования на русском и белорусском языках и преследования русских педагогических кадров после вхождения Западной Беларуси в состав СССР здесь возникла острая кадровая проблема, связанная с нехваткой учителей, способных преподавать на русском языке. М. М. Фридман, посетивший ряд населенных пунктов Западной Беларуси сразу после их включения в состав СССР, констатировал, что «дети отказываются идти в польские школы... Пришлось отыскивать русских и еврейских старых учителей, которые были выброшены польскими властями... Многие из крестьян заявили, что они

раньше работали учителями, но потому, что они русские, их из школы выгнали...»²⁰

Аналогичная политика проводилась и на включенных в состав Польши украинских землях. Только за первые годы нахождения Восточной Галиции в составе Польши здесь уволили с работы около 2,5 тысяч украинских учителей, а 1,5 тысячи учителей было переведено в этнически польские регионы²¹.

Поведение польской армии на захваченных ею белорусских землях в 1919–1921 гг. позволило одному из лидеров белорусского движения Антону Луцкевичу определить польский оккупационный режим как «террор против белорусского населения»²². Он обвинил польскую администрацию в разгоне органов белорусского самоуправления и в массовых насилиях по отношению к белорусам. Среди примеров польского террора, приводимых Луцкевичем, был расстрел 36 крестьян Слуцкого повета; массовая экзекуция крестьян у станции Микашевичи, а также сожжение семи деревень Бобруйского повета²³. Нежелание польских властей видеть в белорусах самобытный этнос и проявления высокомерного отношения к белорусам критиковалось белорусской прессой. «Отношение к белорусам со стороны начальников и общественности пренебрежительное. Нас считают то москалями, то большевиками, то... людьми второго сорта»²⁴, — сожалели виленские «Белорусские ведомости» 10 октября 1921 г. Ощущение себя «людьми второго сорта» перекликалось с мыслью лидера эндеков Дмовского, отзывавшегося о белорусах и украинцах как о «поляках низшего сорта», неспособных к собственной государственности²⁵. Официальная Варшава воспринимала восточнославянское население как «этнографический материал, который нужно проглотить и переварить»²⁶.

Польские власти уделяли колоссальное внимание церковной политике, стремясь использовать ее как орудие денационализации восточнославянских меньшинств. Эффективным орудием полонизации была католическая церковь. Белорусский национальный комитет в Вильно указывал, что «после обучения в Виленской католической семинарии белорусские и литовские дети забывают родной язык и, так как воспитание ведется в польском духе и на польском языке, становятся апостолами полонизации»²⁷. Белорусы-католики рассматривались Варшавой как «потенциальные поляки» и подлежали первоочередной полонизации. Польские власти и католическая церковь «не допускали появления белорусского движения в костеле»²⁸.

Для ослабления православной церкви использовались и силовые методы. К июню 1936 г. только в этнически белорусских регионах Польши в костелы было превращено более 1300 православных храмов.

Массовый насильственный перевод в католицизм инспирировался властями и на Волыни, населенной православными украинцами. В Кременецком повете Волынского воеводства только в декабре 1937 — январе 1938 гг. вынужденно «перешли в католичество около 900 человек»²⁹.

Несмотря на негативно-враждебное отношение к православной церкви со стороны польских властей, воспринимавших ее как наследие России³⁰, Варшава стремилась не только ослабить православную церковь путем ревиндикаций и сокращения приходов, но и использовать ее как орудие этнокультурной политики. Это проявилось в «подчинении православной церкви государственному аппарату и в стремлении использовать ее для ассимиляции непольского населения»³¹. Провозглашение автокефалии православной церкви в Польше в 1925 г., негативно воспринятое православным населением³², и полонизация церкви в 1930-е гг. были следствием данной политики. Насильственное навязывание автокефалии нарушало статью VII Рижского договора, провозглашавшую обязательство сторон «не вмешиваться в дела, касающиеся устройства церкви»³³.

Политика полонизации православной церкви отличалась системностью и последовательностью. 20 января 1930 г. полесский воевода в обращении к старостам требовал «строгого соблюдения правил польского написания имен православного населения», ранее указывавшихся по правилам русского языка. К документу прилагался список церковно-славянских имен в переводе на польский язык³⁴, в соответствии с которым имя «Аввакумъ» должно было указываться как «Abbakum», имя «Авдій» как «Abdjusz» и др.³⁵ В мае 1933 г. полесский воевода напоминал об этом распоряжении, требуя его неукоснительного соблюдения при указании имен в метриках, выдаваемых православным духовенством. Подобный документ был издан и новогрудским воеводой, требовавшим в инструкции старостам Новогрудского воеводства 24 мая 1934 г. записывать акты гражданского состояния «только на государственном языке»³⁶.

С середины 1930-х гг. процесс полонизации православной церкви перешел на более высокий организационный уровень. Созданный в 1935 г. Комитет по национальным вопросам при Совете министров Польши принял решение о превращении православной церкви в «инструмент распространения польской культуры на восточных землях»³⁷. Для реализации этой цели ликвидировались православные духовные семинарии в Вильно и Кременце; подготовка православного духовенства переносилась в Варшаву; польский язык вводился в церковное делопроизводство, проповеди и преподавание религии; издание церковной литературы переводилось на польский язык³⁸. С ликвидацией православных семинарий в Вильно и Кременце и с переносом подготовки

православного духовенства на факультет богословия Варшавского университета с преподаванием на польском языке распространилась практика проповедей на польском языке в православных храмах. В 1935 г. в Белостоке при поддержке властей было создано «Общество православных поляков имени Пилсудского», занявшееся системной полонизацией православной церкви. Аналогичная организация «Дом православных поляков имени Батория» была создана в Гродно³⁹. Процесс полонизации православной церкви был окончательно институализирован с созданием в декабре 1938 г. в Гродно польского Научно-издательского православного института, распространявшего «среди населения Западной Беларуси идею православия как польской государственной религии»⁴⁰.

Орудием ассимиляции украинцев и белорусов в Польше были переписи населения, являвшиеся не только «отражением реальности», но и «средством конструирования этой реальности»⁴¹. Отбор лиц на должности счетных комиссаров определялся этноконфессиональной принадлежностью и политической благонадежностью⁴². Как правило, все счетные комиссары были поляками и католиками, хотя подавляющее большинство населения восточных воеводств составляли белорусы и украинцы. По официальным данным, «в 1921 г. в Виленском, Белостокском, Новогрудском и Полесском воеводствах проживал 1 миллион 34,6 тысячи белорусов, а в 1931 г. — лишь 984,1 тысячи. Для увеличения численности поляков к ним специально приписывали значительную часть белорусских католиков; использовались различные методы фальсификации итогов переписи»⁴³. При этом польские ученые оценивали реальную численность белорусов в межвоенной Польше в 1,4–1,6 миллиона, а белорусские деятели — в 2–3 миллиона⁴⁴.

Мощным средством полонизации была полная ликвидация образования на родном языке. Если в начале 1919 г. существовало 359 белорусских школ, 2 учительские семинарии и 5 гимназий, то к 1938/1939 учебному году «не осталось ни одной белорусской школы. Белорусская молодежь была полностью лишена образования на родном языке»⁴⁵. В обращении к советскому военному комиссару г. Вилейка бывшего Виленского воеводства Польши 1 октября 1939 г. житель местного хутора Левково Александр Ивашилко, выражая желание стать учителем в родном селе, объяснял, что не мог получить место учителя от польских властей по причине того, что он «по происхождению русский человек — белорус и подозреваемый в сочувствии к советской власти»⁴⁶. Подобная картина была типичной на западнобелорусских землях.

Чуть лучше была ситуация на украинской Волыни, где «в 1937/1938 учебном году было лишь 8 школ с украинским языком обучения (0,4% от общего количества начальных школ)»⁴⁷. При этом

подавляющее большинство учителей на восточнославянских землях являлись поляками.

Один из лидеров белорусского движения, депутат польского сейма Бронислав Тарашкевич заявил в Праге в ноябре 1924 г.: «Степень социального и национального угнетения белорусов в Польше переходит границы возможного; массы настроены большевистски, симпатии их направлены на СССР»⁴⁸. Созданная большевиками белорусская и украинская государственность в виде БССР и УССР, а также поддержка белорусской и украинской культуры в СССР привлекли внимание восточнославянской интеллигенции в Польше, страдавшей от дискриминационной политики властей. Варшава с тревогой наблюдала за ростом просоветских симпатий среди восточнославянских меньшинств. Видный польский знаток национального вопроса Леон Василевский отмечал, что советская политика объединила этнографические белорусские земли в границах БССР⁴⁹. Признавая угнетение белорусов в Польше, Василевский писал: «Это тем более достойно сожаления, что Советская власть не жалеет средств для завоевания симпатий белорусов и превращения их в орудие борьбы с Польшей»⁵⁰.

* * *

В конце 1930-х гг. национальная дискриминация белорусов и украинцев в Польше достигла своего пика. Правовой основой этого стало решение Варшавы о выходе из ранее заключенных международных соглашений о правах национальных меньшинств, озвученное главой МИДа Польши Юзефом Беком в сентябре 1934 г. После смерти Пилсудского в 1935 г. в Польше усилились авторитарные тенденции. В лагере пилсудчиков вместо государства высшей целью провозглашалась польская нация; «главным вектором идейной трансформации правящего лагеря стали национализм и католицизм»⁵¹. В национальной политике это привело к усилению полонизации непольского населения и православной церкви; власти все чаще прибегали к силовым действиям, используя армию и полицию. Усиление репрессивного компонента польской политики проявилось в создании концентрационного лагеря в местечке Береза-Картузская на территории Полесья. Юридическим основанием этого стал изданный 17 июня 1934 г. декрет президента Польши Игнация Мосцицкого и правительства об изоляции «социально опасных элементов». С июня 1934 до 17 сентября 1939 г. «в местечке Береза-Картузская Полесского воеводства действовал концлагерь, режим в котором не уступал варварским порядкам в концлагерях нацистской Германии»⁵². Узниками концлагеря были коммунисты и активисты белорусского и украинского движения в Польше.

Вопросами нацменьшинств занимался специально созданный в 1935 г. Комитет по национальным вопросам при правительстве Польши. Взятый Варшавой курс на ужесточение ассимиляционной политики проявился в преследовании белорусских и украинских общественных организаций, в репрессиях по отношению к восточнославянской прессе, в закрытии белорусских и украинских школ и в наступлении на православную церковь. Уже в ноябре 1930 г. руководство Полесского воеводства требовало от старост усилить контроль над представлениями театров нацменьшинств и в случае обнаружения «антигосударственных тенденций» запрещать представления. На самих представлениях было необходимо присутствие представителя полиции или старосты⁵³.

В 1936 г. чешская пресса отмечала то, что в Польше «судебные процессы против белорусской прессы стали обыденным явлением: редактор газеты “Новый шлях” Козловский в 1935 г. был осужден на 4 недели и оштрафован на 100 злотых за публикацию стихов. По аналогичному поводу был осужден на 2 недели и оштрафован на 50 злотых редактор “Шляха моладзи” Найдзюк»⁵⁴. Уже в 1929 г. старосты Полесского воеводства по распоряжению воеводы завели специальные картотеки на ведущих общественных деятелей из числа нацменьшинств⁵⁵. В 1930-е гг. администрация Полесского воеводства направляла старостам многочисленные инструкции по совершенствованию методов сбора информации о деятельности белорусских, украинских и еврейских легальных и нелегальных организаций⁵⁶. В августе 1933 г. полесский воевода Вацлав Костек-Бернацкий в конфиденциальном документе старостам обращал их внимание на то, что причиной нарушения «спокойствия и порядка» является «демагогическая агитация оппозиционных и подрывных элементов»⁵⁷. Воевода указывал, что отныне «первоочередная задача панов старост — сфера безопасности» и что «необходимо тщательное наблюдение и подавление в зародыше»⁵⁸ любых антигосударственных тенденций. Воевода требовал от старост ежемесячно представлять ему подробный аналитический доклад о положении нацменьшинств и о деятельности их обществ⁵⁹.

В 1937–1938 гг. руководители восточных воеводств наметили ряд мер по усилению полонизации непольского населения. На совещании воевод и командующих корпусами восточных воеводств 24 апреля 1937 г. в Гродно выступавшие призывали к «усилению польского элемента» в восточных воеводствах путем подрыва влияния православной церкви, усиления католицизма, усиления польского образования и культуры, а также польской колонизации. По словам участника совещания, генерала бригады Чеслава Ярнушкевича, «нужно любой ценой усилить польский элемент... Польская культура должна доминировать на восточных

землях. Только она оставила тут глубокий след, в то время как московщина — лишь налет»⁶⁰.

В национальной политике польская администрация прибегала к принципу «разделяй и властвуй». Это проявилось в административной изоляции Восточной Галиции с ее развитым украинским движением от других населенных украинцами областей, где украинское движение было развито слабее. К подобной практике прибегали волинский воевода Генрик Юзевский и полесский воевода Костек-Бернацкий, стремившиеся административными запретами ослабить влияние галицких обществ на украинское население.

В конце 1930-х гг. польские власти закрыли ряд белорусских организаций, отстаивавших права белорусского меньшинства. Белорусский национальный комитет в Вильно 12 мая 1935 г. констатировал «крайне тяжелое положение белорусского народа под властью Польши»⁶¹. В 1936 г. были закрыты Белорусский институт экономики и культуры и Товарищество белорусской школы. В 1938 г. городские власти Вильно приостановили деятельность Белорусского национального комитета на основании того, что эта организация «стремилась к созданию независимого белорусского государства и к отрыву от Польши ее восточных земель»⁶².

Полный разгром белорусских обществ и образования к концу 1930-х гг., тем не менее, не удовлетворил Варшаву. 23 июня 1939 г. в секретном докладе в МВД Польши белостокский воевода Генрик Осташевский констатировал, что «сейчас можно еще белорусов ассимилировать, но в этом направлении у нас почти ничего не сделано, а если и сделано, то очень мало»⁶³. Таким образом, колоссальный объем мер, предпринятых польскими властями для полонизации белорусов, представлялся белостокскому воеводе недостаточным. Он указывал, что «белорусское население подлежит полонизации. Оно представляет собой пассивную массу без национального сознания, без государственных традиций... Надо, чтобы оно мыслило по-польски и училось по-польски в духе польской государственности»⁶⁴. Здесь же Осташевский выражал сожаление в связи с «давними русскими симпатиями» белорусов, которые поддерживаются «православным духовенством, русскими националистами и советской пропагандой»⁶⁵. Вместо этого, по словам Осташевского, у белорусов необходимо «выработать симпатии к Польше» путем усиления польской пропаганды и инвестиций «в народное образование, транспорт и здравоохранение»⁶⁶. Подобным образом высказывались и другие польские политики.

Формы и интенсивность полонизации в конце 1930-х гг. отличались в зависимости от специфики восточнославянского населения различных

регионов Польши. Белорусы признавались польскими властями податливыми польскому культурному влиянию. На территории воеводств с белорусским населением Варшава проводила системную полонизацию административными методами.

В стратегически важных внутренних областях с украинским населением польские власти прибегали к репрессиям и силовым методам. В 1938 г. на Волыни был свернут так называемый «Волынский эксперимент», направленный на частичное удовлетворение культурных запросов украинского населения и его интеграцию в польскую общественно-политическую жизнь. Инициатор эксперимента воевода Генрик Юзевский был отозван, и началась кампания «усиления польскости». Она проявилась в нескольких волнах «пацификации», выражавшейся в массовых облавах и арестах. Акции «пацификации» на Волыни имели место в 1935 и в 1938–1939 гг., когда было арестовано более 700 человек. В результате многочисленных судебных процессов к июню 1939 г. 207 волынских членов ОУН были приговорены к тюремному заключению на срок от 1 до 13 лет. В концлагере в г. Береза-Картузская «к началу сентября 1939 г. из 7 тысяч новых заключенных 4,5 тысяч и были украинцами»⁶⁷.

В Восточной Галиции к «пацификации» украинского населения путем массовых облав и арестов польские власти прибегали с 1930 г., что было реакцией на саботаж и террор со стороны украинских националистов⁶⁸. С середины 1930-х гг. Варшава проявляла растущее беспокойство сотрудничеством украинских националистов со спецслужбами нацистской Германии. 15 июня 1934 г. в центре Варшавы боевик ОУН смертельно ранил министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого, что стало самым резонансным терактом украинских националистов. В марте 1939 г. правительство Польши, обсудив «украинский вопрос», подготовило план «усиления польского элемента в Восточной Малой Польше», предусматривавший рост польской колонизации сельских районов Галиции, увеличение польского населения городов и усиление «польской национально-просветительской работы среди местного населения»⁶⁹. В декабре 1938 г. влиятельный украинский политик Василий Мудрый, лидер Украинского национально-демократического объединения (УНДО), тщетно пытавшегося выстроить конструктивное сотрудничество с властями, «официально заявил в сейме о неуспешности польско-украинского союза; о том, что польская сторона не оправдала надежд украинцев»⁷⁰.

На Холмщине и в южном Подляшье в составе Люблинского воеводства, где проживало православное украинское население, польские власти, опираясь на полицию и армию, в 1938 г. развернули масштабную

акцию по уничтожению православных храмов. Этот шаг объяснялся «изначальной польскостью» данных земель, а наличие здесь православного населения трактовалось как наследие русификаторской политики России. Акция по ликвидации православных церквей на Холмщине и в Подляшье, начатая в мае 1938 г., привела к уничтожению как минимум «127 православных храмов в этом регионе. Драматизм происходившего усиливался крайней грубостью и высокомерным отношением властей к населению. Потери для населения были особенно велики, поскольку уничтожаемые церкви часто были единственными храмами в селе. Не учитывалось и то, что ряд церквей представлял собой историческую ценность»⁷¹. Религиозные и национальные чувства местного населения часто подвергались демонстративному глумлению со стороны официальных лиц, оставив глубокую травму в исторической памяти коренного населения. Данная акция не была инициативой только местных властей, «напротив, это являлось элементом последовательной политики государства, запланированной на много лет»⁷².

Бrutальные действия польских властей, направленные на ликвидацию православной церкви в Подляшье и на Холмщине, вызвали критическую реакцию международной общественности и украинской диаспоры. Отголоски кампании по ликвидации православных церквей в Подляшье докатились до западнобелорусских земель. По решению властей были разрушены православные храмы в Гродно и в Белостоке под надуманным предлогом, что они не вписывались в план развития этих городов⁷³. Кирпич от разрушенного в Гродно храма Александра Невского, представлявшего архитектурную ценность и являвшегося «одним из красивейших в городе», власти использовали для строительства зоопарка⁷⁴.

Характеризуя положение белорусов в Польше в конце 1930-х гг., чехи отмечали их деморализацию, констатируя, что «белорусы не могут добиться справедливости у польских властей»⁷⁵. По мнению пражского журнала «Словански пршеглед», «ни польские власти, ни польская общественность не сотрудничают с белорусской общественностью. Белорусы как народ в Польше неправы»⁷⁶. «Ориентация польского правительства на решение белорусской проблемы путем ассимиляции белорусов оказалась противоречащей интересам государства... Не только советская пропаганда, но и практическая политика властей усилили среди белорусского населения тенденции радикальной антигосударственной оппозиции»⁷⁷, — отмечает польский историк из Белостока Евгений Миронович.

Сказанное в статье в значительной степени объясняет поведение населения Западной Беларуси и Западной Украины, восторженно встречавшего части Красной армии 17 сентября 1939 г. «Население встречает

нас как освободителей. Мы проходили мимо сел, украшенных красными флагами, — вспоминал участник событий полковник Александр Мисюрев о вступлении подразделений Красной армии в западнобелорусский город Новогрудок. — На домах были вывешены лозунги: “Спасибо товарищу Сталину за освобождение Белоруссии от польского ига”. Девушки дарят красноармейцам букеты цветов. Эти дни стали для населения радостным праздником»⁷⁸.

Начальник агитационной машины ЦК КП(б)Б М. М. Фридман, объехавший ряд городов Западной Беларуси в период с 24 сентября по 26 октября 1939 г., сообщил в отчете, что их агитационную группу «во всех местечках с восторгом приветствовали, благодарили Советскую власть за освобождение от ига капитала и польских панов...»⁷⁹ Подобное поведение было яркой, убедительной и при этом весьма неутешительной для польских властей спонтанной оценкой населением национальной политики Варшавы в межвоенный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Черновицкая Ю. В. «Косвенный» геноцид в современном обществе // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 167.

² Dmowski R. Swiat powojenny i Polska. Warszawa, 1931. S. 305.

³ Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1926. S. 17.

⁴ Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowski. Białystok, 2007. S. 10.

⁵ Kurier Wileński. 13.X.1926. № 237.

⁶ Польша — Беларусь (1921—1953). Сб. док-тов и мат-лов. Минск, 2012. С. 33.

⁷ Мірановіч Я. Беларусы ў Польшчы (1918—1949). Вільня, Беласток, 2010. С. 17.

⁸ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 4.

⁹ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 35.

¹⁰ Магочій П. Р. Ілюстрована історія України. Київ: Критика, 2012. С. 328.

¹¹ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 32.

¹² Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 2516. Л. 1.

¹³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 2516. Л. 1—3.

¹⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 1091. Л. 7.

¹⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 1089. Л. 7.

¹⁶ НАРБ. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ НАРБ. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 7—15.

¹⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 18. Л. 15.

- ²⁰ НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр. 13978. Л. 97–99.
- ²¹ *Борисёнок Е. Ю.* Несоветская украинизация. Власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М., 2017. С. 139.
- ²² *Луцкевич А.* Польская окупація у Беларусі. Вільня, 1920. С. 7.
- ²³ Там же. С. 11.
- ²⁴ Беларускія ведамасыці. 1921. № 5.
- ²⁵ *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy... S. 8.
- ²⁶ *Zaprudnik J.* Belarus at a Crossroads in History. Boulder–San Francisco–Oxford, 1993. P. 86.
- ²⁷ НАРБ. Ф. 879. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 136.
- ²⁸ *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy... S. 56.
- ²⁹ *Борисёнок Е. Ю.* Указ. соч. С. 219.
- ³⁰ *Papierzyńska-Turek M.* Historyczne uwarunkowania ogłoszenia autokefalii Kościoła Prawosławnego w Polsce w 1925 r. // Autokefalie Kościoła Prawosławnego w Polsce. Białystok, 2006. S. 152.
- ³¹ Ibidem. S. 151.
- ³² *Цымбал А.* Становішча праваслаўнай царквы ў Заходняй Беларусі (1921–1939) // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 10. С. 36.
- ³³ Польша — Беларусь. Сб. док-тов и мат-лов... С. 34.
- ³⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 508. Л. 22.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 112.
- ³⁷ *Загідулін А.* Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939). Гродна, 2003. С. 117.
- ³⁸ *Цымбал А.* Указ. соч. С. 40.
- ³⁹ *Загідулін А.* Указ. соч. С. 124.
- ⁴⁰ Там же. С. 125.
- ⁴¹ *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 176.
- ⁴² ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 2490. Л. 18.
- ⁴³ *Вабішчэвіч А.* Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1919–1939). Брэст, 2008. С. 12.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Польша — Беларусь. Сб. док-тов и мат-лов... С. 15.
- ⁴⁶ НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр. 13978. Л. 120.
- ⁴⁷ *Борисёнок Е. Ю.* Указ. соч. С. 156.
- ⁴⁸ НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 225. Записка о положении белорусской эмиграции.
- ⁴⁹ НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр. 1974. Л. 25.
- ⁵⁰ *Wasilewski L.* Sprawa kresów i mniejszości narodowych w Polsce. Warszawa, 1925. S. 17.

⁵¹ *Купріянович Г.* Принципи полонізаційно-ревіндикаційної акції на Холмщині та Південному Підляшші в 1938–1939 роках // Акція бурzenia cerkwi prawosławnych na Chełmszczyźnie i Południowym Podlasiu w 1938 roku. Uwarunkowania, przebieg, konsekwencje. Chełm, 2009. S. 67.

⁵² Польша — Беларусь. Сб. док-тов и мат-лов... С. 16.

⁵³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 18. Л. 16.

⁵⁴ Slovanský přehled. 1936. Číslo 1. S. 22.

⁵⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 6. Л. 10–24.

⁵⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 5. Л. 2–30.

⁵⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 5. Л. 61.

⁵⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 5. Л. 63.

⁵⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 18. Л. 1.

⁶⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 1091. Л. 4–5.

⁶¹ НАРБ. Ф. 879. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 5.

⁶² НАРБ. Ф. 879. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 3.

⁶³ НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр. 14700. Л. 16.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Борисёнок Е. Ю.* Указ. соч. С. 218.

⁶⁸ *Магочій П. Р.* Ілюстрована історія України. Київ, 2012. С. 328.

⁶⁹ *Борисёнок Е. Ю.* Указ. соч. С. 221.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ *Papierzyńska-Turek M.* Uwarunkowania i skutki polityczne masowego burzenia cerkwi prawosławnych u schyłku II Rzeczypospolitej // Акція бурzenia cerkwi prawosławnych na Chełmszczyźnie i Południowym Podlasiu w 1938 roku. Uwarunkowania, przebieg, konsekwencje. Chełm, 2009. S. 38.

⁷² Акція бурzenia cerkwi prawosławnych na Chełmszczyźnie i Południowym Podlasiu w 1938 roku.

⁷³ *Мірановіч Я.* Указ. соч. С. 43.

⁷⁴ *Кривонос Ф.* Белорусская православная церковь в XX столетии. Минск, 2008. С. 92.

⁷⁵ Slovanský přehled. 1936. Číslo 7. S. 251.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy... S. 125.

⁷⁸ НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр. 14001. Л. 1–2.

⁷⁹ НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр. 13978. Л. 95.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ

Александр Киселёв

1 августа 1939 г. польский писатель Витольд Гомбрович отплыл на теплоходе «Храбрый» рейсом на Буэнос-Айрес. На расспросы друзей о причинах своего отъезда он отвечал: «Вы не умеете читать газет!» Если классик польской литературы XX в. сумел в газетных строках увидеть грядущую войну, то современное прочтение старых газет тем более дает возможность постфактум оценить польскую прессу.

Представляет интерес вопрос, как создатели польского общественного мнения оценивали внешнеполитическую ситуацию и политический курс страны в преддверии Второй мировой войны. В политической жизни накануне 1 сентября 1939 г. следует выделить несколько ключевых событий, которые имели существенное значение для польской внешней политики. К ним, по нашему мнению, относятся англо-французские гарантии Польше, официальный отказ от немецких требований по Гданьску и экстерриториальной дороге, денонсация нацистской Германией пакта о ненападении с Польшей и заключение советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

*Польская пресса об англо-французских гарантиях
и германских требованиях*

Известие о выступлении в Палате общин 31 марта 1939 г. британского премьер-министра Невилла Чемберлена, гарантировавшего в одностороннем порядке защиту Польши от германской агрессии, на страницах

официозной «Польской газеты» (*Gazeta Polska*) было расценено как революция во внешней политике Великобритании. Одним из признаков этой революции, по мнению проправительственных журналистов, стал постепенный отказ Великобритании от «восточного комплекса», который заключался в придании «исключительно высокого значения роли России в Европе, и стремлениях любой ценой привлечь ее к сотрудничеству»¹. Действия Великобритании и Франции санационной прессой расценивались как запоздавшее признание важности военной и политической роли Польши.

Показательно, что схожие оценки дал ежедневник «ABC», который представлял одну из фракций запрещенного политическим режимом санации в 1934 г. крайне правого Национально-радикального лагеря (*Obóz Narodowo-Radykalny, ONR*). Ведущий публицист издания Ян Королец отметил, что соглашение «создает новую защиту мира и равновесия в Европе» и дополняет систему международных польских договоров. При этом журналист считал, что британские гарантии не перечеркивают польско-германский пакт о ненападении. Он осторожно заметил, что «если бы Германия не проводила в дальнейшем политики постоянных захватов, то польско-английский пакт скорее бы укрепил существующий пакт о ненападении»². Последовавшее чуть позже подтверждение гарантий со стороны Франции позволило ежедневнику с гордостью заявить о том, что «западные державы осознали значение Польши как самого сильного государства в Восточной Европе, от позиции которого в значительной степени зависит ход событий в этой части континента»³.

Такую же положительную оценку признания политической значимости Польши и ее сближения с великими державами высказали находящиеся на противоположном от ONR политическом фланге представители главного периодического издания Польской социалистической партии (*Polska Partia Socjalistyczna, PPS*) ежедневника «Рабочий» (*Robotnik*). В частности, ведущий публицист «Рабочего» и лидер PPS Мечислав Неджялковский в заметке «Верный исторический путь» с удовлетворением констатировал, что «история «обрекла» нас на сотрудничество с западными державами не в роли «клиентов», но в роли равноправного фактора в мире»⁴. По его мнению, политика Адольфа Гитлера «с математической точностью повторяет все ошибки правительства Вильгельма II»⁵.

Черeda успешных действий Германии на самом деле запустила процесс объединения усилий Великобритании и Франции против «государства господ»⁶, каким явила себя миру нацистская Германия. Неджялковский уверял, что факт «соглашения Вашингтон — Лондон —

Париж — Варшава дает много шансов на сохранение мира и ограничение захватнических комбинаций»⁷.

Обзор польской прессы оставался бы неполным без описания реакции представителей самого влиятельного идейного течения в межвоенной польской общественно-политической мысли — национал-демократов. В главном печатном издании эндеков еженедельнике «Национальная мысль» (*Myśl Narodowa*) восторженно прокомментировали выступление премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена, в котором Польше обещались гарантии. В заметке под броским заголовком «Польша лежит в центре мира» с удовлетворением констатировалось, что немецкая политика наконец-то заставила Западную Европу отказаться от иллюзий. Прежние симпатии к «рожденной в масонском фартуке Чехословакии» пришлось забыть. Теперь «Польша на устах всего мира», так как от ее политики «зависит все»⁸.

Эта мысль неоднократно модулировалась на страницах издания. Так, в выпуске от 23 апреля с чувством гордости провозглашалось, что в «существующей политической системе Европы Польша рядом с Францией и Англией является третьей великой державой», которой «географическое положение плюс военная сила дают... ключевое положение»⁹.

Вместе с тем заново обретенных союзников подвергали критике за их пагубную приверженность искать себе опору против Германии восточнее Польши. В номере от 2 апреля осуждалась французская политика по созданию в Восточной Европе широкого объединения под эгидой России, что требовало от Польши «добровольного прочного присоединения к системе восточноевропейской, то есть российской (а сегодня, скорее, большевистской)», что противоречило всей польской «истории, географии и здравому смыслу»¹⁰. Исходя из своих интересов Польша может заключать соглашения со своими западным и восточным соседями, но она никогда не пойдет на договоры, которые приведут к утрате ее «суверенности». По словам молодого публициста Карла Стефана Фрыча, в грядущей войне Польша будет сражаться на правой стороне, «против языческой свастики выставит крест, а против Европы коллектива — Европу личностей и семей, организованных по-христиански и основанной на свободе»¹¹.

Интересно то, что близкий к высшему клиру римско-католической церкви «Голос народа» (*Głos Narodu*) считал рецептом спасения мира в Европе систему коллективной безопасности. На страницах издания критиковалась прежняя польская внешняя политика, отрицавшая до последнего времени подобную концепцию и возлагавшая надежду на двусторонние соглашения. В противном случае уже в 1937 г. удалось бы создать оборонительный союз Франции, Польши и стран Малой

Антанты, который предотвратил бы аншлюс Германией Австрии и раздел Чехословакии. Расчеты и приобретения польской дипломатии обернулись расширением польско-немецкой границы и переходом Венгрии на прогерманские позиции¹².

Вместе с тем восточному соседу Польши идеологи христианской демократии отказывали в праве стать участником системы коллективной безопасности. Они полностью поддерживали позицию польской дипломатии, блокировавшей возможность «привлечения России в это широкое соглашение»¹³. Причина заключалась в идеологической несовместимости СССР с «господствующей в остальной Европе идеологией», поскольку советская идеология «имеет безбожный и революционный характер»¹⁴.

На страницах издания со ссылкой на мнение военных кругов высказывалось сомнение в «военной готовности... человеческого материала» СССР, который остается «большим неизвестным». Утверждалось, что военный конфликт на Дальнем Востоке исключил какое-либо активное советское участие в «европейской войне»¹⁵. Публицисты издания полагали, что в отличие от Франции и Великобритании Польша выполняет важнейшую миссию в Европе, поскольку ни много ни мало защищает «само христианство»¹⁶.

Последовавший по инициативе Берлина разрыв польско-германского пакта о взаимном ненападении от 1934 г. вызвал дружное осуждение и негативные оценки в польской периодике. Некоторые издания, отражая настроения в определенных кругах польского общества, расценивали произошедшее как закономерный финал прежней политики и всей истории польско-германских отношений. Станислав Козицкий на страницах «Национальной мысли» назвал денонсацию пакта «уничтожением фикции»¹⁷, поскольку немецкая дипломатия и не собиралась его соблюдать. Напротив, Польша «серьезно приспособлявала свою политику к пакту 1934 г.; многие даже полагали, что чрезмерно серьезно»¹⁸. Отклонение Польшей германских претензий на Гданьск и требований строительства экстерриториальной дороги был, по мнению Козицкого, совершенно правильным. Ведь исторический опыт свидетельствует, что уступки «были бы вступлением к дальнейшим уступкам»¹⁹. По словам публициста, Германия полностью раскрыла свои планы. Она «считает Восточную Европу своим “жизненным пространством” и устанавливает свой “порядок” в этой части континента по своему разумению»²⁰. Польский выбор заключается между участием Чехословакии или борьбой против немецкой гегемонии над Восточной Европой.

В отличие от «Национальной мысли» отражавшая позицию официальной Варшавы «Польская газета» первоначально более сдержанно

отреагировала на выход Германии из соглашения. На страницах издания отмечалось, что Польша дорожит заключенным в 1934 г. польско-германским соглашением и далеко пошла в деле компромисса о статусе вольного города Гданьска. Однако польская сторона не допустит превращения своего «жизненного пространства» в дополнение «жизненного пространства» Германии²¹. Польша никогда не будет покупать добрососедские отношения с Третьим рейхом путем «односторонних уступок, политической изоляции и отказа от истинной независимости»²². Публикуя текст выступления Гитлера в рейхстаге, провозгласившего денонсацию пакта, «Польская газета» заверяла читателей в том, что эта речь «не увеличила в Европе состояния тревоги, но и не смягчила ситуацию»²³.

Таким образом, польская пресса воспринимала произошедшие в марте-апреле 1939 г. события главным образом через призму идеологических оценок, чем рационалистического анализа интересов участников международных отношений. При этом в англо-французских односторонних гарантиях Второй Речи Посполитой польские авторы увидели лишь признание политического значения Польши как главного партнера западноевропейских держав на востоке Европы.

Отражение англо-франко-советских переговоров в польской прессе

Не менее показательным для характеристики общественных настроений является относительно слабый интерес польской прессы к англо-франко-советским переговорам в Москве летом 1939 г.

Максимумом внимания санационной «Польской газеты» стало размещение преимущественно кратких официальных корреспонденций о прибытии и деятельности англо-французской делегации в Москве. Главный еженедельник национал-демократов «Национальная мысль» также обошел стороной проводившиеся в Москве переговоры. Основным предметом обсуждения в национал-радикальном ежедневнике «АВС» стал вопрос о принятии советской трактовки понятия «косвенная агрессия». По мнению обозревателя газеты, принятие его в советской версии означало бы зеленый свет для вмешательства СССР во внутренние дела прибалтийских государств. Интересно, что автор признавал обоснованность опасений резкого усиления немецкого влияния в этих странах. Однако рецептом решения прибалтийского вопроса провозглашалось подключение к нему Польши с одновременным исключением Советского Союза. Польша объявлялась единственной страной, которая может «ограничить советский и немецкий империализмы», но при

этом для которого «полная и настоящая независимость балтийских государств является существенным жизненным интересом»²⁴.

Консервативное «Слово» (Słowo) враждебно относилось к идее советско-франко-британского союза. Ведущий публицист ежедневника Станислав Мацкевич считал, что Франции и Великобритании вместо того, чтобы вести переговоры с СССР, следовало попытаться перетянуть на свою сторону Италию. Он утверждал, что в Западной Европе переоценивают «советские военные возможности» и «недооценивают качества Польши» и совершенно не понимают заинтересованности советского руководства в войне «между миром парламентарно-индивидуалистическим-демократическим-капиталистическим (Англия и Франция) и миром автаркическим-этатистским-националистическим (Германия, Италия, Япония)» с целью распространения «большевизма»²⁵. Чуть позже в заметке «Англо-советские переговоры» другой публицист издания полагал, что объединенных сил Великобритании, Франции и Польши вполне достаточно для отражения немецкой агрессии, поэтому вероятный срыв англо-советских переговоров не грозит «никакой катастрофой»²⁶. Любопытно, что Великобритания в этих переговорах изображалась как заинтересованная в приобретении дополнительного союзника против Германии сторона. В свою очередь позиция СССР интерпретировалась как стремление в приобретении для себя максимальных уступок и преференций при осознании полной гарантированности своих границ от немецкой военной агрессии.

«Голос народа» регулярно публиковал сообщения телеграфных агентств о ходе переговоров в Москве. Однако несмотря на признание, что «присоединение России к европейской системе защиты намного увеличивает шансы мира, сводит возможность войны к абсурду», главный редактор Ежи Турович упрекал «Запад в недооценке сил Польши, силы России измеряет в квадратных километрах пространства и численности населения, не обращая внимания на то, что Польша имеет систематически развиваемую в течение ряда лет отличную армию»²⁷. Ведущий публицист крайне низко оценивал военные качества Красной армии и совершенно не критиковал нежелание Польши даже слышать «о проходе маршем солдат мировой Революции» через свою территорию.

Если правые и консервативные издания заняли непримиримую позицию в отношении переговоров, то в левых кругах доминировали иные настроения. В частности, на страницах социал-демократической «Рабочей газеты» (Gazeta Robotnicza) тональность материалов показывала желательность прихода к соглашению в Москве. Более того, ряд изданий за их непримиримо антисоветскую позицию обвинялся в подыгрывании нацистской пропаганде, заинтересованной в представлении

Польшу как основного противника СССР на западной границе. Если на страницах «Слова» и «АВС» вина на затягивание переговоров возлагалась на СССР, то в печатном издании польских социалистов таких категоричных заявлений не делалось.

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что в прессе вопрос о необходимости активного участия Польши в проходящих в Москве переговорах практически не ставился. Например, «Голос народа», поместив 8 августа сообщение о том, что советская сторона выразила заинтересованность в приглашении на переговоры военных миссий польской стороны, оставил его без каких-либо комментариев. Большая часть творцов общественного мнения открыто занимала непримиримую позицию в отношении каких-либо соглашений с Советским Союзом, а другие просто предпочитали обходить эту проблему стороной.

Освещение советско-германского договора от 23 августа 1939 г. в польской прессе

23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении, что вызвало большой интерес в польском обществе. Главный официоз страны «Польская газета» отозвался на известие о заключении договора передовицей под названием «Демонстрация, которая не нарушит равновесие». В ней констатировалось, что произошедшее не является неожиданностью для Польши, которая в отношении СССР много лет следует политическим заветам Юзефа Пилсудского. По мнению редакции газеты, СССР никогда не собирался быть «активным или решающим участником игры европейских сил»²⁸. Это обусловлено тем, что советская Россия изначально являлась не столько европейским государством, но «евро-азиатским, ослабленным изнутри и сильно завязнувшим на Дальнем Востоке». Она «не только не имела сил, но и не проявляла ни малейшего желания быть конструктивным элементом мирной европейской политики»²⁹.

Санационные журналисты утверждали, что вся внешняя политика Советского Союза была направлена на разжигание противоречий и столкновений, а еще лучше — войны в Европе. Приписываемый Москве курс якобы диктовался коминтерновской доктриной мировой революции. Для нее-то война и должна была «расчистить дорогу»³⁰. Любопытно, что польский официоз не смутило то, что после 1937–1938 гг. Коминтерн большой активности не проявлял. Кроме того, задолго до репрессий вместо доктрины мировой революции, в которой еще можно было бы усмотреть курс на системную поддержку революционных движений, возобладаала концепция построения социализма

в одной стране. Вместе с тем указывалось на то, что само географическое положение советской России «позволяло бы ей держаться подальше от войны на первом, а может и на дальнейших этапах»³¹. По мнению журналистов издания, советско-германский договор никак не изменил политического расклада сил. Не повлиял он и на прочность англо-франко-польского союза. СССР получил способ для давления на Японию, а нацистская Германия в ведущейся «войне нервов» приобрела лишний пропагандистский аргумент. В целом панической реакции на прилет министра иностранных дел Германии Иохима фон Риббентропа в Москву на страницах издания не просматривается.

24 августа первая страница официального издания Министерства военных дел Польши «Вооруженная Польша» (*Polska Zbrojna*) открывалась передовицей с заголовком «Манифестация польско-американской дружбы», посвященной встрече посла США с президентом Польши Игнацием Мосцицким. Зато почти вся вторая страница была занята под корреспонденции о реакции заграничных держав на заключение советско-германского договора о ненападении. Заголовки красноречиво говорили о тональности публикаций: «Пакт без практического значения»³², «В Японии возмущение, в Италии и Испании растерянность»³³, «Успех для внутреннего употребления»³⁴. За четыре дня до войны публицист санационной «Польской газеты», обобщая свои наблюдения за французской реакцией на пакт, с удовлетворением констатировал, что теперь всем стало ясно, что «Россия как фактор равновесия покинула Европу»³⁵. Говорилось, что соглашение между СССР и Германией покончило с многолетними иллюзиями построения европейской системы на «российской опоре». Если раньше это вносило «деморализующие иллюзии на отношения с Польшей», но теперь во Франции всем станет ясно, что «Польша не является авангардом какого-то несуществующего, туманного славянского гиганта... но сама по себе является основанием европейского равновесия»³⁶.

В следующем номере в статье «Алгебра и пропаганда» публицист Витольд Ипохорский-Ленкевич назвал договор с СССР «актом отчаяния»³⁷ зашедшей в тупик германской дипломатии.

В статье редактора рупора польской национал-демократии «Варшавского национального ежедневника» (*Warszawski Dziennik Narodowy*) Станислава Козицкого «Гитлер и Советы» утверждалось, что подписанное в Москве соглашение является примером конъюнктурного договора в отличие от польско-британского договора. По мнению автора, целью внешней политики СССР являлись раскол Антикоминтерновского пакта и давление на Великобританию и Францию. Он даже предполагал, что Япония и Испания, в отличие от Италии, могут серьезно

отнестись к советско-германскому договору. Устремления нацистской Германии трактовались как следование прагматическим интересам, далеким от идеологических установок. Если первоначально Гитлеру было выгодно представлять Германию как защитницу стран Центрально-Восточной Европы от большевизма, то теперь по тактическим соображениям антикоммунистическая риторика была убрана. По мнению Козицкого, советско-германский договор находится в одном ряду с предложениями аналогичных пактов Румынии, Югославии, Венгрии. Эти предложения являются повторениями исторически проверенной стратегии, которая заключается в «обещании очередным народам востока Европы, что ценой согласия на поглощение соседа, находящегося ближе к Германии, их оставят в покое»³⁸. На самом деле истинные цели Германии заключаются в установлении политического господства на востоке Европы. Гитлер продолжает внешнеполитическую традицию имперской Германии времен Вильгельма II, стремясь сделать из стран Восточной Европы «свои «протектораты»³⁹. Главной целью нацистской Германии на востоке польский публицист считал Украину. Эта страна, «текущая молоком и медом, опирающаяся на Черное море и дающая доступ к кавказской нефти, могла бы на некоторое время успокоить немецкие амбиции и аппетиты»⁴⁰. Исходя из этих соображений, автор предлагал лицам, ответственным за внешнюю политику, сделать соответствующие выводы.

Печатный орган польских христианских демократов «Голос народа» полагал, что советско-германский договор не привносит ничего нового в польскую внешнюю политику. По мнению издания, подтвердились предупреждения польской дипломатии о напрасном доверии западных демократий в отношении СССР. Более того, советско-германский договор «сильно повысил значение Польши в европейской политике»⁴¹, поскольку для Франции и Великобритании стала очевидной ненадежность СССР. Заключая пакт, Советский Союз, во-первых, стремился усилить свои позиции на Дальнем Востоке; во-вторых, получить свободу рук в отношении государств Балтии. В-третьих, соглашение с Берлином дает Москве время для наблюдения за «изменением европейской ситуации, чтобы занять относительно нее выгодное положение»⁴².

Для Германии, утверждали журналисты газеты, договор с СССР одновременно был актом отчаяния и способом «устрашения противников и внесение замешательства» в антигерманскую коалицию. В последующих публикациях указывалось, что публицисты газеты всегда «считали наивностью» военные переговоры Франции и Англии с Советским Союзом, на помощь которого Польша «никогда не рассчитывала»⁴³.

В польской прессе также публиковались сообщения о негативной реакции граждан СССР на заключение пакта. В частности, «Голос

народа» уверял, что на советских предприятиях в знак протеста произошли забастовки, которых не было со времен российской революции 1917 г. Комсомольцы и члены партии якобы открыто высказывали свое недовольство и в знак протеста публично сжигали газеты с сообщениями о соглашении между Германией и СССР. Утверждалось, что идею соглашения якобы не поддерживали Климент Ворошилов и Андрей Жданов⁴⁴.

Представляет интерес первая реакция на сообщения из Москвы главного редактора консервативного «Слова» Станислава Мацкевича. В статье под названием «Ван дер Люббе» ведущий публицист этого влиятельного издания утверждал, что пакт о ненападении не вызвал такого удивления в Польше, как во Франции и Великобритании. Публицист был убежден в том, что англо-французские усилия по заключению договора с СССР были изначально обречены на неудачу. По мнению Мацкевича, главная цель советской политики заключалась во «всеобщей европейской войне, в которой они бы не принимали участия»⁴⁵. Причина такой позиции Москвы заключалась в том, что СССР, по мнению Мацкевича, был не в состоянии принимать участие в боевых действиях. Советский транспорт с трудом справляется со своими задачами даже в мирное время, степень моторизации перевозок минимальна, поголовье лошадей в два раза меньше, чем накануне коллективизации, а сельское хозяйство находится в упадке. Журналист уверенно прогнозировал, что мобилизация и военные действия мгновенно обернутся транспортным и продовольственным коллапсом еще более серьезным, чем тот, что стал причиной российской революции 1917 г. Если к этому добавить дезориентацию командного состава РККА из-за «расстрелов генералов целыми табунами»⁴⁶ и общее недовольство властями, то станет понятным, что «Советская Россия по мировым меркам не является ни особенно грозным противником, ни особенно желательным союзником»⁴⁷. Наконец, из-за конфликта с Японией СССР вынужден держать на Дальнем Востоке значительные воинские силы.

Автор статьи, отмечая слабость советских позиций, полагал, что только в Западной Европе питают иллюзии на предмет военной силы СССР, причем приблизительно такие же, какие недавно испытывали в отношении Чехословакии. Между тем, утверждал он, на востоке от Германии единственной военной силой «остается только и исключительно Польша»⁴⁸. Возможностей СССР хватает лишь на то, чтобы выиграть в войне против Эстонии и Латвии. Восточный сосед «не способен к длительным усилиям, которых будет требовать мировая война»⁴⁹. СССР не сможет оказать какую-либо существенную помощь Германии. Приобретя «настоящий нейтралитет», Советский Союз «будет ждать, пока поля Европы не превратятся в поля сражений, усыпанные тру-

пами»⁵⁰. В советско-германских отношениях главным двигателем была «трусость» Сталина, который боялся повторить судьбу императора Николая II. Именно поэтому, начиная с Брестского мирного договора 1918 г., советская сторона шла на «уступки и установление контактов» с Германией⁵¹.

Внешняя политика Гитлера привела к тому, что из идеолога крестового похода против коммунизма и создателя Антикоминтерновского пакта он превратился в угрозу для Западной Европы. Мацкевич уверенно заключил, что в будущей войне Польша окажется в союзе «свободных народов» против «объединенных коричневых и красных тоталитаризмов»⁵². В любом случае редактор журнала призывал не пренебрегать советско-германским пактом, поскольку полагал, что любое соглашение Москвы и Берлина грозит опасностью для Польши. По словам публициста, «формула хорошей конъюнктуры для польской политики» заключается в «антагонизме Берлина и России»⁵³. Он призывал читателей не прятать голову в песок, а готовиться к войне «в защиту независимости и чести»⁵⁴.

Один из руководителей PPS Неджалковский на страницах левой «Рабочей газеты» в статье «Москва и Берлин. Первые последствия» пришел к выводу, что пакт, нацеленный против Польши, на самом деле ударил «по голове... японской»⁵⁵. Договор являлся примером крайне неудачной внешней политики, разрушившей все рациональные основания немецкой дипломатии. По мнению идеолога PPS, СССР будет стремиться сыграть «роль “суперарбитра” в ближайшем или отдаленном будущем». Выигрывав время, Москва может сосредоточить усилия на дальневосточном направлении против Японии и будет стремиться «занять выжидательную позицию в случае мирового конфликта»⁵⁶. Эта стратегическая линия советской внешней политики оказывала значительную услугу Германии, что не укрылось от «народных масс Польши и Запада»⁵⁷.

Главный редактор национал-радикального ежедневника «АВС» Ян Королец назвал договор с Германией шагом советской дипломатии на пути к мировой войне, в которой «Советы, по крайней мере в начале, не принимали бы участия»⁵⁸. Мировая война была необходима Коминтерну и «мировому еврейству» с целью расчищения пути «мировой революции»⁵⁹. Редакция издания не верила в серьезность намерений СССР заключить договор с Великобританией и Францией, который мог бы установить прочную преграду на пути немецкой агрессии. Утверждалось, что договор с СССР должен был подтолкнуть нацистскую Германию к войне против государств Западной Европы. Вместе с тем признавалось, что подписание договора о ненападении между Германией

и СССР не означало того, что в отношениях двух стран наступил период широкого сотрудничества.

В заключение отметим, что немецкие претензии к Польше встретили дружный отпор в польской прессе, выступившей в поддержку позиции польской дипломатии. Британские, а впоследствии и французские гарантии от германской агрессии получили самые высокие оценки. В этом властители общественных дум усмотрели запоздавшее признание державного статуса и особого значения Польши в Восточной Европе. В складывающемся англо-французско-польском союзе видели средство предотвращения войны и гарантию Польши от территориальных претензий Германии. Показательно то, что все — от крайне правых представителей ONR до левых лидеров PPS — объединялись в поддержке союза с Францией и Великобританией. В будущем военном конфликте на Польшу открыто примерялась роль, которую в годы Первой мировой войны играла Российская империя как член Антанты. При этом в польской публицистике не скрывали своей радости от того, что, по их мнению, Западная Европа наконец-то обратила свое внимание и надежды на Польшу, а не на Россию. Вместе с тем практически никто из публицистов не задавался вопросом о причинах публичного объявления Великобританией гарантий Польше в одностороннем порядке. Отнюдь неслучайно в нацистской пропаганде впоследствии использовалась тема предательства Польши западными державами, которые вопреки столь распространенным в польском обществе ожиданиям не поспешили на помощь своему союзнику на востоке Европы.

Принципиально важно то, что за неделю до начала Второй мировой войны польское общественное мнение не оценивало советско-германский договор о ненападении в качестве прямой угрозы независимости Польши со стороны СССР. В этой связи нельзя согласиться с выводом авторов коллективной монографии, вышедшей под эгидой Института славяноведения РАН, что якобы польская «печать заговорила о приближавшемся четвертом разделе Польши»⁶⁰. На страницах польской прессы была распространена убежденность в том, что Советский Союз пошел на заключение договора с Германией, чтобы отсрочить свое вступление в войну, выигрывая для себя выгодную позицию в случае военного конфликта. Показательно, что в большинстве случаев никто напрямую не обвинял Советский Союз в том, что соглашение с Германией направлено исключительно на провоцирование войны. В нем видели скорее жесткий прагматичный расчет с целью отведения военной угрозы от своих границ, маневр уклонения от непосредственного участия в европейском военном конфликте и средство для освобождения сил для противостояния Японии на Дальнем Востоке. В целом, если было

бы можно абстрагироваться от идеологических рассуждений о польской исторической миссии и якобы советском стремлении к мировой революции, то окажется, что суждения о внешнеполитической линии Москвы накануне войны достаточно рациональны.

На страницах газет фактически одобрялся курс, проводимый в отношении СССР польским руководством. А он отрицал какое-либо тесное сотрудничество в деле международной безопасности. Такое отношение в значительной степени обосновывалось внешнеполитическими амбициями Варшавы, претендовавшей на то место, которое в годы Первой мировой войны занимала Российская империя. Срыв англо-франко-советских переговоров и заключение советско-германского договора о ненападении воспринимались как лишнее свидетельство в пользу востребованности Польши западными державами и полная дискредитация своего главного конкурента в борьбе за место основного партнера Великобритании и Франции на востоке Европы.

Оценивая позицию Германии, публицисты подчеркивали, что Берлин будет шантажировать государства Западной Европы в надежде на новый Мюнхен. Однако, заключив договор с СССР, нацисты окончательно скомпрометировали идеологические основания своей антикоммунистической политики перед странами-участницами Антикоминтерновского пакта и государствами Центрально-Восточной Европы.

Польские публицисты полагали, что советско-германские соглашения являются внешней демонстрацией, которая может угрожать независимости прибалтийских государств, но не Польше. При этом авторы ведущих газет были убеждены в том, что СССР получил по сравнению с нацистской Германией больший дипломатический выигрыш. Пресса всех оттенков общественно-политической мысли по-прежнему возлагала свои надежды на союз с Великобританией и Францией. В ее глазах советско-германское соглашение окончательно скомпрометировало СССР перед лидерами Западной Европы, подтвердив необходимость их союза с Польшей.

Несмотря на негативный образ СССР в польском общественном мнении, немецкая военная угроза воспринималась как многократно более существенная. Например, на страницах консервативного «Слова» и «Голоса народа» Советский Союз трактовался скорее как колосс на глиняных ногах, чем реальная угроза польской независимости. Подписанное в Москве 23 августа 1939 г. соглашение тонуло в многочисленных сообщениях о вооруженных стычках и провокациях на польско-германской границе, публикациях о решительных заявлениях британских и французских высших должностных лиц в знак солидарности с Польшей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Lutosławski T.* Rewolucja w Anglii // *Gazeta Polska*. 1939. № 102. 14 kwietnia. S. 1.
- ² *J. K.* Nowy układ // *ABC*. 1939. № 106. 12 kwietnia. S. 1.
- ³ *Chrzęszczewski A.* Aby wzmocnić pokój // *ABC*. 1939. № 16 kwietnia. S. 1.
- ⁴ *Niedziałkowski M.* // *Robotnik*. 1939. № 105. 15 kwietnia. S. 3.
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Ibid.*
- ⁸ *Polska leży w środku świata* // *Myśl Narodowa*. 1939. № 16. S. 235.
- ⁹ *Głosy* // *Myśl Narodowa*. 1939. № 18. S. 267.
- ¹⁰ *X. X.* Błędy Francji na Wschodzie Europy // *Myśl Narodowa*. 1939. № 14. S. 209–211.
- ¹¹ *Frycz K. S.* W obliczu wydarzeń // *Myśl Narodowa*. 1939. № 14. S. 217.
- ¹² *J. P.* Jak można uratować pokój? // *Głos Narodu*. 1939. № 101. 13 kwietnia. S. 1.
- ¹³ *J. P.* Europa po ostatnich deklaracjach // *Głos Narodu*. 1939. № 103. 15 kwietnia. S. 1.
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ *Ibid.*
- ¹⁶ *J. P.* Wielki piątek // *Głos Narodu*. 1939. № 97. 9 kwietnia. S. 1.
- ¹⁷ *Kozicki S.* Jasna sytuacja // *Myśl Narodowa*. 1939. № 20 S. 1.
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ *Ibid.*
- ²⁰ *Ibid.*
- ²¹ *Smogorzewski K.* Polska i Niemcy // *Gazeta Polska*. 1939. № 114. 26 kwietnia. S. 1.
- ²² *Ibid.*
- ²³ *K. S.* Mowa kanclerza Hitlera w Reichstagu // *Gazeta Polska*. 1939. № 117. 29 kwietnia. S. 1.
- ²⁴ *J. W.* Agresja pośrednia // *ABC*. 1939. № 223. 2 sierpnia. S. 3.
- ²⁵ *Cat.* Po wystąpieniu Laval'a // *Słowo*. 1939. № 181. 4 lipca. S. 1.
- ²⁶ *Lup.* Rokowania anglo-sowieckie // *Słowo*. 1939. № 185. 8 lipca S. 1.
- ²⁷ *J. T.* Zachód — Sowiety — Polska // *Głos Narodu*. 1939. № 191. 13 lipca. S. 1.
- ²⁸ *Demonstracja, która nie zaważy na szali* // *Gazeta Polska*. 1939. № 233. 23 sierpnia. S. 1.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Ibid.*
- ³² *Pakt bez praktycznego znaczenia* // *Polska Zbrojna*. 1939. № 234. 24 sierpnia. S. 2.
- ³³ *W Japonii oburzenie, we Włoszech i Hiszpanii konsternacja* // *Polska Zbrojna*. 1939. № 234. 24 sierpnia. S. 2.
- ³⁴ *Sukces na użytek wewnętrzny* // *Polska Zbrojna*. 1939. № 234. 24 sierpnia. S. 2.
- ³⁵ *Korab-Kucharski H.* Za sprzecznościami rzeczywistość // *Gazeta Polska*. 1939. № 237. 26 sierpnia. S. 3.

³⁶ Ibid.

³⁷ *Ipohorski-Lenkiewicz W.* Algebra i propaganda // *Gazeta Polska*. 1939. № 238. 27 sierpnia. S. 3.

³⁸ *Kozicki S.* Hitler i Sowiety // *Warszawski Dziennik Narodowy*. 1939. № 233. 24 sierpnia. S. 3.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ *W. Z. Moskiewska* niespodzianka // *Głos narodu*. 1939. № 232. 23 sierpnia. S. 1.

⁴² Ibid.

⁴³ *J. T.* Po podpisaniu paktu // *Głos narodu*. 1939. № 234. 25 sierpnia. S. 1.

⁴⁴ Rozruchy i strajki w Sowieciech następstwem paktu // *Głos narodu*. 1939. № 235. 26 sierpnia. S. 3.

⁴⁵ *Cat. Van der Luebbe* // *Słowo*. 1939. № 231. 23 sierpnia. S. 1.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ *Niedziałkowski M.* Moskwa i Berlin. Pierwsze konsekwencje // *Gazeta Robotnicza*. 1939. № 203. 24 sierpnia. S. 3.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ *J. K.* Istotny sens paktu // *ABC*. 1939. № 245. 24 sierpnia. S. 3.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012. 952 с.

РАЗВИТИЕ ПРАВОКОНСЕРВАТИВНЫХ ИДЕОЛОГИЙ И РЕЖИМОВ В ПОСТВЕРСАЛЬСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Константин Софронов, Дмитрий Суржик

...Когда нравится смотреть на страдания — или даже просто неудобства другого человека — это и есть фашизм... Но для вас, хорошо образованного, я уточню: это и есть настоящий национал-социализм...

Юлиан Семенов. «Приказано выжить»

Традиционная для советской историографии точка зрения, что в результате провала многочисленных попыток СССР создать анти-милитаристский блок Москва была вынуждена пойти на заключение с Берлином договора о ненападении и других соглашений, на наш взгляд, не устарела. В то же время факторы, двигавшие главными действующими лицами политики умиротворения, как представляется, нуждаются в уточнении. Опасения «красной угрозы», бытовавшие в англо-французской политической и экономической элите тех лет, и желание создать новый «санитарный кордон», а то и вовсе канализовать гитлеровскую агрессию на Восток против Советского Союза, без сомнения, имели определяющий характер. Но значительную роль во внутренней и внешней политике многих европейских государств играло широкое распространение, можно даже сказать, болезнь правого радикализма.

Истоки правого радикализма

Оксфордский профессор Роджер Гриффин назвал XX столетие веком фашизма, и на это у него имелись серьезные основания. Выросший из крайне правых течений, правый радикализм воплотил в себе все идеи недавней европейской общественно-политической, философской и геополитической мысли. Совмещенные с национальным колоритом, они стали цельной идеологией, весьма привлекательной для власти и капитала не только в прошлом, но и в настоящем.

В обобщенном виде праворадикальная¹ идеология строится на вождизме, национализме, милитаризме, ксенофобии, шовинизме, этатизме, антилиберализме, антикоммунизме. Вследствие двух последних сами правые радикалы часто представляют свою идеологию как «третий путь»: не капитализм и не социализм. Однако в действительности это был не «третий путь», а разновидность государственно-монополистического капитализма, переход к которому вызвало обострение социально-экономических проблем. Напомним определение фашизма, данное видным болгарским политиком Георгием Димитровым в 1935 г.: «Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Фашизм — это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм — это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике — это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть к другим народам»².

Впрочем, правые радикалы опирались не только на поддержку финансово-промышленных элит³. Широко распространившиеся в странах Центральной и Восточной Европы в межвоенный период правоконсервативные политические учения и практики имели глубинную идейную основу, сформировавшуюся из амальгамы теорий XIX в., под влиянием актуальных для постверсальского мира проблем.

Одной из таких основ являлся антинаучный ответ консервативной философии на механистически-эволюционный, материалистический вызов науки XIX в. В противовес материалистическому знанию консервативная философия развивала идеи витализма и «эфира» — души, некоей всеобщей «жизненной силы» (витализма), присущей не всем, но избранным. В роли этих избранных европейские писатели того времени предлагали европейские имперские народы. Об этом — «Бремя Белого человека» Редьярда Киплинга, «Опыт о неравенстве челове-

ческих рас» Жозефа Артура де Гобино, и такой же псевдонаучный труд «Ариец и его роль» Жоржа Ваше де Лапужа, в котором наследственность переплетается с социал-дарвинизмом. Дальнейшее развитие «ариософия» получила в книге английского интеллектуала и яркого германофила Хьюстона Стюарта Чемберлена «Основания XIX столетия». Эта книга «поднимает на щит» агрессивную политику кайзеровской империи, требует оградить Европу от влияния семитских народов и искусственно сформировать арийскую расу — будущую владычицу мира.

Расширенная трактовка социал-дарвинизма в молодой Германской империи смыкалась с культом белой расы. Созданная в 1871 г., когда колонии уже были в основном поделены, она вела особенно амбициозную и агрессивную внешнюю политику, буквально «расталкивая локтями» старые европейские империи. В этом правительство поддерживал Пангерманский союз, который находил искомый Х. С. Чемберленом арийский народ в немцах.

Событием, которое объединило идеи всех этих авторов воедино, сформировав на их основе новые политические течения, стала, безусловно, Первая мировая война. Она имела целый ряд важнейших последствий, до сих пор мало оцененных исследователями, но очень важных с позиций идеологии молодых постверсальских государств. Вместе с падением трех европейских империй рухнули пестовавшиеся десятилетиями ранее мечты о создании колониальных держав со столицами в Берлине, Вене, Риме (а по их примеру — в Бухаресте, Будапеште, Софии). Вместе с распадом многонациональных империй возникли новые национальные государства, в которых представители бывшей титульной нации (например, немцы) оказались на положении национальных меньшинств. То есть ситуация изменилась с точностью до наоборот.

Еще одним следствием «блестящего имперского века Европы» было распространение спиритуализма и теософии — попытки впитать и осознать мистические практики даосизма и ламаизма. Однако на деле его представители возвращались к языческому обожествлению природы (пантеизму). Одной из форм этого неоязычества стала философия жизни (философия бытия по Мартину Хайдеггеру). Она стремилась уйти от многовекового конфликта западно-христианских церквей со светской властью, примером которой может служить борьба Берлина и Рима против политической роли Святого престола в ходе объединения Германии и Италии в XIX в. Представители витализма, и особенно ярко Фридрих Ницше⁴, пытались найти опору в целостном представлении жизни как динамики, как воли к жизни, присущей всем живым организмам, и отказаться от посреднической роли христианства. Локальное ранее,

это «бегство от окружающего мира» (эскапизм) стало массовым явлением в долгие месяцы позиционных боев Первой мировой войны. Причем влияние этого «бегства души на Восток» было намного шире, если вспомнить самочинно нарисованные свастики на касках кайзеровских солдат, свастики на «керенках» и свастики, оставленные императрицей Александрой Федоровной на стенах Ипатьевского дома.

«Моду на язычество» среди правых радикалов оформил и закрепил в книге «Языческий империализм» итальянский идеолог фашизма Юлиус Эвола. Мировая история представлялась им в виде спирали, однако каждый новый ее уровень — это виток вниз, то есть деградация, причина которой, по словам Эволы, — в «семитизации греко-романского, а впоследствии и всего нордического мира, произошедшая по большей части за счет распространения христианства»⁵. Сочетая мистическое представление о Востоке с «ариософией», Эвола указывал местонахождение этой прародины сверхчеловека — мифическая северная страна Туле, давшая название одноименной оккультной организации, которая внесла крупный вклад в идеологию НСДАП и Третьего рейха.

В результате Первой мировой войны религиозно-нравственный кризис европейской цивилизации стал еще глубже. Если в Рождество 1914 г. солдаты по обе стороны Западного фронта еще могли устроить общий футбольный матч, то уже через несколько месяцев об этом не могло быть и речи. Ожесточение, «накручиваемое» пропагандой, переходило все разумные пределы, и христианские пасторы (как и социал-демократы, ранее одобрявшие войну) забыли о своем космополитическом долге, а их вера отринула свои миролюбивые заповеди и оказалась расколотой между государственными границами. Религия стала на службу государствам, а священники превратились в политических офицеров. Христианство не давало выхода человеку из длительной и тяжелой, морально и физически, войны, ведь с обеих сторон линии фронта в Европе друг в друга стреляли люди, носившие нательные кресты. Витализм, неоязычество, иррационализм и антихристианство выплеснулись из городских кружков и ветшающих дворянских усадеб в широкую массу офицеров, унтер-офицеров и солдат, вынужденных многие месяцы делить общую траншею. Произошла смычка «модных», но кулуарных идей с большими массами людей, чья психика и вера в христианские заповеди оказались надломлены.

Наконец, Первая мировая война привела к появлению во многих европейских странах крупного слоя недовольных своим положением граждан — ветеранов войны. Их было так много (как, впрочем, и социально-экономических проблем, вызванных переходом к мирной жизни), что об их привилегированном статусе не могло быть и речи.

Чувство обиды и осознание необходимости борьбы за свои права, которых должно быть больше, чем у «тех, кто отсиделся в тылу», толкали к правому радикализму европейских ветеранов Первой мировой войны, а также ветеранов Гражданской войны в России (здесь наиболее нагляден пример локотского обер-бургомистра Бронислава Каминского). Эти чувства роднили ветеранов Великой войны в Германии: как немцев, так и представителей российской политической эмиграции. На общей антисоветской почве сошлись взгляды генералов Эриха Людендорфа, в недалеком будущем — одного из активных участников гитлеровского «Пивного путча», и Василия Бискупского, бывшего командующего войсками гетмана Павла Скоропадского и активного сторонника реставрации монархии в России, впоследствии — доверенного лица нацистского МВД по вопросу «русской эмиграции»⁶. Затем они предприняли попытку создать «Контрреволюционную армию» для интервенции в Советскую Россию, чтобы посадить на трон великого князя Кирилла Владимировича. А затем Бискупский участвовал в работе организации «Возрождение» (*Aufbau*) — связующего звена между белоэмигрантами и НСДАП.

Наряду с антисемитизмом важнейшей составляющей всех правоконсервативных идеологий в межвоенной Европе был жупел антикоммунизма. Он легко срачивался с антисемитскими тезисами и переходил к параноидальному поиску «коммунистических диверсантов и подрывных сетей Коминтерна». Антикоммунистическая истерия активно использовалась для мобилизации сил националистических движений даже после того, как на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г. в качестве официальной доктрины была принята теория о построении социализма в одной отдельно взятой стране (СССР).

Это — общие для многих европейских стран предпосылки развития праворадикальных политических течений. В разных странах были и разные дополнительные причины, но важным стало общее следствие — расщепление сознания между комплексом жертвы и завышенными ожиданиями у тех, кто долгое время был свидетелем ежедневной смерти, а следовательно, ее не боялся. Эти противоречия формировали нездоровую психику, желание найти виновного в своих бедах. И этот «виновник» находился очень быстро — революционеры, стремящиеся радикально изменить положение и учредить новую государственность, или профсоюзные лидеры, которые борются за права рабочих и которых также подозревают в связях с Коминтерном. Они были первыми жертвами идеологии и практики расчеловечивания, которая затем, когда националисты приходили к власти, направлялась против других политических, социальных и национальных групп.

«Винтовка рождает власть» — это выражение было актуальным задолго до того, как его сформулировал Мао Цзэдун, во время мятежа Каппа—Лютвица, «похода на Рим» чернорубашечников Бенито Муссолини, «Пивного путча» Гитлера—Людендорфа. Те, кто вернулся с фронта, хотели привилегий и власти, и... новой войны. Не проделав внутреннюю работу над собой, они создавали политические движения, которые строились на военной дисциплине и культе силы. Увидев один раз слабую Россию, ее противники из Центральных держав, а затем и участники вооруженной интервенции из стран Антанты продолжали грезить приобретением «жизненного пространства» за ее счет.

Идеи «натиска на Восток» и расширения своих границ за счет соседей и формирования авторитарной «национальной» власти широко распространились не только среди стран, проигравших Первую мировую войну. Сторонников повысить свое благополучие за счет колоний было немало среди британской политической элиты. Среди симпатизантов фюрера можно назвать редактора «Таймс» Джеффри Доусона и 1-го лорда адмиралтейства Леопольда Эмери. Они имели отношение к «кругу гостей» леди Нэнси Астор в Кливленде (их даже называли «кливлендской кликой»). В их круг входил и Невилл Чемберлен, премьер-министр в 1937—1940 гг., а также глава Форин офис виконт Эдуард Галифакс. Развитие правого радикализма в империи, над которой никогда не заходило солнце (помимо названных ранее, «общеевропейских причин»), было вызвано обретением суверенитета Ирландией и началом национально-освободительной борьбы в колониях. Поэтому главным тезисом в программах британских правых радикалов было усиление колониального гнета.

Особенности восточноевропейских праворадикальных режимов

Правоконсервативные идеологии и их политическая реализация в фашистской Италии и нацистской Германии оказывали огромное влияние на теорию и практику власти в целом ряде государств Центральной и Восточной Европы, так или иначе определявших международные отношения накануне и в годы Второй мировой войны. Поэтому рассмотрим их подробнее. Окончание Первой мировой войны принесло долгожданный мир, но вместе с тем суровые требования в ультимативной форме, предъявленные Центральным державам, стали миной замедленного действия, взрыв которой породил очередной глобальный конфликт. Регион Центральной и Восточной Европы, на которую пришелся Восточный фронт, волею судеб политиков из лагеря победителей

приобрел совершенно иные географические очертания и политическую окраску, что в дальнейшем сыграло злую шутку с триумфаторами Версаля. 4 июня 1920 г. был подписан Трианонский договор. Реализация его статей в условиях жестких социальных потрясений и экономического спада создала благодатную почву для роста националистических настроений и, в конечном счете, формирования правых авторитарных режимов в регионе. Фактор идеологической подготовки стал составной частью общего плана по ревизии *status quo*, установленного после Первой мировой войны. В каждой из стран, относящихся к рассматриваемому региону, сложились свои уникальные условия, в которых проходил генезис праворадикальных идей. Но общими для всех являются тяжелые последствия первого глобального конфликта XX в., преодоление которых стало серьезным испытанием. Последнее, в свою очередь, сыграло не последнюю роль в формировании праворадикальных режимов: военный реванш представлялся как удобный способ решить сложившийся круг проблем.

Салашизм в Венгрии

Крупнейшим участником Первой мировой войны была Австро-Венгрия. Наряду с комплексом сложившихся в Дунайской монархии экономических, политических и социальных проблем⁷ глобальный военный конфликт, в который вступила страна, стал непосильным испытанием, запустившим необратимый процесс разрушения всего государственного здания. Венгерское королевство первым объявило 17 октября 1918 г. о расторжении унии и, фактически, провозглашении независимости, после чего начался лавинообразный процесс обособления других территорий. Страна за непродолжительный период 1918–1919 гг. пережила и демократическое правительство Михая Каройи, и республику советского образца. Под властью «регента без монархии» адмирала Миклоша Хорти, разгромившего Венгерскую Советскую Республику, происходило «формирование так называемой “христианско-национальной” системы ценностей, с начала 20-х гг. выполнявшей функцию официальной идеологии хортистского режима»⁸.

По условиям Трианонского договора Венгрия была сильно урезана в собственных границах, причем от государства была отторгнута Южная Словакия с преимущественно венгерским населением. Это привело к формированию активной повестки внешней политики, нацеленность на расширение «жизненного пространства», которую поддерживал премьер-министр Пал Телеки, а богатое историческое прошлое государства давало повод к претензиям на политическое доминирование в регионе:

«...Гораздо чаще речь шла о том, что более длительная и богатая традиция своей национальной государственности дает венграм “историческое право” на доминирующее положение в Дунайско-карпатском регионе. Одновременно утверждался тезис о культурном превосходстве венгров над славянскими народами (а также румынами) и в этой связи о культурно-просветительской миссии венгерской нации на востоке Центральной Европы»⁹. Руководивший страной Миклош Хорти имел статус регента при отсутствующем короле. Ситуация нетривиальная, сложившаяся после ряда попыток Карла Габсбурга, последнего императора Австро-Венгрии, вернуть себе корону части бывших владений. Симпатии к монархии были сильны в среде элиты, расколовшейся на легитимистов и сторонников Хорти, однако против фигуры Габсбурга выступили в том числе и страны Антанты, что определило облик политической структуры власти в межвоенный период в Венгрии.

В 1920—1930-е гг. при премьер-министре Иштване Бетлене Венгрия взяла курс на сближение с Италией, продолжая считать СССР идейным противником. Тяга к блоку стран, оформленному позднее в «ось Берлин—Рим—Токио», стала еще более сильной после мирового экономического кризиса и радикализации настроений внутри страны. Стали создаваться организации фашистского толка, идейно близкие движению Бенито Муссолини: «Венгерские фашистские партии и их печатные органы, основанные в 20-е гг. XX в., не просуществовали долго. Однако они оказали существенное влияние на дискурс венгерской праворадикальной идеологии тем, что привлекли внимание к понятию корпоративного государства»¹⁰. Гитлеровское движение также стало примером для ряда венгерских национал-социалистических организаций, в том числе под руководством Золтана Бёсёرمени и Золтана Мешки. Последний сумел на непродолжительное время создать популярную среди бедняков и части крестьянства партию, однако неспособность победить на выборах и прийти к власти на законных основаниях, в том числе благодаря противодействию хортистов, привели к падению влияния венгерских национал-социалистов. Кризис в рядах правых способствовал появлению на политической площадке нового человека.

Как и Пал Пронаи, крайне правый представитель венгерского офицерства, тяготевший к фашизму, Ференц Салаши был выходцем из военной среды, добившийся на этом поприще значительных успехов. Уволившись из армии в чине майора, он занялся политикой и в 1935 г. основал Партию национальной воли (ПНВ). В своей новой работе «Цель и требования» он обрисовал характер пропагандируемой им идеологии, определил специфические черты хунгаризма. Через доверенное лицо он даже передал письмо Хорти, в котором обрисовал проект будущего

государства, в котором диктатор, представляющий интересы народа, должен будет опираться на армию. Но на свое обращение Салаши не получил отклика. После запрета организации «Скрещенные косы» Бёсёрмени, которое собирало до 20 тыс. человек на своих шествиях, преимущественно мелкого бедного крестьянства, большинство из них перешли под знамена Салаши. Так же поступила и часть членов других мелких национал-социалистических партий. В октябре 1936 г. Салаши и его идейные соратники провели несколько недель в Берлине и Мюнхене. Встреч с высшими чинами НСДАП не было, но поездка носила информационно-ознакомительный характер. В этот период времени политики Третьего рейха еще не разглядели в отставном военном наиболее последовательного сторонника Гитлера и союза двух государств. Немецкий лидер явно симпатизировал Хорти, и поэтому услуги Салаши не требовались до самого 1944 г., когда известный диверсант Отто Скорцени по приказу фюрера выкрадет Хорти и его семью и приведет к власти в Венгрии Ференца Салаши.

Но вернемся в 1937 г. праворадикальные организации объединились в Венгерскую национал-социалистическую партию (ВНСП), которая стала массовой партией и серьезным представительством в парламенте. Салаши стал одним из ее руководителей, причем одновременно возглавил и созданное на базе ПНВ движение «Скрещенные стрелы» (нилашисты). Взятый за основу древний мадьярский символ должен был символизировать приверженность идеям возрождения венгерской нации, воссоздания государства в границах Великой Венгрии. В своей риторике венгерский политик выступал против феодально-капиталистического, демократического и коммунистического еврейства за «интеграцию в нацию, благоволящую рабочим». Понимая, насколько важным является привлечение под свои знамена как можно большего количества людей, Салаши напрямую обращается к социальным маргиналам и простому народу, определяя себя как его часть. Это позиционирование в духе внесистемной оппозиции имело свои явные преимущества, давая возможность мобилизовать всех недовольных независимо от их социальной принадлежности: «Напротив, на основе своего политического внесистемного положения и исходя из массовой социальной базы движение “Скрещенные стрелы” должно было в нижних социальных слоях иметь характеристику “других” для власть имущих, несмотря на тот факт, что среди его руководящего состава могли находиться офицеры, крупные землевладельцы, люди свободных профессий»¹¹. Регент Хорти, понимая, насколько опасной может быть для режима деятельность венгерского Гитлера, запретил ВНСП, а Салаши был схвачен. Именно в период пребывания в тюрьме он смог систематизировать свои взгляды,

оформленные в идею хунгаризма: «В так называемом хунгаризме, который сам Салаши считал венгерским вариантом национал-социализма, он хотел соединить националистические, социалистические и христианские идеи»¹². Государство должно было строиться на надклассовой основе, а плановая экономика позволяла бы органично встроить мелких сельских производителей в общую цепь производства, охрану и контроль над которой осуществляли бы армия и бюрократия. Базируясь на таких «бесконфликтных» началах, страна должна была двигаться в сторону процветающей Великой Венгрии, в которой, однако, не находилось места евреям, ведь над идеологией Салаши довлел крайний антисемитизм. Столь идеалистическая картина, имеющая мало общего с реальностью, дает ясное представление об этом человеке. Как и его немецкий кумир, Салаши, вооруженный своей правоконсервативной идеологией, сделал немало для втягивания Венгерского королевства в войну на стороне стран-агрессоров и, возглавив в 1944 г. государство, с фанатичной преданностью служил идеям разрушения и порабощения.

*Румыния: от заигрывания —
к репрессиям против радикалов*

В отличие от Венгрии в Румынии изначально сложились несколько иные условия для становления правоконсервативного режима. Королевство после Первой мировой войны приобрело значительные территории за участие в конфликте на стороне Антанты. Территория страны увеличилась более чем в два раза за счет присоединения Бессарабии, Трансильвании, Добруджи, Северной Буковины и части Баната. Новая конституция, принятая в 1923 г., формально провозглашала равенство всех граждан, однако процесс интеграции новых земель был достаточно трудным. Реализованная на практике идея «Великой Румынии» сулила в будущем большое количество экономических проблем. 1920-е гг. ознаменовались доминированием на политической арене двух премьер-министров: потомственного политика Ионела Брэтиану и героя войны маршала Александру Авереску. При последнем Румыния начала ориентироваться во внешней политике на фашистскую Италию, что не могло ни сказаться на идеологической составляющей государства. После смерти короля Фердинанда I и династических перипетий престол в 1930 г. занял Кароль II.

Националистические организации и партии появляются в Румынии уже в 1920-х гг. Безусловно, у этого были свои внутренние предпосылки, но немаловажную роль сыграл и внешний фактор. В 1923 г., по свежим следам событий «похода на Рим» и прихода к власти Мус-

солини, появилась Национальная румынская фасция, еще с 1910 г. существовала Национал-демократическая партия политика Александру Константина Кузы и историка Николае Йорги. Как раз у Кузы учился азам антисемитизма и национализма крупный теоретик и практик правого радикализма в Румынии Корнелиу Зеля Кодряну. Будучи еще студентом, он в двадцатилетнем возрасте включился в борьбу с коммунизмом. Постепенно, участвуя в большом количестве политических акций, Кодряну становится известен в кругах ультраправых, набирает политический вес и в 1927 г. создает движение «Легион Архангела Михаила». Названия организации часто менялись, сам «капитан», как стали называть его сподвижники и рядовые активисты, не придавал этому особого значения. Так одно время «Легион» существовал в виде партии «Все для Отечества», но наибольшую популярность приобрела сформированная на его основе Железная гвардия.

Кодряну последовательно выступал против демократического государства, выдвигая в качестве идеала политического устройства режим вождистского типа, в основе которого лежит принцип «соглашения» — своего рода консенсус. Диктатуру он таковой не называл, указывая на единство воли и цели между народом и его лидером. Однако на деле единство воли и цели навязывалось народу его лидером, а слова о «соглашении» — лишь демагогическая уловка.

Тоталитарный характер движения в духе подчинения общей цели предполагал и процесс формирования нового человека — аскета, всецело преданного своему вождю, готового на все, вплоть до самопожертвования: «...Центральным элементом нашей программы является человек — преобразование человека. Наш Легион мы представляем себе как школу жизни. Его первое название мистично: “Легион Михаила Архангела”. Когда этой школе удастся создать и распространить новый тип человека, обладающий качествами аскета, солдата, верующего и бойца, тогда Румыния получит того, кто способен придать ей новую форму, уничтожить самые корни еврейской идеи, вымести все, что осталось от старого мира...»¹³ Черты средневекового ордена должны были придать движению и связь с церковью — традиционной опорой правых режимов. В отличие от национал-социалистической Германии, где присутствовал сильный языческий элемент, Кодряну отводил куда большую роль религии. Вера традиционно была сильна среди сельского населения, и этот фактор должен был играть значительную роль в деле привлечения под знамена легиона румынского крестьянства. Важной основой духовной мобилизации был культ павших героев. Подобно прославлению убитого штурмовика Хорста Весселя, в рядах движения существовал специальный корпус Моца-Марин — по имени двух погибших в граждан-

ской войне в Испании легионеров. Подобного рода пропаганда «войны как школы мужества», как показал историк Джордж Моссе, в основном была ориентирована на молодое поколение, в которой можно увидеть «простой и узнаваемый мостик от национализма предвоенного времени к национализму во время войны»¹⁴.

Активная деятельность Кодряну с маршами, уличными стычками и даже террористическими акциями (например, убийство премьер-министра Иона Дуки, которое напоминает ликвидацию политика Вальтера Ратенау или Маттиаса Эрцбергера правыми радикалами в Германии в период формирования Веймарской республики) вызывала все большую озабоченность со стороны монархии. С помощью премьер-министра Октавиана Гоги был создано параллельное военизированное движение для того, чтобы перетянуть на свою сторону часть членов организации Кодряну и сочувствующих его политической линии. В идеологическом плане он открыто ориентировался на Третий рейх, что проявилось также в усилении пропаганды антисемитизма. Идеолог фашизма Эвола, увидев попытку нейтрализации радикализма, критиковал этот поворот во внутренней политике: «Учитывая, что националистическое движение набирало обороты, была предпринята попытка ликвидировать эту угрозу, предложив нации суррогатный национализм, нечто, что внешне подражает идеям и целям легионерства, но чему фактически, благодаря конкретным формам контроля, — навсегда суждено оставаться частью “другого мира”»¹⁵. Крайне правый теоретик и философ был прав в том, что никакой духовности с твердой идейной основой правого толка в этом новом эрзаце уже не было. Кодряну бравировал своим антисемитизмом: «Я был антисемитом уже с 1919—1920 гг. [...] Я бы сказал, что антисемитская борьба есть вопрос жизни и смерти для Румынии. Здесь все достигло точки, когда решение уже не является решением, если оно не радикально»¹⁶. Естественно, коммунизм и интернационализм он ассоциировал с «еврейским заговором».

Укрепление позиций Железной гвардии шло вразрез с амбициями короля Кароля II, который при поддержке армии установил 10 февраля 1938 г. в Румынии личную диктатуру. Этот шаг был обусловлен еще и неспособностью правительства Октавиана Гоги взять ситуацию под контроль и навести порядок. В этих условиях «Легион» был объявлен фактически вне закона, начались преследования как рядовых членов, так и верхушки организации. Сам Кодряну был обвинен по нескольким статьям и получил 10 лет каторги, а при перемещении в тюрьму Желавы был убит. Это событие вызвало бурю негодования в рядах Железной гвардии, началась ответная волна террора, жертвой которого пал премьер-министр Арманд Кэлинеску. В тюрьмах было умерщвлено более

250 так или иначе связанных с «Легионом» лиц. Результат этого противостояния в лагере правых определялся несколькими факторами: Третий рейх фактически поддержал противников легионеров, в результате чего после отречения Кароля II власть перешла к «кондукэтору» генералу Иону Антонеску. Установившийся в результате этих событий в 1940 г. диктаторский режим привел Румынию в лагерь стран-сателлитов Германии, что определило дальнейшую судьбу государства на последующие несколько лет.

«Контролируемый радикализм» по-болгарски

После окончания Первой мировой войны Болгария, также как и Венгрия, оказалась в лагере побежденных государств. Подписанный 27 ноября 1919 г. Нейиский договор продемонстрировал всю тяжесть постигших страну неудач. Помимо огромных людских потерь и падения экономики от страны были отторгнуты значительные территории, она потеряла выход к Эгейскому морю. Одним из наиболее болезненных моментов стала передача Южной Добруджи Румынии, что не добавляло оптимизма в перспективу развития добрососедских отношений между странами.

На политической арене абсолютной доминантой в начале 1920-х гг. был Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) и его глава Александр Стамболийский. Занимая пост премьер-министра с 1919 по 1923 г., он выступал с программой масштабных реформ в области сельского хозяйства, чем завоевал огромную популярность в обществе. Помимо этого, явный республиканский настрой политика, выражавшийся в активной антимонархической и антибуржуазной риторике, вызывал сочувствие в рядах части коммунистов, однако в целом левые негативно относились к диктаторским амбициям Стамболийского. Царь Борис III довольно сдержанно реагировал на выпады харизматичного премьер-министра, но элита видела в диктатуре «оранжевого большевизма» определенную угрозу, поскольку «буржуазные партии были фактически отстранены от руля государственного управления, до крайности сократилось их представительство в парламенте; проводившаяся экономическая политика не щадила интересов крупного капитала»¹⁷.

Военные круги — традиционная опора правых — в очередной раз вмешались во внутреннюю политику. 9 июня 1923 г. произошел санкционированный офицерами политический переворот (царь был в курсе его подготовки) и убийство премьер-министра. Новый глава кабинета Александр Цанков, основатель правого движения Народный стговор и ярый антикоммунист, в качестве опоры своей власти видел деловые круги, интеллиген-

цию и армию. Но он стал во многом символической фигурой, а настоящая власть перешла к военным: «...В их руках оказались все основные министерства (внутренних дел и народного здравоохранения — генерал Иван Русев, иностранных дел и вероисповеданий — бывший адъютант царя полковник Христо Калфов, военного — генерал Иван Вылков). Но помимо официального правительства начал действовать конспиративный Конвент — некая высшая структура, состоявшая полностью из военных»¹⁸.

Правительство Цанкова пыталось проводить надклассовую политику с целью популистскими мерами добиться симпатии различных слоев населения, однако массовой поддержки режим не получил. В сентябре 1923 г. после выступления коммунистов премьер-министр пошел на ужесточение политики в отношении левых. Были отменены все реформы правительства БЗНС, принят закон о защите государства, по которому запрещалась деятельность Болгарской коммунистической партии (БКП) и связанных с ней организаций, создающих нелегальные структуры и действующих революционными методами¹⁹. БКП ответила активизацией подпольной борьбы и организацией серии терактов, крупнейшим из которых стал взрыв в храме Святого воскресения 16 апреля 1925 г. Это повлекло за собой цепь событий, приведших к общему ухудшению внутриполитической ситуации, атмосфере правительственного произвола и дальнейшему смещению вектора правительственной идеологии вправо. Весь 1925 г. прошел под знаком преследования политических противников и карательных акций. В этих условиях правящая верхушка раскололась на сторонников продолжения внутриполитического курса и представителей умеренного крыла, выступавших за отмену фактически военного положения и дальнейшее проведение реформ. Либеральный кабинет премьера Андрея Ляпчева смог на время стабилизировать ситуацию как внутри страны, так и на внешнеполитической арене (удалось даже добиться разрешения иметь собственные вооруженные силы). Однако разразившийся экономический кризис стал новым вызовом для страны.

Перманентная нестабильность, сильные позиции военных в политическом руководстве стали катализатором роста симпатий к практикам авторитарных движений в других европейских странах, особенно Италии и Германии. В Восточной Европе появились праворадикальные (профашистские, националистические) организации, основным требованием которых является наведение порядка и ликвидация демократических элементов управления страной. В 1927 г. на болгарской политической сцене появляется движение «Звено», состоящее преимущественно из военных и ставящее целью установление диктатуры в стране: «Находясь под влиянием идеологии фашистской партии Муссолини и авторитарных организаций Испании, Португалии и др., “звенари” считали, что только

сильная государственная власть, сосредоточенная в руках компетентной внепартийной политической элиты, могла реализовать национальные интересы»²⁰. Бывший премьер-министр Цанков также создал правоконсервативную организацию Национально-социальное движение (НСД), которая стала еще более массовой, чем предшествовавший ей Народный сговор. Внутривнутриполитическая ситуация, однако, продолжала ухудшаться, и 19 мая 1934 г. произошел очередной государственный переворот, а правительство возглавил Кимон Георгиев — лидер группировки «Звено». Режим «19 мая» был фактически правой диктатурой со всеми присущими ей элементами: ликвидацией многопартийности, подавлением гражданских прав и свобод, управлением страной на основе экстренных указов. Поначалу воспринятый с воодушевлением, он не имел твердой социальной опоры, ведь диктатура не предполагает демократических процедур. Царь Борис III, поддержанный частью офицерства, смог путем политических закулисных манипуляций добиться ослабления правящей группировки и смены премьер-министра. Проведя чистки в рядах Военного совета, он ликвидировал угрозы и справа. Усиление позиций монарха, который выступал в роли надпартийной, общенациональной фигуры, смогло стать своего рода общественным компромиссом. Таким образом, с 1935 г. в стране установился авторитарный режим личной власти царя Бориса III, который оказался прагматичным политиком, сумевшим успешно лавировать между различными политическими силами.

Первая Словацкая республика:

«государственность», полученная из рук Гитлера

Пример Словакии интересен по нескольким причинам. В отличие от Венгрии, Румынии и Болгарии это государство получило независимость сравнительно поздно, что отразилось на специфике формирования правой идеологии, важным элементом которой была борьба за обретение независимости. Наиболее образованной частью населения страны было духовенство, что и определило активную степень участия этой социальной группы в политической жизни. Клерикализм и опора на консервативные ценности стали отличительной чертой Словацкой национальной партии (СНП), которая была основана в 1861 г. Всю 2-ю половину XIX и начала XX вв. эта организация выступала за расширение автономии региона и, в отдаленной перспективе, обретение независимости. Велась пропаганда против мадьяризации.

В 1905 г. была образована СНП. У ее руля находились интеллектуалы и священники, которые в качестве основной ее задачи видели противостояние мадьяризации и пробуждение народных сил для обретения

независимости. Партия, таким образом, отстаивала интересы всего народа, а не опиралась на какую-то отдельную социальную категорию граждан. Антисемитизм, критика как капиталистического строя, так и левых идей (партии был присущ в силу статуса ее «отцов-основателей» крайний клерикализм) вполне укладывались в логику идеи особого пути, на деле сближавшей словацкий вариант с европейским фашизмом и нацизмом, но реализованный в более мягкой форме. Вождизм стал неотъемлемой частью партийной практики в силу сложившегося культа личности Андрея Глинки, основателя и фактического лидера организации с 1923 по 1938 г. Собственно, имя лидера было в 1925 г. закреплено и в названии — Глинкова словацкая народная партия (ГСНП), чего не наблюдалось даже в нацистской Германии, где поклонение Гитлеру приобрело с середины 1930-х гг. небывалые масштабы.

После поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и распада многонационального государства ГСНП взяла курс на отделение от Венгрии и присоединение к Чехии, которая точно так же прошла путь от требований автономии до установления независимости. Вхождение в состав Чехословакии не решало проблемы создания собственного государства, и сепаратистские настроения со временем стали расти.

Борьба «глинковцев» против чехословакизма (примата чешского «старшего брата», бюрократической косности, жесткой языковой политики и других явлений первой Чехословацкой республики) проходила на фоне кардинальных идеологических сдвигов в послевоенной Европе. Победное шествие по многим европейским странам ультраправых движений стало ориентиром и для идеологов словацкого национализма. Подражая тактике Муссолини, один из ведущих деятелей ГСНП Войтех Тука создал в 1923 г. организацию «Родобрана». Он предполагал, что она станет словацким эквивалентом итальянских фашистских «чернорубашечников», которых Муссолини незадолго до этого использовал для захвата власти в Италии²¹. «Родобрана» выступала в роли партийной гвардии, для защиты во время митингов, участия в уличных столкновениях и пр. Ее участники имели одинаковую форму (черные рубашки, как и в Италии), четкую военизированную иерархическую структуру и должны были доказывать постоянным посещением церкви свою приверженность католицизму. Агрессивный характер организации и копирование итальянского опыта не могло не волновать власти, и в 1929 г. организация была запрещена. Но разразившийся экономический кризис, ускоривший процессы радикализации настроений в массах и упрочение позиций ультраправых, сделал организацию слишком популярной: «Реагируя на все это, молодое поколение словацких националистов, состоявших в ГСНП, основало внутри партии новую группу, выразителем взглядов которой

стал издаваемый с 1933 г. журнал “Наступ”»²². Члены этого радикального крыла считали, что добиться независимости Словакии невозможно в рамках существующей политической системы и только диктатура их партии, представляющей якобы весь словацкий народ, способна реализовать идею создания независимого государства. После прихода к власти в Германии Гитлера усилилась антибольшевистская, антисемитская риторика ультраправых словацких политиков, в числе которых начал выделяться будущий глава государства Йозеф Тисо. Активизация внешней политики Третьего рейха и смерть многолетнего лидера движения Глинки привели к расколу ГСНП. Была сформирована новая военизированная организация — Глинкова гвардия (подчеркивая преемственность политики и одновременно отдавая дань памяти, подобно культу павших героев). По сути — это был тот же вариант «Родобраны», но более радикальный. Она «имела свою форму, свои приветствия, своих национальных, региональных и местных командиров, собственные источники доходов, газету и свое собственное видение того, как Словакия должна развиваться, следуя краткому слогану “Словакия для словаков” и согласно убеждению, что врагами словаков являются “евреи, чехи и марксисты”»²³.

Связи ГСНП с немецкими нацистами становились более тесными по мере приближения к подписанию Мюнхенского договора, и словацкие националисты надеялись добиться независимости благодаря открытой симпатии режиму Гитлера. После того как пражское правительство перед лицом нацистской агрессии уступило автономистским планам министра и нового главы партии Тисо, в словацкой части государства стал оформляться диктаторский режим. В марте 1939 г. Тисо осуществил выход из состава единой Чехословакии, дабы Словакия не стала жертвой аннексионистских притязаний Германии и других более крупных соседей. Однако новорожденная первая Словацкая республика не имела собственного золотого запаса, а устоявшиеся экономические связи ставили ее зависимость от имперского протектората Богемии и Моравии (как стала называться Чехия под нацистской оккупацией). Формально будучи независимой с демократической формой правления (как декларировалось конституцией), Словакия превратилась в марионеточное государство, внешнюю и внутреннюю политику которого определяла нацистская Германия, а Тисо стал верным помощником Гитлера в деле службы единым планам стран агрессоров.

* * *

Как видим, идеи правого радикализма в постверсальской Европе объединили ряд консервативных идеологий, антисемитизм и антикоммунизм, религиозный фундаментализм и языческие практики с целью националистического и военного реванша.

Установления праворадикальных режимов в восточноевропейских странах (равно как в Италии и Германии) были обусловлены как внутренней нестабильностью и социально-экономическими проблемами вследствие Первой мировой войны, так и желанием политических и экономических элит удержать власть. При этом жупел «мировой революции» активно использовался для оправдания насилия против любой левой — а затем и вообще — оппозиции²⁴. Как заметил по этому поводу католический пастор и бывший узник концлагеря Дахау Мартин Нимёлер: «Когда нацисты хватали коммунистов, я молчал: я не был коммунистом. Когда они сажали социал-демократов, я молчал: я не был социал-демократом. Когда они хватали профсоюзных активистов, я молчал: я не был членом профсоюза. Когда они пришли за мной — уже некому было заступиться за меня».

Вслед за фашистским в Италии и нацистским в Германии режимами угрозу «большевизации» использовали националистические движения в других странах. После Первой мировой войны эти страны не смогли сформировать устойчивые демократические системы. После распада Австро-Венгрии вновь образованные государства столкнулись с большим количеством проблем: границами, проведенными без учета зон компактного проживания тех или иных народностей, падением экономики как последствия недавнего мирового противостояния, а также связанными с этим социально-экономическими проблемами. Принадлежность к Тройственному союзу возложила на страны, в случае с Венгрией и Болгарией, еще и дополнительный груз в виде репарационных выплат. Тем самым были посеяны семена реваншизма, желания пересмотреть положения мирных договоров с апелляцией к великому прошлому своих народов. Крушение надежд и трудности послевоенного восстановления делали страны Центральной и Восточной Европы бурлящим политическим котлом.

Классические консервативные круги с опорой на дворянство, высший офицерский состав, крупные представители капитала и сановников уступили в политике место популистским силам, которые умели доносить свои трактовки консервативных теорий до широких масс. В этом смысле XX в. как «век масс» в полном смысле слова реализовался в оформлении социальной базы авторитарных движений. Благодаря социально-экономическим изменениям, росту образованности, урбанизации и Первой мировой войне большие массы людей все активнее стали вовлекаться в общественно-политическую и идейную жизнь. Не имея достаточно продолжительной демократической традиции, публика легко поддавалась искушению примитивными лозунгами и обещаниями быстрого восстановления величия страны.

Немаловажным фактором была многолетняя милитаризация сознания, которая способствовала активному вовлечению в политику демобилизованных солдат, высшего и среднего офицерства и генералитета. Практически всех диктаторов и националистических лидеров 1920 — 1930-х гг. отличало наличие военного опыта. Они активно пропагандировали и реализовывали на практике мобилизационные технологии в рамках идеологии «особого пути». На деле же их попытки достичь процветания за счет третьей стороны (в частности — за счет Советского Союза) привели к формированию блока стран агрессоров, ввергших мир в еще более страшную Вторую мировую войну.

Анализ становления фашистских и праворадикальных режимов в 1920—1930-е гг. в Европе приводит и к еще одному серьезному выводу. Сегодняшние «популистские» лозунги в Европе отнюдь не новы. Они представляют собой актуализированные на современные проблемы послы праворадикалов вековой давности: «наведение порядка», ликвидация демократических элементов управления страной, клерикализм, опора на «консервативные ценности». «Словакия для словаков» в разных национальных вариантах. В предыдущий раз такие послы привели к мировой войне. Удастся ли обуздать праворадикалов сегодня?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В советской историографической традиции в качестве «зонтичного определения» ко всем праворадикальным течениям применялся термин «фашизм». Далее мы будем пользоваться в качестве «зонтичного» терминами «правый радикализм» или «правый консерватизм».

² VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (сборник документов). М., 1975. С. 120, 121.

³ См. напр., *Тиссен Ф.* Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939—1945. М., 2008; *Безыменский Л. А.* Разгаданные загадки Третьего рейха. Книга не только о прошлом. 1933—1941. М., 1981.

⁴ Отметим то, что сам Ф. Ницше не имел непосредственного отношения к нацистской идеологии. Его, как и многих авторов «консервативной революции», идеи были заимствованы, извращены, вульгаризованы и приспособлены для нужд нацистской идеологии. Тем, кто «влил» ницшеанство в умы Гитлера и его приближенных, была сестра философа, Э. Фёрстер-Ницше. По оценке современных исследователей, «уже в 1920-х она рекламировала своего брата как философа фашизма, посылая наиплеишие пожелания добра Муссолини, как «вдохновленного воссоздателя аристократических ценностей в ницшеанском духе» (*Golomb J., Wistrich R. S. Nietzsche, Godfather of Fascism?: On the Uses and Abuses of a Philosophy. Princeton, 2009. P. 5*).

⁵ *Эвола Ю.* Языческий империализм. М., 1994. С. 20.

⁶ *Kellogg M.* Russian roots of Nazism. White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917—1945. Cambridge, 2005.

⁷ См.: *Айрапетов А. Г.* К вопросу о причинах распада Австро-Венгерской империи // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2018, 23 (167). С. 201–208.

⁸ Там же. С. 56.

⁹ *Стыкалин А. С.* Трианонский мирный договор... С. 64.

¹⁰ *Пакша Р.* Праворадикальные силы в Венгрии в эпоху М. Хорти // Берегиня 777 Сова, 2015, № 3 (26): Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность (часть 2). С. 25.

¹¹ *Szöllösi-Janze M.* Die Pfeilkreuzlerbewegung in Ungarn. Historischer Kontext, Entwicklung und Herrschaft. München, 1989. S. 102.

¹² *Пакша Р.* Указ. соч. С. 26.

¹³ *Эвола Ю.* В румынской буре: Загробные голоса // *Кодряну К.* Тюремные записки. М., 2017. С. 114.

¹⁴ *Mosse G. L.* Fallen Soldiers: Reshaping the memory of the World Wars. Oxford, 1991. P. 72.

¹⁵ *Эвола Ю.* После убийства Кодряну: Трагедия румынского легионерства // *Кодряну К.* Тюремные записки. М., 2017. С. 106.

¹⁶ *Эвола Ю.* В румынской буре... С. 117.

¹⁷ *Гришина Р. П.* К вопросу о болгарской разновидности фашизма // Фашизм и антидемократические режимы в Европе: начало 20-х гг. — 1945. М., 1981. С. 105.

¹⁸ Царь болгар Борис III: от конституционной монархии к режиму личной власти (1918–1935) // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие: сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 227.

¹⁹ Там же. С. 229.

²⁰ Там же. С. 231.

²¹ *Лорман Т.* Цена независимости: фашизм в Словакии (1939–1945) // Берегиня 777 Сова, 2015, № 3 (26): Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность (часть 2). С. 79.

²² Там же.

²³ Там же. С. 81.

²⁴ XIV съезда ВКП(б) принял в 1925 г. курс на строительство социализма в одной отдельной взятой стране (СССР). Тем не менее «угроза мировой революции» проходит красной нитью через все дипломатические усилия Третьего рейха: от Антикоминтерновского пакта до беседы И. фон Риббентропа с польским послом Ю. Липским 21 марта 1939 г. В ее ходе нацистский министр иностранных дел называл единственный выход из сложившегося обострения двусторонних отношений, менторски указывая: «Основа, на которой может держаться германо-польское соглашение, создается только германскими и польскими националистами. Или Польша существует как национальное государство, сохраняя разумную политику по отношению к Германии и ее фюреру, или в ней возникнет марксистско-польское правительство, которое затем будет поглощено большевистской Россией. Наше [нацистской Германии] искреннее желание, чтобы Польша сохранила сильное национальное правительство, каким является верховная группа маршала Пилсудского» (Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 89).

ПРИБАЛТИКА-1939: ПАКТЫ С ГИТЛЕРОМ

Владимир Симиндей

Влияние Мюнхенского сговора и раздела Чехословакии на ситуацию в Прибалтике носило драматический характер и повлекло за собой суровые последствия, включая вовлечение Литвы, Латвии и Эстонии в пакты с нацистской Германией. Взрывное усиление германского фактора в Европе актуализировало «немецкий вопрос» в Прибалтике: положение балто-немецких меньшинств и статус Мемельланда (Клайпедского края) в Литве. Эта страна в 1938 — начале 1939 г. оказалась под мощным перекрестным давлением. Польша еще до соучастия в разделе Чехословакии использовала международный кризис, чтобы принудить Литву к установлению дипломатических отношений, отказу от категорического неприятия оккупации Виленского края в 1920 г. и дистанцированию от СССР (ультиматум от 17 марта 1938 г.). А ведь именно Литва в межвоенный период выполняла миротворческую роль брешки в «санитарном кордоне» против СССР, не участвуя в польских комбинациях и опасаясь германского реваншизма. Затем Германия, используя свой опыт по расчленению Чехословакии и попустительству со стороны Великобритании и Франции, 22 марта 1939 г. (спустя неделю после введения германских войск в Прагу) заставила литовское руководство подписать в Берлине Договор о передаче Мемельланда Германии. Литва оказалась в шаге от статуса германского протектората.

Советское руководство в целом было осведомлено о политических раскладах и симпатиях в прибалтийской верхушке, получая характеристики действующих лиц не только от полпредства в Риге, но и по линии разведки. Так, достоянием ГУГБ НКВД СССР стал доклад чехословацкого посла в Риге Павла Берачека в МИД ЧСР от 21 сентября 1938 г.

по вопросу об отношении Латвии и других прибалтийских стран к вероятному советско-германскому конфликту и мировой войне. В нем были проанализированы противоречивые настроения в окружении латвийского диктатора Карлиса Улманиса и приведена нелестная характеристика латвийского диктатора, данная французским послом в Риге Жана Трипье: «Он реагирует на все как немец. Когда он сталкивается с силой, он пресмыкается, когда чувствует себя более уверенным, становится наглее». В этом докладе также был представлен вывод: «Со своей стороны считаю, что окончательное решение Латвии — зависело бы от первоначальных успехов той или иной стороны, но все же предполагаю, что в случае столкновения русских и немецких войск на территории Латвии латыши, пожалуй, решили бы стать на советскую сторону, учитывая симпатию большинства народа. [...] Что касается президента Улманиса, то он не мог бы противопоставить себя крестьянству и в этом случае, вероятнее всего, пошел бы вместе с армией и аграрниками против немцев. Другое дело, если англо-французская комбинация проявила бы свою военную беспомощность и неподготовленность, а немцы имели бы молниеносные успехи вначале»¹. Как известно, мрачный прогноз пражского дипломата относительно положения западных союзников в первые годы войны оправдался.

Последовательное укрепление германского влияния в Прибалтике, а также крушение проектов коллективной безопасности вызывали в Кремле серьезное беспокойство. Еще в 1936 г. руководитель Советского государства Иосиф Сталин публично выразил обеспокоенность в связи с возможностью сдачи прибалтийскими странами «границы в кредит» для агрессии против СССР². Маркером перехода под крыло германского орла стало выдвижение Берлином в 1938 г. под предлогом «воспитания прессы в духе нейтралитета» требований к странам Прибалтики навести «арийский порядок» в печатных изданиях, убрав евреев из состава корреспондентов за рубежом, редакционного руководства, а также из числа владельцев газет. Официальная Рига вскоре согласилась с антисемитскими претензиями нацистов в отношении издательского бизнеса и журналистики, устроив «чистку» в ведущих изданиях. Таковая была произведена, в частности, в латышских газетах «Свободная земля» (*Brīvā zeme*) и «Последние новости» (*Jaunākās ziņas*), а также в русскоязычном издании «Сегодня».

Другой иллюстрацией подчинения германской воле прибалтийской дипломатии стала ситуация с отказом от автоматического применения Эстонией, Латвией и Литвой статьи 16 Статута Лиги Наций, позволявшей, среди прочего, транзит советской военной силы по их территории, акватории и воздушному пространству для борьбы с агрессором в слу-

чае нападения на Чехословакию. Берлин при поддержке Таллина сумел надавить на Ригу и Каунас, выступив с угрожающей позицией: руководство рейха *«не считает нейтральными страны, допускающие проход иностранных войск через их территории»*³. В результате 19 сентября 1938 г. Эстония и Латвия, а 22 сентября — Литва заявили о необязательности применения статьи 16, приняв тем самым и германское толкование «нейтралитета» (законы о котором в срочном порядке прибалтами были разработаны, утверждены и объявлены)⁴.

В обстоятельствах, когда Запад настойчиво желал перенацелить агрессию Гитлера на Восток (что показали Мюнхенский сговор 1938 г. и раздел Чехословакии, все попытки выстроить единый фронт против нацистов не увенчались успехом, а Москва опасалась военного нападения не только со стороны Германии, но и Великобритании с Францией, при возможном участии Польши и Румынии в той или иной конфигурации союзников), — в этих обстоятельствах доверие к Эстонии, Латвии и Литве как политически устойчивому и в военном плане состоятельному союзнику или нейтралу улетучивалось у всех заинтересованных сторон, включая СССР. На фоне затухания геополитического интереса к Балтийскому региону у Великобритании⁵ и Франции официальные Таллин и Рига стали в несколько большей мере прислушиваться к мнению Москвы, но предприняли отчаянную попытку заискивания перед Адольфом Гитлером.

Так или иначе, прогерманский крен во внешней политике Эстонии, Латвии и Литвы после Мюнхенского сговора и цепочки последовавших событий неоспорим. Эстонский историк Магнус Ильямярв дает объяснение ориентации прибалтийских правительств на нацистский рейх: «К 1939 г. в условиях международного кризиса в Европе Латвия и Литва, следуя за эстонским примером поиска убежища под прикрытием риторики нейтралитета, также стали придерживаться внешнеполитической ориентации, которая в наименьшей степени служила национальным интересам этих стран. Мотивируя это страхом ликвидации частной собственности большевистским Советским Союзом, правительства Эстонии, Латвии и Литвы возложили все свои надежды на нацистскую Германию как наиболее мощного оппонента большевизма»⁶. Немецкий дипломат, руководитель VI (скандинавского) реферата Политического отдела МИД Германии Вернер фон Грундхер цу Альтенхан унд Вейхерхаус 6 июня 1939 г. в своей служебной записке, подчеркнув, что Берлин и Таллин связывают дружеские отношения даже в военной сфере, указывал на источник прогерманского «вдохновения» и латвийской дипломатии: «Под влиянием возросшей мощи Великой Германии примерно год назад Латвия также изменила свое отношение к Германии и сегодня проводит настоящую политику нейтралитета»⁷.

Скупая встречная лесть в адрес эстонской и латвийской дипломатий (за их выверенный с Берлином антисоветский «общий знаменатель») имела и оборотную сторону в отношении литовских соседей Германии — шантаж. 20 марта 1939 г. Германия потребовала от Литвы передать ей Клайпеду (Мемель) с прилегающей территорией. Шантаж увенчался успехом: 22 марта в Берлине министр иностранных дел Литвы Юозас Урбшис подписал Договор между Литовской республикой и Германским рейхом, предусматривавший передачу Клайпедского края Германии, немедленную эвакуацию из него литовских военных и полицейских сил и принятие на себя обязательств «не использовать друг против друга силу и не поддерживать третью сторону в ее попытках использовать силу против любой из сторон». Захват Клайпеды сопровождался демонстрацией военно-морской мощи Германии; Гитлер на линкоре «Дойчланд» отправился из Свинемюнде в Мемель, чтобы лично с триумфом посетить отнятый у Литвы город. Правительства Великобритании и Франции не оказали противодействия Берлину, хотя и относились к числу участников подписанной в 1924 г. в Париже конвенции, признававшей Клайпедский край составной частью Литвы⁸.

Обстоятельства подготовки, подписания и вступления в силу пактов Латвии и Эстонии с нацистской Германией, относящиеся к периоду весны-лета 1939 г. — кульминации сближения Латвии, как и Эстонии, с Третьим рейхом, включают в себя вереницу различных событий и их интерпретаций теми или иными акторами предвоенной внешней политики. Мюнхенский сговор 1938 г. и раздел Чехословакии, ультимативная политика Польши и агрессивные действия Германии в отношении Литвы, почти весь межвоенный период считавшейся брешью в «санитарном кордоне» против СССР, неудачи в попытках выстроить единый фронт против нацистов, искавших комбинации для похода на СССР, в значительной степени — за ресурсами Украины и Кавказа... На фоне затухания геополитического интереса к Балтийскому региону у Великобритании⁹ и Франции (называвшееся в дипломатических кругах иной раз и просто «дезертирством») официальные Рига и Таллин стали несколько более внимательно прислушиваться к мнению Москвы, но по-прежнему недооценивали тотальность экспансионистских притязаний Гитлера и предпочли подыграть Берлину из-за своих антисоветских страхов, а также желания заручиться немецкой поддержкой декларативного «абсолютного нейтралитета», вскоре оказавшейся эфемерной. Разве обманывал амбициозный глава МИД Латвии Вильгельм Мунтерс руководителя германского внешнеполитического ведомства Иоахима фон Риббентропа, утверждая: дислокация латвийской армии свидетельствует, что «мы вообще никогда в военном отношении не ориентировались иначе, как только против Востока»?¹⁰

Оккупация Германией «остальной» Чехословакии 14—15 марта 1939 г. не стала «ледяным душем» и не привела к принятию официальной Ригой советского покровительства независимости Латвии. В предупреждениях из Москвы о недопустимости сближения с Германией зазвучали жесткие нотки, которые рассчитывавшими на свои таланты и везение Мунтерсом и его эстонским коллегой министром иностранных дел Карлом Сельтером были определенно замечены, но проигнорированы и лишь подхлестнули попытку встроиться в фарватер германской политики при некотором отдалении от Великобритании и стремительно терявшей международный престиж Франции. Так или иначе, прогерманский крен во внешней политике Латвии и Эстонии весной-летом 1939-го неоспорим. Эстонский историк Ильмярв дает такое объяснение ориентации прибалтийских правительств на нацистский рейх: «К 1939 г. в условиях международного кризиса в Европе Латвия и Литва, следуя за эстонским примером поиска убежища под прикрытием риторики нейтралитета, также стали придерживаться внешнеполитической ориентации, которая в наименьшей степени служила национальным интересам этих стран. Мотивируя это страхом ликвидации частной собственности большевистским Советским Союзом, правительства Эстонии, Латвии и Литвы возложили все свои надежды на нацистскую Германию как наиболее мощного оппонента большевизма»¹¹.

20 апреля 1939 г. в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, в числе довольно узкого и пестрого круга почетных гостей из-за рубежа приняли участие начальник Генштаба эстонской армии генерал Николай Резк, начальник штаба латвийской армии Мартиньш Хартманис, а также латвийский генерал Оскарс Данкерс, получившие протокольные награды из рук фюрера. В кулуарах обсуждались варианты закрепления отношений между странами. Чтобы приступить к срочной разработке соглашений на своих условиях, Берлин воспользовался как пропагандистским поводом апрельским письмом президента США Франклина Делано Рузвельта к итальянскому дуче Бенито Муссолини и германскому фюреру, в котором тот тактически проигрышно предложил им предоставить ряду стран, включая Латвию и Эстонию, гарантии безопасности.

В качестве «пряника» Риббентроп согласился не связывать готовящийся договор с проблемой положения балтийских немцев, расширить торгово-экономическое сотрудничество и предоставить латышам доступ к закупкам современного германского вооружения — с расчетом на привязку латвийской армии к немецким технологиям и их возможное использование в восточном направлении. В ответ латвийское руководство подчеркивало и без того очевидную ненаправленность военно-политического союза с Эстонией против Третьего рейха, а также организовало 22 мая помпезное празднование 20-летия «освобождения Риги

от большевиков» (взятия с боями Риги штурмом и изгнания из столицы правительства Советской Латвии во главе с Петером Стучкой) с участием внушительной делегации из Германии. Конечно, нацисты желали еще большего своего участия в этом политическом действе, но таковое возбудило бы вал просоветских настроений в народе, вносило бы дополнительный диссонанс в геополитические предпочтения правящих национал-бюрократических кругов и широких слоев населения, как и в соседней Эстонии. Латвийский политик и публицист Маврик Вульфсон отмечал в этой связи: «По существу, это был вызов не только большинству антигермански настроенного населения Латвии, но и западным союзникам»¹². Добавим к этому, что и Советскому Союзу — в первую очередь.

Наконец 7 июня 1939 г. в Берлине в торжественной обстановке Мунтерс и Риббентроп вместе с эстонским министром иностранных дел Сельтером подписали пакты о ненападении на 10 лет, с автоматическим продлением еще на 10 лет, если договоры не расторгались за год до установленного срока. Помимо обязательств сторон не воевать и не использовать силу в двусторонних отношениях, Рига и Таллин отказывались от каких-либо англо-франко-советских гарантий, что не фиксировалось в тексте, но было с практической точки зрения весьма ценным дипломатическим трофеем для Берлина. Латвийскую и эстонскую делегации ждал радушный прием с участием рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и начальника штаба Штурмовых отрядов (СА) Виктора Лютце, осмотр нацистских учебных заведений.

Надо заметить, что западная пресса встретила заключение этих договоров весьма прохладно, а то и негативно, отмечая не только усиление зависимости Латвии и Эстонии от Германии, но и эвентуальную направленность пактов против СССР.

Правительство Улманиса, за упразднением в стране после госпереворота 15 мая 1934 г. парламента, само ратифицировало пакт 21 июня 1939 г., опубликовав его в печатном офицозе «Правительственный вестник» (*Valdības Vēstnesis*) 28 июня сразу на двух языках: государственном латышском и немецком. Пакт Мунтерса—Риббентропа вступил в силу 24 июля 1939 г. после того, как в Берлине состоялся обмен ратификационными грамотами. По схожему сценарию шла имплементация пакта с Гитлером и в Эстонии. До подписания советско-германского договора о ненападении и секретного протокола к нему оставался ровно месяц...

Распространившиеся в дипломатических кругах еще на этапе подготовки договоров слухи о секретных положениях или негласных условиях их подписания активно опровергались как Германией, так и прибалтийскими подписантами, понимавшими, что «русские возьмут наш договор с немцами “под лупу”»¹³. Информацией о, по меньшей мере, поли-

тической асимметричности в немецких предложениях Риге и Таллину (по сравнению с советскими предложениями и положениями уже существовавшей договорно-правовой базы этих двух стран с Советским Союзом) обладали и в Москве, подозревая при этом худшее. В Москве помнили о «смятом» Польшей и Германией политическом курсе Литвы, неустанно пытаясь заручиться поддержкой властей Латвии и Эстонии на коллективно-перекрестные гарантии их нейтралитета великими державами. Некоторые подробности этой осведомленности и активности можно найти в отчете посланника Латвии в Великобритании Карлиса Зариньша Мунтерсу о беседе с полпредом СССР в Великобритании Иваном Майским, где отмечается: «Майский мне далее сказал — ему совершенно ясно, что у Балтийских государств не было бы причин отклонять предложение Германии договора о ненападении, но по его информации германский проект отличается от российского существенной клаузулой. По российскому проекту договор о ненападении теряет свою силу автоматически, если одно договаривающееся государство нападает на какое-то иное государство. В немецком договоре подобной клаузулы нет. То есть если Германия напала бы на какого-то соседа Латвии, то все же договор о ненападении между Латвией и Германией остался бы в силе»¹⁴.

Тревожило официальные Ригу и Таллин также эвентуальное негативное отношение Лондона к фактическому втягиванию их в орбиту Берлина, хотя и сама британская дипломатия уже дала заметный крен к самоустранению от решающего влияния на событийный ряд в Прибалтике. В ответ на довольно вялое, но едва завуалированное неудовольствие Великобритании, выраженное в меморандуме британского посольства в Риге от 12 мая 1939 г., тотчас последовало уверение Мунтерса в том, что «заключение договора о ненападении не связано условиями». Уже после Второй мировой войны убийственно точную характеристику сути происходившего тогда дал пребывавший в жесткой оппозиции к политике умиротворения нацистской Германии британский лидер Уинстон Черчилль: «Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении. Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть вглубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него»¹⁵.

Несмотря на то, что в архивных фондах не найдено каких-либо подписанных сторонами особых приложений военно-политического характера к договорам о ненападении от 7 июня 1939 г., в Федеральном архиве Германии отложился документ, который содержит прямое указание на секретный протокол («секретную клаузулу») к этим договорам и раскрывает его положения. 8 июня 1939 г., то есть спустя день после подписания «пакта Мунтерса—Риббентропа» и «пакта Сельтера—Риббентропа», высокопо-

ставленный сотрудник пропагандистской Службы немецких новостей для зарубежья Георг Дертингер, тесно взаимодействовавший с разведкой Риббентропа DIS III, писал в своем информационном отчете № 55:

«Эстония и Латвия помимо опубликованного договора о ненападении договорились с нами и еще об одной секретной клаузуле. Последняя обязывает оба государства принять, с согласия Германии и при консультациях с германской стороной, все необходимые меры военной безопасности по отношению к Советской России. Оба государства признают, что опасность нападения для них существует только со стороны Советской России и что здравомыслящая реализация их политики нейтралитета требует развертывания всех оборонительных сил против этой опасности. Германия будет оказывать им помощь в той мере, насколько они сами не в состоянии это сделать»¹⁷.

В научный оборот на немецком языке субстантивную часть этого источника ввел германский историк, профессор Рольф Аманн в 1988 г. в своей монографии о 15 межвоенных пактах о ненападении¹⁸, находя все основания полагать, «что по крайней мере ядро утверждения Дертингера было правильным»¹⁹. Пристальное внимание обращал на «меморандум Дертингера» и эстонский историк Ильмярв, автор фундаментального труда «Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости...»²⁰

Вопрос о секретных договоренностях (условиях, клаузулах, протоколах), сопровождавших письменно или устно заключение пактов Мунтерса—Риббентропа и Сельтера—Риббентропа, тем не менее, остается в числе «острых» историографических вопросов по тематике предвоенных пактов *Риббентропа*. Как, собственно, и проблема адекватной и максимально точной интерпретации (без)вольного соучастия Риги и Таллина в *германском дипломатическом наступлении* весны-лета 1939 г., полуизоляции Польши, откладывании оккупации Германией Прибалтики взамен за создание в регионе «задела на будущее» для борьбы с Советским Союзом — если бы Берлину не удалось договориться со Сталиным, а переговоры Москвы, Лондона и Парижа, наоборот, увенчались бы хоть сколь-нибудь заметным успехом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прибалтика и геополитика. Сб. док-тов (1935—1945). М., 2006. С. 54—58.

² Правда. 1936. 5 марта.

³ *Ilmjärv M.* Silent submission. Formation of foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Period from mid-1920-s to annexation in 1940. Stockholm, 2004. P. 285.

⁴ См.: *Ковалев С. Н.* СССР и Прибалтика: нейтралитет и договоры о взаимопомощи 1939 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 33–34.

⁵ См.: *Feldmanis I., Stranga A., Virsis M.* Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis (30. gadu otrā puse). Rīga, 1993. 21. lpp.; *Zunda A.* Latvijas un Lielbritānijas attiecības 1930–1940. Realitāte un ilūzijas. Rīga, 1998. 9., 10. lpp.

⁶ *Ильмярв М.* Балтийские страны в 1939–1940 гг.: замыслы и возможности // Междунаро́дный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 276.

⁷ Цит. по: *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945). Rīga, 2008. 17. lpp.

⁸ *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 370.

⁹ См., например: *Feldmanis I., Stranga A., Virsis M.* Op. cit. 21. lpp; *Zunda A.* Op. cit. 9., 10. lpp.

¹⁰ Цит. по: *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* Op. cit. 17. lpp.

¹¹ *Ильмярв М.* Указ. соч. С. 276.

¹² *Вульфсон М.* 100 дней, которые разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. Рига, 2001. С. 69.

¹³ Отчет посланника Латвии в Германии Э. Криевиньша В. Мунтерсу о беседах со статс-секретарем МИД Германии Э. фон Вайцзеккером и посланником Эстонии в Германии К. Тофером, связанных с подготовкой пактов о ненападении (16 мая 1939 г.). См.: *Симиндей В. В., Кабанов Н. Н.* Заключая «пакт Мунтерса-Риббентропа»: архивные находки по проблематике германско-прибалтийских отношений в 1939 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 1 (8). С. 192.

¹⁴ Там же. С. 190.

¹⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1997. Т. 1. С. 181.

¹⁶ *Клаузула* (лат. *clausula* — заключение, окончание) — здесь: специальное условие, отдельный пункт международного договора, оговорка в договоре или дополнение, прилагаемое к нему, имеющие особое значение.

¹⁷ Dertinger, Informationsbericht 55. Bundesarchiv Koblenz (BA), ZSg. 101, 34. (Цит. в пер. на рус. по: *Ahmann R.* [1988]).

¹⁸ *Ahmann R.* Nichtangriffspakte. Entstehung und operative Nutzung in Europa 1922–1939. Mit einem Ausblick auf die Renaissance des Nichtangriffsvertrages nach dem Zweiten Weltkrieg, Baden-Baden 1988 (Internationale Politik und Sicherheit, Bd. 23). S. 651.

¹⁹ *Ahmann R.* The German Treaties with Estonia and Latvia of 7 June 1939 — Bargaining Ploy or an Alternative for German-Soviet Understanding? // Journal of Baltic Studies, Vol. XX, № 4 (1989), S. 350.

²⁰ См.: *Ilmjärv M.* Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. Aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004. lk. 558; *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012. С. 401–402.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1939 г. И ФИНЛЯНДИЯ

Владимир Барышников

Советско-финляндские отношения в начале 1939 г.

Начало 1939 г. характеризовалась тем, что международная ситуация в Балтийском регионе в связи с быстро усиливающейся агрессивностью Германии стала стремительно обостряться. Европа оказалась на пороге политического кризиса. По дипломатическим каналам в Москву поступали тревожные сведения. В частности, отмечалось, что даже Эстония готова пойти на заключение с Германией секретного соглашения о пропуске войск вермахта через свою территорию к границе с СССР. По данным, которые имелись у наркома иностранных дел СССР Максима Литвинова, Польша тоже не стала бы возражать против выдвижения немецких вооруженных сил к советским рубежам через Прибалтику и Финляндию¹. Вся эта информация, несомненно, была связана с подписанным ранее Мюнхенским договором, но и нуждалась в подтверждении.

В свою очередь, от своего посланника в Москве Арнно Сакри Ирье-Коскинена Министерство иностранных дел Финляндии имело информацию о том, что действия Германии в Прибалтике и планы Берлина в отношении Польши² вызывают тревогу в СССР. Примечательно, что тогда же представитель Финляндии в Лиге Наций четко доносил о происходившей переброске значительного количества немецких войск с запада на восток³. Очевидно, что в Москве существовали подозрения относительно того, каковы реальные немецко-финляндские связи⁴ и возможности Германии в использовании финской территории для нападения на СССР.

В складывающейся ситуации очевидно, что советскому руководству требовалось без промедления начать переговоры с руководством

Финляндии⁵. В СССР прежде всего вызывала беспокойство уязвимость морских коммуникаций на Балтийском море. В Москве существовала надежда на возможность аренды четырех небольших островов в Финском заливе⁶. Их можно было использовать «в качестве наблюдательных пунктов», чтобы контролировать «морской путь на Ленинград»⁷. С этой целью советское руководство решило начать с Финляндией новый раунд секретных переговоров. В Хельсинки был направлен опытный дипломат Борис Штейн⁸, задание которому удачно исполнил Иосиф Сталин⁹.

Начало политического кризиса в Европе и тайные советско-финляндские переговоры

11 марта 1939 г. между Штейном и министром иностранных дел Элясом Эркко в Хельсинки начались тайные переговоры. Несмотря на конфиденциальность, глава финского МИДа сразу же проинформировал о них посланника Германии в Хельсинки Виперта фон Блюхера. Таким образом, о переговорах очень быстро узнали в той стране, против которой они велись. В ответ на полученную информацию Блюхер не замедлил «предостеречь» Эркко от принятия какого-либо советского предложения, подчеркнув, что «оккупация русскими этих островов в мирное время будет означать военный контроль над Финляндией»¹⁰.

Очень важным фоном в ходе начавшихся переговоров оказалось то, что именно в это время, 15 марта, Германия, нарушив Мюнхенское соглашение, подчинила себе всю Чехословакию. Более того, немецкие требования территориального характера сразу же распространились на Польшу и Литву. Причем Литва быстро уступила. Уже 22 марта Германии удалось присоединить крупнейший литовский портовый город Мемель (Клайпеду), что позволило рейху «твердо стать на ноги также в Прибалтике»¹¹. Иными словами, стала очевидной явная тенденция к усилению германского влияния именно в приближенном к границам СССР Балтийском регионе. Об этом же доносили в Москву из советского полпредства в Берлине, указывая, что для Германии Балтийский регион становится на одно из первых мест среди территорий, на которые она претендует. Финляндии же, как тогда сообщалось, вообще отводилась роль особого плацдарма¹².

Естественно, не могли этого не замечать и в Хельсинки. Более того, Штейн даже стал невольным свидетелем того, как реагировал финский министр иностранных дел на факт нарушения Германией Мюнхенского соглашения. В своем донесении в Москву Штейн сообщил, что 15 марта в момент его переговоров вдруг позвонил телефон. Эркко передали тре-

важную информацию, что германские войска вступили в Прагу. «Я, — писал Штейн, — воспользовался этим известием для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что нейтралитет не может спасти малые государства от вождений агрессора». Именно тогда, в ходе беседы, Эркко наконец дал понять, что позицию Финляндии в отношении советского предложения об островах нельзя трактовать в том смысле, что финское правительство «не готово войти в переговоры по вопросу о безопасности»¹³. Таким образом, нарушение Германией Мюнхенского соглашения могло создать более благоприятные перспективы для продолжения советско-финляндских переговоров. Об этом Штейн и доложил в Москву. Но такое впечатление оказалось обманчивым. Судя по всему, в финском руководстве не было единства. Как оптимистически передавал в рейх Блюхер, «в эти критические дни Э. Эркко явно размежевался с Россией, а также в известной мере с Великобританией, и в результате ему приходится теперь испытывать сильное противодействие со стороны своих коллег в кабинете»¹⁴.

Нарушение Германией Мюнхенского соглашения явно усложняло финскую официальную позицию. Об этом можно было судить уже 20 марта, когда посланник Ирве-Коскинен, встретившись с Литвиновым, сообщил, что Финляндия выступает против возможности «вести переговоры по обмену территориями» и готова только «продолжать обсуждение вопроса, касающегося безопасности и проблемы гарантий»¹⁵.

В свою очередь, Эркко в беседе с Блюхером 22 марта заверил, что будет «категорически проводить свою линию, отражающую нейтральный курс страны»¹⁶. О том, что имелось в виду, стало ясно спустя четыре дня. 24 марта Эркко торжественно заявил Штейну о финском решении дать Советскому Союзу письменную гарантию защищать свою территорию от любой агрессии и «не заключать никаких соглашений, которые могли бы нарушить нейтралитет Финляндии». Кроме того, допускалась возможность передачи Советскому Союзу двух островов вместо четырех¹⁷. Это заявление, однако, не могло быть свидетельством того, что финский министр иностранных дел полностью воспринимал советские доводы. Более того, он высказал мнение, что следует уже перейти к формальной системе переговоров и свести начавшееся обсуждение в русло простого «обмена нотами»¹⁸.

Позиция Финляндии явно не могла устроить советское руководство, которое добивалось того, чтобы обеспечить морскую оборону подступов к Ленинграду. За ходом советско-финляндских переговоров зорко следил Сталин, которого о них регулярно информировал Литвинов. В это время нарком иностранных дел СССР конкретно сообщил: «По-видимому, финны на уступки нам в той или иной форме интере-

сующих нас островов не пойдут» и вряд ли «предложат нам что-либо нас удовлетворяющее»¹⁹.

В итоге встречи представителей двух стран становились совершенно бесплодными. Об этом 24 марта Литвинову четко доложил Штейн²⁰. Он указал, что «последние разговоры с Эркко, а равно и с другими членами кабинета убедили меня, что дальнейшее продолжение переговоров бесполезно»²¹.

Тогда же в финской печати начали неожиданно появляться материалы, в которых обсуждалось военное значение тех островов, о которых шли секретные переговоры²². Становилось ясно, что советские предложения стали просачиваться в печать. Для руководства СССР являлось весьма неприятным то, что западные страны не только оказались «в курсе» предмета хельсинкских переговоров²³, но и начали предпринимать попытки негативно влиять на их ход²⁴. Более того, 3 апреля, при очередной встрече со Штейном, Эркко заявил: «Я начал с Вами эти переговоры в частном порядке. Теперь я вижу, что, быть может, совершил ошибку...»²⁵

4 апреля Литвинов направил Сталину свои соображения относительно дальнейших перспектив переговоров: «После столь решительного заявления финского министра иностранных дел... Штейну оставаться более в Финляндии не следует»²⁶. Действительно, 6 апреля Штейн покинул Хельсинки.

Таким образом, события стали развиваться по самому нежелательному для СССР сценарию. Договориться с Финляндией так и не удалось, а секретная миссия советского эмиссара стала достоянием гласности и оказалась неудачной, что явно подрывало международный престиж Советского Союза как великой державы.

«Финский вопрос» на англо-франко-советских переговорах

Начавшийся в марте 1939 г. политический кризис и расползание германистской агрессии взволновали Англию и Францию. В Лондоне и Париже четко возникли опасения, что нарушение Мюнхенского соглашения ставит всю их прежнюю политику под удар. По наблюдениям советских дипломатов, на Западе тогда начало возникать «полусознанное, стихийное ощущение этой надвигающейся опасности»²⁷. В такой обстановке, безусловно, предпочтительным становилась попытка создания новых мер безопасности, в которых мог бы принять участие и Советский Союз.

В результате как раз в то время когда разворачивались переговоры Штейна с Эркко, представители Англии и Франции принялись обсуждать с Литвиновым проблему выработки адекватных действий по бло-

кированию нарастающей угрозы. Советский нарком предложил обсудить возможность предотвращения германской агрессии в отношении ряда европейских стран и, в частности, Финляндии²⁸. Однако возникший в середине марта англо-франко-советский диалоговый процесс к началу апреля стал уже откровенно затягиваться. При этом угроза международной изоляции СССР сохранялась.

В такой обстановке 17 апреля Литвинов поставил вопрос о необходимости оказать военную помощь конкретным государствам, «расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР»²⁹. Спустя два дня из Москвы уточнили: «Мы имеем в виду Финляндию, Эстонию, Латвию, Польшу и Румынию»³⁰. Однако это пожелание СССР не встретило благожелательного отношения³¹. Лишь 29 апреля в Москву пришел ответ. Англия и Франция заявили, что готовы подписать с СССР договор о взаимопомощи, но не согласились дать гарантии прибалтийским государствам на случай германской агрессии³².

Между тем политическая ситуация для СССР на северо-западе Европы не была благоприятной. Финляндия явно демонстрировала, что рассматривает в качестве гаранта стабильности прежде всего Германию. Уже после отъезда Штейна из Хельсинки 17 апреля Эркко обеспокоил Блюхера неожиданным сообщением о том, что будто бы «Балтийский флот русских» намерен «выйти 21 апреля из Ленинграда». Донесение об этом сразу ушло в Берлин³³. Лишь на следующий день германскому посланнику пришлось дать «отбой». После спешно предпринятых выяснений оказалось, что финский Генштаб не располагал такими данными и, следовательно, не мог ничего передавать в МИД об «угрозе» с востока. Очевидно, что этот ход министра иностранных дел можно было квалифицировать как попытку определить позицию Германии в случае усиления СССР на Балтике.

19 апреля Литвинов в письме к Сталину высказал весьма пессимистическое отношение по поводу ближайших перспектив дальнейшего ведения переговоров с Финляндией: «...Для меня стало совершенно ясно, что в настоящий момент... финское правительство не примет нашего предложения»³⁴. Было решено дать почувствовать финскому руководству, что итоги хельсинских переговоров не останутся без последствий. Уже 5 апреля, когда был решен вопрос о возвращении Штейна в Москву, состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б). На нем, в частности, была определена установка Наркомату внешней торговли СССР «торговлю с финнами замять»³⁵.

Таким образом, весной 1939 г. советско-финляндские отношения обострились. Дальнейшее их развитие в значительной степени зависело от общей международной ситуации в Европе.

В тени европейских интриг

Утром 27 апреля Литвинов вместе с советским полпредом в Англии Иваном Майским был вызван к Сталину. В разговоре принял участие и председатель Совета народных комиссаров СССР Вячеслав Молотов. Как вспоминал Майский, «обстановка на заседании была накалена до предела»³⁶. Основные обвинения были выдвинуты против Литвинова. В частности, его обвиняли в том, что он «распустил» сотрудников Наркомата иностранных дел. Майскому ставилось конкретно в вину, что он, выехав из Лондона в Москву, позволил себе во время остановки в Хельсинки нанести визит Эркко, в беседе с которым изложил свое видение европейской ситуации³⁷.

В этом отношении, конечно, «финляндская проблема» была лишь одной из многих, которые тогда создавали в Кремле нервную атмосферу. Ее неразрешенность могла быть объяснена неэффективностью политики, проводимой Литвиновым. Ведь положение СССР в Европе оставалось достаточно неопределенным. В результате 3 мая наркомом иностранных дел СССР вместо Литвинова был назначен Молотов.

Лондон и Париж продолжали занимать твердую позицию в переговорах с СССР. 8 мая Англия и Франция сообщили Москве, что решение вопроса о гарантиях возможно лишь в форме, «приемлемой странам, являющимся жертвами агрессии»³⁸. За этой витиеватой формулировкой скрывалось желание добиться того, чтобы «ввиду различных затруднений» не приглашать СССР «к сотрудничеству» в Восточной Европе³⁹.

Но и Молотов отступать тоже не собирался. 14 мая он лично вручил английскому послу в Москве Уильяму Сидсу памятную записку. В ней указывалось, что предложения, которые поступили советскому руководству, Москву не удовлетворяют, поскольку предлагаемые Западом договоренности могут сделать «северо-западные границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии, Латвии... неприкрытыми»⁴⁰. На это, однако, сразу же последовала достаточно неожиданная реакция. Сидс сообщил, что «упоминание Финляндии... усложняет весь вопрос», поскольку «Англия хорошо осведомлена о настроениях Финляндии и считает, что общественное мнение Финляндии настроено в отношении СССР отрицательно»⁴¹.

Действительно, в это время работавшие за рубежом дипломаты Финляндии явно проводили линию, направленную на то, чтобы продемонстрировать отсутствие намерения Хельсинки одобрить советские инициативы. Так, накануне обращения Молотова к Великобритании, 11 мая посланник Финляндии в Лондоне Георг Грипенберг довел до сведения английского министра иностранных дел, что при любых обстоятель-

ствах финское правительство «не желает никаких гарантий или договора о помощи, исходящих от советского правительства»⁴². Английскому руководству четко дали понять, что это может лишь «подготовить почву для принятия аналогичного поручительства со стороны Германии»⁴³.

Иными словами, финское руководство активно включилось в игру, которую вели великие державы. Позицию Запада в Хельсинки явно учитывали. Опираясь на нее, Финляндия проводила линию, игнорировавшую интересы СССР в Балтийском регионе. Однако такой подход не только не менял мнение Молотова, а лишь усугублял его подозрительность. Как докладывал в начале июля советскому руководству нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия, «Германия прилагает все усилия к привлечению на свою сторону Финляндии»⁴⁴. При этом Финляндия явно давала для таких выводов соответствующий повод. Ее отношения с Германией летом 1939 г. отнюдь не были заморожены. По мнению немецкого профессора Манфреда Менгера, «военные контакты между Берлином и Хельсинки функционировали безупречно и с неослабной интенсивностью»⁴⁵. В частности, тогда вполне открыто состоялись традиционные совместные шумные военные празднования, посвященные памяти о совместных боевых действиях финских и немецких войск в 1918 г. Они прошли как в Финляндии, так и в Германии⁴⁶. Продолжался обмен и официальными государственными визитами. В конце апреля 1939 г. в рейх направился финский министр просвещения Уно Ханнула, которого лично принял глава немецкого МИДа Иоахим фон Риббентроп. Сам визит вызвал пристальное внимание немецкой прессы⁴⁷. Одновременно в беседах с финскими представителями немецкие дипломаты ни в коем случае не скрывали, что «воинственность Гитлера продолжается» и «Германия должна приступить к новым экспансионистским планам»⁴⁸.

Разумеется, Берлин не собирался быть пассивным наблюдателем происходивших переговоров в Москве. Понимая, что готовящийся союз европейских стран будет направлен именно против него, рейх в противовес этому предложил малым странам Европы заключить с ним договоры о ненападении. Такое предложение получило и финское правительство. Причем, поясняя выдвинутую инициативу, немецкая сторона прямо указывала на то, что здесь «вопрос стоит не о гарантиях, а о договоре о ненападении»⁴⁹, проводя четкую параллель с тематикой московских переговоров.

Однако Финляндия все же решила отвергнуть эту инициативу. В Хельсинки объяснили, что «не чувствуют угрозы со стороны Германии»⁵⁰. Своим же дипломатам финское руководство пояснило, что принятие германской инициативы поставило бы страну в сложное

положение, поскольку тогда «Финляндии было бы трудно отказаться от альтернативных предложений»⁵¹. Эту позицию 6 июня уже официально озвучил Эркко. Он заявил, что «Финляндии нужно относиться к каждому государству, которое... намерено предоставлять так называемую помощь, задумываясь, необходима ли ей эта гарантия»⁵². Реалистически так можно было ставить вопрос при условии, если германская агрессия не рассматривалась как угроза для государства и ситуация в Европе не менялась. Тем не менее на следующий день это же мнение выразил и президент Финляндии Кёсти Каллио⁵³.

Утверждения высших государственных деятелей Финляндии носили превентивный характер, превращая финскую проблему в одну из центральных на англо-франко-советских переговорах⁵⁴. Учитывая это, в Москве вынуждены были официально отреагировать. В передовой статье в «Правде» подчеркивались существующие в СССР твердые намерения включить в список государств, которым предлагается помощь, Финляндию, Эстонию и Латвию⁵⁵.

Тем временем английские политики и военные, наоборот, позволяли себе демонстрировать благосклонное отношение к взглядам финского руководства. Наиболее ярко это проявилось в ходе визита в Финляндию английского генерала Уолтера Кирке⁵⁶. На приеме, организованном 18 июня в финской столице, он прямо заявил, что «в Англии каждый относится с самым искренним пониманием позиции», которую занимает Финляндия⁵⁷. Данные слова, как заметил историк Макс Якобсон, «усилили веру, что Англия не изменяет Финляндии на московских переговорах»⁵⁸. В ответ на это финское руководство, демонстрируя предельную открытость, организовало Кирку посещение военных объектов у границы с СССР на Карельском перешейке⁵⁹.

С другой стороны, на Западе также видели, что «вопрос о гарантиях для Балтийских стран по-прежнему рассматривается СССР как фундаментальный»⁶⁰. Более того, 29 июня в «Правде» опять появилась статья, подписанная 1-м секретарем Ленинградских обкома и горкома ВКП(б), секретарем ЦК ВКП(б) Андреем Ждановым. В ней четко было заявлено, что «искусственно надуманным “камнем преткновения” в переговорах является вопрос о тройственном гарантировании незамедлительной помощи Латвии, Эстонии и Финляндии». Вывод же из этого делался весьма категоричный: действия Лондона и Парижа по этому вопросу «могут быть продиктованы только одним намерением: затруднить переговоры в целях их срыва»⁶¹.

В Англии и Франции, естественно, все это не могли не учитывать. Там отнюдь не хотели, чтобы начавшиеся в Москве переговоры были быстро «похоронены» из-за «Балтийского вопроса». Также не в интере-

сах англичан и французов было подталкивать Финляндию в сторону германского лагеря. Поэтому на рубеже конца июня — начала июля Лондон и Париж уточнили свою тактику. Выражая финскому руководству свое «понимание» его позиции, англичане и французы начали проявлять большее стремление развеять имевшиеся в Хельсинки подозрения. Они разъясняли, что под гарантиями имеется в виду отнюдь не одностороннее их осуществление лишь одним Советским Союзом⁶². Иными словами, твердая позиция Москвы заставляла западную сторону оказать на Финляндию определенное давление в пользу Советского Союза.

1 июля английский и французский послы в Москве официально вручили Молотову новый проект трехстороннего соглашения о гарантиях. В нем присутствовала отдельная, секретная часть. Именно в ней оказался перечень стран, которым три государства готовы были предоставить соответствующие гарантии. В их числе была и Финляндия⁶³.

Подобный ход развития событий указывал на соответствующий «прорыв» в ходе московских переговоров. Запад фактически официально признал существующую военную опасность для СССР, которая могла исходить с Балтийского региона. Естественно, Молотов уже 3 июля поддержал данные предложения⁶⁴. Однако одновременно с этим он выдвинул еще одно положение. В проект соглашения вводилось понятие «прямой», а также «косвенной» агрессии. Причем под «косвенной агрессией», как было разъяснено в документе, следовало понимать «внутренний переворот или переворот в политике в угоду агрессору» в тех странах, которым предлагались гарантии⁶⁵. В результате ставилась под контроль политика малых европейских государств со стороны СССР, Англии и Франции. А это значительно модифицировало характер готовящихся соглашений. Поиск решения вопроса о «косвенной агрессии» открыл новый раунд в московских переговорах.

«Косвенная агрессия»

Предложение обсудить необходимость учитывать проблему «косвенной агрессии» являлось отнюдь не бессмысленным вопросом. Именно таким образом, не применяя вооруженные силы, Германия при молчаливом согласии Запада смогла присоединить к себе в марте 1938 г. Австрию. Также, во многом опираясь на пронацистские силы, Берлин пытался решить с Чехословакией так называемую Судетскую проблему. Естественно, в СССР не хотели повторения подобного сценария в пограничных с Советским Союзом государствах.

Безусловно, это касалась и Финляндии, где явно не скрывали существующие предпочтения. Тогда из Хельсинки достаточно твердо заяв-

ляли, что Финляндия «будет до последнего противостоять тому, чтобы Россия получила согласие... вмешиваться в ее внутренние дела», а если «западные страны дадут этому ход», то Финляндии «придется сделать выбор между Коминтерном и нацизмом»⁶⁶. Показательным в данном случае стало еще и то, что Ирье-Коскинен весьма недвусмысленно заметил английскому послу, что «время покажет, с какой стороны надо просить помощь»⁶⁷.

В целом фактов, позволяющих предположить прогерманский сценарий, по которому могла последовать Финляндия, становилось все больше. 29 июня, накануне выдвинутой Молотовым идеи о «косвенной агрессии», в Финляндию прибыл начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал артиллерии Франц Гальдер. Совершая «тур» по Прибалтике, он переехал в Хельсинки из Таллина, где, как тогда сообщали финские дипломаты, конкретно «обсуждались военно-политические вопросы» и проблемы эстонской «политической ориентации»⁶⁸. Естественно, в финской столице эти вопросы тоже были самыми важными⁶⁹.

Показательно то, что интересовало Гальдера в Финляндии. 1 июля его доставили в Выборг, откуда он отправился к советской границе, где лично присутствовал на артиллерийских стрельбах⁷⁰. Далее его перевезли в Северную Финляндию⁷¹, где тоже показывали военные объекты. Причем сам характер визита вовсе не скрывался. Финская печать весьма подробно описывала все его нюансы⁷². Более того, даже обращалось внимание на то, что вояж Гальдера осуществлялся в противовес англо-франко-советским переговорам. Этим явно демонстрировалось, что рейх стремится предоставить Хельсинки соответствующие противоположные «московским» гарантии, а также «показать желание Германии прозондировать степень смелости малых европейских стран северо-восточного региона»⁷³.

Естественно, что в Советском Союзе визит Гальдера не остался незамеченным. О нем по дипломатической линии в Москву шла достаточно подробная информация⁷⁴. Неслучайно советскому представительству в Хельсинки даже дали указание усилить наблюдение за финскими военными приготовлениями⁷⁵. 4 июля Молотов пригласил финляндского дипломатического представителя и выразил ему обеспокоенность тем, что правительство Финляндии может открыть границы для немецких войск. Указав в качестве примера на события в Чехословакии, Молотов прямо заметил: «Россия не намерена сидеть сложа руки, ожидая подхода немцев к стенам Петербурга со стороны Финляндии»⁷⁶.

Тем не менее в Хельсинки явно больше боялись договоренностей СССР с Англией и Францией, чем «помощи» со стороны Германии. В начале июля финский посланник Ирье-Коскинен четко проинформировал

ровал об этом своего германского коллегу графа Фридриха-Вернера фон дер Шуленбурга. Он подчеркнул: «Мы надеемся, что требования Советской России будет решительно отвергнуты и что нас будут постоянно информировать по этому вопросу»⁷⁷. В МИДе Германии «разделяли» финские опасения, выразив надежду, что на переговорах сохранятся противоречия⁷⁸. В рейхе никоим образом не хотели допустить политического усиления СССР. Берлин назойливо предупреждал Хельсинки, что Москва пытается «добиться возможности вмешательства в балтийские дела»⁷⁹. Подобные утверждения вполне соответствовали представлениям финского руководства. Эркко, в частности, прямо тогда говорил Блюхеру, что Советский Союз просто пытается склонить представителей Запада на свою сторону⁸⁰. То же самое финский министр иностранных дел высказывал и английскому посланнику в Хельсинки Томасу Сноу⁸¹.

Нельзя, тем не менее, не отметить, что на Западе продолжали фиксировать занимаемую в отношении англо-франко-советских переговоров позицию Финляндии и отмечали определенные тенденции в развитии финско-германского сотрудничества⁸², не разделяя полностью идею превращения Финляндии в сугубо немецкую зону влияния. В начале июля Лондон и Париж стали наращивать давление на финское руководство⁸³. Английский посол в Москве имел «серьезную» беседу с финским коллегой. Он справедливо заметил, что «напор Германии может оказаться весьма мощным» и война окажется неотвратимой. Далее Сидс неожиданно подчеркнул: «...У России нет никаких агрессивных намерений» и «Финляндия, а также прибалтийские страны напрасно боятся России»⁸⁴. По информации, поступавшей в финский МИД, было видно, что позиция, которую занимала английская дипломатия, была близка и французам⁸⁵. Англия и Франция действовали достаточно синхронно, что свидетельствовало о том, что в руководстве этих стран начала складываться по «финскому» вопросу достаточно единая линия.

Срыв англо-франко-советских переговоров и Финляндия

Между тем англо-франко-советские переговоры продолжали продвигаться крайне медленно. Лишь 17 июля Молотову был вручен ответный проект договора. Но общих договоренностей так и не было достигнуто. Одновременно с этим 20 июля Финляндия официально уведомила каждую из участвовавших в переговорах стран, что отказывается от любой помощи на основе гарантий, считая таковую агрессией⁸⁶. В этой связи английским правительством стали рассматривать позицию Финляндии чуть ли не как одно из существенных препятствий на пути к позитивному исходу московских переговоров⁸⁷.

23 июля Молотов заявил французскому послу в СССР Полю-Эмилю Наджиару: «Три правительства уже достигли достаточного согласия по основным вопросам, чтобы перейти к изучению конкретных военных проблем»⁸⁸. Хотя полной договоренности достигнуто не было, решили перейти к обсуждению военных вопросов⁸⁹. Переговоры начались лишь 12 августа и продолжались до 21 августа.

В Хельсинки продолжали демонстрировать свое отрицательное отношение к возможности достижения в Москве какой-либо договоренности. 14 августа Эркко в беседе с советским полпредом в Финляндии Владимиром Деревянским подтвердил, что его правительство выступает против «непрощеных гарантий»⁹⁰.

Судя по документам финского военного командования, в Хельсинки всю поступавшую информацию весьма тщательно анализировали⁹¹. Перед началом военных переговоров в Москве руководство Финляндии приняло решение провести широкомасштабные военные учения. Они начались 7 августа и стали крупнейшими в истории страны. В них приняло участие 20 тысяч человек. По содержанию и целевой направленности учений было ясно, что потенциальным противником в Финляндии считался Советский Союз⁹². В Москве не могли не обратить внимания на столь крупномасштабное военное мероприятие на своих границах. Бросалось в глаза еще и то обстоятельство, что приблизительно тогда же проходили военные маневры немецкой и итальянской армий.

Показательным стало также и то, что когда военные переговоры в Москве были сорваны, такой результат в финской дипломатической среде встретили с нескрываемым облегчением. А временный поверенный Финляндии Карл Густав Идман позволил себе заявить в Наркоминделе, что, прочитав в советской печати сообщение о провале трехсторонних переговоров, встретил это с «большим удовлетворением» и был рад, что «причиной разногласий оказалась Польша, а не Финляндия и прибалтийские страны»⁹³.

Изменения военно-политической обстановки на северо-западе и в бассейне Балтийского моря заставили Наркомат обороны СССР внести коррективы в оперативные планы. Если до лета 1939 г. Финляндия рассматривалась как страна, которая в перспективе будет придерживаться нейтралитета, то теперь в указаниях уточняющего характера к составлению оперативного плана говорилось: «Против СССР на северном и западном направлениях выступают объединенные силы Германии, Финляндии и Польши»⁹⁴.

Советское командование, анализируя варианты поведения Финляндии в случае германской агрессии, не исключало и «возможность сохра-

нения нейтралитета Финляндией», длительность которого зависела от «политической обстановки» и от «успехов» Красной армии⁹⁵. Исходя из этого в оперативных планах Ленинградского военного округа, Балтийского и Северного флотов, составившихся в начале августа 1939 г., предусматривалась возможность ведения боевых действий на финской территории⁹⁶. В конечном счете ставилась задача «нанесения решительного поражения объединенным силам противника» путем взаимодействия сухопутных, морских и воздушных сил Советского Союза⁹⁷.

Советско-германский договор о ненападении

Руководство Финляндии рассматривало Германию в качестве потенциального партнера в противостоянии СССР. Можно понять охватившую его тревогу, когда в Хельсинки стала поступать информация о возможном сближении между СССР и Германией⁹⁸. В финском Министерстве иностранных дел увидели в этом не менее серьезную опасность, чем возможность появления тройственного англо-франко-советского военного союза.

23 августа 1939 г. мир потрясло сообщение о подписании в Кремле советско-германского договора о ненападении. В Хельсинки подписанный договор был воспринят подобно «разорвавшейся бомбе»⁹⁹. Утверждалось, что Германия московским договором «продала Финляндию»¹⁰⁰.

Почему же так характеризовалось поведение Германии государством, которое объявило себя нейтральным, и могла ли Финляндия вообще в тех условиях осуществить нейтралитет?

Прежде всего глубокая обида в Хельсинки на Германию являлась следствием того, что она рассматривалась финским руководством в качестве надежной опоры и тем самым Финляндия, как выразился финский историк Макс Якобсон, «обманула сама себя»¹⁰¹. Если учитывать именно такую внешнеполитическую линию, становится понятно, почему в СССР могли опасаться возможности использования Финляндии Германией. Этим также объясняется причина направленности секретного протокола к германо-советскому договору. Согласно ему, как известно, северная граница Литвы определялась в качестве разделения «сфер интересов Германии и СССР» и Финляндия, как и другие страны Прибалтики, признавалась Германией в качестве зоны интересов Советского Союза¹⁰².

Такой документ вряд ли бы появился, не будь у советского руководства сомнений, что соседние страны не продолжат опасную для СССР политику¹⁰³. Вместе с тем нельзя принимать на веру и то, что Адольф Гитлер не строил никаких планов в отношении Прибалтики,

исходя из того, что она — «сфера интересов СССР». Предпринимался тактический ход. Это позволяет понять объяснение, данное немецким дипломатом, сотрудником МИДа Германии Петером Клейстом. В отличие от Польши, свидетельствовал он, «в прибалтийских государствах мы хотим достичь такой же цели иным путем», а именно: «Здесь не будет иметь место применение силы. Мы достигнем нейтралитета прибалтийских государств, то есть решительного отхода их от Советского Союза. В случае войны... если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет»¹⁰⁴. Более поздние события как раз и подтвердили, что Гитлер действовал по этому сценарию. Заметим также, что взгляды, о которых поведал Клейст, стали в полной мере известны советскому руководству¹⁰⁵.

Возникает вопрос, изменился ли у СССР после этого подход к решению тех проблем, которые прежде обсуждались с Финляндией? Таких перемен не наблюдалось. Проблема безопасности Ленинграда сохранялась.

Историк Кейо Корхонен заметил, что «сам по себе договор с Риббентропом не открыл советскому правительству возможность выдвинуть свои требования к странам Прибалтики и Финляндии»¹⁰⁶. Была лишь получена гарантия, что в отношении Советского Союза с этими государствами тогда не вмешается Германия.

Советско-германский договор о ненападении нанес удар невероятной силы по концепции, составлявшей суть внешней политики Финляндии. Неслучайно по дипломатическим каналам были предприняты усилия прояснить подробности, касавшиеся советско-германских переговоров, и прежде всего понять, не были ли заключены «какие-либо соглашения, касающиеся Финляндии»¹⁰⁷. В установках, которые направлялись из Хельсинки своим представителям, не скрывалась сложность внешнеполитической обстановки, создававшейся для Финляндии¹⁰⁸. От дипломатов требовалось использовать максимальные возможности для получения необходимой информации и прежде всего характеризующей советско-германские отношения. Ирве-Коскинен, встречавшийся в Москве с Шуленбургом, докладывал, что получил от него твердое заверение, что никаких соглашений в ходе советско-германских переговоров относительно Финляндии не было и вообще к ней не проявлялось «особых интересов»¹⁰⁹.

Впрочем, финскому посланнику в Берлине представители германского Генштаба все же передали информацию сенсационного значения. В конце августа ему сообщили о возможных перспективах: нанесении вермахтом удара по Польше. Был даже назван вероятный срок — 1 сентября 1939 г.¹¹⁰ Так это и случилось...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 118–119, 202, 224.

² *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. М., 1991. С. 92.

³ Kansallisarkisto (далее: КА). R. Holstin kokoelma. 68. Geneven-lähetystön raportti, 17.3.1939.

⁴ *Vladimirov V.* Kohti talvisotaa. Hels.-Keuruu, 1995. S. 33–38. См. также: *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 2. М., 2001. С. 421.

⁵ Сами эти переговоры начались еще в феврале 1937 г. См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 153–186; *Он же.* «Кратковременная оттепель» или перспективная программа сотрудничества? (к итогам визита министра иностранных дел Финляндии в СССР в 1937 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 183–206.

⁶ Острова Суурсаари, Лавансаари, Сейскари и Тютерсаари.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВПРФ). Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 47; Год кризиса: Документы и материалы. Т. I. М., 1990. С. 250.

⁸ См.: *Барышников В. Н., Пленков О. Ю.* Дипломат Б. Е. Штейн и советско-финляндские отношения середины 1930-х гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2015. № 15. С. 79–103.

⁹ *Шейнус З. С.* Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии) // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 113; Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: УМ). 5 C18. Raportti Moskovasta UM:lle, 7.7.1939.

¹⁰ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. London, 1953. P. 629.

¹¹ Цит. по: *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939 гг. М., 1987. С. 221.

¹² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 486.

¹³ Там же. С. 119.

¹⁴ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. London, 1954. P. 157.

¹⁵ УМ. 12 L / 25 (osa 2). Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939; Sähke A. S. Yryö-Koskiselle 17.3.1939.

¹⁶ Ibid. 12 K. УМ ilmoitus lähetystöpäälliköille Helsingissa, 23.3.1939.

¹⁷ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 85–86; Зимняя война (Документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940) // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 61; УМ. 12 L / 25 (osa 2). Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939.

¹⁸ УМ. 12 L / 25 (osa 2) Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939.

¹⁹ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 101. Письмо наркома ИД М. М. Литвинова, 22.3.1939.

²⁰ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 93. Письмо Б. Штейна, 24.3.1939.

²¹ Там же. Л. 18. Д. 190. Л. 53. Советско-финляндские переговоры в марте-апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7–8.6.1942.

²² См., например: Suomen Sosialidemokraatti. 1939. 22.3; Ajan Suunta. 1939. 28. 3; *Vladimirov V.* Kohti talvisotaa. S. 39.

²³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 186. Л. 8; Там же. П. 18. Д. 190. Л. 50. Советско-финляндские переговоры в марте-апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7–8.6.1942; *Jakobson M.* Paasikivi Tukholmassa. Hels., 1978. S. 76; Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 189.

²⁴ Год кризиса. Т. I. С. 336–337.

²⁵ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 249.

²⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Л. 1036. Л. 103. Письмо наркома ИД М. М. Литвинова. 4.4.1939.

²⁷ Год кризиса. Т. I. М., 1990. С. 323.

²⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. М., 1981. С. 56.

²⁹ Там же. С. 72.

³⁰ Год кризиса. Т. I. С. 392.

³¹ См.: *Churchill W. S.* The Second World War. Vol. I. London, 1948. P. 286.

³² Год кризиса. Т. I. С. 414.

³³ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. London, 1954. P. 268.

³⁴ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 297.

³⁵ Архив Президента РФ (далее: АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 22. Выписка из протокола № 1 заседания политбюро ЦК ВКП(б), 5.4.1939.

³⁶ Цит. по: *Шейнис З. С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 362.

³⁷ Там же. С. 363.

³⁸ Год кризиса. Т. I. С. 439.

³⁹ *Churchill W. S.* The Second World War. P. 290.

⁴⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 86–87.

⁴¹ Год кризиса. Т. I. С. 460.

⁴² UM. 5. С. 1. Lontoon-lähetystön raportti, 11.5.1939.

⁴³ Documents on British Foreign Policy. Ser. III. Vol. V. London, 1952. P. 223.

⁴⁴ Зимняя война 1939–1940 гг. М., 2009. С. 150.

⁴⁵ *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 46.

⁴⁶ Ibid. S. 47.

⁴⁷ UM. 5. C5. Opetusministeri Hannulan Saksan-matka. Raportti Berliinista, 28. 4. 1939.

⁴⁸ КА. Harry Holman kokoelma. Kansio 37. Raportit Parisista ja Vichysta (1939–1943). Raportti N 3, 24.3.1939.

⁴⁹ UM. 5. C5. Tullet sähkeet. Sähke Berliinista, 5.5.1939.

⁵⁰ Цит. по: *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Hels., 2002. S. 145.

⁵¹ UM. Menneet sähkeet. Sähke Berliiniin, 15.5.1939.

⁵² Цит. по: *Häikiö M.* Suomi ja yksin talvisodassa — vai jäikö? // Kanava. 1989. № 6. S. 338.

⁵³ Presidentti Kyösti Kallion puheita. Porvoo; Hels., 1942. S. 507.

- ⁵⁴ См.: Год кризиса. Т. 2. С. 17.
- ⁵⁵ Правда. 1939. 13 июня.
- ⁵⁶ См.: Helsingin Sanomat, 17.6, 18.6. 1939; Karjala, 21.6.1939; Uusi Suomi, 23.6.1939.
- ⁵⁷ Цит. по: *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 172.
- ⁵⁸ Ibidem.
- ⁵⁹ Sota-arkisto (далее: SA). 1346/8. Puolustusministeriö sanomatoimisto.
- ⁶⁰ Год кризиса. Т. 2. С. 35.
- ⁶¹ Правда. 1939. 29 июня.
- ⁶² UM. 5 C1. Raportti Tokiosta UM:lle, 15.6.1939; 5 C18. Raportti Moskovasta UM:lle, 30.6.1939; Ibid. 7 E. Raportti Moskovasta UM:lle, 21.6.1939; Ibid. 5 C18. Raportti Moskovasta UM:lle, 27.6.1939; Ibid. 5 C6. Raportti Parisista UM:lle, 27.6.1939.
- ⁶³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 129.
- ⁶⁴ Год кризиса. Т. 2. С. 82.
- ⁶⁵ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 131.
- ⁶⁶ UM. 5 C1. Raportti Tokiosta UM:lle, 15.6.1939.
- ⁶⁷ Ibid. 5 C1; Ibid. 5 C18. Raportti Moskovasta UM:lle, 30.6.1939.
- ⁶⁸ Ibid. 5 C1. Raportti Tallinnasta UM:lle, 1.7.1939.
- ⁶⁹ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Porvoo: Hels., 1950. S. 148.
- ⁷⁰ SA. 1346/8. Puolustusministeriö sanomatoimisto.
- ⁷¹ Ibidem.
- ⁷² См.: Maakansa, 1.7.1939; Ilkka, 2.7.1939.
- ⁷³ UM. Tulevat sähkeet. Sähke Roomasta, 17.7.1939.
- ⁷⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 184. Л. 61. Донесение полпреда в Финляндии В. Деревянского. 1939.
- ⁷⁵ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 530.
- ⁷⁶ Цит. по: UM. 5 C1; Ibid. 5 C18. Raportti Moskovasta UM:lle, 8.8.1939.
- ⁷⁷ Documents on German Foreign Policy. Ser. D Vol. VI. P. 842.
- ⁷⁸ UM. 5 C5; Ibid. 7 E. Berliinin-lähetystön, 5.7.1939.
- ⁷⁹ KA. Auswärtiges Amt, Büro des Staatssekretäre (AA StS). Finland, 27.7.1939, Bd. 1, B 003021.
- ⁸⁰ Documents German on Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. P. 594.
- ⁸¹ Documents on British Foreign Policy. Ser. III. Vol. V. P. 253.
- ⁸² На это вынуждены были тоже обратить внимание финские дипломаты. Как тогда сообщалось из Франции, «здесь... в новостях и комментариях распространяются сведения о проводящейся в Финляндии немецкой пропаганде» (UM. 5 C6. Raportti Parisista UM:lle, 5.8.1939). Подобные представления прослеживались финским посланником в Париже и раньше (См.: Ibid., 5.4.1939).
- ⁸³ UM. 5 C1. Raportti Lontoosta UM:lle, 5.7.1939.
- ⁸⁴ Ibid. 5 C18. Raportti Moskovasta UM:lle, 2.8.1939, 10.7.1939.

- ⁸⁵ Ibid. 5 C1. Raportti Parisista UM:lle, 5.8.1939; Ibid. 5 C 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 2.8.1939.
- ⁸⁶ КА. АА StS, Finland, 28.7.1939, № 101. Bd. 1, В 00302; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 274.
- ⁸⁷ КА. АА StS, Finland, 28.7.1939, № 101, Bd. 1, В 00302.
- ⁸⁸ Год кризиса. Т. 2. С. 123.
- ⁸⁹ Там же. С. 134, 141.
- ⁹⁰ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 184. Л. 22. Дневник посланника в Финляндии В. Деревянского.
- ⁹¹ SA. Т — 2862/2. Katsausotapolitiisen aseman kehitykseen vuoden 1939 alkupuoliskolla.
- ⁹² *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. Hels., 1952. S. 107–108.
- ⁹³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 32. Дневник заведующего протокольным отделом НКВД В. Баркана.
- ⁹⁴ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее: РГАВМФ). Ф. р-1877. Оп. 1. Д. 101. Л. 16. Указание НШ НКВМФ.
- ⁹⁵ Там же. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 19. Директива НКВМФ. 2.8.1939.
- ⁹⁶ Там же Л. 19–21; Ф. р-18877. Оп. 1. Д. Л. 8–10. Директива НКВМФ. 2.8.1939.
- ⁹⁷ Там же. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 20.
- ⁹⁸ КА. АА StS, 26.7.1939. Bd. 1. В 003022; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. P. 1002, 1003.
- ⁹⁹ *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? Porvoo; Hels.: Juva, 1984. S. 320.
- ¹⁰⁰ *Linkomies E.* Vaikea aika. Hels., 1970. S. 38; Documents on German Foreign Policy Ser. D. Vol. VIII. London, 1954. P. 251.
- ¹⁰¹ *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 198.
- ¹⁰² Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 246; Год кризиса. Т. 2. С. 321.
- ¹⁰³ См.: *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. С. 302.
- ¹⁰⁴ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 362–363.
- ¹⁰⁵ Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 113.
- ¹⁰⁶ *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. S. 200.
- ¹⁰⁷ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol VII P. 338, 289, 343.
- ¹⁰⁸ UM. 12 / K. Sähke UM:stä Berliinin lähetystöön, 25.8.1939.
- ¹⁰⁹ *Peltovuori R.* O. Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975. S. 46.
- ¹¹⁰ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 83.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КРИЗИС 1938–1939 гг. И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Александр Иванов

Мюнхенское соглашение 1938 г. имело катастрофические последствия для мира и безопасности в Европе. С передачей Германии Судетской области Чехословакии Третий рейх значительно укрепил свой военно-экономический потенциал и стратегические позиции, тогда как влияние Великобритании и Франции в Центральной и Восточной Европе заметно упало. Смертельный удар, нанесенный по Чехословакии, был ощутимым для всех стран региона. Франция фактически лишилась союзника, обладавшего армией в миллион человек, а французская система союзов со странами Центральной и Восточной Европы оказалась практически ликвидированной. Малая Антанта агонизировала, а Германия получила возможность осуществлять широкую экспансию в страны Дунайского бассейна.

Мюнхенское соглашение нанесло сильный удар и по франко-советским отношениям, сведя на нет пакт о взаимопомощи между Францией и СССР 1935 г. После Мюнхена правительство Эдуарда Даладье рассчитывало вообще избавиться от пакта. Вот что сообщил английский посол в Париже Эрик Фиппс в Форин офис 12 октября 1938 г.: «Бонне (министр иностранных дел Франции. — *А. И.*) считает, что необходимо продолжить диалог с диктаторами, но также вооружаться. Он доверительно заявил, что предполагает некую ревизию обязательств Франции по отношению к России и Польше. Франция не должна быть подвержена угрозе вовлечения в войну на стороне Советской России или Польши»¹.

19 октября на заседании английского кабинета министр иностранных дел лорд Эдуард Галифакс сказал, что «Франция планирует пересмотреть договоры с Польшей и Россией с целью смягчения своих обязательств

и обеспечения большего пространства для маневра»². Это устроило бы официальный Лондон, поскольку исключало вероятность вовлечения Франции в войну с Германией в случае продвижения немцев на Восток и поставило бы ее в подчиненное положение по отношению к Великобритании. Впрочем, англичане предпочитали сохранять за собой свободу рук. Но это, в свою очередь, ослабляло западные державы и делало их эвентуальный союз в преддверии большой войны крайне непрочным. Разумеется, значение ряда негативных последствий Мюнхена сказалось не сразу, тем более что на Западе не было недостатка в политиках, ставивших в заслугу английскому премьер-министру Невиллу Чемберлену и его французскому коллеге Даладье их капитуляцию перед Адольфом Гитлером.

Поначалу в Лондоне и Париже царил эйфория. Палата общин британского парламента одобрила Мюнхенское соглашение большинством голосов: 366 — «за», 144 — «против». Сторонники мюнхенской политики полагали, что Судетская область — это последнее требование Гитлера, а Мюнхен — необходимая предпосылка и прочный фундамент сотрудничества с Германией. Но это была иллюзия в духе политики умиротворения, которая резко контрастировала с реалиями постмюнхенской Европы.

Эйфория уже вскоре сменилась озабоченностью и тревогой, вызванными донесениями от разных источников о ближайших планах и намерениях Гитлера. 6 декабря 1938 г. из британского посольства в Берлине в Форин офис сообщили, что «общее настроение в Германии такое, что Гитлер начнет реализацию третьей стадии своей программы, а именно: экспансии за пределы территории, населенной немцами. Цели нацистов поистине грандиозны, и нет предела их амбициям». И далее: «Следующая цель, которая может быть достигнута уже в 1939 г., — это образование, с помощью Польши или без ее поддержки, независимой от России Украины под германским протекторатом. Эту операцию можно осуществить мирными средствами, учитывая неспособность России к сопротивлению, но здесь считают, что война необходима. Вопрос, останутся ли западные державы нейтральными в случае германской агрессии против России, пока остается открытым, но здесь превалирует мнение, что ни Франция, ни Англия не готовы выступить в защиту целостности России, или Украины, не зависимой от России». В донесении подчеркивалось, что «существует мнение, что Гитлер не рискнет осуществить нападение на Россию до тех пор, пока он не будет уверен в том, что его западный фланг в безопасности». Отсюда вывод: «Его первая задача будет состоять в том, чтобы ликвидировать Англию и Францию прежде, чем Британия завершит программу перевооружения»³.

Итак, многое оставалось неясным. Прежде всего было непонятно, с чего Гитлер может начать экспансию — с Запада или Востока. Сотрудники Форин офис сошлись во мнении, что фюрер стремится избежать войны на два фронта, губительной для Германии. Помощник постоянного заместителя министра иностранных дел Орм Сарджент в памятной записке от 19 декабря сделал прогноз, что «экономические и финансовые трудности Германии могут предотвратить опасное развитие событий в 1939 г.». В то же время нельзя рассчитывать на то, подчеркнул он, что «под экономическим давлением Гитлер уступит, ибо его тактика сводится к тому, чтобы в ответ на внутренний кризис порождать внешний контркризис»⁴.

Умонастроение умиротворителей после Мюнхена достаточно ясно выразил лорд Галифакс в письме Фиппсу от 1 ноября 1938 г.: «Не может быть прочного мира в Европе без оформления соглашения между Германией, Англией и Францией». Он высказал надежду, что с подписанием Мюнхенского соглашения и с учетом кардинальных перемен во французской политике в Центральной Европе франко-германским отношениям может быть придан новый импульс, и отныне «мы должны считаться с гегемонией Германии в Центральной Европе». Галифакс предложил ограничить обязательства Англии и Франции Западной Европой, Средиземноморьем и Ближним Востоком, а также поддерживать незыблемость колониальных владений и тесные отношения с США. И далее следовал ключевой тезис: «Одно дело согласиться с германской экспансией в Центральной Европе, которая, на мой взгляд, является нормальным и естественным явлением, но совсем другое — быть в состоянии противостоять экспансии Германии в Западной Европе или там, где могут быть подорваны наши интересы. Фатальным для нас было бы оказаться вновь недостаточно подготовленными в военном отношении»⁵.

Однако расчеты умиротворителей на готовность Гитлера укреплять отношения с Великобританией и Францией имели под собой зыбкую основу. Фюрер не придавал большого значения Мюнхенскому соглашению. Более того, он считал его «своим унижением»⁶ — его не устраивала ограниченность уступки западных держав в виде одной лишь Судетской области Чехословакии.

Итак, умиротворители по-прежнему пребывали в мире иллюзий, полагая, что Гитлер удовлетворится очередными уступками Великобритании и Франции в Центральной и Восточной Европе, умерит свой пыл и согласится на поддержание статус-кво на западе. Их не смущало даже то обстоятельство, что в Лондон на рубеже 1938—1939 гг. поступали тревожные сведения о далеко не мирных намерениях руководителей Треть-

его рейха. В феврале 1939 г. появились сведения о запланированной акции Гитлера против Чехословакии⁷.

Однако одновременно с этим приходили сообщения, которые ставили под сомнение эту и прочую информацию. Так, английский посол в Берлине Невилл Гендерсон (именно ему принадлежит идея проведения конференции, ставшей известной как Мюнхенская)⁸ 18 февраля после беседы с Германом Герингом передал в Форин офис: «Мое твердое впечатление сводится к тому, что Гитлер не планирует какой-либо авантюры в настоящий момент, а все слухи противоположного характера лишены всякого основания. То, что Мемель рано или поздно, а скорее рано, отойдет к Германии совершенно очевидно, равно как и урегулирование по Данцигу. Чехословакия также может стать жертвой (Германии. — *А. И.*), хотя я сомневаюсь, что Гитлер намерен использовать силу, разве что его вынудят к этому. Я убежден в том, что он в глубине души желает вернуться к политике относительной респектабельности»⁹.

Умиротворители выдавали желаемое за действительность. В Лондоне имелись политики и дипломаты (такие как советник правительства Роберт Ванситтарт), кто понимал фальшивость аргументов нацистов об «угрозе с Востока» и не верил в «респектабельность» Гитлера. Но их было немного. Да и не они определяли стратегию и внешнюю политику страны.

В британской столице доминировали иные умонастроения и влиятельные силы, не желавшие конфликта с Германией и готовые на многое (за счет других) ради «широкого соглашения» Великобритании с Третьим рейхом и урегулирования противоречий между ними. Но такое соглашение напоминало мираж, который то появлялся, то исчезал за горизонтом, тогда как уступки агрессорам (причем односторонние) со стороны Лондона и Парижа становились все более весомыми. Все это неумолимо приближало Европу и остальной мир ко Второй мировой войне.

Что касается СССР, то правительство Чемберлена (равно как и правительство Даладье) не желало сотрудничать с ним и предпочитало «держаться дистанцию». Вот как оценил ситуацию советский полпред в Берлине Алексей Мерекалов во время встречи с заместителем наркома по иностранным делам СССР Владимиром Потемкиным (она состоялась в Москве 10 ноября 1938 г.): «Чувствуется изоляция, сдержанное отношение к нам. Одни — в силу профашистских отношений, другие — в силу боязни перед германским правительством». О последнем он отозвался так: «Хотя внешне немцы очень любезны, но когда бываешь на приемах, на общих, то, поздоровавшись, они вежливо отходят в сторону. Так же, как и у нас. Некоторые из боязни, чтобы не навести на себя подозрение»¹⁰.

Незадолго до ликвидации Германией Чехословакии в Лондон поступила информация, что Гитлер осуществит в ближайшее время очередную вызывающую акцию. 9 марта 1939 г. Гендерсон подтвердил эти сведения, уточнив, что речь идет о Чехословакии. Он также выразил убеждение в бесперспективности оказания помощи чехам¹¹. Аналогичную информацию примерно в то же время получила и французская контрразведка¹². Однако ни Великобритания, ни Франция не собирались выполнять свои обязательства о гарантии послемиюнхенских границ Чехословакии. 15 марта части вермахта вошли в Прагу. Европа погружалась в глубокий политический кризис. Развиваясь по нарастающей, он привел ко Второй мировой войне.

В условиях кризиса и возросшей угрозы со стороны нацистской Германии правительство Чемберлена предприняло ряд мер по укреплению обороноспособности страны (впервые в истории Англии мирного времени была введена воинская повинность, количество дивизий для отправки в Европу в случае войны было увеличено, возобновились штабные переговоры с Францией) и предоставило гарантии Польше, Румынии, Греции и Турции. О них следует сказать более подробно.

С середины марта 1939 г. в Лондон поступала тревожная информация, что Германия в ближайшее время нападет на Румынию или Польшу (поначалу первой в числе потенциальных жертв агрессора фигурировала Румыния). Подчинение этих стран диктату нацистов привело бы к господству Третьего рейха на Европейском континенте и низвело бы Великобританию и Францию до положения второразрядных государств. К тому же не исключалась вероятность продвижения Германии на запад с целью захвата Голландии и ликвидации Франции. Черед Англии и Франции, как сообщил Фиппс из Парижа со ссылкой на хорошо информированный источник, должен был наступить в 1940 г., а США — в 1941 г.¹³

В этой связи возникало несколько вариантов. Один из них — предоставление гарантий Польше и Румынии, но таких, которые исключали бы твердые обязательства территориальной целостности этих стран и оставляли бы возможность обсуждения с Германией спорных проблем, таких как Данциг. Не случайно на заседании кабинета 19 марта Чемберлен высказался против «гарантии существующих границ и неопределенного поддержания статус-кво» и отклонил предложение министра по делам доминионов Томаса Инскипа о проведении штабных переговоров с Польшей и СССР¹⁴.

Другой вариант — договариваться (совместно с Францией) с СССР о создании большого антигерманского союза и системы взаимопомощи против нацистской агрессии. Польша и Румыния — потенциальные

участники такой коалиции. Правда, в Лондоне не испытывали желания договариваться с СССР на равноправной основе и считали, что эвентуальный союз с Москвой содержит в себе больше минусов, чем плюсов. Вот что заявил Чемберлен на заседании кабинета 27 марта 1939 г.: «Наши попытки создать фронт против германской агрессии будут скорее всего обречены в случае привлечения к нему России». Он мотивировал это тем, что значительное число потенциальных союзников Великобритании настроено против участия СССР в антигерманском блоке; его образование укрепит Антикоминтерновский пакт, затруднит действия британской дипломатии по нормализации отношений с Италией и Японией и возбудит недовольство Испании, Португалии и ряда государств Южной Америки. Позицию премьера поддержали министр иностранных дел лорд Галифакс и министр по координации обороны лорд Эрн Чэтфилд. «Польша, — заявил Галифакс, — является более ценной величиной», чем Россия. Он отметил, что французское правительство не проявляет особой заинтересованности в сотрудничестве с СССР, но придаст большое значение участию Польши в антигерманском блоке¹⁵.

Но Чемберлен и его окружение не могли не учитывать настроения общественности. А она была возмущена действиями Гитлера и настаивала на принятии жестких мер против агрессора. Впрочем, резкое изменение внешнеполитического курса было невозможно, и не случайно советский полпред в Великобритании Иван Михайлович Майский отметил это в донесении в НКВД СССР от 20 марта 1939 г.: «До тех пор, пока Чемберлен остается во главе правительства, трудно ожидать каких-либо прочных и серьезных сдвигов во внешнеполитической линии Англии. Премьер, правда, потерпел полный крах в своей мюнхенской политике, и престижу его нанесен сильный удар, но в душе он, несомненно, и сейчас готов тянуть старую песню, и лишь давление общественного мнения мешает ему это делать. Поэтому Чемберлен пока выжидает и лавирует»¹⁶. С точки зрения премьер-министра (и не только его) следовало усилить позиции Англии, выждать благоприятный момент для возобновления диалога с Берлином и обсуждения широкого круга спорных проблем, включая и проблемы территориальной целостности стран Восточной Европы. Но прежде последовали английские (а также французские) гарантии Польше, Румынии, Греции и Турции.

В западной исторической литературе присутствует мнение, что гарантии означали «дипломатическую революцию» в британской внешней политике, то есть отказ официального Лондона от умиротворения и переход на позиции противоборства с Германией. Однако эта версия не выдерживает критики и не подкрепляется архивными документами. Один из них — меморандум английских начальников штабов «Военное

значение гарантий Польше и Румынии» от 3 апреля 1939 г. В нем они высказали большие сомнения относительно шансов Польши и Румынии в случае вооруженного конфликта с Германией: «Если Германия предпримет основное наступление на Восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать Румынию, польскую Силезию и Польский коридор. Если она продолжит наступление в Польше, потребуется лишь некоторое время для уничтожения Польши... Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше или в воздухе для противодействия германскому вторжению. Более того, учитывая состояние английских и французских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить вооружениями Польшу или Румынию. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР»¹⁷.

Таким образом, гарантии не имели реального содержания. Они предназначались для успокоения общественности и были призваны служить средством сдерживания Германии. Но последнее было более чем проблематичным, что продемонстрировал европейский кризис в 1939 г.

Что касается англо-франко-советских переговоров, то они получили достаточно подробное освещение в публикациях документов и исследованиях историков¹⁸. Поэтому имеет смысл затронуть ключевые и дискуссионные моменты.

Переговоры проходили в обстановке эскалации фашистской агрессии, оформления военного союза между Германией и Италией 22 мая 1939 г. и нарастания напряженности в германо-польских отношениях. Правительство Чемберлена согласилось на переговоры с СССР под давлением той тревожной и неопределенной ситуации, которая сложилась в Европе, и оппозиции, настаивавшей на образовании большого анти-германского союза. Сказывалось также стремление официальных кругов Лондона не допустить сближения Германии с СССР. Опасения, что сближение может состояться, усилились после вынужденной отставки наркома по иностранным делам Максима Литвинова 3 мая 1939 г.

И еще один важный момент. Документы архива Форин офис свидетельствуют, что английское правительство вовсе не покончило с политикой умиротворения, рассчитывая на то, что в подходящий момент ему удастся договориться с Гитлером по спорным вопросам. И в этом смысле оно планировало использовать переговоры с СССР. 24 мая 1939 г. на заседании кабинета министр иностранных дел лорд Галифакс и министр по делам доминионов Инскип заявили, что «когда мы усилим наши позиции посредством заключения соглашения с российским правительством, мы должны выступить с инициативой о возобновлении политики умиротворения». Таким образом, «у нас появится возможность договариваться (с Германией. — *А. И.*) с позиции силы,

и скорее всего Германия прислушается к нам». Чемберлен согласился с этим, но заметил, что момент для принятия данного предложения «еще не созрел. Необходимо не только оставаться сильным, но добиться того, чтобы другие осознали этот факт. К тому же общественное мнение... еще не готово для такого поворота»¹⁹.

Тройственные переговоры с самого начала (с апреля 1939 г.) натолкнулись на серьезные трудности, преодолеть которые в полной мере оказалось невозможным. Англичане были против предложения СССР не заключать сепаратный мир с агрессором, поскольку не желали связывать себе руки твердыми обязательствами. Они также не соглашались (вплоть до июля 1939 г.) предоставить гарантии Прибалтийским странам, считая это слишком большой ценой за «помощь со стороны России»²⁰. К тому же Польша и Румыния были против прохода советских войск через свои территории в случае войны с Германией (СССР не имел общей границы с ней), а это создавало серьезные трудности для всех участников переговоров. Польский министр иностранных дел Юзеф Бек во время переговоров с Чемберленом и Галифаксом в Лондоне в начале апреля 1939 г. твердо заявил, что Польша выступает против пакта о взаимопомощи с Россией, ибо он вызовет немедленную враждебную реакцию Гитлера и спровоцирует конфликт²¹. Но это была надуманная позиция, обусловленная политическими и идеологическими разногласиями между Варшавой и Москвой. Буквально через несколько дней после визита Бека в Лондон, 11 апреля 1939 г., Гитлер подписал план «Вайс» — план военного разгрома Польши.

Позицию Румынии 24 апреля озвучил министр иностранных дел Григоре Гафенку во время визита в Лондон: «Я не доверяю советскому правительству, поскольку их цель — мировая революция. Я полностью согласен с вашей (правительства Чемберлена. — *А. И.*) линией»²².

Прибалтийские страны — Латвия, Финляндия и Эстония (Литва, не имевшая общей границы с СССР, не фигурировала в проекте соглашения) также не были настроены в пользу сотрудничества с Советским Союзом. Так, министр иностранных дел Эстонии Карл Сельтер заявил 9 мая, что «советская военная машина может функционировать только в обороне», и его страна не примет гарантию от России²³. Примерно в таком же духе высказался и руководитель Финляндии Карл Маннергейм²⁴.

Еще один важный фактор, повлиявший отрицательным образом на ход и исход тройственных переговоров, — оценка руководителями Англии оборонного потенциала СССР. Ключевое значение для них имел доклад начальников штабов «Военное значение России» от 24 апреля 1939 г. В нем отмечалась «низкая наступательная ценность»

Красной армии из-за репрессий среди ее командного состава и «жесткой системы контроля со стороны комиссаров». Признав, что в начале войны СССР может выставить на свой Западный фронт 100 пехотных (стрелковых) и 30 кавалерийских дивизий, авторы утверждали, будто экономика страны не в состоянии обеспечить военными материалами более 30 дивизий. Отмечалось также, что коммуникации страны находятся в «плачевном состоянии», поэтому «оказание Россией какой-либо существенной военной помощи Польше исключено».

С другой стороны, «русская армия сможет оказать сопротивление Германии в ее попытке подчинить себе Прибалтийские страны», а в том случае, если Польша и Румыния будут побеждены, «Россия в состоянии сдерживать значительные силы Германии на востоке». Английские военные руководители считали, что СССР, обладая достаточным количеством дивизий на Дальнем Востоке, представляет ценность и с точки зрения сдерживания Японии. В целом авторы доклада были настроены скептически в отношении сотрудничества с СССР, тем более что «некоторые страны из-за глубокой враждебности к коммунизму» могут не дать согласия на проход советских войск через их территорию, а это «сведет на нет значение такого сотрудничества». В докладе также отмечалось, что «существует серьезная опасность сближения Германии и России»²⁵.

На заседании кабинета 26 апреля лорд Галифакс отметил важность положений доклада военных и подчеркнул, что «ценность русской армии и России как союзника совсем не такая, как ее изображают лейбористы». И далее: «Конечно, нам нужно либо нейтрализовать Россию, либо иметь ее на своей стороне. В то же время следует помнить и иметь в виду отношение Польши к России». Вывод, к которому пришли члены правительства, звучал следующим образом: «Мы не должны отказываться от возможности получения помощи России в случае войны. Мы не должны подрывать общий фронт с Польшей и ставить под угрозу дело мира»²⁶.

Таким образом, сотрудничество с СССР не являлось приоритетным с точки зрения британских интересов. В этом заключалась главная причина неудачного хода и исхода тройственных переговоров.

Параллельно с ними эмиссары английского правительства вели секретные переговоры с немцами. Они продолжались (с перерывами) с июня 1939 г. вплоть до начала Второй мировой войны. В ходе переговоров немалое место отводилось Данцигу, этому, как считали члены кабинета Чемберлена, яблоку раздора между Германией и Польшей. Официальный Лондон установил связь с руководством рейха через шведских промышленников Акселя Веннер-Грена и Биргера Далеруса (близкого к Герману Герингу), верховного комиссара Лиги Наций в Данциге Карла

Буркхардта, а также через Бенито Муссолини и Ватикан. На переговорах обсуждались различные вопросы: экономическое и финансовое сотрудничество двух стран, заключение англо-германского пакта о ненападении и, соответственно, отказ Великобритании от гарантии независимости Польши, совместная эксплуатация рынков Китая, СССР, колоний европейских стран. Восточная и Юго-Восточная Европа рассматривалась эмиссарами английского правительства как «естественная экономическая сфера» Германии. Они не возражали против усиления ее позиций в регионе, но при условии, что Англии будет обеспечена там «разумная доля»²⁷.

И все же, несмотря на усилия по нормализации англо-германских отношений, правительству Чемберлена не удалось достичь поставленной цели. Шансы на оформление широкого соглашения между Великобританией и Германией были ограниченными. Руководство Третьего рейха планомерно готовилось к войне против Польши, и Гитлера совершенно не устраивало половинчатое решение польского вопроса в духе Мюнхена. По существу, отсутствовала необходимая база для мирного урегулирования. Серьезные уступки Германии за счет независимых стран, таких как Польша или Румыния, казались невозможными. Щедрая экономическая и финансовая помощь рейху представлялась нереальной, поскольку она могла ударить бумерангом по Британской империи. К этому добавлялись антигерманские настроения общественности, напряженность во франко-германских отношениях и опасения английских политиков остаться без союзников в условиях войны.

В этой связи возникает вопрос: почему Гитлер дал согласие на переговоры с англичанами, если он твердо решил напасть на Польшу? К тому же он, понимая, что Англия является помехой на пути его мировой экспансии, 23 мая заявил генералам: «Англия является нашим врагом и война с ней — это вопрос жизни и смерти»²⁸. По всей видимости, Гитлер, делая ставку на скоротечную войну против Польши, стремился не допустить ее перерастания в мировую войну (отсюда заигрывание с англичанами). Задача уничтожения Британии и ее империи была рассчитана на перспективу. Германия тогда еще не обладала необходимыми ресурсами и возможностями, и ей следовало прежде утвердить свое господство в Европе и лишить Англию ее союзников.

Одним из таких союзников теоретически мог стать СССР. В этой связи некоторые историки считают, что в условиях стремительно надвигавшейся войны последним шансом спасти мир могли стать переговоры военных миссий Великобритании, Франции и СССР в Москве в августе 1939 г.²⁹ Могли, но не стали. Ответы на неизбежно возникающие в этой связи вопросы дают архивные документы.

На наш взгляд, московские переговоры были бесперспективными с самого начала. Отсутствие политического соглашения крайне затрудняло подписание военной конвенции, и переговоры, едва начавшись, вскоре закончились (проходили с 12 по 21 августа). Еще 26 июля на заседании английского кабинета отмечалось, что «на военных переговорах с советским правительством возникнут трудности из-за отсутствия политического соглашения». В этой связи было бы «крайне нежелательно передавать конфиденциальную информацию советскому правительству». Общее мнение членов кабинета свелось к тому, что «необходимо проинструктировать наших представителей (на переговорах с СССР. — *А. И.*) вести переговоры очень медленно, прежде чем будет подписано политическое соглашение», и постараться выяснить, «какую помощь русские могут оказать Польше»³⁰.

Правительства западных держав согласились отправить свои миссии в Москву (они предпочитали ей Лондон или Париж) под давлением той неопределенной ситуации, которая сложилась летом 1939 г. Важно было не допустить нормализации советско-германских отношений, и это соображение перевешивало антипатию руководителей Англии и Франции к России и русским. Вот что заявил Чемберлен на заседании комитета по внешней политике (узкий состав кабинета) 10 июля: «В случае отказа (от советского предложения о проведении штабных переговоров. — *А. И.*) правительство столкнется с бесчисленными трудностями». Чемберлена поддержал Галифакс: «Когда начнутся военные переговоры, большого прогресса не будет. Переговоры будут тянуться бесконечно долго, и в конце концов каждая из сторон согласится принять обязательство общего характера. В таком случае мы выиграем время и к своей выгоде используем ту ситуацию, из которой сейчас нет выхода». О позиции Франции он сказал следующее: «Французское правительство считает, что военные переговоры будут тянуться очень долго и в случае неудачи ни о каком политическом соглашении не может быть и речи». И добавил: «До тех пор, пока будут продолжаться военные переговоры, мы предотвратим сближение между Советской Россией и Германией»³¹. Британская и французская миссии были снабжены инструкциями, характер и содержание которых не позволяли надеяться на успешное завершение московских переговоров.

Итак, западные державы стремились не допустить нормализации советско-германских отношений и выиграть время. Но время работало не на Англию и Францию, а на Германию. Ее приготовления к нападению на Польшу вступили в завершающую стадию. Расчет официальных кругов Лондона и Парижа (французы во всем следовали за англичанами) на затягивание московских переговоров до осенней распутицы или даже

до зимы с тем, чтобы задержать начало войны, имел под собой зыбкую почву. Гитлер не раз рисковал в ситуациях, гораздо менее благоприятных для рейха. Его выступление мог остановить только внушительный по своей мощи коллективный фронт миролюбивых держав при участии в нем Великобритании, Франции и СССР. Но возможности его образования были упущены еще во время политических переговоров между Лондоном, Парижем и Москвой. Да и Иосифа Сталина не устраивала перспектива неопределенно-тревожного выжидания перед лицом агрессивных приготовлений Германии вблизи советских границ.

Провал переговоров в Москве напрямую повлиял на решение Сталина заключить договор о ненападении с Германией. Но это не означает, как полагают некоторые зарубежные исследователи, что он сделал Вторую мировую войну неизбежной. С пактом или без него, но Гитлер в любом случае осуществил бы нападение на Польшу. Война была логическим продолжением агрессивной политики нацистской Германии и, как пишет профессор Кембриджского университета Ричард Эванс, «целью Третьего рейха и его лидеров с момента их прихода к власти в 1933 году»³².

Великобритания в последние дни мира пыталась урегулировать вопрос о Данциге (а заодно решить и другие спорные вопросы с Германией), действуя по различным, максимально возможным каналам: через Муссолини и Ватикан, посла в Варшаве Говарда Кеннарда, посредством переписки Чемберлена с Гитлером. 22 августа британский премьер написал письмо фюреру:

«1. Англия готова выполнить свои обязательства перед Польшей и, если понадобится, использовать для этого силу.

2. Я убежден в том, что война между Англией и Германией была бы большим несчастьем.

3. В том случае, если стороны (Германия и Польша. — *А. И.*) придут к миру, появится возможность начать переговоры между Германией и Польшей»³³.

В тот же день состоялось заседание английского кабинета, на котором обсуждался вопрос — кого послать в качестве эmissара с письмом к Гитлеру? Была предложена кандидатура генерал-инспектора иностранных войск Эдмунда Айронсайда. Однако в ходе обсуждения его кандидатура отпала, поскольку «в Берлине предстояли трудные переговоры». Чемберлен предложил отправить письмо дипломатической почтой и передать его Гитлеру через посла Гендерсона³⁴.

Ответ рейхсканцлера последовал через два дня и не отличался оригинальностью. Он обрушился с нападка на Польшу и отверг все попытки урегулировать германо-польские отношения мирным путем³⁵.

Похожая реакция в тот же день последовала и от Муссолини (канал связи — через английского посла в Риме Перси Лорейна). Дуче заявил, что «Польша должна признать право Данцига вернуться в состав рейха». При этом он добавил, что «в том случае, если начнутся переговоры, он готов использовать все свое влияние в Берлине»³⁶.

Однако «второй Мюнхен» не состоялся. Он и не мог состояться, поскольку ситуация в Европе давно уже вышла из-под контроля англичан, а руководство Третьего рейха бесповоротно сделало ставку на войну.

Великобритания вступила в войну 3 сентября 1939 г. после долгих и мучительных колебаний правительства Чемберлена, которое на заседании за день до этого было вынуждено констатировать, что в противном случае «положение может стать неуправляемым»³⁷. Примеру Великобритании последовала Франция. Так началась Вторая мировая война.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Public Record Office (Государственный архив Великобритании). FO 371/23113. P. 139. (Далее: PRO).

² PRO. FO 371/21592. P. 106.

³ PRO. FO 371/21676. P. 27.

⁴ Ibid. P. 25.

⁵ PRO. FO 371/21673. P. 160–161.

⁶ PRO. CAB 21/540. P. 60.

⁷ PRO. FO 371/22957. P. 11; FO 371/22965. P. 199–200; FO 371/22966. P. 132, 137.

⁸ См.: *Иванов А. Г.* Дипломатическая борьба в Европе в канун Второй мировой войны. Краснодар, 2018. С. 142.

⁹ PRO. FO 371/22965. P. 184.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 082. Оп. 21. Д. 4. П. 89. Л. 283, 284.

¹¹ *Иванов А. Г.* Указ. соч. С. 173.

¹² *Le Goyet P.* 15 mars 1939: Le Premier “coup de Prague”. Paris, 1989. P. 56.

¹³ PRO. FO 371/22968. P. 24, 54.

¹⁴ *Иванов А. Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 160.

¹⁵ PRO. FO 371/22968. P. 237.

¹⁶ Год кризиса: 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 306.

¹⁷ PRO. FO 371/22969. P. 174.

¹⁸ См.: 1939 год. Уроки истории. М., 1990; Документы внешней политики. 1939 год. М., 1992. Т. XXII. Кн. 1; *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отно-

шений 1918—1939. М., 2006; *Иванов А. Г.* Европейский кризис 1939 года и начало Второй мировой войны. М., 2013 и др.

¹⁹ PRO. FO 371/22973. P. 134—135.

²⁰ PRO. FO 371/23068. P. 42.

²¹ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. London, 1952. Third Ser. Vol. V. P. 6.

²² PRO. FO 371/23064. P. 193.

²³ PRO. FO 371/22972. P. 37.

²⁴ PRO. FO 371/23069. P. 114.

²⁵ PRO. FO 371/23064. P. 256—258.

²⁶ PRO. FO 371/22971. P. 254.

²⁷ PRO. FO 371/22990. P. 299.

²⁸ Цит. по: *Эванс Р.* Третий рейх. Дни триумфа: 1933—1939. Екатеринбург, М., 2012. С. 747.

²⁹ *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии 1939—1941. М., 1992. С. 22.

³⁰ PRO. FO 371/23071. P. 233.

³¹ PRO. FO 371/23070. P. 151—153, 161.

³² Цит. по: *Эванс Р.* Указ. соч. С. 764.

³³ PRO. FO 371/22976. P. 6—10.

³⁴ PRO. FO 371/22977. P. 130, 133.

³⁵ PRO. FO 371/22976. P. 11—12.

³⁶ PRO. FO 371/22977. P. 58.

³⁷ PRO. FO 371/22982. P. 48.

АНГЛО-ФРАНКО-ПОЛЬСКАЯ КОАЛИЦИЯ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ В 1939 г.

Михаил Мельтюхов

Осенью 1938 — зимой 1939 г. казалось, что политика «умиротворения» со стороны Англии и Франции позволит создать в Европе новую Мюнхенскую систему международных отношений. Однако 14 марта 1939 г. Словакия под давлением Берлина провозгласила независимость, а 15 марта германские войска вступили в Чехию. Выступая в 15:46 15 марта в Палате общин, премьер-министр Англии Невилл Чемберлен заявил: «Я глубоко сожалею по поводу того, что произошло, но мы не должны в силу этого факта позволить себе свернуть с нашего пути. Не надо забывать, что мысли и надежды всех народов обращены к миру»¹.

С одобрения Германии Венгрия 14—17 марта оккупировала и аннексировала Подкарпатскую Русь (Закарпатскую Украину)². Как верно отметил американский историк Ф. Л. Шуман: «Только в пятницу, 17 марта, в Бирмингеме Чемберлен отдал себе отчет в глубине народного возмущения и заявил об изменении позиции Англии в отношении нацистских захватов. Решительным событием, убедившим его в “вероломстве” Гитлера, была не оккупация Праги, а одобрение Германией (16 марта) аннексии Венгрией Закарпатской Украины... Чемберлен и его собратья ошиблись в предположении, что за оккупацией нацистами Австрии и Чехословакии последует выступление против Советского Союза. Оставляя в стороне главную цель агрессии, Гитлер “обманул” своих западных друзей и показал, что ближайшими жертвами его безумия будут слабые, а не сильные. Восстановить утраченные силы, попытавшись воссоздать эффективную коалицию против рейха, — такова была ближайшая задача англо-французских руководителей»³.

Все это наряду с обострением германо-польских отношений заставило Лондон и Париж 21–23 марта приступить к оформлению военного союза на случай обострения отношений с Берлином. В ходе военных переговоров 27 марта — 4 апреля было решено, что в случае войны Англия пошлет во Францию первоначально 2 дивизии, через 11 месяцев — еще 2 дивизии, а через 18 месяцев — 2 танковые дивизии. Основным способом военных действий западных союзников должны были стать оборонительные операции и экономическая блокада Германии, действия их ВВС ограничатся только военными объектами, а варианты помощи Польше даже не рассматривались. Исходя из этих планов, Англия и Франция были заинтересованы в затягивании войны в Восточной Европе, что связало бы германскую инициативу и позволило бы им лучше подготовиться к войне⁴.

Тем временем 23 марта Польша предложила Англии соглашение о консультациях в случае угрозы агрессии. В тот же день в польской армии была проведена скрытая мобилизация 4 пехотных дивизий и 1 кавалерийской бригады, усилены соединения в ряде округов и созданы управления 4 армий и 1 оперативной группы. В результате численность Войска Польского возросла с 282 877 человек на 1 марта до 437 397 человек на 1 апреля⁵. Одновременно польская пресса начала шумную антигерманскую кампанию⁶. 24 марта Польша официально уведомила Советский Союз о проведении мер по «усилению военной готовности армии и страны», которые «ни в коем случае не направлены против СССР»⁷. Вместе с тем Берлину было сообщено, что Варшава остается противником привлечения Москвы к решению европейских проблем⁸.

25 марта Адольф Гитлер заявил главнокомандующему сухопутными войсками генерал-полковнику Вальтеру фон Браухичу, что хотя он не собирается в ближайшее время «решать польский вопрос», его следует разработать. 26 марта Варшава окончательно отказалась принять германское предложение о территориальном урегулировании, а 28 марта заявила, что изменение статус-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу. В этих условиях германское руководство стало склоняться к военному решению польского вопроса⁹.

Пытаясь не допустить перехода Польши в лагерь Германии и сдерживать германскую экспансию, Англия 31 марта пошла на односторонние гарантии независимости Польши. При этом Лондон не отказался от содействия германо-польскому урегулированию. 4–6 апреля в ходе англо-польских переговоров стороны дали друг другу взаимные гарантии независимости, а также «было достигнуто согласие, что вышеупомянутая договоренность не помешает ни одному из правительств заключать соглашение с другими странами в общих интересах укреплений».

ния мира». 13 апреля Франция подтвердила франко-польский союзный договор 1921 г.¹⁰

Тем не менее очередные англо-французские военные переговоры 24 апреля — 3 мая показали, что союзники знают о наступательных намерениях Германии на Востоке, но не знают, насколько может затянуться война в Польше. Англо-французское руководство опасалось германских ВВС, сведения о численности которых были чрезмерно завышенными, и считало, что союзники не готовы к войне с Германией. А поэтому было бы лучше, чтобы война в Польше продолжалась как можно дольше. Хотя английские военные сделали вывод, что гарантии провоцируют Германию на вторжение в Польшу, было решено, что «не может быть речи о поспешном нападении на линию Зигфрида». Естественно, Варшаву об этом не известили.

4 мая Англия и Франция договорились, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние в свою очередь будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале». 14—19 мая в ходе франко-польских переговоров о военной конвенции Франция обещала поддержать Варшаву в случае угрозы Данцигу и при нападении Германии на Польшу «начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации». Правда, из текста соглашения изъяли фразу об «автоматическом оказании военной помощи всеми родами войск». Его подписание было отложено до заключения политического договора. Англо-польские переговоры 23—30 мая привели к тому, что Лондон обещал в случае войны предпринять воздушные бомбардировки Германии силами не менее 1300 боевых самолетов. Это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало вообще¹¹.

27 мая британский министр по координации обороны лорд Эрни Чэтфилд сообщил на заседании правительства, что в результате переговоров с Францией решено: «Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские вооруженные силы займут оборону по линии Мажино и будут сосредотачиваться для наступления на Италию. Если Италия будет придерживаться нейтралитета, а в войну окажется вовлеченной Бельгия, то французские вооруженные силы, возможно, предпримут наступление через Бельгию, но если Бельгия не будет участвовать в войне, то каких-либо действий против линии Зигфрида не намечается. Мы, конечно, сможем осуществить эффективное воздушное наступление в том случае... если в войну вступит Бельгия»¹².

Тем временем 22 мая Германия и Италия подписали союзный договор («Стальной пакт»). 23 мая, выступая перед военными, Гитлер заявил, что для возвращения в число «могущественных государств» следует расширить «жизненное пространство» и создать продовольственную базу на Востоке Европы на случай дальнейшей борьбы с Западом. Этому препятствует позиция Польши, которая сближалась с Западом и не могла служить серьезным барьером против большевизма и являлась традиционным врагом Германии. Поэтому следовало «при первом же подходящем случае напасть на Польшу», обеспечив нейтралитет Англии и Франции¹³.

К лету 1939 г. в Европе сложились две военно-политические коалиции, обладавшие значительным военным потенциалом (см. табл. 1).

Таблица 1

Вооруженные силы великих держав и Польши летом 1939 г.¹⁴

	Англия	Франция	Германия	Италия	Польша	СССР	Япония	США
Дивизии	25	32	51	67	30	126	41	11
Бригады	19	2	3	—	12	42	?	4
Личный состав (тыс.)	1662	1005	1343	1753	465	2485	1420	534
Орудия и минометы	свыше 13 000	свыше 26 546	30 679	свыше 20 000	около 5 000	55 790	свыше 12 500	свыше 2 300
Танки	547	3286	3419	1390	887	21 110	св. 2000	св. 300
Самолеты	5113	3959	4288	2938	824	11 167	3180	4358
Военно-морские силы								
Линкоры	12	7	2	4	—	3	10	15
Линейные крейсера	3	—	—	—	—	—	—	—
Броненосцы	—	—	3	—	—	—	—	—
Авианосцы	7	1	—	—	—	—	6	5
Тяжелые крейсера	19	7	1	7	—	—	18	18
Легкие крейсера	46	12	6	15	—	6	17	19
Эсминцы	184	61	21	61	4	34	112	181
Подводные лодки	58	77	57	105	5	168	56	99

В ходе политического кризиса в Европе весной-летом 1939 г. стороны начали конкретные военные приготовления. 3 апреля начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал-полковник Вильгельм Кейтель известил главнокомандующих сухопутными войсками, ВВС и ВМФ о том, что подготовлен проект «Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.». Одновременно главнокомандующие видов вооруженных сил получили предварительный вариант плана войны с Польшей (план «Вайс»), который они должны были изучить и к 1 мая 1939 г. представить свои соображения относительно использования войск, организации их взаимодействия и календарном плане мероприятий по подготовке операции. Полностью подготовку к войне следовало завершить к 1 сентября 1939 г. 11 апреля Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.». Таким образом, в Германии началось конкретное оперативное планирование войны с Польшей, которая должна была остаться локальным конфликтом¹⁵.

Стратегический замысел и задачи войск в операции «Вайс» были изложены в директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию сухопутных войск от 15 июня 1939 г. Цель операции состояла в том, чтобы концентрическими ударами из Силезии, Померании и Восточной Пруссии окружить и разгромить главные силы польской армии западнее линии рек Висла и Нарев. С самого начала войны операции германских войск должны были развиваться стремительно, чтобы сорвать мобилизацию и развертывание польских вооруженных сил.

Для выполнения этих задач создавались две группы армий. В Померании и Восточной Пруссии развертывалась группа армий «Север» (командующий — генерал-полковник Фёдор фон Бок) в составе 3-й и 4-й армий, ближайшей задачей которой являлось занятие Польского коридора, обеспечение связи по суше с Восточной Пруссией и нанесение смыкающихся ударов восточнее Вислы в общем направлении на Варшаву. В Силезии и Словакии сосредоточивалась группа армий «Юг» (командующий — генерал-полковник Герд фон Рундштедт) в составе 8-й, 10-й и 14-й армий, наносившая главный удар в операции «Вайс». Ближайшая задача группы армий «Юг» заключалась в том, чтобы своей ударной группировкой наступать в общем направлении на Варшаву, выйти к реке Висла и затем во взаимодействии с группой армий «Север» уничтожить польские войска, находящиеся в Западной Польше. С воздуха эти группы армий должны были поддерживать соответственно 1-й и 4-й воздушные флоты. Для осуществления плана «Вайс» намечалось выделить 40 пехотных, 4 легкопехотные, 3 горнопехотные, 6 танковых и 4 моторизованные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду¹⁶.

Готовя операцию против Польши, германское командование исходило из того, что Англия и Франция не вмешаются в германо-польскую войну. Однако вопрос о том, будет ли вмешательство западных держав полностью исключено, так и не был решен. Поэтому для прикрытия западной границы Германии планировалось развернуть группу армий «Ц» (командующий генерал-полковник Вильгельм фон Лееб) в составе 1-й, 5-й и 7-й армий, которая насчитывала бы 31 дивизию и, опираясь на недостроенную «линию Зигфрида», должна была оборонять границу с Нидерландами, Бельгией и Францией. Таким образом, из развертываемых по мобилизации 103 дивизий вермахта 57 (55,3 %) планировалось развернуть против Польши, 31 (30,1 %) — на западе Германии, а 15 (14,6 %) — в центральных районах страны.

Еще в мае были приведены в боевую готовность 6 армейских управлений, 11 управлений армейских корпусов и 24 дивизии. Предмобилизационные мероприятия начались в Восточной Пруссии с июля, а по всей территории Германии с 18 августа. Под видом подготовки к осенним маневрам в начале августа была проведена частичная мобилизация некоторых резервных дивизий, а также частей армейского и корпусного подчинения. К 25 августа уже завершили мобилизацию соединения, составлявшие 35,4 % состава сухопутных войск военного времени. К вечеру 25 августа против Польши были сосредоточены 16²/₃ пехотные, 4 легкопехотные, 6 танковых, 2²/₃ моторизованных дивизий и 1 кавалерийская бригада. Сигнал на проведение общей мобилизации был дан во второй половине дня 25 августа, то есть за один день до намеченного начала войны. В связи с переносом срока начала вторжения германскому командованию удалось к 1 сентября завершить мобилизацию, доведя численность вермахта до 4 528 тыс. человек, и развернуть против Польши 37¹/₃ пехотных, 4 легкопехотные, 1 горнопехотную, 6 танковых и 4²/₃ моторизованные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду (82,6 % запланированных сил)¹⁷.

Польское стратегическое планирование против Германии основывалось на франко-польском договоре 1921 г. о взаимопомощи, предусматривавшем совместные действия Франции и Польши. С конца февраля 1939 г. польское командование приступило к разработке конкретного плана войны с Германией — «Захуд». После 15 марта в документ были внесены изменения с учетом сложившейся обстановки. Начавшееся в марте оформление англо-франко-польской коалиции привело к тому, что польское военное планирование основывалось на расчете, что Англия и Франция поддержат Польшу в войне с Германией. Поэтому перед польскими вооруженными силами ставилась задача упорной обороной обеспечить мобилизационное развертывание и сосредоточение

своих войск, а потом перейти в контрнаступление, поскольку считалось, что к этому сроку Англия и Франция заставят Германию оттянуть свои войска на запад.

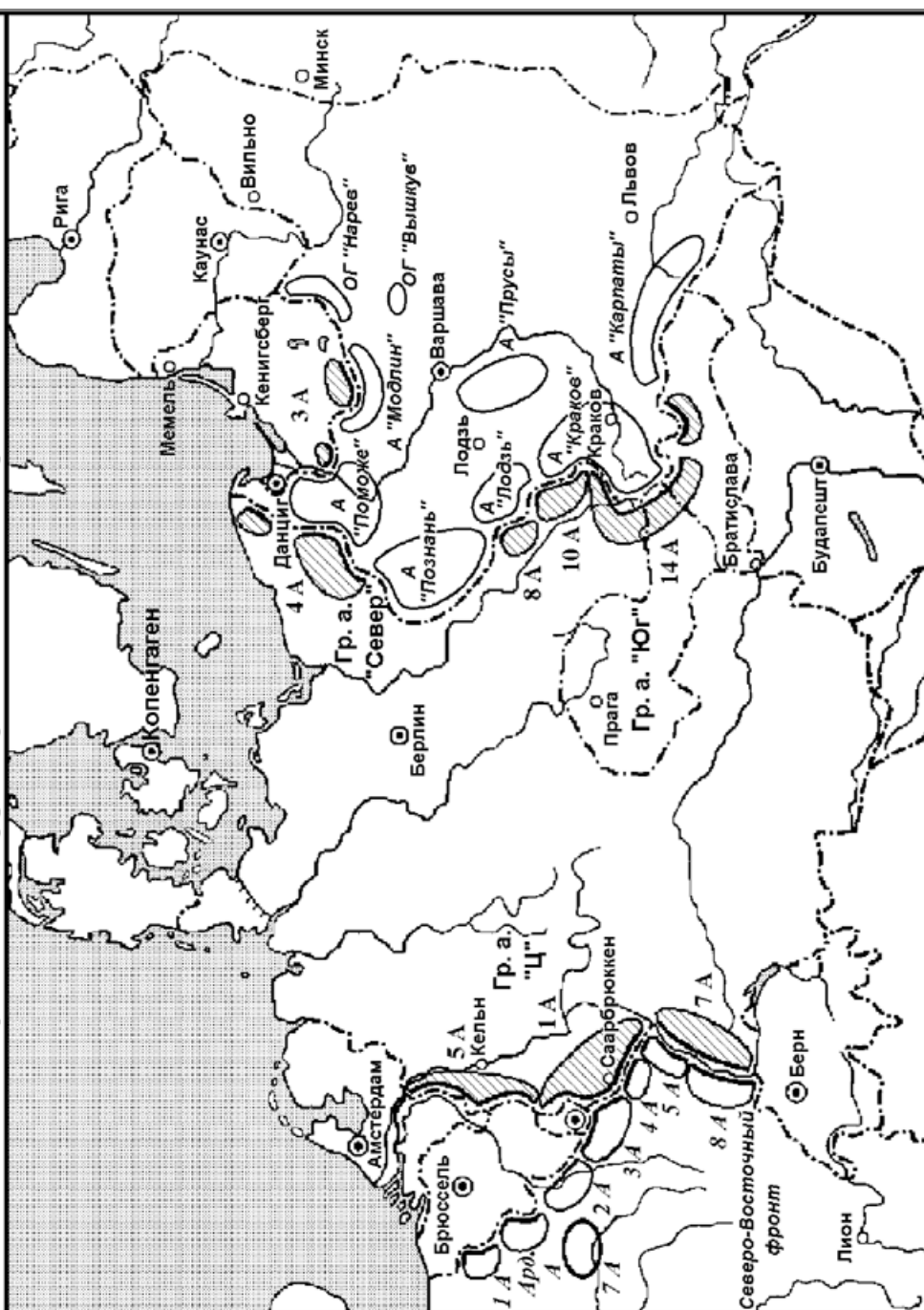
Для осуществления этого плана предусматривалось развернуть 39 пехотных дивизий, 3 горнопехотные, 11 кавалерийских, 10 пограничных и 2 бронемоторизованные бригады. Против Восточной Пруссии разворачивались опергруппы «Нарев», «Вышкув» и армия «Модлин». В Польском коридоре сосредоточивалась армия «Поможе», часть сил которой предназначалась для захвата Данцига. На Берлинском направлении разворачивалась армия «Познань». Границу с Силезией и Словакией прикрывали армия «Лодзь», армия «Краков» и армия «Карпаты». В тылу южнее Варшавы разворачивалась армия «Прусы». В районах Кутно и Тарнов сосредотачивались в резерве по 2 пехотные дивизии¹⁸. Таким образом, польская армия должна была развернуться равномерно на широком фронте, что делало проблематичным отражение массированных ударов вермахта.

Разработанный в апреле 1938 г. мобилизационный план «W» предусматривал скрытую мобилизацию польских войск в мирное время. 13—18 августа 1939 г. была объявлена мобилизация еще 9 соединений, а с 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил. 25 августа был подписан англо-польский союзный договор. 26 августа польские войска получили приказ о выдвижении отмобилизованных соединений в намеченные районы сосредоточения по плану стратегического развертывания. Приказ армиям и оперативным группам первого эшелона о занятии исходного положения был отдан 30 августа.

Отмобилизование армии польское руководство проводило в тайне и от своих англо-французских союзников, которые опасались, что эти действия Варшавы могут подтолкнуть Германию к войне. Поэтому, когда 29 августа в Польше собрались начать открытую мобилизацию, Англия и Франция настояли на откладывании ее проведения до 31 августа. Тем не менее благодаря скрытой мобилизации к утру 1 сентября мобилизационный план был выполнен на 60 %. Развертывание польских войск не было завершено — лишь 46,8 % войск находилось в районах предназначения, но и они не успели полностью занять свои позиции¹⁹. К утру 1 сентября Польша развернула 24 пехотные дивизии, 3 горнопехотные, 8 кавалерийских и 1 бронемоторизованную бригады.

Предмобилизационные мероприятия во Франции начали проводиться летом 1939 г., когда были призваны резервисты в 49 специальных крепостных батальонов и 43 специальные артиллерийские части, составлявшие войска прикрытия на линии Мажино. 21 августа была приведена в боевую готовность система ПВО, а 22 августа — усилена

Развертывание группировок войск сторон к 1.09.39 г.

система боевой готовности французских войск. 23 августа во Франции началась скрытая мобилизация и были введены в действие планы обеспечения безопасности Парижа и границ с Бельгией, Италией и Швейцарией. 24 августа меры по прикрытию сосредоточения были распространены на восточные районы Франции, а 26 августа — на всю территорию страны. До 27 августа было отобилизовано $\frac{3}{4}$ французских вооруженных сил — 72 дивизии (1 895 тыс. чел., 8 тыс. орудий и минометов, 2,5 тыс. танков и до 2 тыс. самолетов). 27 августа было призвано еще 779 тыс. человек, и вооруженные силы достигли численности 2 674 тыс. человек. 1 сентября, когда во Франции была объявлена открытая мобилизация, на ее территории находилось 72 пехотные (кадровые, резервные, североафриканские, колониальные и крепостные войска, равноценные 15 дивизиям), 3 кавалерийские, 2 легкие механизированные дивизии и 39 отдельных танковых батальонов, но никаких активных задач эти войска не имели²⁰.

Однако, несмотря на эти военные приготовления, западные союзники не спешили вмешиваться в начавшуюся 1 сентября германо-польскую войну.

Еще 31 августа Бенито Муссолини предложил Англии и Франции созвать 5 сентября конференцию Англии, Франции, Италии и Германии для обсуждения «затруднений, вытекающих из Версальского договора». Это предложение встретило благожелательную поддержку в Лондоне и Париже, которые продолжили поиски путей умиротворения Германии вместо оказания обещанной помощи Польше. В 11:50 1 сентября Франция уведомила Италию о согласии участвовать в конференции, если на нее будет приглашена Польша. Однако лишь во второй половине дня Франция запросила мнение Польши о намечавшейся конференции, но Варшава считала, что раз война началась, то «это уже вопрос не обсуждения, а оказания сопротивления нападению объединенными действиями Польши и ее союзников». В 21.00—21.30 Англия и Франция передали Германии ноты, в которых выразили «протест» по поводу германского вторжения в Польшу, и предупреждали, что выполнят свои обязательства перед Польшей, «если германское правительство не готово... приостановить наступление... и... немедленно вернуть войска с польской территории». Однако днем 2 сентября через Италию они известили Берлин, что эти ноты не следует воспринимать как ультиматум. Более того, Англия известила Германию, что в случае вывода вермахта из Польши «Британское правительство готово все забыть и начать переговоры». Это усилило уверенность германского руководства в том, что польские союзники продолжают уклоняться от выполнения своих обязательств.

2 сентября союзники Польши все еще надеялись на созыв конференции, причем в отличие от Англии Франция была не против оставления германских войск на польской территории. Лишь 3 сентября в 11.00 Англия, а в 17.00 Франция объявили Германии войну. 4 сентября был подписан франко-польский договор о взаимопомощи. Однако это не поколебало уверенности Гитлера. Он считал, что «если они и объявили нам войну, то это для того, чтобы сохранить свое лицо, к тому же это еще не значит, что они будут воевать». Хотя объявление войны Лондоном и Парижем вызвало в Берлине определенное замешательство, неизменное затишье на Западном фронте убедило германское руководство в том, что реальных действий союзники, скорее всего, не предпримут. Поэтому новая директива ОКВ № 2 от 3 сентября исходила из идеи продолжения масштабных операций в Польше и пассивного ожидания на Западе²¹.

Польские представители в Англии и Франции столкнулись с obstructионистской позицией Лондона и Парижа. Французский главнокомандующий генерал Морис Гамелен не пожелал принять польского военного атташе. Вечером 6 сентября в Париж поступила польская нота, в которой сообщалось о пессимистических настроениях германского населения в связи с начавшейся войной и предлагалось «нанести удар по моральному состоянию врага». Для этого следовало «провести против территории Германии операцию военно-воздушных сил союзников», «прорвать хотя бы в двух пунктах линию Зигфрида... провести хотя бы небольшой морской десант на германском побережье». 7 сентября Варшава получила французский ответ, согласно которому «завтра, а самое позднее утром послезавтра против Германии будет проведена сильная атака французских и английских бомбардировщиков, которая, может быть, будет распространена даже до тыловых построений на польском фронте». Понятно, что такой ответ обнадежил поляков, которые не знали, что в действительности в Париже избегали бомбардировок территории Германии, опасаясь ответных мер люфтваффе. В тот же день Гамелен записал в своем дневнике, что Польша, «не будем скрывать, пропала».

В итоге 8 сентября польский военный атташе во Франции был вынужден доложить в Варшаву: «До 7.9.39. 10 часов на западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно так же нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше». Польские представители продолжали настаивать и просить французское руководство выполнить свои обязательства перед Варшавой. Это вызвало раздра-

жение генерала Гамелена, который писал: «Польский военный атташе продолжает нам надоедать! Я знал также, что польский посол в Париже проявлял нервозность и даже несправедливость в отношении французской армии и особенно авиации». Единственное, чего добились поляки, было обещание послать в Польшу через Румынию военное снаряжение и боеприпасы, которые так и не были посланы ввиду разгрома Польши. В середине сентября генерал Гамелен записал в дневнике, что Франция может оказать помощь Польше в 1940 г., а к наступлению на широком фронте она подготовится в 1941 или 1942 г.

Английское правительство вело себя точно так же, как и французское. 3 сентября в Лондон прибыла польская военная миссия, но встретиться с начальником английского Генштаба генералом Уильямом Айронсайдом полякам удалось лишь 9 сентября. В ходе встречи Айронсайд стал выяснять ситуацию на фронте, а поляки с удивлением узнали, что у Англии нет никаких конкретных планов помощи Польше, поскольку этим должна была заниматься Франция. Сославшись на занятость, Айронсайд прекратил беседу, порекомендовав напоследок полякам закупить оружие в нейтральных странах. 10 сентября польскую военную миссию уведомили, что английские ВВС начали бомбардировки Германии, а в Румынию прибыл транспорт с 44 самолетами для Польши.

Все это было откровенной ложью. Предложение поляков о посылке англо-французской авиации на польские аэродромы так и не было принято. 13 сентября поляки констатировали, что «Англия не сдержала, как и прежде, своих обязательств, ибо в течение 14 дней войны мы остаемся предоставленными самим себе, и помощь, которая должна была быть направлена в Польшу в результате переговоров с генералом Клейтоном, происходивших в мае в Варшаве, не была предоставлена Польше». 15 сентября в ходе последней встречи с Айронсайдом поляки узнали, что, кроме 10 тыс. пулеметов и 15–20 млн патронов, Англия не может выделить никакого другого вооружения, да и это может поступить лишь через 5–6 месяцев. Айронсайд вновь посоветовал полякам закупить оружие у нейтралов²².

Каково же было состояние войск сторон на франко-германской границе в начале германо-польской войны?

К 1 сентября 1939 г. Германия развернула на своей западной границе в полосе от нижнего течения Рейна до швейцарской границы группу армий «Ц» в составе $31\frac{2}{3}$ пехотной дивизии, и еще 3 пехотные дивизии находились в стадии передислокации на Запад. После 3 сентября группе армий «Ц» были подчинены еще 9 пехотных дивизий, которые в основном сосредоточились к 10 сентября, увеличив общую численность группировки до $43\frac{2}{3}$ пехотных дивизий, из которых лишь $11\frac{2}{3}$ «могли быть

названы полноценными, все остальные являлись новыми формированиями, совершенно не соответствовавшими по своей подготовке и техническому оснащению требованиям маневренной войны»²³. К 1 сентября эти войска насчитывали около 915 тыс. человек и располагали примерно 8640 орудиями и минометами, но не имели ни одного танка. Сухопутные войска поддерживали 2-й и 3-й воздушный флоты, в которых насчитывалось 1 094 самолета (из них 966 боеготовых), кроме того, командованию группы армий «Ц» были подчинены летные части, располагавшие 144 самолетами (из них 113 боеготовых), а морская авиация на Западе насчитывала 121 самолет (114 боеготовых). Всего на Западе находилось 1359 самолетов (1193 боеготовых), в том числе 421 бомбардировщик и 632 истребителя²⁴.

Сооружение укреплений Западного вала, на который должны были опираться эти войска, еще не было завершено. «К началу войны в основном имелись только укрепленные точки для пехотного оружия, командные пункты, сеть линий телефонной связи укрепленных районов, противопехотные и противотанковые заграждения. Артиллерийских позиций в виде бронированных сооружений еще не было, как не было железобетонных или бронированных укреплений для противотанкового оружия»²⁵. По мнению генерала Николауса фон Формана, «Западный вал не представлял собой непреодолимого препятствия. Правда, между Люксембургом и Швейцарией, главным образом на участке между Саарбрюккеном и Карлсруэ, было некоторое количество готовых бронированных огневых точек, противотанковых рвов и прочих препятствий. Однако повсюду еще ускоренными темпами вела работу организация Тодта. Большая часть линии была еще на бумаге. О готовых сильных позициях вообще не могло быть и речи. Глубокого эшелонирования нигде не было создано»²⁶.

Французское командование развернуло против Германии Северо-Восточный фронт в составе 1-й, Арденской, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 7-й и 8-й армий, в которых к 3 сентября насчитывалось 78 дивизий (из них 13 были крепостными, а 7 завершали формирование). В этих войсках имелось 17 500 орудий и минометов, свыше 2,8 тыс. танков. ВВС Франции насчитывали 1400 самолетов первой линии и около 1 600 в резерве, кроме того, для действий во Франции можно было использовать 1021 английский самолет. Уже 4 сентября мобилизация во Франции завершилась, а войска были развернуты на позициях. В этот же день во Францию прибыли передовые части Британского экспедиционного корпуса. К 10 сентября французские вооруженные силы закончили развертывание по штатам военного времени и насчитывали 4 895 тыс. человек²⁷.

Соотношение сил на фронтах в сентябре 1939 г.

Соотношение	Франция	Германия	Силы и средства	Германия	Польша	Соотношение
1,8:1	78	43 ² / ₃	Дивизии	61	33	1,8:1
—	—	—	Бригады	1	13	1:13
3,2:1	3253	1000	Личный состав (тыс.)	1800	1000	1,8:1
2:1	17 500	8640	Орудия и минометы	13 500	4300	3:1
—	2850	—	Танки	2533	610	4,2:1
1,8:1	2421*	1359	Самолеты	2231	824	2,7:1

* С учетом ВВС Англии, но без резерва.

С 31 мая 1939 г. французский Генеральный штаб разрабатывал план наступления на фронте между Мозелем и Рейном, который должен был стать основой военных действий против Германии и был 1 сентября предложен генералом Гамеленом правительству. Французские войска должны были наносить главный удар вдоль Рейна на Майнц, отрезая основную германскую группировку с тыла. Однако это предложение так и не было реализовано, хотя 5 сентября Гамелен оценивал противостоящую германскую группировку в 20—25 пехотных дивизий и считал, что его войска имели 3- и даже 4-кратное превосходство. Тем не менее вместо массированного наступления французское командование приняло ограниченную операцию около Саарбрюккена. В ночь на 7 сентября французские поисковые группы впервые пересекли германскую границу западнее города. С 9 сентября части 9 французских дивизий 4-й и 5-й армий начали продвижение в предполье линии Зигфрида к востоку от Саарбрюккена, не встречая сопротивления германских войск, которым было приказано уклоняться от боя и отходить на линию укреплений. Заняв Варндский лес к западу от города и продвинувшись восточнее его на 7—8 км между Шпихерн и Хорнбах на фронте около 25 км, французы получили 12 сентября приказ прекратить наступление «ввиду быстрого развития событий в Польше»²⁸.

В тот же день французский главнокомандующий, который считал, что эти атаки не могут больше повлиять на события в Польше, заявил на первом заседании Высшего военного совета союзников в Абвилле: «В настоящее время больше нет необходимости немедленно обеспечить

базу атаки против линии Зигфрида... Если осуществится атака противника через Люксембург и особенно через Бельгию, нам не хватит всех наших активных сил, чтобы противостоять ему». Хотя Совет одобрил решение о прекращении наступления, генерал Гамелен 14 сентября сообщил главе польской военной миссии во Франции: «Последнее заседание Верховного совета союзников определило твердую решимость Франции и Великобритании обеспечить Польше всю возможную помощь. Формы этой помощи намечены совместно с нашими британскими союзниками после тщательного анализа общей обстановки, и я могу Вас заверить, что ни одна из возможностей прямой помощи Польше и ее армии не будет оставлена без внимания»²⁹. Как справедливо отметил французский историк Ж. Мордаль, «решение, принятое в Абвилле 12 сентября 1939 г. Верховным советом союзников, было не только отказом от данного слова, это была настоящая капитуляция без боя»³⁰.

Таким образом, вместо 35—40 дивизий, которые Франция обещала бросить против Германии, было использовано всего 9 дивизий. Но французское командование старательно преувеличивало масштаб этой огра-

ниченной операции. 10 сентября генерал Гамелен уверял польское руководство, что «больше половины наших активных дивизий Северо-Восточного фронта ведут бои. После перехода нами границы немцы оказывают нам упорное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперед. Но мы завязли в позиционной войне, имея против себя приготовившегося к обороне противника, и я еще не располагаю всей необходимой артиллерией. С самого начала кампании начались действия авиации во взаимодействии с операциями наземных сил. Мы полагаем, что против нас действует значительная часть немецкой авиации. Поэтому я считаю, что досрочно выполнил свое обещание начать наступление мощными главными силами на 15-й день после объявления французской мобилизации. Я не мог сделать большего»³¹.

Однако подобные заявления не могли скрыть того, что Польша была брошена своими союзниками на произвол судьбы.

В то же время французская пресса начала шумную кампанию по поводу «операций против Германии», которые, как сообщалось, поставили перед ней «трудную стратегическую проблему». Когда 14 сентября продвижение войск прекратилось и они получили приказ «укрепиться на захваченной территории», в прессе сообщалось, что «военные операции на Западном фронте между Рейном и Мозелем продолжаются. Французы окружают Саарбрюккен с востока и запада». 19 сентября, когда французские части бездействовали, последовало сообщение, что «бои, которые ранее ограничивались районом Саарбрюккена, охватили теперь весь фронт протяженностью 160 км»³². 30 сентября было решено отойти на исходные позиции, и 3—4 октября французские войска покинули территорию Германии, а к 16 октября передовые части вермахта вновь разместились на границе с Францией³³. В этих боях французы потеряли 77 человек (27 убито, 28 пропало без вести и 22 ранено) и 27 самолетов³⁴.

В Берлине прекрасно понимали опасность активизации англо-французских вооруженных сил, которая была тем выше, чем Рурская индустриальная область находилась фактически на западной границе Германии в радиусе действия авиации союзников. Обладая на Западном фронте подавляющим превосходством над Германией, союзники имели в начале сентября 1939 г. полную возможность начать решительное наступление, которое, скорее всего, стало бы роковым для Германии. Участники событий с немецкой стороны единодушно утверждали, что это означало бы прекращение войны и поражение Германии. Генерал Альфред Йодль считал, что «мы никогда, ни в 1938, ни в 1939 г., не были собственно в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны

с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными»³⁵. По мнению генерала Франца Гальдера, «в сентябре 1939 г. англо-французские войска могли бы, не встречая серьезного сопротивления, пересечь Рейн и угрожать Рурскому бассейну, обладание которым являлось решающим фактором для ведения Германией войны»³⁶.

Как отмечал генерал Буркхарт Мюллер-Гиллебранд, «западные державы в результате своей крайней медлительности упустили легкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии военного времени и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 г. были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным»³⁷.

По мнению генерала Формана, «если бы пришли в движение эти силы (союзников. — М. М.), имевшие чудовищное превосходство, к которым затем, вероятно, примкнули бы голландцы и бельгийцы, то война неизбежно закончилась бы. Сопротивление группы армий “Ц” могло продолжаться в лучшем случае несколько дней. Если бы даже это время использовали для переброски войск с востока на запад, то это все равно не помогло бы. В этом случае любые действия были бы бессмысленными. В Польше нужно было бы прекратить боевые действия еще до достижения решающих успехов, а на запад дивизии не успели бы вовремя и подверглись разгрому поодиночке — конечно, при наличии энергичного, целеустремленного руководства у противника. Самое позднее через неделю были бы потеряны шахты Саара и Рурская область, а на вторую неделю французы могли бы направить войска туда, куда они сочли бы необходимым. К этому следует добавить, что поляки тоже снова обрели бы свободу действий и привели бы в порядок свою армию»³⁸.

Генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль полагал, что «если бы французская армия предприняла крупное наступление на широком фронте против слабых немецких войск, прикрывавших границу (их трудно назвать более мягко, чем силы охранения), то почти не подлежит сомнению, что она прорвала бы немецкую оборону, особенно в первые десять дней сентября. Такое наступление, начатое до переброски значительных сил немецких войск из Польши на Запад, почти наверняка дало бы французам возможность легко дойти до Рейна и, может быть, даже форсировать его. Это могло существенно изменить дальнейший ход войны... Не воспользовавшись временной слабостью Германии на Западном фронте для немедленного нанесения удара, французы упустили возможность поставить гитлеровскую Германию под угрозу тяжелого поражения»³⁹.

Таким образом, Англия и Франция, оставаясь верными своей политике «умиротворения» и не подготовившись к действительной войне с Герма-

нией, упустили уникальный шанс совместно с Польшей зажать Германию в тиски войны на два фронта и уже в сентябре 1939 г. нанести ей решающее поражение. Однако вместо этого при фактическом невмешательстве западных союзников была разгромлена Польша. Можно по-разному объяснять позицию Англии и Франции, но никуда не уйти от того факта, что союзники бросили Польшу на произвол судьбы. Причем, как теперь известно, эта позиция Лондона и Парижа не была какой-то импровизацией, возникшей под влиянием событий. Нет, это была заранее сформулированная и неуклонно проводимая в жизнь стратегическая линия англо-французских союзников, определявшаяся политикой «умиротворения» Германии. В итоге, «отказавшись воспользоваться сложившейся в самом начале войны обстановкой, западные державы не только покинули в беде Польшу, но и ввергли весь мир в пять лет разрушительной войны»⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Parliamentary Debates. House of Commons official report. 5th ser. Vol. 345. London, 1939. Cols. 435–440.

² Венгрия и Вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 124–127, 150–161; *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 — сентябрь 1939. М., 2003. С. 372–395; *Пушкаш А. И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 267–287.

³ *Бувье Ж., Гакон Ж.* Правда о 1939 годе. Внешняя политика Советского Союза (октябрь 1938 — июнь 1941). М., 1955. С. 49–52.

⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. VII: 1939–1943 гг. М., 1973. С. 61–62; Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 334; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 2000. С. 200–201; *Кимхе Д.* Несостоявшаяся битва. М., 1971. С. 42–46; *Демидов С. В.* Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936–1939 гг.). Рязань, 2000. С. 112–114, 120–121.

⁵ *Grzelak C. K.* Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowjeckiego na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1998. S. 101–102, 116–119.

⁶ *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С. 140.

⁷ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 35.

⁸ *Гришин Я. Я.* Диктатор внешней политики. Казань, 2001. С. 221.

⁹ Год кризиса... Т. 1. С. 168–177, 194–196; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война. М., 1972. С. 212–218; *Иванов А. Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 163–164.

¹⁰ ДМИСПО. Т. VII. С. 78–80; Год кризиса... Т. 1. С. 350–351, 361, 379; *Некрич А. М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939). М., 1955. С. 289–303; *Фомин В. Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе

1933–1939. М., 1963. С. 560–566, 571–575; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 112–118, 120–122, 125; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 201–218; *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 42–46; *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1990. С. 85–89, 109–112; *Иванов А. Г.* Указ. соч. С. 153–154, 163–164; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 43; *Случ С. З.* Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны // Россия — Польша — Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 326; *Карлей М. Д.* 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005. С. 132–135.

¹¹ История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2: 1939–1945 гг. М., 1962. С. 17; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 353; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 246–248; *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 55–67; *Фомин В. Т.* Указ. соч. С. 595–596; *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., 1952. С. 95–100; *Демидов С. В.* Указ. соч. С. 114–115.

¹² Цит. по: *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война. М., 1976. С. 45–46, прим. 1.

¹³ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 132–137; Год кризиса... Т. 1. С. 489–490, 493–495; *Ушаков В. Б.* Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961. С. 161–164.

¹⁴ Таблица составлена по: История Второй мировой войны. Т. 2. С. 374–388, 402–413, 432–433, Карта 12; *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 100; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. В 3 т. Т. 1. М., 1956. С. 80, 90–95; Т. 2. М., 1958. С. 49, 68–69, 144; *Савин А. С.* Японский милитаризм в период Второй мировой войны. М., 1979. С. 41, 82; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 201; *Стрельбицкий К. Б.* В сентябре 39-го // Родина. 1996. № 7–8. С. 91; Начальный период войны. М., 1974. С. 135, 140; Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 277. Л. 1–46, 62, 139; Д. 282. Л. 3–44; РГВА. Ф. 29. Оп. 46. Д. 272. Л. 49–50; Ф. 40997. Оп. 1. Д. 63. Л. 36, 40; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71. Оп. 25. Д. 5139. Л. 1–2; *Groehle O.* Geschichte des Luftkrieges. Berlin, 1981. S. 177, 235; *Green W., Fricker J.* The Air Forces of the World. London, 1958. P. 172; Historical Statistics of the United States. Washington, 1975. P. 1141; The Army almanac. The Book of Facts Concerning the Army of the United States. Washington, 1950. P. 216, 649; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979–1988. Bd. 2. S. 162, 268; Bd. 5/1. S. 709, 731, 963; *Jentschura H., Jung D., Mickel P.* Warships of the Imperial Japanese Navy, 1896–1945. London, 1977. P. 25–35, 40–50, 79–87, 130–153, 160–182.

¹⁵ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 339, 359–364.

¹⁶ Там же. С. 341–343, 370–373; *Прозектор Д. М.* Война в Европе. 1939–1941 гг. М., 1963. С. 20–26; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2. S. 92–99.

¹⁷ Начальный период войны. С. 124–132, 143–144; *Прозектор Д. М.* Указ. соч. С. 26–31; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 81–86; Т. 2. С. 10–20; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3 т. Т. 1. М., 1968. С. 64–66; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 315–321; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2. S. 93–104; Bd. 5/1. S. 959.

¹⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2. S. 106; История Второй мировой войны. Т. 3. М., 1974. С. 18–19; Начальный период войны. С. 109–111; *Прозектор Д. М.* Указ. соч. С. 38–43.

¹⁹ *Прозектор Д. М.* Указ. соч. С. 42; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2. S. 104–110; Начальный период войны. С. 134–136, 148–149; *Згорняк М.* Военно-поли-

тическое положение и оперативные планы Польши перед началом Второй мировой войны // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 358–359.

²⁰ *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 99–101; Начальный период войны. С. 136–138; История Второй мировой войны. Т. 2. С. 406–407.

²¹ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 350–352, 386–387; История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2. С. 16; *Некрич А. М.* Указ. соч. С. 424–432; *Прозектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945. М., 1972. С. 84–90; *Фомин В. Т.* Фашистская Германия во Второй мировой войне (сентябрь 1939 — июнь 1941). М., 1978. С. 107; *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. В 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 628–652; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 145–146.

²² *Станевич М.* Сентябрьская катастрофа. М., 1953. С. 226–229; *Прозектор Д. М.* Война в Европе 1939–1941 гг. С. 83, 85, 87; *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 352–353; *Де Рео Э.* Внешняя политика Франции и франко-советские отношения в первые месяцы «Странной войны» (сентябрь 1939 — март 1940) // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. С. 206.

²³ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 342; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 20–23.

²⁴ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 5/1. S. 718–719.

²⁵ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 47.

²⁶ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 343.

²⁷ *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 150–151; *Прозектор Д. М.* Указ. соч. С. 88; История Второй мировой войны. Т. 2. С. 432; *Zgorniak M.* Europa w przededniu wojny. Krakow, 1993. S. 454.

²⁸ *Прозектор Д. М.* Указ. соч. С. 86; *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 354; *Bruge R.* Histoire de la ligne Maginot. Faites sauter la ligne Maginot! Paris, 1973. P. 60–62; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 2. S. 269–272; *Мэй Э. Р.* Странная победа. М., 2009. С. 295–309.

²⁹ История Второй мировой войны. Т. 3. С. 27; *Чельшев И. А.* СССР — Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999. С. 194–196.

³⁰ История Второй мировой войны. Т. 3. С. 27.

³¹ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 354; *Маништейн Э. фон.* Утерянные победы. М., 2012. С. 44.

³² *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 354.

³³ *Bruge R.* Op. cit. P. 62–63; *Чельшев И. А.* Указ. соч. С. 196.

³⁴ *Паллю Ж.-П.* План «Гельб». Блицкриг на Западе 1940.. М., 2008. С. 16.

³⁵ *Фомин В. Т.* Указ. соч. С. 101.

³⁶ Цит. по: *Волков Ф. Д.* За кулисами Второй мировой войны. М., 1985. С. 26–27.

³⁷ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 160–161.

³⁸ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 355.

³⁹ Роковые решения. М., 1958. С. 35–36; *Westphal S.* Heer in Fesseln. Aus den Papieren des Stabschefs von Rommel, Kesselring und Rundstedt. Bonn, 1950. S. 111–113.

⁴⁰ *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 147.

ИСТОРИЯ ПРОВАЛА: АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКИЙ АЛЬЯНС, КОТОРОГО НЕ БЫЛО, И НЕОПУБЛИКОВАННАЯ БЕЛАЯ КНИГА БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, 1939–1940 гг.

*Майкл Джабара Карлей**

В декабре 1939 г. в британском правительстве было принято решение о публикации правительственного доклада о советско-франко-британских переговорах, проходивших весной и летом того года, целью которых было формирование антинацистского союза¹. На этом фоне только что разразилась советско-финская война, и общественное мнение в Великобритании было взбудоражено. Доклад выполнял в том числе и пропагандистскую функцию: он должен был поддержать враждебное отношение общества к СССР и увеличить поддержку властей Великобритании и Франции в войне против нацистской Германии. Форин офис также воспользовался случаем, чтобы по-своему ответить на неудобный вопрос о причине срыва переговоров с СССР. Провал злополучных переговоров привел к заключению пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом, после чего нацисты вторглись в Польшу, не опасаясь вме-

* Приводится по: *Карлей М. Дж.* История провала: Англо-франко-советский альянс, которого не было, и неопубликованная Белая книга британского правительства, 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 2 (3). С. 6–49.

Публикация на языке оригинала: Michael Jabara Carley (2018): *Fiasco: The Anglo-Franco-Soviet Alliance That Never Was and the Unpublished British White Paper, 1939–1940*, *The International History Review*, (2018) DOI: 10.1080/07075332.2018.1458043

Перевод с английского Яны Матросовой.

шательства Советов. А без их помощи Великобритания и Франция едва ли могли чем-то существенно и оперативно помочь осажденной Польше.

Начало войны настолько потрясло Европу, что правительство Великобритании было вынуждено объясниться и не нашло ничего лучше, чем возложить вину на Советский Союз.

Но действительно ли ответственность несет советская сторона? Чтобы ответить на этот вопрос, мы представим читателям краткую ретроспективу трехсторонних переговоров, проходивших с марта по август 1939 г. Чтобы восстановить ход событий, мы собрали огромную выборку как опубликованных, так и неопубликованных документов из архивов трех государств. Последними были рассекречены советские архивы. Документы поступали из различных источников, однако наиболее важные — из Народного комиссариата иностранных дел (НКВД). С начала 1990-х гг. постепенно, хотя и бессистемно, открывались фонды Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). И все же значительная часть документов, как из ранее опубликованных, так и неопубликованных, цитируется в данной статье впервые. Они помогают лучше понять советскую позицию по ключевым событиям весны и лета 1939 г.²

/

К началу англо-франко-советских переговоров (также известных как Московские переговоры) в конце марта 1939 г. Европа уже находилась в кризисе.

Нацистская Германия только что оккупировала Прагу, не встретив сопротивления, и дышащая на ладан Чехословакия перестала существовать как государство. Еще неделю спустя немецкие войска захватили Мемельский край в Литве — и снова без единого выстрела. Общественность Великобритании и Франции была встревожена. Неотвратимость войны становилась очевидна. Как можно было остановить агрессию Германии? Как можно было обеспечить мир в Восточной Европе? Вопросов было куда больше, чем ответов.

В 1935 г. был подписан Франко-советский пакт о взаимопомощи, но оказалось, что он не стоил и выеденного яйца. В течение пяти лет советские дипломаты безуспешно пытались выстроить систему коллективной безопасности в Европе³. Можно ли было преодолеть многолетние разногласия и в последний момент прийти к соглашению?

Перед Францией и Британией встала дилемма. До этого правительства обоих государств придерживались политики умиротворения, что привело к разделу Чехословакии в результате Мюнхенского соглашения 1938 г.⁴ Даже в начале 1939 г. Лондон и Париж все еще полагались

на политику умиротворения, хотя против уже выступала пресса и парламентская оппозиция. Такое упорство объяснялось нежеланием сотрудничать с СССР против нацистской Германии. В декабре 1938 г. министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп посетил Париж для подписания нашумевшей франко-германской декларации с целью «поддержания мирных и добрососедских отношений». Во французской прессе правого толка открыто (а в правительственных кругах шепотом) обсуждалась возможность нарушения договорных обязательств с Польшей и СССР. В начале 1939 г. делегации из Франции и Британии были посланы в Берлин для проведения торговых переговоров⁵.

Верхи Англии и Франции ненавидели Советский Союз и боялись его. И все же полного единства мнений не было и среди них. Редкие «белые вороны», как выразился о них один советский дипломат, выступали за союз с СССР⁶. Они были прагматиками и реалистами, понимавшими, что нацистская Германия угрожает европейской безопасности куда больше и что в борьбе с общим врагом с Москвой необходимо объединиться, как сделали в XVI в. французский католический король Франциск I и османский султан Сулейман Великолепный. В 1936 г. тогда еще малоизвестный полковник французской армии писал: «Нужно набраться смелости посмотреть правде в глаза. Все должно подчиняться единственной идее: необходимо сплотить против Германии всех ее противников вне зависимости от причин, движущих ими, чтобы не дать ей развязать войну, и поразить ее, если избежать войны не удастся»⁷. По иронии судьбы, это была фактически неустановленная советская концепция коллективной безопасности. И с усугублением кризиса в Европе в марте 1939 г. к голосу «белых ворон» на Западе стали прислушиваться.

В Великобритании большей решительности от правительства требовала оппозиция в Палате общин — партии лейбористов и либералов. К ним присоединились и некоторые консерваторы. Уинстон Черчилль, тогда еще никому почти не известный член парламента от Консервативной партии, утверждал, что без поддержки СССР Британия не сможет помочь ни действительным, ни потенциальным союзникам в Восточной Европе. Дэвид Ллойд Джордж, бывший премьером во время Первой мировой войны, поддержал Черчилля в Палате общин в требовании к Невиллу Чемберлену заключить договор с Советским Союзом. Чемберлен, как и другие консерваторы, был убежденным советофобом. В 1924 г. консерваторы использовали так называемое письмо Зиновьева и идеологию «красной угрозы» на парламентских выборах в борьбе против партии лейбористов. В 1927 г. сторонники охранительно-консервативной политики добились разрыва дипломатических отношений с Москвой.

Даже в 1936 г. консерватор Энтони Иден, тогда еще министр иностранных дел, не дал ходу потеплению отношений с советским правительством из-за коммунистической «пропаганды»⁸. Если бы все зависело от премьер-министра, переговоров с СССР не было бы вовсе. Однако на Чемберлена давили министры, причем если сначала они составляли меньшинство, то с нарастанием угрозы войны к ним присоединился практически весь кабинет. Они признавали: враг моего врага — мой друг. Красная армия могла моментально мобилизовать 100 дивизий, в то время как Британия в первые недели войны могла перебросить в Европу всего две. Опросы общественного мнения в Великобритании показывали широкое одобрение союза с СССР. В апреле 1939 г. один из таких опросов выявил, что 87 % респондентов высказались за англо-франко-советский союз и только 7 % — против⁹. И ничего удивительного. Сотня дивизий не могут оставить равнодушными, если у самих за плечами есть всего две. Безусловно, многие критики на Западе указывали на сталинские чистки как причину снижения советского военного потенциала. Чемберлен заявил, что Красная армия была не готова идти в наступление. Но разве готова была британская? Или французская? При этом военные атташе при посольствах Франции и Великобритании в Москве, которые лучше понимали положение, отмечали, что Красная армия постепенно восстанавливается после чисток и в состоянии дать отпор захватчикам. К маю 1939 г. даже Комитет начальников штабов Великобритании признал СССР ценным союзником, несмотря на любые недостатки.

И все же Чемберлена было не переубедить. На очередной работе знаменитого карикатуриста Дэвида Лоу премьер-министра толкали к линии с надписью «коллективная безопасность», но тот сопротивлялся всеми силами. В мае вышла карикатура с Чемберленом, сидящим на упрямой лошади по кличке «Англо-русс», которую никак было не сдвинуть с места¹⁰. Если даже Лоу понимал достаточно, чтобы нарисовать такие работы, значит, и все, имевшие хоть какое-то отношение к этой дипломатической ситуации, осознавали, кто тормозит переговоры с Москвой. Да и Чемберлен своей позиции не скрывал. В письме к своей сестре Иде он писал: «Борьба на каждом заседании парламента не добавляет мне сил... а тяжелее всего из-за Уинстона... он звонит буквально каждый час». Второе место после Черчилля в списке политиков, раздражавших премьера, занимал Ллойд Джордж, подначивавший оппозицию «постыдной верой в то, будто Россия — ключ к нашему спасению»¹¹.

Об отношении Британии и Франции к СССР весной 1939 г. известно достаточно, но намного меньше мы знаем о том, что думали о Британии и Франции в самом СССР. Как советское правительство относилось к происходящему по мере накала обстановки? Лучше всего позицию СССР

можно описать словами «недоверие» и «скептицизм». Политика умиротворения агрессора, принятая Великобританией и Францией, и явный антисоветский настрой не могли понравиться членам партии... тем, кто, по крайней мере, уцелел в сталинских репрессиях. В начале 1938 г. М. М. Литвинов, нарком иностранных дел, весьма скептически относился к намерению Англии и Франции противостоять нацистской агрессии. Его коллеги по НКВД практически списывали со счетов слабую, напуганную Францию, «рабоче-лепую следующую лондонской указке» и идущую к «катастрофе»¹².

После Мюнхенской конференции доверие Советского Союза к Британии и Франции было окончательно подорвано. В одном из докладов НКВД Великобритания обвинялась в «политике попустительства» и «непрерывном вымогательстве у чехословацкого правительства», а также умасливании агрессора «за счет малых стран и СССР». К этому времени Британии уже «удалось добиться полнейшего подчинения себе французской внешней политики». Чемберлен считал, что Чехословакия являлась «искусственным государством», которое не должно было стать препятствием для договора с Германией. Далее в докладе говорилось, что британский премьер «ненавидит СССР и его социалистический строй» и «стремится парализовать активное участие СССР в вопросах организации коллективной безопасности...». В другом докладе НКВД сказано, что Франция «предала союзную страну», отказавшись выполнять обязательства по договору с Чехословакией. Ослабление влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе французское правительство пыталось компенсировать за счет укрепления отношений с Великобританией. Во время сентябрьского кризиса вся французская политика сводилась к «одобрению английских планов» по разделению Чехословакии и манипулированию общественным мнением: населению внушали страх и веру в то, что «сговор с агрессором» был «спасением мира». Правые круги игнорировали — или, как говорилось в докладе, «скрывали» — советские предложения по поддержке Чехословакии, поскольку опасались, что в случае войны победа над фашизмом в союзе с СССР «вызвала бы развязывание сил социальной революции в капиталистической Европе, подрыв позиций капитализма и в самой Франции»¹³.

Обвинения НКВД в адрес Великобритании и Франции варьировались в широких масштабах — и были небезосновательными, однако Литвинову сигналы коллег и не требовались. Он передал Я. З. Сурицу, полпреду в Париже, что в Политбюро еще не было «серьезного обсуждения» о Мюнхенском кризисе, однако велел не поднимать вопрос о разрыве франко-советского соглашения на тот момент¹⁴.

«Старик Чемберлен дойдет до конца по намеченному им, или вернее Гитлером, пути, а Франция волей-неволей будет волочиться за ним»¹⁵.

Был ли шанс избежать тупика, оказавшегося впоследствии катастрофой? Спустя две недели французский поверенный в делах Жан Пайяр позвонил Литвинову, чтобы это узнать. У него были «вопросы», как записал в своем дневнике Литвинов, о том, «как я смотрю на нынешнее международное положение и дальнейшее его развитие». Литвинов ответил, что Британии и Франции лучше знать ответ. Пайяр настаивал. «Я считаю себя сторонником коллективной безопасности», — сказал он. — И я хотел бы знать, [считаете ли вы] и теперь возможной политику коллективной безопасности».

В дневнике Литвинова читаем: «На это я сказал следующее: Мы считаем Мюнхенское соглашение международным несчастьем».

«Англии и Франции сейчас вряд ли удастся отступить от намеченной ими политики, которая сводится к одностороннему удовлетворению требований всех трех агрессоров — Германии, Италии и Японии. Они будут предъявлять свои требования по очереди, и Англия и Франция будут им делать одну уступку за другой. Я полагаю, однако, что они дойдут до такой точки, когда народы Англии и Франции должны будут их остановить. Тогда, вероятно, придется вернуться на старый путь коллективной безопасности, ибо других путей для организации мира нет. Англия и Франция выйдут, конечно, сильно ослабленными из этой полосы, но все же и тогда еще потенциальные силы мира будут превышать потенциальные силы агрессии»¹⁶.

Так что, если Литвинов столь неодобрительно относился к Чемберлену и французам, значит, когда-то в коллективную безопасность он все же верил.

И, должно быть, он был совершенно уверен в хороших отношениях с «вождем» — И. В. Сталиным, раз мог себе позволить так разговаривать с Пайяром, а после заносить разговор в официальный отчет. Вопрос был в том, мог ли он положиться на поддержку Сталина?

Под Новый год замечания Литвинова стали еще язвительнее. Когда советский полпред в Лондоне И. М. Майский предупредил о надвигающейся войне и попросил выделить финансирование на строительство бомбоубежища под посольством, Литвинов отнесся к этому без энтузиазма. «Я обещал поставить перед СНК и поставлю. Не могу, однако, ничего обещать насчет результатов такого обращения».

В любом случае, спешить никто не стал. Литвинов не исключал возможность войны в 1939-м, но и вероятной ее не считал. «...Как Чемберлен, так тем более французы решили избежать войны по крайней мере в ближайшие годы во что бы то ни стало — я бы даже сказал, любой ценой. Неверно, что будто бы иссякли или иссякают ресурсы уступок». Далее Литвинов перечисляет ряд возможностей. Он не соглашается

с точкой зрения Майского о том, что Гитлер и Бенито Муссолини могут выдвинуть невыполнимые требования: «Напоминаю Вам, однако, что и у Гитлера, и у Муссолини имеется достаточно друзей в Англии и всяких надежных источников, которыми они могут быть достаточно хорошо осведомлены заранее о пределах уступок»¹⁷.

Литвинов посмеивался над предсказаниями войны Майского. «Вы как будто невольно поддаетесь германо-итальянской агитации и начинаете верить в готовность Гитлера и Муссолини к объявлению войны Франции и Англии... мы будем иметь дело только с шантажом, которому Англия и Франция в той или иной мере уступят»¹⁸.

Когда Майский отчитался о встрече с министром иностранных дел лордом Галифаксом, Литвинов ответил, что тактика критики Франции за ее «абсолютную пассивность... и ее неготовность к отпору» была ошибочной. Проблема была в том, что Англия оправдывала «дряблость своей политики» слабостью Франции, а Франция оправдывалась слабостью Великобритании. «Мы должны критиковать Францию в Париже, а Англию — в Лондоне». Поэтому Литвинов говорил: надо «...говорить Лондону о возможном сопротивлении со стороны Парижа при соответственной твердости английского правительства, а в Париже — о возможной твердости английского правительства»¹⁹. Из этого следует, что Литвинов не отказывался от идеи коллективной безопасности, как и от собственного чувства юмора. К сожалению, Британия и Франция знали друг друга слишком хорошо, чтобы поддаться стратегии Литвинова.

К тому же существовала проблема Польши. Правящая польская элита ненавидела СССР, и польское правительство годами саботировало советские предложения по коллективной безопасности. Согласно одному из отчетов НКВД, во время мюнхенского кризиса Польша придерживалась «политики тесного сотрудничества с фашистской Германией и прямой поддержки сил агрессии на международной арене [то есть соучастия в разделе Чехословакии]»²⁰.

К концу года, однако, польский посол в Москве Вацлав Гржибовский предложил урегулирование наиболее острых вопросов и общее улучшение отношений²¹. Литвинов отреагировал скептически. Министра иностранных дел Польши Юзефа Бека он не любил особенно. «Мы не предавались никаким иллюзиям насчет прочности сближения с Польшей», — писал Литвинов. Это могло быть не более чем дипломатической уловкой и чем-то, что можно было бы использовать для торга при переговорах с Гитлером. Более того, Бек знал о «кознях» против него в самой Польше, спровоцированных его рискованной внешней политикой, «поставившей Польшу лицом к лицу с наиболее реальной опасностью», так что он «решил сделать маленькое исправление

своей линии в нашу сторону». Во всяком случае, от продолжения игры ничего не терялось, пусть даже «разряжение отношений» обещало быть недолгим²².

С точки зрения Литвинова Польша находилась в невыгодном положении: «Бек, поскольку это от него будет зависеть, будет стараться по-прежнему сохранить свободу действий, лавируя между нами и Германией, не связывая себя слишком прочно ни с той, ни с другой стороны. Но позволит ли ему это Гитлер?»²³

Для наркома такую оценку Бека можно считать точной и уважительной. Литвинов не всегда был так благосклонен, считая, что в своем лавировании Польша работала «с заметным креном в сторону» Германии²⁴. Польско-советские отношения продолжали деградировать до марта 1939 г.

Не избежали язвительных оценок Литвинова и французский премьер-министр Эдуард Даладьё с министром иностранных дел Жоржем Бонне. В письме к Сурицу в Париж он писал: «Считаю нужным добавить, что в отношении Франции здесь чувствуется не меньше, если не больше, недоверие, чем к Англии»²⁵. Под словом «здесь» в этом отрывке Литвинов имеет в виду советское руководство в Москве, таким образом, он выражает не просто частное мнение. Позиция Франции, а особенно Бонне, во время чехословацкого кризиса спровоцировала открытое осуждение Советского Союза, что повлекло напряжение отношений между Литвиновым и послом Франции в СССР²⁶.

Сэр Роберт Ванситтарт, занимавший в то время пост старшего дипломатического советника Министерства иностранных дел, который давно уже ратовал за восстановление дружеских отношений между Англией и СССР, убедил Кабинет министров отправить в Москву Роберта Хадсона, министра внешней торговли, в знак потепления отношений. Предполагалось, что он прибудет в советскую столицу в конце марта. Но у Литвинова были сомнения. Это бы налагало определенные обязательства на СССР, в случае если Британии и Франции пришлось бы вступить в войну. Литвинов полагал: «... мы имеем дело только с жестами и тактическими маневрами, а не с действительным стремлением Чемберлена к сотрудничеству с нами»²⁷.

Майский отмечает в дневнике, что в политике Великобритании наметились изменения. Некий высокопоставленный собеседник из числа консерваторов сказал ему, что с политикой умиротворения покончено. Чемберлен был «не слишком этому рад»²⁸, но ему нужно было либо смириться с переменой взглядов, либо подать в отставку. По наблюдению Майского, «Страна говорит: Германия — вот враг». Однако он не был уверен в том, что Чемберлен смотрит на ситуацию так же²⁹.

Литвинов, как всегда, относился к этому скептически. Если Гитлер хоть немного на время поубавит пыл, а может, даже сделает «новый миролюбивый жест», Чемберлен и Даладьё снова бросятся защищать «мюнхенскую линию». Могла ли Москва рассчитывать на сколь-нибудь значимое изменение политики? По сути, «чехословацкие события... полностью укладываются в рамки любезной им [Чемберлену и Даладьё] концепции движения Германии на восток». Литвинов все еще надеялся, что свои плоды принесет миссия Хадсона, но сомневался в том, что она положит конец «подозрениям и недоверию» Москвы. И снова Литвинов не выражал в этом личного мнения. Хадсон надеялся, что конкретные предложения сделает советское правительство, поскольку сам он был на это не уполномочен. Литвинов писал Майскому: «Я думаю, что таких предложений ему сделано не будет».

«Мы пять лет на внешнеполитическом поле деятельности занимались тем, что делали указания и предложения об организации мира и коллективной безопасности, но державы игнорировали их и поступали наперекор им. Если Англия и Франция действительно меняют свою линию, то пусть они либо выскажутся по поводу ранее делавшихся нами предложений, либо делают свои предложения. Надо инициативу представить им»³⁰.

Переговоры Хадсона в Москве весьма интересны. В британском отчете сказано: «Литвинов начал с указания на то, что если бы все изначально следовали его политике, сложившееся положение никогда бы не возникло». Нарком придерживался этого обвинения и в дальнейшем. То же самое он говорил и послу Великобритании в Москве сэру Стаффорд Криспису в московском бомбоубежище летом 1941 г., и на заседании Центрального комитета Сталину в 1940 г. Один из очевидцев рассказывал, что тогда Литвинов говорил десять минут «в полной тишине». Это и не удивительно: требовалась немалая смелость, чтобы отойти от линии партии прямо в присутствии Сталина и высших партийных чинов³¹.

Сэр Уильям Сидс, британский посол в то время, высмеивал советского министра: «Замечания Литвинова отличаются полнотой... а учитывая обычную для него осведомленность, они обнажают отход западных демократий от одной позиции за другой, что вылилось в мюнхенскую капитуляцию и неприятие всеми Советского Союза». Особое презрение Литвинов выражал по отношению к французам: «Франция побеждена: ее... заплотнили немецкие агенты, страна разобщена и полна недовольства. Он [Литвинов] видел недалекое будущее Европы как одни немецкие территории от Бискайского залива до советских границ, можно сказать, остались бы только Великобритания и Советский Союз. Да и это бы не удовлетворило аппетиты Германии, но наступление — это он говорил с довольной улыбкой — не будет развернуто на восток»³².

Литвинов не ошибся насчет судьбы Франции и будущего Европы, однако на самом деле был не столь уверен в том, куда придется удар Гитлера. И все же по британским отчетам создается впечатление, что Литвинов и Хадсон хорошо поладили. «Советское правительство [заверил Литвинов] будет готово к консультациям с Кабинетом Его Величества и другими органами по всем вопросам, относящимся к ответным мерам, как дипломатическим, так и экономическим. Он дал понять, что не исключает возможности вооруженного ответа». В отчетах Литвинова ничего подобного не находится — то ли потому, что Хадсон преувеличивал, то ли потому, что Литвинову приходилось считаться со скептицизмом собственных коллег³³. Хадсон провел в Москве несколько дней, но ни к чему конкретному его поездка не привела.

Говоря о мнении «в Москве» или используя слово «мы» для описания позиции правительства, он выражал не просто личное мнение. Если Литвинов говорил только от своего лица, он давал это коллегам понять³⁴. В своей речи 10 марта в Москве Сталин лично открыто предупредил Великобританию и Францию, что им не стоит рассчитывать, будто всю работу за них сделает СССР. Он обещал, что Советский Союз не пойдет впереди них, чтобы потом остаться один на один с нацистской Германией. То, о чем Литвинов говорил за закрытыми дверями, Сталин высказал открыто: политика коллективной безопасности провалилась. И он задавался вопросом — а может ли Советский Союз положиться на Британию и Францию в случае войны?³⁵

Пока Хадсон встречался с советскими властями, в Лондоне разворачивались другие приготовления. После отклонения предложения Литвинова на крупной конференции по международной безопасности в Бухаресте британское правительство наконец взяло инициативу на себя. 20 марта Форин офис предложил четырехстороннюю декларацию, которая включала Советский Союз и призывала к совместным переговорам в случае угрозы миру в Европе. Спустя два дня декларацию подписали Франция и СССР. Дело оставалось только за Польшей.

24 марта министр иностранных дел Польши Бек отклонил британское предложение. Форин офис не спешил информировать Майского о решении поляков. Новость пришла после утечки только через несколько дней. 25 марта Литвинов сказал Сурицу, что не особенно рассчитывает на успех британского предложения, пусть это и лучше, чем ничего. Он сомневался в том, что Польша ответит согласием, но точных данных у него не было³⁶.

28 марта Владимир Потемкин, замнаркома иностранных дел, заверил посла Польши Гржибовского в стремлении советского правительства наладить отношения. Журналисты сообщили, что при встрече

на следующий день Пайяр спросил Литвинова, есть ли у советского правительства какие-либо условия для ратификации четырехсторонней декларации. На это Литвинов ответил, «что условий не ставили, но что считаем очень важным сотрудничество Польши, каковое мы всегда ей предлагали. И все же в отсутствии вестей из Лондона Литвинов не оставлял сомнений насчет намерений Польши. «Я полагаю, что пока Польша не получит какого-либо непосредственного удара со стороны Германии, вряд ли удастся изменить линию поведения Бека»³⁷.

Наступило 29 марта. Литвинов вновь написал Сурицу, что у него нет достоверной информации об ответе Польши на британское предложение, «но он был, по-видимому, достаточно определен, чтобы понять ее отрицательное отношение и чтобы дать возможность Чемберлену и Бонне уклониться от дальнейших действий»³⁸. В конце концов Майскому позвонил в тот день постоянный заместитель министра сэр Александр Кадоган, чтобы сказать, что, по данным британского отчета, четырехсторонняя декларация не прошла. По оценке Майского, он «слегка смутился», вероятно, потому что пришлось выждать пять дней, чтобы известить советское правительство. Форин офис узнал о решении вечером 24 марта. Поляки отвергли предложение, потому что не хотели «открыто связывать себя с советским правительством», то есть провоцировать Германию³⁹. Польша путала карты уже не в первый раз. Длительное молчание Лондона производило не лучшее впечатление на Москву.

«“Декларация четырех” из-за сопротивления Польши», — записал Майский в своем дневнике. «Бритпра [Британское правительство], ничего не говоря нам, стало усиленно изыскивать другие методы “to stop aggression” [остановить агрессию]». Форин офис допустил утечку в прессу, чтобы успокоить оппозицию, заверяя всех, что оно «in close touch» [*англ.* тесно сотрудничает] с советским правительством, однако «что вот уже 12 дней (с 19 марта) как я не видел Галифакса»⁴⁰. Позднее Майский отрицал в палате общин, что ему сообщили о неудаче четырехсторонней декларации. «Кадоган никогда не сообщал мне в прямой и ясной форме, что декларация четырех провалилась. Это можно было, пожалуй, предположить, но точного заявления такого рода не было». Он [Кадоган] все еще надеялся, что «декларация» еще может получить вторую жизнь⁴¹. То, что постоянный заместитель министра осторожно подбирал слова, описывая встречу, подтверждало наблюдения Майского.

31 марта Чемберлен объявил в Палате общин о гарантиях безопасности Польши. За два часа до этого Галифакс встретился с Майским, чтобы рассказать о случившемся. Он показал Майскому заявление Чемберлена и спросил, какая реакция на него последует. Посол бегло про-

смотрел текст. «Мне трудно высказать какое-либо продуманное мнение... — сказал он. — В конце нет ясного указания, что Англия готова прийти на помощь Польше вооруженными силами. Какой эффект это произведет на Гитлера? Поверит ли он в серьезность британских намерений? Не знаю. Может быть, и нет». И вдруг Галифакс спросил, может ли Чемберлен сказать, что советское правительство поддерживает заявление. Майского застали врасплох. «Я сразу понял, в чем дело, — записал он в своем дневнике. — Чемберлен хотел бы прикрыться от нападок оппозиции нашим именем».

«Я вас не совсем понимаю, лорд Галифакс», — ответил Майский. И добавил: «Подготавливая свою польскую акцию, вы с нами не консультировались. Соответствующего заявления совпра [советское правительство] не видело. Я сам имел возможность с ним ознакомиться всего лишь несколько минут назад. Как же при таких обстоятельствах премьер-министр может говорить, что его декларация одобряется совпра? И полагаю, что это было бы неудобно».

«Галифакс смутился, — записал Майский. — И поспешил сказать: “Да, пожалуй, вы правы”. Он объяснил, что все получилось так из-за поляков, а не из-за того, что британское правительство не хотело советоваться с Москвой. Поляки противились любому участию СССР в серьезных договоренностях с участием Польши»⁴². Но они были не единственным препятствием — другим был премьер-министр.

А в другом месте Лондона, в палате общин, Чемберлен пригласил на разговор Ллойд Джорджа. Это было несколько необычным жестом, поскольку премьер-министру не нравился этот «маленький беспринципный подлец», как он его однажды назвал⁴³. Ллойд Джордж тоже имел на него зуб, и партийные организаторы считали, что премьеру бы стоило постараться его утихомирить. Он хотел обсудить британские гарантии Польше и узнать, как обстоят дела с Советским Союзом. Чемберлен сказал, что Румыния и Польша «создают трудности» и что Британия может зависеть от Польши, которая может служить в качестве потенциального второго фронта против Германии без советского сотрудничества. Ллойд Джордж отнесся к этому со скепсисом и усмешкой: «Без СССР не может быть второго фронта. Без СССР гарантия Польше есть безответственная азартная игра, которая может кончиться очень плохо для нашей страны!»⁴⁴ Судя по отчету Майского об этом разговоре, который пересказал ему, несомненно, Ллойд Джордж, Чемберлен не нашелся с ответом, поскольку не мог сказать Ллойд Джорджу то, что позднее говорил в частной беседе с более благосклонными слушателями: союз с СССР он не поддерживал. К счастью, Польша сама дала ему удобное оправдание.

В тот же день в Москве Потемкин позвонил Гржибовскому, чтобы подтвердить позицию Польши. По словам посла, они все еще пытались поддерживать «политическое равновесие» между Германией и СССР: «Дальнейшая позиция Польши будет зависеть от Гитлера. Если его отношения к Польше примут явно агрессивный характер, колебаниям польского правительства будет положен конец...»⁴⁵

В длинном послании Майскому Литвинов снова принялся за привычный бесстрастный анализ. «Чемберлен, вероятно, несказанно рад возможности делать такие ссылки и возлагать неудачу [четырёхсторонней] декларации и аналогичных выступлений на Польшу и Румынию». И это было более или менее так. Он продолжал: «Англичане продолжают говорить Вам о каком-то блоке с участием СССР, а между тем никакой ясности нет относительно того, как они представляют себе этот блок и каковы будут его функции. По-видимому, они представляют себе это дело так, что сперва будет закончена консультация между Англией, Францией и Польшей, а может быть, и Румынией, причем будут решены основные моменты сотрудничества, распределены роли, а потом нам сообщат, какая роль выделена для нас».

«Если они так думают, то нельзя отказать им в наивности. Данное нами вчера опровержение газетных инсинуаций должно развеять всяческие иллюзии англичан по поводу нашей готовности принять любую роль, которую нам отведут на основании решений, принятых различными правительствами без нашего участия... Мы предпочтем, вероятно, не связывать себе руки».

Снова Литвинов употребляет «мы», что значит «Сталин и Политбюро». Но посмотрим, что он пишет дальше: предположим, Чемберлен считает, что Италия и Испания, а может, и Япония надавят на Гитлера, заставив его отказаться от его планов. Допустим, он полагает, что может запугать Гитлера, но кто поручится, что Британия действительно решится на войну с Германией? «Во всяком случае, для нас представляет известную выгоду положение, при котором к нам обратятся как к последнему решающему фактору». Существовала вероятность того, что Чемберлен надеялся направить военную мощь Гитлера по другим направлениям, например на северо-восток, полагая, что мы ответим на любой недружественный шаг и спровоцируем войну на Востоке, «о которой Чемберлен мечтает». Литвинов пытался понять, почему Британии было так нужно обострить возражения и лавирования Бека — казалось, будто это Польша оказывает Британии помощь, а не наоборот.

«Решающее слово должны были сказать Чемберлен и Даладье, а не Бек. Не в первый раз Англия делает нам предложения о сотрудничестве и потом берет их обратно, со ссылками на действительные или

возможные возражения то Германии, то Японии, а теперь Польши... Для нас нетерпимо положение человека, которого приглашают в гости, а затем просят его не приходить ввиду того, что другие приглашенные гости не желают встречаться. Мы предпочли бы быть совершенно вычеркнутыми из списка приглашаемых. Поскольку Чемберлен посылает нам приглашения под давлением общественного мнения и пытается отыгрываться на общих декларациях о консультациях, на разговорах с советским послом и т. п., Вам следовало бы не помогать ему в этом... Надо давать понять англичанам наше нежелание на такого рода “консультации” и “тесное сотрудничество”».

Затем Литвинов переходит к Франции, которая... «поскольку дело нас касается, как будто совершенно стухевалась, предоставив даже разговоры с нами одной Англии. За все это время Бонне только один раз, а именно 31 марта, неожиданно обратился к т. Сурицу с вопросом, какова будет наша позиция в случае нападения на Польшу и Румынию. При этом он не скупился, конечно, на общие фразы о намерении не игнорировать СССР, а наоборот, сотрудничать с ним и т. п.»⁴⁶

Литвинов был раздражен. Он писал полпреду в Берлине: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью [Британия и Франция], тем дороже нам заплатят. Мы относимся поэтому совершенно спокойно к шуму, поднятому вокруг так называемого изменения английской политики»⁴⁷.

И снова Литвинов пишет «мы».

Но как бы ни был раздосадован Литвинов, он не сидел сложа руки и еще в начале апреля провел несколько бесед с Гржибовским, указывая тому на враждебность Польши в отношении СССР и предупреждая об опасности, которую представлял для Польши Гитлер⁴⁸. В то же время Майский, по-видимому, по собственной инициативе, через посредников предложил организовать приезд Литвинова в Лондон. В дневнике он записал, что план обдумывался правительством. В Форин офисе он поддержки не нашел. Сэр Орм Сарджент, помощник постоянного заместителя министра, счел идею неудачной, полагая, что она только вызовет взаимные подозрения и ни к чему хорошему не приведет. «Надеюсь, мы не позволим надуманным обидам Майского и напускному недовольству Литвинова заставить нас действовать вопреки здравому смыслу».

«Согласен, — писал Кадоган, — лично я воспринимаю союз с Советами скорее как обузу, нежели приобретение». Менее категоричен был Галифакс: «При желании мы можем — и без особого ущерба — оставить их на нашей стороне»⁴⁹.

Так были ли советские «надуманные обиды» и «напускное недовольство» безосновательными? Что Чемберлен думал об англо-советском сотрудничестве? «Должен признаться в полном недоверии к России, — писал Чемберлен своей сестре Иде. — Я не доверяю ее мотивам, которые представляются мне далекими от наших представлений о свободе, а единственным намерением кажется желание всех перессорить»⁵⁰. В том ли было дело? Литвинов ломал комедию, а Москва мечтала «всех перессорить»?

Суриц из Парижа сообщал, что Франция наконец трезво смотрит на вещи: нацистская Германия хочет расширить свои границы, и союзники ей не нужны. Сама Франция защитить себя не могла⁵¹. В начале апреля Бонне звонил Сурицу едва ли не ежедневно, чтобы узнать, нет ли вестей из Москвы, и подчеркивая необходимость сотрудничества. Даже Даладье уже негодовал из-за несговорчивости поляков. 7 апреля итальянские армии вторглись в Албанию. Суриц доложил, что видел Бонне «в состоянии полной прострации».

Он говорил, что война могла разразиться в любой момент, указывая на кипу необнадеживающих отчетов разведки на столе. Суриц сообщил, что французы запаниковали и теперь не будут отворачиваться от советской помощи.

И все же испуг Франции не переубедил Сурица. Литвинову он сказал: «У нас нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл. Мне поэтому кажется, что мы должны дать согласие на переговоры, но не идти ни на какие обязательства без встречных гарантий»⁵². Но убеждать в этом никого было не нужно.

Одновременно активность проявила, казалось, и Британия. 6 апреля было заключено англо-польское соглашение о взаимопомощи. 13 апреля британское правительство объявило о гарантии безопасности Румынии и Греции, примеру последовала и Франция. С одобрения Сталина Литвинов пожурил Майского за излишний пессимизм в разговорах с Галифаксом и велел дать понять Форин офису, что СССР готов к двустороннему сотрудничеству по оказанию помощи Румынии в отстаивании независимости. На следующий день британское правительство предложило советскому дать совместные гарантии Польше и Румынии, а Бонне тем временем предложил укрепить франко-советский пакт о взаимопомощи. Было ли это стремлением создать трехсторонний союз в противовес Оси зла? Сомнительно, что Литвинов говорил с Сидсом начистоту, пытавшимся оговорить подробности и настаивавшим на взаимности обязательств⁵³. В этом не было ничего нового.

Хотя кое-что все же изменилось: 15 апреля Литвинов отправил Сталину предложение по созданию трехстороннего политического и воен-

ного союза с Францией и Британией. Британцы и французы постепенно начали открывать карты, о чем Литвинов писал Сталину: «Если мы хотим от них чего-либо добиться, нам также должны понемногу раскрывать и свои желания. Не приходится ожидать, чтобы другая сторона предлагала нам как раз то, чего мы хотим»⁵⁴. На следующий день Литвинов встретился с вождем, они внесли некоторые изменения и подготовили список предложений из восьми пунктов. СССР предлагал заключение официального соглашения сроком на пять-десять лет, прописывавшего незамедлительную взаимопомощь в случае любой, в том числе военной, «агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Последующие пункты уточняли взаимные обязательства, включавшие оказание помощи всем государствам Восточной Европы от Балтики до Черного моря по советской границе. Переговоры по военной части соглашения должны были пройти «в кратчайший срок», чтобы прописать детали оказания военной помощи всем государствам, перечисленным в соглашении. Стороны, заключившие договор, обязывались не заключать сепаратный мир. Советское предложение расставило все точки над «і» — или большинство из них. 17 апреля Литвинов передал советские предложения Сидсу. «Огромной важности шаг! — записал в своем дневнике Майский. — Теперь общая линия ясна»⁵⁵.

Что же заставило Литвинова, а что еще важнее — Сталина передумать, после того как было объявлено, что Британия и Франция должны взять инициативу на себя? На первый взгляд, внезапная перемена политики кажется очень значительной, учитывая недоверие СССР к британскому и французскому правительствам. Нельзя сказать наверняка, однако, судя по всему, роль сыграло сразу несколько факторов: «паника» Бонне, итальянское вторжение в Албанию, британские декларации и упрямство Литвинова. На протяжении двух годов Литвинов сравнивал себя с Сизифом, которому пришлось преодолевать всевозможные препятствия ради защиты советских государственных интересов⁵⁶. В 1939 году Сизиф-Литвинов все еще толкал свой камень к вершине горы. Мог ли он в этот раз противостоять богам? Высокопоставленные чиновники британского МИД Кадоган и Сарджент требовали от Литвинова конкретики и наконец ее добились. Того же хотел и Бонне. Логичным было бы предположить, что Британия и Франция на ура воспримут советские предложения. Но этого не случилось. Советский дипломатический шаг в Форин офисе встретили пренебрежительно. «Крайне неудобное соглашение», — сказал Кадоган. Французский посол в Лондоне Шарль Корбен позднее замечал, что советские предложения британцы отклонили с презрением⁵⁷.

К вящему раздражению британской стороны, Бонне проявил большее уважение к советской инициативе. Он сказал Сурицу: «Первое впечат-

ление у [меня] сложилось очень благоприятное»⁵⁸. И ничего удивительного: Францию от нацистского вермахта не защищал Ла-Манш. Даладьё и Бонне никогда не желали военного альянса с СССР. Оба боялись распространения коммунизма по Европе в случае очередной войны, однако сотня советских дивизий теперь нужна была больше. Французский военный атташе в Москве сказал, что Красная армия может сформировать 250 дивизий в течение первого года мобилизации⁵⁹. В итоге, когда к 1941 г. война подошла к границам СССР, в Красную армию удалось мобилизовать более чем в два раза больше. Французская общественность, как и британская, горячо приветствовала альянс с Советским Союзом и рассчитывала на него, хотя правые круги, особенно во Франции, все еще противились сближению с Москвой. В конце весны желчь французской правой прессы вызвала протест Потемкина. «Если хотите видеть нас в качестве союзников, прекратите оскорблять», — сказал он в сущности французскому послу⁶⁰. Пайяр, французский поверенный в делах в Москве, предупреждал Париж, что если Франция продолжит игнорировать СССР, советское правительство может прибегнуть к политике изоляции или сблизиться с Германией. Французское посольство неоднократно отправляло подобные предупреждения еще с 1933 г. Посол Франции в Лондоне Корбен советовал Кадогану отнестись к советским предложениям «со всей возможной серьезностью». «Прямой отказ даст русским [повод] поставить оба правительства в неудобное положение, потому лучше принять некоторые разумные предложения»⁶¹.

От Лондона никаких вестей не было. Литвинов начал проявлять беспокойство: он резко отчитал Сурица за то, что тот передал Бонне предложения Советского Союза только в устной форме, а не на бумаге, будто это что-то могло бы изменить⁶². «Мы считаем все восемь пунктов наших предложений органическими частями единого и неразрывного целого, — написал он Сурицу несколько дней спустя. — Предложение в целом составляет минимум наших пожеланий. Хотели бы знать мнение французского и английского правительств по проекту в целом»⁶³. Создавала ли реакция Литвинова впечатление, что к предложениям СССР можно относиться несерьезно или что Союз не настроен на серьезные ответы? «Пусть историки, которые продолжают отрицать, что Сталин хотел создания военного альянса с Западом, — пишет Стивен Коткин, — объяснят, почему лишь он один сделал предложение, в письменной форме»⁶⁴.

21 апреля у Литвинова состоялось напряженное совещание со Сталиным, его правой рукой, Вячеславом Молотовым, и другими, на котором обсуждались переговоры с Британией и Францией. Там же был и Майский, которого отозвали для консультаций. Он хотел знать, были ли дни Литвинова как наркома сочтены⁶⁵. Чем дольше не было ответа из Лон-

дона, тем больше он беспокоился. Возможно, Чемберлен и Бонне ждали шага им навстречу от Гитлера, чтобы можно было вернуться к «мюнхенскому положению». О таком «рецидиве» со стороны Чемберлена и Бонне Литвинов писал: «я отнюдь не считаю исключенным... что Чемберлен ведет переговоры с СССР только под давлением оппозиции, некоторой части консерваторов и общественного мнения»⁶⁶. И был прав.

В Москве имели основания не доверять Чемберлену и Бонне. Правда, на этот раз Литвинов, кажется, был излишне строг к Бонне, который пытался убедить Форин офис изменить позицию по альянсу с Советами. Он верил, что Москве нужно предложить взаимные обязательства, только идею взаимности понимал с оговорками. По плану Бонне, СССР должен был прийти на помощь Британии и Франции, если те начнут действовать против немецкой агрессии в Восточной и Центральной Европе, но Франция и Британия в подобных обстоятельствах не были обязаны помогать СССР. Французское посольство направило предложение Бонне в Форин офис, но там к нему отнеслись прохладно. «Боюсь, французское правительство как будто хочет в чем-то последовать советскому плану, — заметил Кадоган. — В большей степени, чем мы можем себе позволить». «Мне это не по душе!» — отреагировал Галифакс⁶⁷. Как объяснял позднее Сидс, это было неудивительно, поскольку Бонне спутал карты британской дипломатии. «Получая два различных предложения, только дурак (а русские не дураки) не захочет принять более выгодное»⁶⁸.

25 апреля Бонне, неожиданно решив продемонстрировать независимость от Британии, передал Сурицу собственный текст. «Формулировка проекта является издевательской, но все же сообщите», — ответил Литвинов⁶⁹. 28 апреля, спустя 11 дней после представления советских предложений, Литвинов сказал Пайяру, что британцы до сих пор не ответили, а ответ Бонне не конструктивен. Пайяр ответил, что ни Париж, ни Лондон не информируют его или Сидса о ходе переговоров⁷⁰. В тот же день Литвинов доложил Сталину, что нет данных о том, поддерживают ли англичане предложение Бонне, или же это была исключительно его идея. До Сурица доходили сведения о том, что британцы твердо держались своего изначального плана односторонних гарантий⁷¹. Затем Литвинов получил еще одну телеграмму от Сурица, из которой следовало, что Бонне действовал самочинно, а его предложения были даны «в “официозном” порядке лишь в качестве его личного “сюжжесион”»⁷².

Пытались ли Франция и Британия обвести советское правительство вокруг пальца? Для Москвы все так и выглядело.

29 апреля Галифакс пригласил Майского на встречу, чтобы увидеться после возвращения посла из Москвы. Сам Галифакс считал, что ждать ответа на шаг Литвинова придется не меньше недели. «Прави-

тельство было “слишком занято”, — так Майский написал в отчете, — и не имело времени по-серьезному обсудить советские предложения»⁷³. Тремя днями ранее «надежный источник» передал немецкому советнику в Лондоне, что на это предложение правительство Великобритании даст ответ «равносильный отказу». Покойный британский историк Д. К. Уотт винил «предателя в Форин офисе» в утечке этой информации, которая все равно лучше, чем НКВД получал⁷⁴. Не все в Форин офисе поддерживали линию правительства. Ванситтарт и Лоуренс Колльер, начальник отдела северных стран, думали иначе. Колльер замечал: «Похоже, мы хотим обеспечить помощь русских и в то же время ни во что не вмешиваться, давая Германии возможность расширяться на восток в сторону России. Неразумно полагать, что русские столь наивны, что ни о чем не догадываются, и я надеюсь, что и мы не настолько наивны, чтобы думать, будто сможем получить и то, и другое». Колльер настаивал на необходимости помощи от Советов: «Не стоит бояться уплатить естественную цену: мы гарантируем русским не бросать их перед лицом немецкой экспансии в обмен на обещание их помощи»⁷⁵. Но начальство с Колльером не соглашалось.

В тот же день Суриц был срочно вызван на Кэ д’Орсе [в Министерство иностранных дел Франции]. Бонне сразу перешел к делу: он хотел знать, дала ли Москва ответ на его предложение. Суриц ответил, что пока нет. По своей собственной инициативе он рассказал мне, что “находится все время в переговорах с англичанами, но что до сих пор еще не добился согласования”». Бонне передал Сурицу новый текст собственных предложений, распекая своего генерального секретаря Алексиса Леже за «неудачные» неточности в более раннем черновике⁷⁶. Встреча произвела на Сурица неблагоприятное впечатление.

«Роль Бонне в истории с ответом на наше предложение очень загадочна и подозрительна. 29-го апреля он показывал мне ответ англичан, который Вам должен быть вручен Сидсом в тот же день. Чем вызвана задержка? Трудно, конечно, допустить, что Бонне выдумал всю эту историю с английским ответом — меморандумом. Скорее всего следует предположить, что речь шла лишь о “проекте” ответа, врученного французам для ознакомления и задержанным по просьбе Боннэ. Сделано это было, конечно, не потому, что проект этот был сочтен Бонне “недостаточным и не совсем удачным” (об этом, как Вы припомните, мне говорил Бонне, хотя не заикнулся о том, что вручение его Вам может быть задержано), а из-за желания прибрать от имени обеих стран переговоры с нами в свои руки. Бонне, видимо, обязался перед англичанами прощупать нашу позицию и попытаться добиться от нас такого соглашения, которое не связало бы слишком сильно Францию и Англию, не нало-

жило бы на них никаких особых обязательств в отношении СССР и вместе с тем обеспечило бы нашу помощь странам, в отношении которых Франция и Англия уже связаны обязательствами о помощи... Бонне, как Вам известно, пытался все это объяснить своим недосмотром и возлагал всю вину за “неудачную” первую редакцию на Леже. Но навряд ли кто-нибудь поверит, что министр, прежде чем отправить такой ответственный документ, не ознакомится с его содержанием... Во всяком случае Бонне менее всего для нас подходящий посредник с Лондоном, и я поэтому приветствую, что наконец восстановлена через Майского прямая связь с Лондоном»⁷⁷.

О неприятном впечатлении, произведенном Бонне на Сурица, знали и в Лондоне. Согласно Кэ д’Орсе, Суриц, «казалось, подозревал скрытые мотивы французского и британского правительств» в переговорах с советским правительством.

В пылу разговора и из желания развеять сомнения Сурица Бонне передал ему новый текст французского предложения, там же и отредактированного⁷⁸.

Депешу Сурица НКВД перенаправил Сталину и в Политбюро. Британию и Францию поймали на утаивании их же собственных разногласий, если не на ведении тайных переговоров. Галифакс сказал Майскому, что правительство «слишком занято», чтобы изучить советское предложение, а Бонне поведal Сурицу, что постоянно консультируется с британцами на его счет.

Читая телеграммы из Парижа и Лондона, Литвинов и Сталин сразу же заметили противоречие между словами Галифакса и Бонне. Бонне искал «компромиссное» решение, но в этом не преуспел. В правительственном комитете по международным делам Чемберлен выступал против советской позиции.

«Текущее советское предложение представляет собой явный военный альянс между Англией, Францией и Россией, — сказал он. — Нельзя полагать, будто такой альянс совершенно необходим, чтобы снабдить вооружением малые страны Восточной Европы». К тому же существовала проблема Польши. По мысли Чемберлена, не следовало утверждать, будто «связь с русскими была недопустима с точки зрения идеологии. Вместо этого он [Чемберлен] считал, что против союза Польши и России говорило то, что он может спровоцировать военную агрессию Германии»⁷⁹.

Было ли все дело действительно в вооружении? Чемберлен использовал Польшу как предлог, чтобы не заключать союза с СССР. Польша вызывала раздражение Франции. По мнению Леже, Бек был «циничным лжецом», который хотел «подобраться поближе к Германии»⁸⁰. Он был недалек от истины. Если бы на Бека надавили сильнее, он бы не раздумывая пере-

метнулся на сторону Германии. Тогда победа над нацистской Германией означала бы исчезновение Польши как защитного бастиона от СССР.

Решение было принято в Лондоне 24 апреля. Галифакс также поддерживал односторонние декларации. «Трехсторонний пакт наподобие предложенного сделал бы войну неизбежной. С другой стороны, он думал, что было бы справедливым признать: если мы отклоним предложение русских, это вызовет недовольство России». А после Галифакс высказал еще одну мысль, будто бы напоследок: «Всегда существовала определенная вероятность того, что, отклонив предложение России, мы могли сами толкнуть ее в сторону Германии»⁸¹. Слушал ли его кто-то? Если бы мы провели опрос населения Британии и Франции, люди бы ответили, что войну уже было не предотвратить. И снова Форин офис низвел защиту Советским Союзом своих интересов до «недовольства». В доверительном письме к своей сестре Хильде Чемберлен писал: «Главная наша головная боль — Россия. Признаюсь, меня терзают большие подозрения на ее счет. Я не могу поверить, что она преследует те же цели и интересы, что и мы, или имеет хоть какое-то уважение к демократии. Она боится Германии и Японии и с удовольствием бы наблюдала со стороны, как с ними воюют другие народы. Но она, наверное, отлично понимает и свою военную слабость и по мере возможности не желает вступать в конфликт. Потому все усилия России направлены на столкновение между собой других, тогда как сама она только обещает туманную помощь»⁸².

«Только обещает туманную помощь?» Но ведь именно Советский Союз настаивал на военном альянсе с четкими взаимными обязательствами, а как раз Чемберлен и Галифакс этому противились. Литвинов был хорошо информирован и 3 мая доложил Сталину: «Англичане не спешат с ответом, очевидно ожидая нашего отклика на повторное предложение Бонне. По-видимому, англичане действительно решили вновь повторить свое первое предложение о нашей односторонней декларации, но от этого откажутся, если мы отвергнем даже французское предложение. Я считал бы поэтому желательным возможно скорее рассеять англо-французские иллюзии насчет приемлемости для нас прежних предложений»⁸³.

В тот же день Сталин сместил Литвинова с должности и назначил на его место Молотова. Пайяр телеграфировал в Париж: «Отставка Литвинова “была непредвиденной”. Это серьезное событие. То, что британцы явно не торопились с ответом на апрельские предложения СССР, очевидно раздражало советское правительство. По мнению Пайяра, последней каплей стала встреча Майского с Галифаксом 29 апреля и намерение британцев придерживаться односторонних деклараций»⁸⁴. Мог ли Молотов добиться большего уважения и результатов от Парижа и Лондона, чем смог Литвинов? Пока это известно не было.

Так или иначе, при описании Молотова больше они слово «недовольство» не использовали. О нем говорили немногим более уважительно, но иными словами.

Через несколько дней после отставки Литвинова британское правительство вновь предложило односторонние декларации. «Гора родила мышь», — заметил Майский⁸⁵. Под «мышью», в сущности, понимался фактический отказ от советских предложений 17 апреля. Французов британская позиция смущала. Позднее Пайяр объяснил Потемкину, что Кэ д'Орсе понимали неприемлемость предложений, переданных Сурицу, для Британии и потому придерживались последних британских предложений, видя в них «шаг вперед». Потемкин ответил, что британская инициатива «нам недостаточная» и что британское правительство об этом уведомят⁸⁶.

Чтобы ни говорил Пайяр, французская позиция едва ли была лучше британской. Даже когда Бонне пытался продать «французскую формулу» в Лондоне, он подчеркивал, что само ее появление важнее содержания. Бонне писал Корбену: «Мы думаем не о “постоянном соглашении” с Москвой, а только “временном” (occasionnel), строго ограниченном конкретными возможными случаями»⁸⁷.

С послом Корбеном Кадоган вел себя почти так же пренебрежительно, как и с Литвиновым. Он вовсе не считал необходимыми предварительные консультации с французами перед выдвижением предложений Москве. «Но все же мы никогда не должны забывать держать французов в курсе дела», — советовал Кадоган коллегам⁸⁸. Возможно, британцы думали, что СССР поведет себя так же, как Франция. «Наша задача... держать Россию на задворках, избегая противостояния с ней», — объяснял Чемберлен Хильде⁸⁹. А как раз «держаться на задворках» советское правительство вовсе не собиралось.

Наступило 10 мая. Майский доложил об очередном оживлении «сторонников мюнхенской политики». «Мне уже не раз приходилось указывать на то, что “душа души” Чемберлена в области внешней политики сводится к сговору с агрессорами за счет третьих стран. Однако с середины марта дальнейшее проведение такой политики в открытом виде сделалось для премьера очень затруднительным». Мартовские события, особенно исчезновение Чехословакии как государства, взбудоражило общественное мнение. Так что теперь Чемберлену приходилось действовать, отойдя от привычной позиции и шаг за шагом отказываясь от «так называемой “новой политики”». Будь у него возможность, он бы вернулся к политике умиротворения, пусть даже возникли бы значимые препятствия. Общественное мнение было «раздраженно антигерманское и настойчиво требующее сопротивления агрессорам». Майский

упоминает опрос Института Гэллапа, показавший, что «за немедленный альянс с СССР» выступают 87 % опрошенных.

«В высшей степени любопытна была также здешняя реакция на уход тов. Литвинова. В течение первых трех дней вся английская пресса усиленно спекулировала по вопросу о причинах ухода и о значении данного факта. Было выдвинуто много самых разнообразных, подчас совершенно фантастических теорий. Однако как красная нить через все эти рассуждения английской печати проходил один тревожный вопрос: а не означает ли это отказа СССР от сотрудничества с Англией и Францией. И не только в печати. Мне известно, что 4 мая, то есть на другой день после того, как уход тов. Литвинова стал известен в Англии, в Форин офис царила настоящая паника, и настроение там стало несколько успокаиваться лишь с 5 мая, после того, как были получены сравнительно успокоительные сообщения от Сидса в том смысле, что уход тов. Литвинова отнюдь не означает смены политики».

«Я склонен прийти к выводу, — писал Майский, — что нынешний рецидив политики “умиротворения” едва ли имеет шансы на долгую жизнь и что логика вещей должна толкать Англию по линии сопротивления агрессорам»⁹⁰.

Майский регулярно посылал отчеты об общественном мнении британцев, как, конечно, и должен был. В НКВД хотели знать, насколько серьезно британское правительство относится к коллективной безопасности в связи с угрозой нацистской Германии. Она никуда не делась. Майский пытался убедить Молотова, что обстоятельства изменились. Он давал оценку на основе хорошей информированности, у него были контакты повсюду в Лондоне.

Майский не особенно надеялся на Чемберлена, но работал со многими членами консервативной партии, а также представителями оппозиции. Дэниел Хакер выдвигает мысль о том, что знание общественного мнения в Британии и Франции подстегнуло упрямство, с которым советская сторона вела переговоры. Хакер несколько раз цитирует отрывки из дневника Майского, переведенные на английский, а также комментарии советских дипломатов, переданные со слов их британских коллег, чтобы подкрепить свою точку зрения, однако не приводит никаких доказательств из советских архивов⁹¹. Зыбкое основание для построения теории. Советская несговорчивость проистекала из скепсиса по поводу намерения Англии и Франции противостоять немецкой агрессии. Неудачи прошлых пяти лет по заключению договора о коллективной безопасности вынудили Молотова припереть Францию и Британию к стенке, чтобы быть уверенным в том, что в ответственный момент

они не бросят СССР наедине с вермахтом. И в этом была не советская паранойя, а советский опыт. Стал ли бы любой здравомыслящий дипломат, к которому годами относились с видимым высокомерием, доверять таким коллегам, как Чемберлен и Бонне? Отчеты Майского давали советскому правительству основание продолжать затянувшиеся переговоры. Несговорчивость Москвы объяснялась неуверенностью в намерениях Британии и Франции, которую Майский и Суриц никак не могли преодолеть — и небезосновательно.

Майский также хотел убедить и британских коллег в том, что увольнение Литвинова не говорит о переменах в советской политике. Как будто в подтверждение этого он 10 мая дал знать Варшаве, что СССР намерен поддержать Польшу в отношениях с Германией. На следующий день польский посол Гржибовский все равно дал отрицательный ответ. «Министр Бек склонен поменять мнение», — говорил посол Потемкину, но этого так и не случилось.

Итальянский посол Августо Россо встретился с замнаркомом, чтобы выяснить положение дел. Потемкин ответил ему: «Польское правительство испытывает тревогу за свои собственные территориальные интересы, находящиеся под угрозой со стороны Германии». Россо считал, что немецкое правительство ощущает серьезное сопротивление расширению в Восточную Европу и этим недоволено. «Естественно, что опорой противодействия натиску Германии на востоке Европы служит СССР». Посол признавал, что его взгляды не совсем совпадают с позицией правительства — и это еще мягко сказано. Потемкин не записал своего ответа на замечания Россо⁹². В конце июня Бек позволил Гржибовскому уехать в летний отпуск. «Incroyable indifférence et optimisme polonais»⁹³, — отметил французский посол в Москве⁹⁴. В июле отношения осложнились еще больше после убийства поляками советского пограничника. Во время встречи с польским поверенным в делах Потемкин отказался обсуждать какие-либо вопросы, даже нарастание европейского кризиса⁹⁵. Советско-польские отношения в очередной раз зашли в тупик.

14 мая Молотов заявил Сидсу, что односторонние гарантии неприемлемы. История, тянувшаяся всю весну, продолжилась и летом: советское правительство настаивало на строгой взаимности обязательств и конкретности ролей, британское старалось их избежать. Бонне позволил Форин офису играть первую скрипку. Майский позднее сказал о Франции, что та отлично справилась с ролью правой руки Англии, а после 1936 г. все больше теряла самостоятельность на фоне усиления влияния соседа. Во время гражданской войны в Испании Франция превратилась не более чем в придаток Британии.

«Париж всегда ориентировался на Лондон в принятии всех важнейших решений по вопросам внешней политики»⁹⁶. Как и Литвинов, Майский был с Францией строг, но не слишком⁹⁷.

Чемберлен продолжал тормозить процесс и в качестве примера однажды похвастался своей сестре Хильде, как предложил расплывчатую формулировку обязательств, которая помогла бы Британии не делать ничего, даже когда это было бы необходимо⁹⁸. Как раз это и предлагал ранее Бонне, и можно только гадать, не опирался ли Чемберлен на идею с французскими корнями. Британия как будто продолжала политику молчаливого попустительства.

Советская сторона беспокоилась из-за возможного обмана, а отговорки, которые Британия находила все лето, еще больше возбуждали недоверие советского правительства. Конечно, британцы уверяли, что ведут переговоры в открытую, а все новые и новые требования якобы предъявляли Советы⁹⁹.

Но это было неправдой: советские условия были выдвинуты еще в апреле-мае и сохранялись неизменными на протяжении всех переговоров. Позднее Майский говорил, что с советской стороны было ошибкой выдвигать «необходимый минимум» требований с самого начала и не отступать от него¹⁰⁰.

Среди обсуждаемых вопросов была переброска советских войск через территорию Польши и Румынии для открытия фронта с вермахтом. У самого СССР границ с Германией не было. Если бы Польша или Румыния не дали добро на проход Красной армии, как бы она тогда могла столкнуться с общим врагом? Впервые вопрос был поднят в 1934 г., а потом обсуждался каждый год. Гарантии безопасности государствам Прибалтики начали обсуждаться в 1934 г., но все еще были камнем преткновения в 1939-м. Литвинов предложил советские гарантии для французской восточной границы взамен на гарантии для балтийских границ СССР со стороны Франции. Французы предложение не приняли. Литвинов давно уже считал Прибалтийский регион плацдармом для нападения на Ленинград. Вопрос переговоров на уровне штабов, еще один важный для Советов вопрос, первый раз был поднят с Францией в 1935 г. и потом тоже обсуждался ежегодно. Ни британское, ни французское правительства компромисса не хотели. В 1939 г. вопросы так и не сдвинулись с места¹⁰¹. Как и неудобный вопрос о «прямой и косвенной агрессии» (под косвенной понималась работа Германии по подрыву независимости государств Восточной Европы). Чемберлен и сам использовал эту терминологию в отношении Польши на заседании палаты общин 6 апреля.

«Что значит слово “косвенная”? — спросил Майский Галифакса в тот же день. — И кто должен определять, имеется ли налицо такая угроза: каждая сторона самостоятельно?..»

Вполне разумные вопросы.

Судя по британским записям, Майский требовал ответа на них с «настойчивостью инквизитора»¹⁰². Так что, когда Молотов поднял их снова, никакого повышения ставок не было. Раз британцы делали уклончивые предложения, Молотов пытался в них разобраться.

Время шло. Когда итальянский посол осведомился о положении дел, Потемкин ответил: «Вполне естественно, что позиции сторон подвергаются внимательному рассмотрению, ибо дело идет о весьма серьезных взаимных обязательствах»¹⁰³.

«В ходе переговоров, — пояснял французский посол Поль-Эмиль Наджиар, — подозрение падает на того, кто предлагает слабые формулировки»¹⁰⁴.

Весной Форин офис отправил Уильяма Стрэнга, главу Центрального управления, в Москву на помощь Сидсу в переговорах. Стрэнг сказал Наджиару, что ему даны указания «постараться не искать точек соприкосновения с русскими... но отыграть назад уступки, уже им сделанные [ранее]»¹⁰⁵. Отстаивать такую позицию оказалось невозможно, и Молотов смог добиться некоторых результатов, пусть и не во всем. Один из обеспокоенных британских министров спросил Майского, как можно скорее довести переговоры до итога. «Есть один очень простой способ, — сказал Майский полусерьезно-полушутя. — Принять советские предложения»¹⁰⁶. Британцы хотели от Молотова уступок в обмен на уступки со своей стороны. Молотов был готов пойти на них в рамках политических и военных соглашений, но совершенно не был готов уступать в ключевом вопросе — безопасности Советского Союза в Балтийском регионе.

Русские помнили поговорку: обжегшись на молоке, на воду дуют. Д. К. Уотт говорил о советской стороне: «Слишком жадные»¹⁰⁷. «Оказалось, что премьер Великобритании держал Сталина за дурака», — пишет Коткин¹⁰⁸. В конце июля Франция и Британия наконец согласились на переговоры на уровне штабов в Москве. «Не могу понять, — писал Чемберлен Иде, — то ли большевики надувают нас и сами создают препятствия, то ли просто выказывают крестьянскую хитрость и подозрительность»¹⁰⁹.

Наджиара беспокоили бесконечно тянущиеся переговоры, и он обращался к Парижу с просьбой начать что-то делать. Он просил имеющих полномочия заключить договор, но убедить их не смог — это означало бы восстановление независимости политики Франции. Бонне хотел, чтобы всем руководили англичане, пока Франция подождет в сторонке¹¹⁰. Майский обвинял Форин офис в «политике торможения». До него дошли сведения, что даже президент США был в недоумении от британских «методов». В Лондоне действовали так, будто правительство «занято не вопросом о заключении важнейшего международного договора,

а покупает на базаре персидский ковер: торгуется из-за каждой мелочи и прибавляет по пенсу через каждые полчаса»¹¹¹. За обедом с Майским Ллойд Джордж высказал собственное мнение: «Чемберлен до сих пор не примирился с идеей англо-советского пакта, направленного против Германии, и под любым предлогом хотел бы от него уклониться»¹¹². Так оно и было. Чемберлен продолжал жаловаться Хильде на переговоры и обеспокоенность своих коллег из-за соглашения. «Приходится действовать осторожно, но я с таким сомнением отношусь к помощи русских, что не думаю, будто положение наше заметно ухудшится, если придется обходиться без нее». В последующем письме Чемберлен писал: «Даже если соглашение будет подписано, триумфом это я считать не смогу»¹¹³.

За лето Дэвид Лоу нарисовал две карикатуры, изображающие нацистских представителей в приемной Молотова или стоящих под дверью его кабинета в ожидании, пока выйдут французские и британские дипломаты¹¹⁴. Если опасность видел Лоу, почему не могли власти держащие в Лондоне и Париже? На самом деле угрозу видели многие. Начальники штабов беспокоились о том, что Советы могут сблизиться с Германией, и выступали за альянс. Польша не могла оказать Германии серьезного сопротивления, необходимо было заручиться поддержкой СССР. Чемберлену такие разговоры не нравились, и он старался свести обсуждение к «политическим соображениям»¹¹⁵.

Конечно, нужно было в первую очередь исходить из военных «соображений». Беспокоилась и Франция, о чем сказал Даладьё на встрече с британскими министрами в Женеве в середине мая. По словам Галифакса, «он [Даладьё] считал, что отношения с ними [Советами] после ухода Литвинова осложнились еще больше, теперь их гордость задета, и они не согласятся ни на что, кроме полного равенства и взаимности обязательств.

«Вы полагаете, есть риск выхода СССР из-за стола переговоров?» — спросил Галифакс. Даладьё ответил: «Опасность этого велика. Отставка Литвинова, несомненно, о чем-то говорит, и вполне вероятно, что советское правительство предпочтет политику изоляции, предоставив Европе уничтожить саму себя, если уж так суждено». Французские министры, присутствовавшие на встрече, согласились: существовала «серьезная опасность» сближения Германии и СССР в случае, «если с ним не сблизимся мы...». Когда кто-то напомнил слова Сурица о том, что соглашения можно достичь «без излишних сложностей», Галифакс выразил сомнение. «Политика русских непредсказуема и основана на случайных изменениях. Невозможно следить за советской мыслью день за днем»¹¹⁶. В действительности Суриц считал достижение согласия возможным. Он сказал Молотову то же, что и французам¹¹⁷. Неужели было так трудно

понять досаду СССР после стольких лет безуспешных попыток выстроить систему коллективной безопасности против гитлеровской Германии?

Дадим слово Чемберлену. В тот же день, что Даладье бил в набат в Женеве, он написал Иде: «Из-за русских неделя выдалась очень сложной... Может, они и бесхитростные люди, но я не могу отделаться от подозрения, что в первую очередь они хотят видеть, как “капиталистические” силы порвут друг друга на куски, пока сами они переждут бурю». Не тронули его и предупреждения о возможном сближении СССР и Германии даже от собственных коллег по кабинету министров. Как он объяснил Иде, «о надежности русских отзывались совсем не радужно»¹¹⁸. Какое неожиданное заявление от Чемберлена, который искал и продолжал искать сближения с нацистской Германией!

Очередные свидетельства британской неосмотрительности появились летом. Английский чиновник сэр Хорас Уилсон, главный советник Чемберлена, и Роберт Хадсон, все еще занимавший пост министра внешней торговли, начали в Лондоне переговоры с Гельмутом Вольтатом, высокопоставленным немецким чиновником, занимавшимся экономическими вопросами. Основную позицию, которую Галифакс занял по отношению к немецкому послу в Лондоне, можно выразить так: англо-германское согласие все еще возможно, если Гитлер прекратит свою агрессивную политику¹¹⁹. 22 июля в прессу попала информация о встрече Хадсона с Вольтатом, а двумя днями позже острые вопросы были подняты в палате общин. Чемберлен был зол на Хадсона, но не из-за встречи, а из-за утечки, а также из-за кражи мыслей у коллег. Премьер-министр все еще был готов к общению с Берлином по «другим, более конфиденциальным каналам»¹²⁰.

Вторым неудачным шагом Британии было решение отправить в августе в Москву на переговоры на уровне штабов обычное торговое судно «Эксетер», которое могло развивать скорость всего в 13 узлов, с членами делегации невысокого ранга без верительных грамот и полномочий, но указанием вести переговоры «как можно неторопливей». Глава французской делегации генерал Жозеф Думенк жаловался, что приехал в Москву «с пустыми руками», *les mains vides*¹²¹. Наджиар был поражен. Он отмечал: «Еще в 1935-м СССР выдвигал разумные предложения, на которые мы едва могли что-то ответить»¹²².

И это действительно было так. О чем думало британское правительство? Заместители начальников в Лондоне очевидно выступали за союз и настаивали на сотрудничестве с Румынией и Польшей¹²³. Но было слишком поздно. Германия уже расправила крылья, в точности как и изобразил карикатурист Лоу. В июле немцы продолжили линию сближения с Москвой, начатую еще весной. Главную роль сыграл в этом

немецкий посол в Москве Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург. Еще в начале июля он беспокоился из-за равнодушия Молотова. Как сам он записал в дневнике, замнаркома Потемкин сохранял явную дистанцию на встрече с Шуленбургом 1 июля, однако допустил определенный намек. «В ответ на явно провокационную болтовню [посла] я ограничился сухим замечанием, что ничто не мешает Германии доказать серьезность своих отношений с СССР»¹²⁴. Записи Потемкина о встречах часто отражали советский настрой. Он мог быть как приветливым, так и сдержанным, и острым на язык. Его можно было назвать «товарищ Барометр». В начале июля он все еще сигнализировал Шульбергу о ненастье.

А к концу июля все изменилось. Молотов был благосклонно настроен к предложениям из Берлина. Перемена в советской политике произошла за какие-нибудь три недели, при этом ей способствовали как отсутствие полномочий у делегаций Англии и Франции, так и данные разведки, доложившей о надвигающемся нападении на Польшу¹²⁵. В завершение переговоров на уровне штабов Молотов 16 августа сказал послу Соединенных Штатов, что время для бесплодных деклараций прошло и для Москвы приемлемы только «конкретные»¹²⁶ обязательства» взаимопомощи в случае агрессии. Советское правительство потратило немало времени на переговоры с Британией и Францией, но их успех зависел не только от советской стороны¹²⁷. Те же слова мог бы сказать и Литвинов. На следующий день Молотов передал Шуленбургу предложение о пакте о ненападении. 23 августа в Москве было подписано соглашение. Через восемь дней вермахт вторгся в Польшу.

«Вы нас провели, — отреагировали на это в Париже и Лондоне. — Вы вели переговоры с немцами в то же время, что и с нами». Кто бы говорил... Могла ли советская сторона забыть о капитуляции в Мюнхене или переговорах с Вольфгангом в Лондоне? Уместным будет привести слова Наджиара: «*Après Munich, c'est la reponse du berger a la bergere*»¹²⁸.

//

Переговоры 1939 г. не прошли бесследно. В сентябре американский журналист Луис Фишер, писавший статьи для американского журнала «Нейшн», выпытывал у Форин офиса внутреннюю информацию, чтобы написать о переговорах с СССР. По мнению Фишера, такая статья была бы «хорошей пропагандой в нейтральном источнике» — особенно потому, что «Нейшн» отличался левыми взглядами и журнал нельзя было бы обвинить в консервативной пропаганде. Ни Сарджент, ни Кадоган идею не поддержали. Галифакс был солидарен: «Не думаю, что стоит касаться этой темы. Едва ли таким образом можно кого-то оттолк-

нуть от левых взглядов и России. Есть некоторая вероятность того, что и мы сами предстанем не в лучшем свете, а потому и выиграем немного и потерять можем»¹²⁹. Фишера хорошо принимали в отделе связей с общественностью Форин офиса, но совсем не так хорошо в Секретной разведывательной службе (СИС). Один из отчетов в архивах СИС был недоброжелателен. «...Фишер, несомненно, получает финансовую поддержку от СССР и является доверенным агентом ОГПУ»¹³⁰. Вполне возможно, что эта информация ничем не подтверждалась, но у Галифакса были основания смутиться.

Хотя период неопределенности подошел к концу, идея опубликовать британский взгляд на переговоры с Советами никуда не делась. В начале октября один из парламентариев задал этот вопрос премьер-министру. Собирается ли премьер выпустить официальный сборник документов по переговорам с СССР? С одобрения вышестоящего начальства Форин офис ответил «нет».

«Советское правительство, возможно, еще не до конца укрепилось в желании сотрудничать с Германией, — заявил Фрэнк Робертс, занимавший тогда должность в Центральном управлении. — И мы не должны предпринимать шагов, которые бы способствовали этому еще больше»¹³¹. Но вопрос остался.

«Я быстро просмотрел тома документов по англо-советским переговорам, — сказал Робертс, — и обнаружил, что там действительно очень мало материалов, пригодных к публикации. Это длинная и запутанная история, в которой мы предстаем либо униженными, либо постоянно оправдывающимися, и в этом свете поведение советского правительства таково, что наши отношения неизбежно будут страдать и дальше»¹³².

Тем временем на повестке дня опять оказался «Эксетер», позорно отправленное торговое судно. Робертсу снова пришлось объясняться: «Многие с непониманием отнеслись к тому, что военная делегация отправилась в Москву на довольно медленном пассажирском судне, что русские истолковали как знак нашего несерьезного отношения к переговорам». Французы хотели отправить делегацию поездом — это было бы на неделю быстрее и намного экономнее, но, по словам Робертса, настойчивость проявило Военное министерство, так что французы нехотя согласились. Проблема была в том, что расходы на их представителей составили 3500 фунтов. Казначейство полагало, что счет должна была оплатить французская сторона. Робертс считал идею неудачной. В первую очередь потому, что сама Франция не хотела отправлять делегацию по морю и согласилась, только когда было применено «значительное давление». «Поэтому я полагаю, что было бы ошибкой предъявлять какой бы то ни было счет Франции, тем более что это могло иметь

негативные психологические последствия, ведь теперь французы и так считают, что несут большее бремя, чем следовало бы», — сказал он¹³³. Робертс обратился к Британскому экспедиционному корпусу во Франции, в котором в декабре насчитывалось порядка пяти дивизий — не много для сдерживания фронта с вермахтом. Противостоять вторжению, если бы до него дошло, пришлось бы французской армии.

Форин офис не менял позиции по выпуску сборника до начала декабря, когда все изменилось из-за начала советско-финской войны. Общественное мнение было взбудоражено. Английская дипломатия сочла время удачным для разыгрывания этой карты. Вначале предполагалось «выпустить пламенный комментарий, разоблачающий Советский Союз» в «Таймс», старый добрый рупор Форин офиса. «Полагаю, что обнаружение некоторых документов... пойдет только на пользу», — отметил Сарджент. «В целях ответа на запоздалую критику неудачи политики Кабинета Ее Величества в отношении России прошлым летом, а также в качестве удовлетворения антибольшевистских настроений, распространившихся по стране в связи с нападением на Финляндию. Я поднял этот вопрос утром с госсекретарем [Галифаксом], который был готов дать добро Министерству информации придерживаться этой линии, при этом хорошо понимая, что мы не должны дать антибольшевистской пропаганде выйти из-под контроля. Необходимо не дать ей развиться или скатиться к призывам к войне с Советским Союзом».

В первую очередь нужно было дать понять, что переговоры провалились «из-за отказа Великобритании и Франции уступить требованиям России, которые поставили бы под угрозу целостность прибалтийских государств и Финляндии». Но это уже было постфактум. Весной 1939 г. Кабинет министров считал, что «значимость обеспечения подписания соглашения с Россией намного превосходит риск нанесения ущерба малым государствам». Даже в Польше полагали, что о прибалтийских странах надо «побеспокоиться»¹³⁴.

Во время одного из бесконечных обсуждений альянса с Советами Галифакс сказал: «Да, если бы Германия напала на Голландию, мы бы действительно пришли на помощь, не дожидаясь просьб от самой Голландии»¹³⁵.

Статья в «Таймс» привела к тому, что в парламенте снова начали задавать вопросы, и в этот раз Чемберлен решил, что доклад все же будет выпущен. В Форин офисе продолжали противостояние, но и оно вскоре было преодолено. Цель правительственного доклада, по определению самого Чемберлена, заключалась в том, «чтобы рассказать правду, но не нападать на Советский Союз». Кадоган обратился к Галифаксу за одобрением: «Мне кажется, в публикации могут быть положительные

стороны, если, а это видится вполне вероятным, из нее будет следовать, что мы приложили все усилия для достижения согласия, а задержки и проволочки вызваны другой стороной... тогда станет понятно, что подозрения, от которых мы пытались отделаться, к сожалению, подтвердились»¹³⁶.

Выпуск также поддерживало Министерство информации и ставший впоследствии выдающимся историк Э. Х. Карр. «Если бы удалось показать, что переговоры пошли прахом в основном из-за того, что мы отказались потворствовать будущей советской агрессии в отношении прибалтийских стран, это стало бы лучшей пропагандой для нейтральных государств, которую мы только проводили»¹³⁷. Так что же это тогда было — «правда» или пропаганда?

Форин офис сделал подборку документов для доклада за две недели¹³⁸.

Шли споры о том, какие документы публиковать, а какие нет, чьи чувства защищать, а чьи — не обязательно. Майский как раз попал в последнюю категорию. Он «использовал свое положение для бесстыдных интриг против правительства Ее Величества, и не стоит бояться быть с ним неделикатными»¹³⁹.

Можно сказать, Майский хорошо знал свое дело. Целью всего предприятия считалось «обнародование правды». Консультации велись и с другими министерствами. По отзыву Министерства обороны, доклад был «справедливым и точным», хотя министерство и не было во всем согласно с инструкциями и довольно полномочиями делегации. Вопрос был чувствительный, вызывал немало обсуждений. Галифакс велел исключить все слишком «противоречивое» из описания Майского. Стрэнг, которого недавно повысили до помощника заместителя министра, торопился с публикацией. «Сейчас время для пропагандистского взгляда...»¹⁴⁰ Так что для Форин офиса на первом месте все же была пропаганда.

Все шло гладко. Гранки Форин офис получил незадолго до Рождества и направил в заинтересованные министерства на согласование. Публикация была запланирована на середину января с первичным тиражом в 100 тысяч экземпляров. Препятствие возникло внезапно. Галифакс попросил направить гранки также в посольства Франции и Польши. Французский посол отправился на беседу с Кадоганом еще до того, как прочел их. «Он хотел донести до меня, что у Кэ д'Орсе имелись серьезные опасения насчет публикации. Он спрашивал, действительно ли она необходима и действительно ли поможет достичь чего-то полезного». Кадоган решил применить к послу обычный трюк, сказав, что решение о публикации уже принято на государственном уровне. Корбен

настаивал на своем. Среди его «опасений» было «соображение» о том, что на ранних этапах переговоров «именно французское правительство ратовало за то, чтобы мы пошли на уступки [СССР], и если бы это всплыло при публикации документов, мы бы произвели нежелательное впечатление». Корбен слышал, что доклад «не будет включать значительную часть непосредственной переписки между Парижем и Лондоном», но не понимал, как без этого можно будет обойтись. Затем посол намекнул, что французское правительство может издать собственный сборник, «Желтую книгу», чтобы рассказать обо всем самим¹⁴¹.

От Корбена так просто было не отделаться. Неделью спустя он вернулся на службу, изучив гранки и проконсультировавшись с Парижем. В шестистраничном меморандуме Корбен отметил, что французское правительство испытывало «серьезные опасения» в связи с публикацией, которую сам Корбен назвал «английской Синей книгой».

В целом при прочтении сего документа складывается впечатление, что с самого начала и до конца переговоров советское правительство непрестанно настаивало на том, чтобы сделать обсуждение данного соглашения максимально свободным и плодотворным. Искреннее или притворное, намерение советского правительства учесть все возможные варианты немецкой агрессии, казалось, противопоставлялось англо-французским недомолвкам и желанию двух правительств ограничить советское вмешательство.

Корбен полагал, что из этого документа действительно можно вынести мысль о том, что французское и британское правительства пеклись об интересах малых стран. В черновике было то, что говорило как в пользу СССР, так и против него, особенно после занятия восточной Польши (в сентябре 1939-го) и вторжения в Финляндию.

И все же те, кто думал, что СССР повернулся к Германии только после принятия Францией и Англией мер по торможению переговоров, а также из-за их нежелания вести переговоры с Москвой на равных и сомнений в готовности оказать помощь в случае прямого военного столкновения России с Германией, нашли бы в этой публикации несколько аргументов в пользу своей точки зрения. Корбен снова напомнил о возможности, а точнее, угрозе выпуска французами «Желтой книги». Кэ д'Орсе был уязвлен тем, что из издания исключили документы, показывавшие усилия и гибкость французской стороны в ходе переговоров с Советами.

«Обнародование переписки [между французским и британским правительствами] неизбежно подчеркнуло бы несовпадения в позициях Англии и Франции, которые возникали время от времени. Это бы особо выделило усилия, предпринимаемые французской стороной, особенно

поначалу, для нахождения компромисса с советской стороной, принимая во внимание важность целей, которых было необходимо достичь. Разумеется, нет необходимости напоминать о недостатках дискуссии, которые проистекают из-за различного толкования расхождений в политике, вероятно, объясняемых разницей точек зрения. Французское правительство уверено, что Форин офис хочет создать репутацию страны, всеми силами старающейся избежать всего, что, по мнению других стран, может омрачить единодушие двух держав».

В заключение Корбен добавил, что на двойную публикацию (снова завуалированная угроза выпустить «Желтую книгу») СССР может ответить выпуском собственной подборки документов, в которых их авторы «ничуть не обременены сомнениями в точности и искренности и которые рискуют стать мощным оружием пропаганды в руках СССР и Германии».

Корбен имел в виду, что слабое правительство Даладье не выдержит перекрестного огня левых и правых, спровоцированного выходом британского доклада. И у Корбена была последняя просьба. Не могли бы коллеги вычеркнуть комментарий Литвинова от марта 1939 г. о том, что «Франция сдала себя»? Какая ирония. Через полгода Франция и правда будет окончательно разбита, а Корбен лишится должности.

«Это еще нужно обсудить, — записал Галифакс. — Мне бы не хотелось сильно оскорблять французское правительство. Их аргументы не лишены смысла, хоть мне и кажется, что они преувеличивают»¹⁴². В посольстве Британии в Париже французы продавливали ту же мысль. Британский посол во Франции писал: «При невнимательном прочтении [доклада] может показаться, что на ранних этапах переговоров именно русские требовали от нас решительных обязательств, которые мы никак не хотели на себя брать». А разве не так обстояло дело? Затем британский посол не раз повторял, что советское правительство «может выпустить ответный доклад, который не будет отличаться объективностью и потому вызовет некоторое смущение»¹⁴³.

Майский следил за развитием событий вокруг правительственных докладов с тех пор, как эта тема была только поднята на заседании палаты общин в середине декабря. Война с Финляндией еще больше подорвала англо-советские отношения. Послы Сидс и Наджар были отозваны из Москвы. Майский был обеспокоен. Без всяких докладов эти действия могли быть предвестниками разрыва дипломатических отношений¹⁴⁴.

5 января Майский записал в дневнике, что в посольство звонил Стрэнг. По указанию Галифакса он предложил Майскому возможность изучить гранки доклада. Замысел был в том, что «если в записях раз-

говоров между ним и министром нашлись бы какие-либо места, которые бы его смущали, он мог дать это понять, — записал в своем отчете Стрэнг. — И мы бы подумали, что с этим можно сделать»¹⁴⁵.

«Сознаюсь, — писал Майский, — искушение взять “Книгу” в руки в первый момент у меня было сильное. Однако я сразу же мысленно одернул себя, ибо тут же с быстротой молнии в голове у меня промелькнула мысль, что “благочестивый” Галифакс расставил мне западню». Так что Майский отклонил предложение, объяснив это Стрэнгу тем, что британское правительство берет на себя всю ответственность за публикацию, поскольку не сотрудничало при ее составлении с СССР. А вот что стояло за отказом в действительности: «в самом деле, если бы я принял его “любезное” предложение и оставил “Книгу” у себя хотя бы до завтра, это дало бы ему [Галифаксу] в дальнейшем возможность утверждать, что совпра было ознакомлено с содержанием “Книги” до ее опубликования и что текст ее, по крайней мере частично, был с ним согласован». Стрэнг на это ответил, что «лорд Галифакс считал своим нравственным долгом сделать вам свое предложение... теперь он будет считать, что совесть чиста». Майский усмехнулся такому неприкрытому лицемерию и высокородной морали. Со спокойной душой полпред не без сарказма заметил, что министр может готовить следующую интригу «в грязной кухне британской внешней политики»¹⁴⁶.

А о содержании документа Майский вскоре узнал от неназванного источника. «Читатель “Книги” должен сделать вывод, что СССР — это, в сущности, “волк в овечьей шкуре” и что бритпра поступило очень мудро, не допустив заключения пакта с таким опасным партнером»¹⁴⁷. Именно это и было нужно Форин офису. «Первоклассный пример нужной нам пропаганды», — написал один из служащих МИД. Карр собирался пойти дальше. Он хотел добиться как можно более широкой огласки и послал гранки «большинству пресс-атташе [в Лондоне], у которых были полномочия сделать перевод...» Конечно, до выпуска доклада никаких заявлений делать было нельзя. Карр отметил: «Нужно проследить за тем, чтобы окончательные версии также были разосланы, чтобы пресс-атташе успели внести правки»¹⁴⁸. Сегодня то рвение Карра кажется неуместным, поскольку вскоре он покинул Министерство информации и стал одним из основных колумнистов «Таймс», где начал восхвалять Советский Союз.

Отметим, что французы не ошиблись в предположении о том, что НКИД ответит на доклад собственной публикацией. 7 января, всего через два дня после встречи Майского со Стрэнгом, Потемкин собрал совещание чиновников НКИД. Помимо самого Потемкина на нем присутствовали Ф. Т. Гусев, которому, возможно, вскоре предстояло

прийти на смену Майскому в Лондоне, А. Е. Богомолов, будущий посол при различных правительствах союзников в лондонском изгнании, и А. А. Соболев, генеральный секретарь НКВД, который позднее стал советником Гусева в Лондоне. Основной задачей публикации документов, — значилось в протоколе, — «является: а) разоблачение англо-французской политики, стремившейся при переговорах с СССР втянуть Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией и перенести на СССР всю тяжесть этой борьбы, не беря на себя конкретных обязательств и оставаясь в стороне. б) Продемонстрировать на документах, что в отношении Германии Советский Союз с самого начала и до конца переговоров был чужд каких-либо агрессивных намерений и оставил своей целью исключительно защиту мира и свою собственную оборону».

Итак, линии фронта были намечены. Предстояло выбрать документы за период с 15 марта до 1 сентября 1939 г. или — второй вариант — с сентября 1938-го, чтобы охватить заодно и чехословацкий кризис. Предложенные выборки должны были выразить несогласие СССР, которое Литвинов и высказывал при общении с послами. Более того, они бы подчеркнули лицемерие британцев: НКВД был намерен сосредоточиться на переговорах британских чиновников с Вольфгангом в июне-июле 1939 г.¹⁴⁹

В Лондоне польское правительство в изгнании также намекало Форин офису, что публикация доклада была бы «несвоевременной». Понятно, почему против выступали поляки, но сопротивление было и с французской стороны, что привело к решению Кабинета министров отложить публикацию «до более подходящего времени». Несмотря на заявление Кадогана Корбену, правительство в конце концов отступило от своего решения. Постановили, что Чемберлен «проконсультируется» с лидерами оппозиции «в отношении всех необходимых приготовлений... перед воплощением идеи в жизнь»¹⁵⁰.

В тот же день Рэб Батлер, парламентский заместитель госсекретаря, «упомянул» Майскому «о “Синей книге”, посвященной летним переговорам о пакте. По его словам, как в английском, как и во французском правительствах имеются разные мнения о целесообразности выпуска этого сборника документов»¹⁵¹. В то время Батлер и Майский регулярно встречались, чтобы хоть как-то удержать под контролем разваливавшиеся англо-советские отношения. Они обсуждали и вопрос советско-германских отношений.

Батлер заметил: «Основная трудность в советско-английских отношениях коренится в том, что СССР оказывает поддержку нашему смертельному врагу. Многие в Англии уверены, что между СССР и Германией существует *castiron* [англ. отлитое в железе] соглашение, которое

фактически превращает оба государства в единый, неразрывный блок». «Я рассмеялся и... порекомендовал Батлеру поменьше верить всяким газетным уткам о “советско-германском альянсе” и т. п. комбинациях».

«Если бы мы точно знали, — ответил Батлер, — что СССР действительно ведет свою собственную независимую политику, многое, очень многое могло бы быть иначе». Майский подтвердил, что СССР защищает собственные интересы и политику. «Не держите нас за простачков [*англ. political simpletons*]», — сказал бы он в других обстоятельствах Батлеру¹⁵².

Далее возникли другие сложности. «Если коротко, — писал Робертс, — информация просочилась, что французы давили на нас с тем, чтобы не дать докладу выйти». Хуже того, о новостях на английском рассказали немцы, причем еще до разговора Корбена с Кадоганом¹⁵³. Советское посольство тоже узнало о новостях от Джорджа Белинкина, журналиста печатного дома «Кемсли», который узнал «из хороших источников, что “Синяя книга” не выйдет, т[ак] к[ак] французское и польское правительства возражают, заявляя, что эта книга, особенно в части переписки Галифакса с Сидсем до начала июля, ясно показывает, что Англия тормозила переговоры и не имела желаний заключать пакт с СССР. Чемберлен как будто лично просматривал книгу и пришел к выводу, что лучше ее не печатать. Однако, поскольку он открыто обещал в парламенте об опубликовании “Белой книги”, он пригласил лидеров оппозиции [Клемента] А[т]тли и [Арчибальда] Синклера и советовался с ними. К какому результату они пришли, он не знает, но считает, что А[т]тли и Синклер выручат Чемберлена и не будут настаивать на публикации “Синей книги”»¹⁵⁴.

Но Майский не знал, что Эттли, который ранее высказывался против публикации доклада, сказал Чемберлену, что передумал. Премьер-министр был вынужден вернуть вопрос на обсуждение в Кабинет. Робертс заметил: «Если он все же будет обнародован, придется объясняться с французами (и поляками)»¹⁵⁵. И если польское правительство в изгнании было не в том положении, чтобы диктовать условия, французское отступать было не намерено. Предприятие трещало по швам.

Форин офис вновь обратился к Корбену, чтобы понять, готова ли Франция снова вернуться к обсуждению вопроса. Посол ответил, что это весьма сомнительно. Разглашение «несогласий в политике Франции и Великобритании по определенным вопросам выводило Париж из себя»¹⁵⁶. Возможность публикации становилась все призрачнее. Правительство оказалось между двух огней — Францией с одной стороны, а с другой — Эттли и другие депутаты, задававшие неудобные вопросы в парламенте. В Форин офисе сомневались и насчет черновика введе-

ния к докладу, который мог выйти слишком односторонним. Как и французская сторона, Робертс беспокоился о реакции Москвы, еще не зная, что НКВД уже готовится открыть ответный огонь. «Не надо забывать, — писал он, — что мы можем спровоцировать советское правительство решиться на какие угодно фальсификации в собственных интересах в качестве ответа». И снова кто бы говорил. Форин офис и Министерство информации выступали за «правильную пропаганду», и демонстрацию отсутствия различий в политике Франции и Великобритании не назовешь, конечно, иначе, как тенденциозной фабрикацией Великобритании «в собственных интересах»¹⁵⁷.

Британская пресса отреагировала на новости о задержке публикации и возражениях французской стороны язвительными замечаниями. Кэ д'Орсе в ответ только молчал. Стрэнг написал послу [Рональду] Кэмпбеллу в Париж с предложением новой линии поведения: «...как бы то ни было, противопоставьте их неудобствам наши собственные [выделено в оригинале]»¹⁵⁸. Даладье оставался непреклонен: никакого доклада¹⁵⁹. 6 марта Чемберлен заявил в палате общин, что «на данный момент» публикация не планируется¹⁶⁰. Такая формулировка позволяла еще вернуться к вопросу позднее, но этого так и не произошло. Робертсу велели вернуть гранки обратно и уничтожить. Несколько экземпляров еще ходило, некоторые были в посольствах, и вернуть без труда не вышло.

Особенные трудности были с последней главой. Дадим слово самому Робертсу: «Господину Френчу [сотруднику Форин офиса] сегодня днем звонили из Государственной канцелярии и сказали, что к ним приходила некая мисс Саклинг из “Фотостат Лимитед”... Частное лицо обратилось в “Фотостат” со срочным заказом напечатать экземпляры... нашего доклада. По записке, прикрепленной к экземпляру, они заподозрили, что посетитель, должно быть, как-то связан с румынской дипломатической миссией...»

Оказалось, что этот экземпляр был послан министру румынского представительства Виорелу Тилю. Это поставило и Форин офис, и советника Тиля в крайне неловкое положение, поскольку выдало вопиюще ненадлежащее обращение с секретными документами. Единственная, кто вышел из ситуации с блеском, была глазастая мисс Саклинг. Тиль лично отправился к Сардженту, чтобы заявить об «оскорбленной невинности и смущении». Министр во всем обвинил переводчика, работавшего на дипмиссию: «Он надеется, что мы никогда не заподозрим, что даже если бы он захотел предать оказанное ему доверие, он был бы настолько глуп, чтобы прибегнуть к столь топорному методу заполучить экземпляр...» После того как Тиль запоздало навел справки, оказалось, что попавший под подозрение «молодой человек», много лет работавший

на дипмиссию, имел «не вполне консервативные взгляды». Выяснилось, что он преподавал в Университете Лондона. Вот что сам Сарджент пишет в своей длинной служебной записке: «Он [а звали его Виктор Корня], видимо, имел какие-то социалистические взгляды, но что еще более странно, оказалось, что он менял место жительства чуть ли не каждую неделю». Сарджент предложил сделать запрос на Корню в МИ-5, но тот уже «снова исчез»¹⁶¹.

Наконец Робертс доложил, что собрал все недостающие экземпляры и уничтожил их, но так ли это было?¹⁶² В 1941 г. Майский получил фото пленку с докладом «неофициальным путем», из-за которого после войны попал в очень неприятную историю. Учитывая, сколько гранок было разослано для консультаций, кто знает, откуда они взялись у Майского? Утечка могла быть откуда угодно¹⁶³.

///

Вскоре возникли более важные проблемы, в первую очередь — падение Франции. Британия осталась воевать в одиночестве, армия отступала из Европы, теряя вооружение и технику. Можно предположить, что, когда все начало рушиться, в Лондоне вспоминали советские предложения апреля 1939 года.

В определенной степени благодаря усилиям Майского и Батлера разрыва англо-советских отношений удалось избежать, а советско-финская война кончилась в середине марта. И вопреки Франции, которая рассматривала возможность войны с СССР и пыталась сорвать мирные переговоры между Союзом и Финляндией.

После окончания советско-финской войны британское правительство предприняло повторные с прошедшей осени усилия по восстановлению более тесных отношений с СССР. Усилия были бесплодны, и только вторжение нацистской Германии в СССР все изменило. Советская сторона не хотела воевать против вермахта в одиночку, однако летом 1941 г. практически это и происходило. Даладье выступал против публикации доклада, так как это еще больше расшатало бы министерские кресла и привело бы к отставке его правительства. И все же ему пришлось подать в отставку в середине марта 1940 г. История не лишена иронии. Французы редко шли наперекор британской политике: в одном случае это был доклад, в другой раз Бонне пытался подтолкнуть Британию к соглашению с Москвой.

Упрямство французов в истории с докладом ставило Лондон в тупик. Чиновники Форин офиса искренне считали, что играли честно и с благими намерениями. По их мнению, в докладе раскрывалась «правда»

о провале переговоров 1939 г. Но Карр всеми силами стремился к «хорошей пропаганде», которая обычно только напоминает «правду». Из сборника выкинули документы, говорившие о несогласии Франции, а также нравоучительные послания Галифакса, Кадогана и Сарджента, протестующих против союза с СССР. Не включили в него и замечания Чемберлена, сделанные в заключении Кабинета министров и Комитета по иностранным делам. Не упоминались Колльер и Васиттарт. Как и выражение беспокойства по поводу возможного сближения Советского Союза с Германией. В результате получилась вычищенная выборка в основном из телеграмм Галифакса и Сидса, вырванных из куда более широкого контекста пошедших под откос переговоров 30-х.

В докладе скрывалась ответственность британского правительства за срыв переговоров 1939 г. Архивные данные свидетельствуют, что советское правительство делало серьезные предложения по созданию военного альянса против нацистов, которые Форин офис и особенно Чемберлен, рассматривать отказались. Но и столь тщательная выборка документов не могла скрыть правду, из-за которой против публикации протестовала Франция. Чемберлен хотел изящно провести советское правительство. Но план не сработал. Молотов заставил Британию и Францию поддерживать политику СССР, но до соглашения дело не дошло. Неповоротливый «Эксетер» с главой британской делегации на борту, у которого не было ни верительных грамот, ни полномочий подписать соглашение, но зато были инструкции вести переговоры «как можно неторопливей», видимо, стал последней каплей для Сталина и Политбюро — людей, которые не дали бы себя так легко провести или относиться к себе несерьезно. Им пришлось искать другие варианты, и они остановились на пакте о ненападении. Что может быть гнуснее сотрудничества с Гитлером?

Но в конце концов, разве не это же пытались сделать Британия и Франция? Сталин подтвердил советскую военную позицию за обедом с американскими и британскими союзниками¹⁶⁴. И да, именно он принимал важнейшие решения. Он одобрил предложения для Франции и Британии от 17 апреля, это были советские предложения, а не личная политика Литвинова. И он же принял решение о пакте о ненападении. Считал ли Сталин Германию государством, с которым можно иметь дело? Или он выбрал рискованную политику, чтобы выиграть время? Так или иначе, советская политика вышла боком в июне 1941 г., когда вермахт вторгся в СССР.

Имеют ли значение советские документы? Из них становится ясно, что советские дипломаты общались между собой так, будто были настроены на антинацистский союз совершенно серьезно, несмотря на скепсис англо-французской политики. Они начали терять терпение, а в случае

Литвинова — беспокоиться, когда от Лондона долгое время не было ответа. Стало ясно, что что-то идет не так, когда о советских предложениях из Лондона и Парижа стала поступать противоречивая информация, и поняли, что столкнулись со старым добрым англо-французским предательством. Пробовали призвать британцев к ответу. Чемберлен видел в советской политике уловку, чтобы втравить Британию и Францию в войну с Германией, пока СССР спокойно бы дождался ее окончания и распространил коммунистическую революцию на Европу. Советская сторона смотрела на все иначе, убеждаясь в своей правоте через всевозможные попытки Англии и Франции договориться с Гитлером. Решение Великобритании не публиковать доклад отложило начало взаимных обвинений до 1948 г., когда Госдеп США опубликовал сборник документов, в котором СССР пытались выставить ответственным за начало Второй мировой войны. Советское правительство ответило собственной публикацией «Фальсификаторы истории», в которой, среди прочего, раскрывалась связь элит Британии и Франции с нацистской Германией¹⁶⁵. И это было только начало борьбы за возможность рассказать историю Второй мировой, которая длится до сих пор. Именно поэтому для восстановления истинного положения вещей так важно изучать события 1939 г.

Благодарности

Я бы хотел поблагодарить начальника Архива внешней политики Российской Федерации Анну Николаевну Залееву и ее коллег за доступ к делам, процитированным в этой статье; Фредерика Дессберга, Джезафа Майоло, Владимира Олеговича Печатнова и особенно Зару Штайнер за прочтение первых черновиков рукописи и их замечания. Хочу также отметить Совет по изучению гуманитарных наук Канады, без гранта Insight которого не было бы возможно проведение исследования, на котором основана данная статья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Великобритании и США применительно к этому докладу использовались термины «Белая книга» (white paper) и «Синяя книга» (blue book) соответственно, обычно означающие сборники официальных документов. В данном случае они считались взаимозаменяемыми, однако Форин офис настоял на том, чтобы на обложке значилось «Белая книга». Во Франции подобный сборник называется «Желтая книга».

² Краткая историография по вопросу политики умиротворения агрессора и предпосылок войны: *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II.

Chicago, 1999. P. xiii—xix; *Roberts G.* «The Alliance that Failed: Moscow and the Triple Alliance Negotiations, 1939» // *European History Quarterly*, XXVI. 1996. P. 383—414; *Суполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989; *Чельшев И. А.* СССР—Франция: Трудные годы 1938—1941. М., 1999; *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939: советско-польские конфликты, 1918—1939. М., 2009; *Pons S.* Stalin and the Inevitable War 1936—1941. London, 2002; *Steiner Z.* The Triumph of the Dark: European International History, 1933—1939. Oxford, New York, 2011; *Lacroix-Riz A.* De Munich a Vichy: L'assassinat de la Troisième République 1938—1940. Paris, 2008; *Vidal G.* Une Alliance Improbable: L'armée française et la Russie soviétique. Rennes, 2015; *Dullin S.* Des hommes d'influences: Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930—1939. Paris, 2001.

³ *Carley M. J.* «Who Betrayed Whom? Franco-Anglo-Soviet Relations, 1932—1939» // *Gab es einen Stalin-Hitler-Pakt? Charakter, Bedeutung und Deutung des deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrages vom 23. August 1939.* Frankfurt am Main, 2015. P. 119—137.

⁴ *Carley M. J.* «“Only the USSR has Clean Hands”: the Soviet Perspective on the Failure of Collective Security and the Collapse of Czechoslovakia, 1934—1938». Part 1 // *Diplomacy & Statecraft*. XXI. 2010. P. 202—205; Ibid. Part 2 // *Diplomacy & Statecraft*. XXI. 2010. P. 368—396; *Carley M. J., Ragsdale H.* The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II. Cambridge, New York, 2004.

⁵ *Carley.* 1939. P. 83—85, 135; *Lacroix-Riz A.* Le choix de la défaite: Les élites françaises dans les années 1930. Paris, 2006. P. 474—482.

⁶ Письмо Я. З. Сурица, советского полпреда в Париже, наркому иностранных дел М. М. Литвинову, № 137, секретно, 26 марта 1938 // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Лл. 105—191.

⁷ Историческая аллюзия из письма полковника Шарля де Голля к матери от 20 декабря 1936 г. // *Vidal.* Alliance improbable... P. 280. От Шарля де Голля: Lettres, notes et carnets, 1905—1941. Paris, 2010. P. 828—829.

⁸ *Carley M. J.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, 2014; *Carley M. J.* “A Fearful Concatenation of Circumstances”: the Anglo-Soviet Rapprochement, 1934—1936 // *Contemporary European History*. V. 1996. P. 29—69. См. также: *Parker R. A. C.* Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming the Second World War. London, 1993; *Shaw L. G.* The British Political Elite and the Soviet Union, 1937—1939. London and Portland, 2003; *Neilson K.* Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919—1939. Cambridge and New York, 2006.

⁹ *Stedman A. D.* Alternatives to Appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany. London and New York, 2011. P. 134.

¹⁰ “Towing the Line” // *Evening Standard*. 24 Mar. 1939; “Timing the Favorite” // *Evening Standard*. 22 May 1939.

¹¹ Письмо Чемберлена к Иде. 9 апреля 1939 // University of Birmingham. Neville Chamberlain Papers. NC18/1/1093.

¹² Письмо Я. З. Сурица М. М. Литвинову. № 466/с, секретно. 27 ноября 1937 // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Лл. 277—283; письмо В. П. Потемкина, замнаркома по иностранным делам, № 1427, секретно, 19 декабря 1937 // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Лл. 53—57; письмо В. П. Потемкина Я. З. Сурицу, № 6200, секретно, 4 апреля 1938 // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Лл. 25—30.

¹³ «Обзор основных событий внутренней и внешней политики Англии за июнь—сентябрь 1938», № 20444, секретно, НКВД (без подписи), 20 октября 1938 // АВПРФ. Ф. 011.

Оп. 2. П. 21. Д. 227. Лл. 78–53; «Обзор основных событий внутренней и внешней политики Франции за июнь–сентябрь 1938», № 20445, секретно, НКВД (без подписи), 20 октября 1938 // Там же. Лл. 17–71.

¹⁴ Письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 5494/Л, секретно, 17 октября 1938 // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Лл. 70–71.

¹⁵ Письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 5524/Л, секретно, 17 октября 1938 // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Лл. 75–77.

¹⁶ Дневник М. М. Литвинова, «Прием Пайяра, 20 ноября 1938 года», без номера, секретно // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 863. Лл. 5–7.

¹⁷ Письма М. М. Литвинова И. М. Майскому, № 4145/Л, секретно, 19 февраля 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Лл. 20–23; письмо И. М. Майского М. М. Литвинову, № 32/с, секретно, 10 февраля 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 4. Лл. 6–8.

¹⁸ Письмо М. М. Литвинова И. М. Майскому, № 4114/Л, секретно, 4 февраля 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Лл. 15–16.

¹⁹ Письмо М. М. Литвинова И. М. Майскому, № 4112/Л, секретно, 4 февраля 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Лл. 24–25.

²⁰ «Квартальный обзор по Польше, июль–сентябрь 1938 г.», секретно, НКВД (без подписи, без даты) // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 21. Д. 227. Лл. 104–190.

²¹ Дневник В. П. Потемкина, «Беседа с польским послом Гржибовским 2 декабря 1938 года», № 6581, секретно // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Лл. 141–138.

²² Письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 5604/Л, секретно, 4 декабря 1938, АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Лл. 81–84; письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 5611/Л, секретно, 10 декабря 1938 // Там же. Лл. 85–87.

²³ Письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 4040/Л, секретно, 11 января 1939 // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912. Лл. 47–51.

²⁴ Письмо М. М. Литвинова И. М. Майскому, № 4062/Л, секретно, 19 января 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Лл. 9–12.

²⁵ Письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 4236/Л, секретно, 19 марта 1939 // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912, л. 30.

²⁶ *Carley*. 1939. P. 75–77.

²⁷ Письмо М. М. Литвинова И. М. Майскому, № 4190/Л, секретно, 4 марта 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Лл. 27–29.

²⁸ В оригинале дневника И. М. Майского фраза написана по-английски: «not very happy».

²⁹ Записи от 20 и 25 марта 1939 // Майский И. М. Дневник дипломата. В 3 т. М., 2006–2009. Т. 1. С. 362–363, 364–365.

³⁰ Письмо М. М. Литвинова И. М. Майскому, № 4235/Л, секретно, 19 марта 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Лл. 30–34.

³¹ Сэр Уильям Сидс, посол Великобритании в Москве, № 43, 23 марта 1939, С3880/3356/18, Национальные архивы Великобритании (далее TNA), Министерство иностранных дел (далее FO) 371 23061; Криппс № 757, 26 июля 1941, N4105/4105/38, TNA FO 371 29619; *Шейнис* З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 367.

³² Сидс, № 107, 3 апреля 1939, C5121/3356/18, TNA FO 371 23063.

³³ Сидс, № 43, 23 марта 1939, С3880/3356/18, TNA FO 371 23061; отчет М. М. Литвинова о беседе с Р. Хадсоном, 23 марта 1939, См.: Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. В 2 ч. М., 1990. Т. 1. С. 317–319.

³⁴ Например, письма М. М. Литвинова Я. З. Сурицу (в Берлин), № 337/Л, секретно, 4 декабря 1935 // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Лл. 102–103; № 3680/Л, секретно, 4 сентября 1936 // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Лл. 33–34.

³⁵ *Carley*. 1939. Р. 97–98.

³⁶ Письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 4261/Л, секретно, 25 марта 1939 // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912, л. 28–29.

³⁷ Дневник В. П. Потемкина, «Прием польского посла Гржибовского, 28 марта 1939 года», № 5188, секретно // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Лл. 16–18; дневник М. М. Литвинова, «Прием Пайяра, 29 марта 1939 года», № 4279/Л, секретно // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 910. Лл. 23–24.

³⁸ Письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 4276/Л, секретно, 29 марта 1939 // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912, л. 24–26.

³⁹ Записи Кадогана без заглавия, 29 марта 1939, С4692/3356/18, TNA FO 371 23062; Запись от 29 марта 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. 365–367; «Запись беседы... с Кадоганом», И. М. Майский, секретно, 29 марта 1939 // Документы внешней политики (далее ДВП). В 26 т. М., 1958–. С. XXII. Кн. 1. С. 238–240.

⁴⁰ Запись от 31 марта 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. С. 367–369.

⁴¹ Письмо И. М. Майского М. М. Литвинову, № 60, секретно, 15 апреля 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 4. Лл. 31–22.

⁴² Запись от 31 марта 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. С. 367–369; телеграмма И. М. Майского НКВД, 31 марта 1939 // Год кризиса... Ч. 1. С. 351–353.

⁴³ Письмо Н. Чемберлена Хильде, 27 февраля 1938 // U. Birm. N. Chamberlain Papers. NC18/1/1040.

⁴⁴ Запись от 1 апреля 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. С. 369–370.

⁴⁵ Дневник В. П. Потемкина, «Прием польского посла Гржибовского, 31 марта 1939 год», № 5195, секретно // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Лл. 20–21.

⁴⁶ Письмо М. М. Литвинова И. М. Майскому, № 4298/Л, секретно, 4 апреля 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Лл. 36–40.

⁴⁷ Письмо М. М. Литвинова А. Ф. Мерекалову, № 4303/Л, секретно, 4 апреля 1939 // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 92. Д. 4. Лл. 23–22.

⁴⁸ *Carley*. 1939. Р. 118–119.

⁴⁹ Запись разговора между У. Н. Ивером (W. N. Ewer), корреспондентом «Дейли Геральд», и И. М. Майским от 1 апреля 1939, С5430/3356/18, TNA FO 371 23063; Запись от 20 марта 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. С. 362–363; записи Сарджента, 6 апреля; Кадоган, 7 апреля; Галифакс, 8 апреля 1939, С5430/3356/18, TNA FO 371 23063.

⁵⁰ Письмо Н. Чемберлена Иде, 26 марта 1939 // U. Birm. N. Chamberlain Papers. NC18/1/1091.

⁵¹ Письмо Я. З. Сурица М. М. Литвинову, № 72, секретно, 26 марта 1939 // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Лл. 11–25.

⁵² Телеграмма Я. З. Сурица М. М. Литвинову, вне очереди, 10 апреля 1939 // Год кризиса... Ч. 1. С. 367; письмо Я. З. Сурица М. М. Литвинову, № 98, секретно, 11 апреля 1939 // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 207. Лл. 70–73.

⁵³ Дневник Литвинова, «Прием английского посла Сидса, 15 апреля 1939», № 4343/Л, секретно // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 1. Лл. 33–34.

⁵⁴ Письмо М. М. Литвинова И. В. Сталину, секретно, 15 апреля 1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 277–278.

⁵⁵ Советские предложения, переданные У. Сидсу, 17 апреля 1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 283–284; Запись от 18 апреля 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. С. 376–377.

⁵⁶ *Carley. Silent Conflict...* P. 274.

⁵⁷ Корбен, № 409, 25 мая 1939 // Documents diplomatiques francais, 1936–1939 (далее DDF). 2-я серия. В 19 т. Paris, 1963–1986. Т. XVI. P. 562–566.

⁵⁸ Телеграмма Я. З. Сурица в НКВД, 18 апреля 1939 // Год кризиса... Т. 1. С. 388.

⁵⁹ Письмо полковника А.-А. Паласа генералу А. Ф. Денцу, заместителю начальника штаба, № 1955, 18 июня 1938 // Chateau de Vincennes, Service historique de l'armee de terre (далее SHAT). 7N 3186.

⁶⁰ Недовольство замнаркома вызвал Jour-Echo de Paris (известный связями с «руководящими военными кругами Франции»). См.: Дневник В. П. Потемкина, «Прием французского посла Наджиара, 8 июня 1939 года», № 5345, секретно // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 7. Лл. 87–85.

⁶¹ Письмо И. Карпатрик сэру Э. Фиппсу, британскому послу в Париже, 20 апреля 1939. C5692/3356/38, TN A FO 371 23064.

⁶² Письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 4357/Л, секретно, 19 апреля 1939, АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 32. Д. 178. Лл. 90–89.

⁶³ Телеграмма М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, немедленно, совершенно секретно, 23 апреля 1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 311.

⁶⁴ *Kotkin S. Stalin. Vol. 2: Waiting for Hitler, 1928–1941. London, 2017. P. 621.*

⁶⁵ *Чельшев И. А. Указ. соч. С. 115–116.*

⁶⁶ Письмо М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, № 4380/Л, секретно, 23 апреля 1939 // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912. Лл. 11–12.

⁶⁷ «М. [Ги] де Жерар де Шарбоньер, французское посольство, беседы»; записи Кадогана и Галифакса, 22 апреля 1939. C5842/3356/38, TNA FO 371 23064.

⁶⁸ Письмо Сидса сэру Л. Олифанту, заместителю постоянного государственного секретаря, 16 мая 1939. C7614/3356/18, TNA FO 371 23066.

⁶⁹ Телеграмма Я. З. Сурица М. М. Литвинову, 25 апреля 1939 // Год кризиса... Т. 1. С. 399; и телеграмма М. М. Литвинова Я. З. Сурицу, 26 апреля 1939 // Там же. С. 403.

⁷⁰ Дневник М. М. Литвинова, «Прием Пайяра, 28 апреля 1939 год» № 4404/Л, секретно // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 910. Лл. 32–34.

⁷¹ Письмо М. М. Литвинова И. В. Сталину, секретно, 28 апреля 1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 315–316.

⁷² Телеграмма Я. З. Сурица М. М. Литвинову, совершенно секретно, 28 апреля 1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 316–317.

⁷³ Телеграмма И. М. Майского в НКВД, 29 апреля 1939 // Год кризиса... Ч. 1. С. 410–412.

⁷⁴ Телеграмма Т. Кордта Министерству иностранных дел, Берлин, № 144, срочно, 26 апреля 1939 // Documents on German Foreign Policy, series D. 13 vol. Washington, 1949–1964. Vol. VI. P. 336; *Watt D. C. How War Came*. London, 1990. P. 439; *Kotkin. Stalin...* P. 623.

⁷⁵ Письмо Колльера У. Стрэнгу, главе Центрального управления, 28 апреля 1939. С6206/3356/18, TNA FO 371 23064.

⁷⁶ Телеграмма Я. З. Сурица в НКВД, 29 апреля 1939 // Год кризиса... Т. 1. С. 413.

⁷⁷ Письмо Я. З. Сурица М. М. Литвинову, без номера, оригинал рукописный, копии И. В. Сталину и др., 1 мая 1939 // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 207. Лл. 99–102.

⁷⁸ Фиппс, № 258, 3 мая 1939. С6541/3356/18, TNA FO 371 23065.

⁷⁹ Протокол заседания Комитета по международным делам, 24 апреля 1939. С5812/3356/18, TNA FO 371 23064.

⁸⁰ *Carley*. 1939. P. 106–107.

⁸¹ Отрывок из итогов заседания министров, 3 мая 1939. С6595/3356/18, TNA FO 371 23065.

⁸² Письмо Н. Чемберлена Хильде, 29 апреля 1939 // U. Birm. N. Chamberlain Papers, NC18/1/1096.

⁸³ Письмо М. М. Литвинова И. В. Сталину, секретно, 3 мая 1939 // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 325–326.

⁸⁴ Телеграмма Пайяра Бонне, nos. 326–29, reserve, 4 мая 1939 // DDF. 2e. Vol. XVI. P. 107–108.

⁸⁵ Запись от 6 мая 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. С. 387.

⁸⁶ Дневник В. П. Потемкина «Прием французского посла Пайяра, 14 мая 1939 года» № 5273, секретно // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1Б, п 27. Д. 3. Лл. 20–21.

⁸⁷ Телеграмма Бонне Пайяру, nos. 167–171, 16 мая 1939 // Ministère des Affaires étrangères, Paris (далее МАЕ). Papiers Naggiar/9.

⁸⁸ Записи Кадогана, 18 мая 1939. С7266/3356/18, TNA FO 371 23066.

⁸⁹ Письмо Н. Чемберлена Хильде, 29 апреля 1939. U. Birm., N. Chamberlain Papers, NC18/1/1096.

⁹⁰ Письмо И. М. Майского В. М. Молотову, № 70/с, секретно, 10 мая 1939 // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 4. Лл. 35–38.

⁹¹ *Hucker D. Public Opinion, the Press and the Failed Anglo-Franco-Soviet Negotiations of 1939* // International History Review. XI (2018). P. 65–85; *Gorodetsky G. (ed.). The Maisky Diaries: Red Ambassador to the Court of St James, 1932–1943*. London and New Haven, 2015.

⁹² Дневник В. П. Потемкина «Прием итальянского посла Россо, 15 мая 1939 года», № 5281, секретно // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 7. Лл. 42–40.

⁹³ «Невероятное безразличие и легкомыслие поляков». (Прим. перев.)

⁹⁴ *Carley*. 1939. P. 140–41; Дневник В. П. Потемкина, «Прием польского посла Гржибовского», № 5277, секретно, 14 мая 1939 // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Лл. 22–23; маргинальная аннотация на Наджиаре, № 556, 24 июня 1939 // МАЕ. Papiers Naggiar/10.

⁹⁵ Дневник В. П. Потемкина «Прием польского поверенного в делах [Тадеуша] Янковского», № 5417, секретно, 20 июля 1939 // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Лл. 30–33.

⁹⁶ Письмо И. М. Майского В. М. Молотову, № 144, секретно, 22 декабря 1939 // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 6. П. 36. Д. 8. Лл. 6–1.

⁹⁷ Для других точек зрения по этому вопросу см.: *Jackson P.* France and the Nazi Menace: Intelligence and Policy Making, 1933–1939. Oxford and New York, 2000; *Young R. J.* France and the Origins of the Second World War. New York, 1996.

⁹⁸ Письмо Н. Чемберлена Хильде, 28 апреля 1939. U. Birm., N. Chamberlain Papers, NC18/1/1101.

⁹⁹ Самая свежая публикация: *Hucker.* «Public Opinion...». P. 77, 79.

¹⁰⁰ Согласно письму Галифакса У. Сидсу, № 488, 23 июня 1939. C8979/3356/18, TNA FO 371 23069.

¹⁰¹ Пайяр, № 313, 20 августа 1934 // DDF. 1re serie. Vol. VII. P. 202–205; *Carley.* Silent Conflict... P. 110; *Carley.* «Only the USSR has Clean Hands...». Part 1. P. 204–207, 216–219.

¹⁰² Записи от 6 апреля и 21 мая 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. С. 370–371, 395–398; письмо Галифакса У. Сидсу, № 255, 6 апреля 1939 // Documents on British Foreign Policy. 3rd series. 10 vols. London, 1949–1961. P. 53–54.

¹⁰³ Дневник В. П. Потемкина, «Прием итальянского посла Росссо», № 5400, секретно, 4 июля 1939 // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 7. Лл. 119–121.

¹⁰⁴ Телеграмма Наджиара, № 525–527, 21 июня 1939 // МАЕ. Papiers Naggiar/10.

¹⁰⁵ Телеграмма Наджиара в Париж, без даты, № 481–483, 14 июня 1939 // МАЕ. Papiers Naggiar/10.

¹⁰⁶ Запись от 22 июня 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. С. 414–415.

¹⁰⁷ *Watt.* How War Came... P. 371.

¹⁰⁸ *Kotkin.* Stalin... V. II. P. 657.

¹⁰⁹ Письмо Н. Чемберлена Иде, 10 июня 1939. U. Birm. N. Chamberlain papers, NC18/1/1102.

¹¹⁰ Служебная записка Стрэнга, 16 мая 1939, C7206/3356/18, TNA FO 371 23066; письмо Бонне Наджиару, пос. 218–219, 14 June 1939 // МАЕ. Papiers Naggiar/9.

¹¹¹ «Разговор с профессором [Гарольдом] Ласки» № 100, Майский, секретно, 10 июля 1939 // АВПРФ. Ф. 013а. Оп. 1. П. 14. Д. 2. Л. 29.

¹¹² Запись от 14 июля 1939 // Майский. Дневник... Т. 1. С. 424–425.

¹¹³ Письма Н. Чемберлена Хильде, 2 и 15 июля 1939. U. Birm. N. Chamberlain Papers, NC18/1/1105 & 1107.

¹¹⁴ «If the British don't, maybe we will» // Evening Standard, 29 июня 1939; «Expert Assistance» // Evening Standard, 19 июля 1939.

¹¹⁵ Протокол заседания Комитета по международным делам, 16 мая 1939. C7401/3356/18, TNA FO 371 23066.

¹¹⁶ Телеграмма Галифакса (Женева) в МИД, № 8 L.N., 21 мая 1939. C7551/3356/18, TNA FO 371 23066.

¹¹⁷ Письмо Я. З. Сурица В. М. Молотову, № 116, секретно, 6 мая 1939 // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 32. Д. 178. Лл. 98–95.

¹¹⁸ Письмо Н. Чемберлена Иде, 21 мая 1939. U. Birm. N. Chamberlain Papers, NC18/1/1100.

¹¹⁹ *Carley.* 1939. P. 179–181.

¹²⁰ Письмо Н. Чемберлена Иде, 23 июля 1939, и Хильде 30 июля 1939. U. Birm. N. Chamberlain Papers, NC18/1/1108 & 1110.

¹²¹ *Doumenc*. Souvenirs de la mission en Russie, aout 1939. P. 11–12 // SHAT 7N 3185.

¹²² Телеграмма Наджиара в Париж, без даты, № 941–943, 23 августа 1939 // МАЕ. Papiers Naggiar/10; *Carley*. 1939. P. 185–187.

¹²³ *Carley*. 1939. P. 198–199.

¹²⁴ Дневник В. П. Потемкина, «Прием германского посла Шуленбурга, 1 июля 1939 года», № 5394, секретно // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 7. Лл. 110–114.

¹²⁵ *Carley*. 1939. P. 179, 189–194, 201–204; Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939. М., 1991. С. 152–266; *Roberts G.* The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933–1941. London, 1995. P. 62–91.

¹²⁶ В оригинале слово написано по-итальянски.

¹²⁷ Запись беседы между В. М. Молотовым и послом США Л. Штейнхардтом, секретно, 16 августа 1939 // Советско-американские отношения, 1934–1939. М., 2003. С. 733–735.

¹²⁸ «После Мюнхена нам грех жаловаться» (*Прим. перев.*). Телеграмма Найара в Париж, № 965–972, 25 августа 1939 // МАЕ. Papiers Naggiar/10.

¹²⁹ Заметка без названия, Кирпатрик, глава Центрального управления, 27 сентября 1939; записи Сарджента, 28 сентября; Кадогана, 30 сентября; и Галифакса, 1 октября. C16202/3356/18, TNA FO 371 23074.

¹³⁰ Без названия, записка без подписи, 21 сентября 1939. TNA KV2/1910.

¹³¹ Записи Робертса, 4 октября 1939. C15881/3356/18, TNA FO 371 23074.

¹³² Записи Робертса, 6 октября 1939. C16431/3356/18, TNA FO 371 23074.

¹³³ Записи Робертса; приложенное письмо в Казначейство, 14 декабря 1939. C19978/3356/18, TNA FO 371 23074.

¹³⁴ *Carley*. 1939. P. 166; письмо Галифакса У. Сидсу, № 230, 11 апреля 1939. C5068/3356/18, TNA FO 371 23063.

¹³⁵ Протокол заседания Комитета по международным делам, 5 июня 1939. C8138/3356/18, TNA FO 371 23067.

¹³⁶ «White Paper on Anglo-Soviet Negotiations» // Strang, 11 Dec. 1939; «S of S», Cadogan, 11 декабря 1939. C20386/3356/18, TNA FO 371 23074.

¹³⁷ Письмо сэра Ф. Уайта Дж. Бэлфору, 12 декабря 1939. C20307/3356/18, TNA FO 371 23074.

¹³⁸ По документам доклада см.: *Coates T.* (ed.). Dealing with Josef Stalin: The Unpublished British Blue Book. London, 2009.

¹³⁹ «Secretary of State», Roberts, 19 декабря 1939. C20926/3356/18, TNA FO 371 23074.

¹⁴⁰ Письмо Л. К. Холиса Стренгу, секретно, 18 декабря 1939; записи Галифакса, 29 декабря; записи Стрэнга, 17 декабря. C20926/3356/18, TNA FO 371 23074.

¹⁴¹ Служебная записка без названия, Кадоган, 3 января 1940. C186/23/18, TNA FO 371 24395.

¹⁴² Служебная записка без названия на французском, на бланке французского посольства, Лондон, без подписи (но доставлено Кадогану Корбенем), 12 января 1940; и записи Галифакса, 13 января, C671/23/18, TNA FO 371 24395.

- ¹⁴³ Письмо Р. Г. Кэмпбелла Стрэнгу, 11 января 1940. С699/23/18, TNA FO 371 24395.
- ¹⁴⁴ Запись от 3 января 1940 // Майский. Дневник... Т. 2 (1). С. 95–97.
- ¹⁴⁵ Служебная записка без названия, Стрэнг, 5 января 1940. С338/23/18, TNA FO 371 24395.
- ¹⁴⁶ Запись от 5 января 1940 // Майский. Дневник... Т. 2 (1). С. 99–100.
- ¹⁴⁷ Запись от 8 января 1940 // Майский. Дневник... Т. 2 (1). С. 101–103.
- ¹⁴⁸ Записка, подпись неразборчива, Карру о Р. Б. Стивенсе, 395.
- ¹⁴⁹ Ф. Т. Гусев, «Протокол совещания у заместителя народного комиссара иностранных дел Потемкина В. П., 7-го января 1940 года...» // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 6. П. 36. Д. 8. Лл. 10–14.
- ¹⁵⁰ Записи Стрэнга, 19 января 1940. С1074/23/18; отрывок из заключения Кабинета министров, 17 (40), 18 января 1940. С1030G/23/18, TNA FO 371 24395.
- ¹⁵¹ «Разговоры с парламентским товарищем Министра иностранных дел — Батлером», № 11, Майский, секретно, 10 марта 1940 // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 11. Д. 106. Лл. 5–24.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Записи Робертса, 23 января 1940. С1339/23/18, TNA FO 371 24395.
- ¹⁵⁴ М. В. Корж, советское посольство, Лондон, «Запись разговора с отдельными журналистами», 10 марта 1940, запись от 2 февраля 1940 // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 11. Д. 106. Лл. 1–4; Запись от 2 февраля 1940 // Майский. Дневник... Т. 2 (1). С. 118.
- ¹⁵⁵ Записи Робертса, 23 января 1940. С1339/23/18, TNA FO 371 24395.
- ¹⁵⁶ Письмо Р. Макинса (МИД Великобритании) Кэмпбеллу (Париж), № 347, 16 февраля 1940. С2545/23/18, TNA FO 371 24395.
- ¹⁵⁷ Различные записи МИД Великобритании, в основном Робертса, середина января. С2883/23/18, TNA FO 371 24395.
- ¹⁵⁸ Письмо Стрэнга Кэмпбеллу, 27 февраля 1940. С2999/23/18, TNA FO 371 24395.
- ¹⁵⁹ Письмо У. Х. Б. Мака (Париж) Кирпатрику, 6 марта 1940. С3561/23/18, TNA FO 371 24395.
- ¹⁶⁰ Различные документы С3564/23/18, TNA FO 371 24396.
- ¹⁶¹ Записи Робертса, 10 апреля 1940; служебная записка Сарджента без заглавия, 12 апреля 1940. С5577/23/18, TNA FO 371 24396.
- ¹⁶² Записи Робертса, 25 апреля 1940 и 11 мая 1940. С6180 & С 3564/23/18, TNA FO 371 24396.
- ¹⁶³ Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 559–560.
- ¹⁶⁴ Roberts G. Stalin, the Pact with Nazi Germany and the Origins of Postwar Soviet Diplomatic Historiography: A Research Note // Journal of Cold War Studies. IV (summer 2002). P. 93–103.
- ¹⁶⁵ Roberts G. Pact with Nazi Germany...; Pechatnov V. O. How Soviet Cold Warriors Viewed World War II... // Cold War History. XIV (2014). P. 109–125.

«НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...»: СССР И ЯПОНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анатолий Кошкин

Цель японских провокаций — запугать СССР войной

В 30-е годы XX в. Генеральный штаб сухопутных войск Японии имел разработанные планы войны с главными потенциальными противниками: план «Хэй» — войны в Китае и план «Оцу» — войны против СССР. Война с западными державами — США и Великобританией — в те годы хотя и допускалась, но лишь гипотетически.

После захвата в 1931–1932 гг. Маньчжурии (Северо-Восточный Китай) японцы стали создавать здесь плацдарм для подготовки дальнейшего продвижения в Северный Китай и захвата советских дальневосточных территорий, в первую очередь Приморья и Северного Сахалина. Хотя в июне 1933 г. после жарких дебатов представителей руководящего состава японских сухопутных сил было принято считать «противником номер один» Советский Союз и готовиться к большой войне именно с соседом на севере, по мере укрепления обороноспособности СССР на Дальнем Востоке верх стали брать сторонники первоначального овладения всем Китаем. Влиятельные генералы Генштаба Тэцудзан Нагата и Хидэки Тодзио (будущий военный министр и премьер-министр Японии, начавший в 1941 г. войну против США и Великобритании) предупреждали о рискованности преждевременного выступления против СССР. Нагата указывал, что для войны против Советского Союза «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабо-

чий батальон и значительно повысить производственные мощности Японии и Маньчжурии»¹.

К середине 1937 г. в японском Генштабе сухопутных войск существовал оперативно-стратегический план проведения войны с целью овладения всей обширной территорией Китая. Так как в Токио считали, что Китай не сможет оказать серьезного сопротивления превосходившей его в вооружении и выучке японской армии, первоначальную оккупацию опорных пунктов в китайских городах (Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу) можно будет осуществить за два-три месяца.

Во внешнеполитическом плане расчет был сделан на то, что обеспокоенные возрастанием угрозы большой войны в Европе западные державы и Советский Союз предпочтут не вмешиваться в японо-китайскую войну. Что касается западных держав, эти расчеты оправдались. Существенной помощи от них китайцы не получили. В наиболее трудный начальный период японо-китайской войны помощь США и Великобритании была символической — с 1938—1939 гг. американцы предоставили Китаю заем лишь в 25 млн долларов. С июля 1937 по январь 1938 г. китайская армия получила от США 11 самолетов и 450 т пороха².

А правительство Великобритании и вовсе предало Китай, заключив 22 июля 1939 г. с Японией так называемое «Соглашение Арита — Крейги». Согласно нему Лондон, по существу, политически капитулировав перед Токио, пошел на признание японских захватов в Китае и обязался «не предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению... задач японской армии»³.

В то же время западные державы до 1940 г. продолжали крупные поставки в Японию. По китайским данным, в течение трех первых лет войны 70 % расходуемого японской армией в Китае бензина поступило из США. От американского оружия погибли 54 % мирных жителей Китая⁴.

Эффективную помощь китайскому народу в его борьбе с японской агрессией оказал только Советский Союз. Несмотря на то что такая материальная помощь создавала опасность ухудшения советско-японских отношений, руководство СССР приняло решение оказать прямую поддержку Китаю. В первой половине 1938 г. Москва предоставила Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение⁵. Общая

сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз»⁶.

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. Резко возросло число японских провокаций на советско-маньчжурской границе. За три года — с 1936 по 1938 г. — здесь был зарегистрирован 231 инцидент, в том числе 35 крупных вооруженных столкновений. В 1938 г. число инцидентов возросло по сравнению с предыдущим годом почти в два раза — с 69 до 124⁷.

Самое серьезное и кровопролитное столкновение между японскими и советскими войсками произошло летом 1938 г. у озера Хасан в Приморье. Долгое время в советской исторической литературе существовала версия о том, что, развязывая этот крупный инцидент, японское командование стремилось захватить Приморье и создать угрозу Владивостоку, не останавливаясь перед опасностью начала большой войны с СССР. Однако японские источники свидетельствуют о том, что цели конфликта были ограниченными. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю усилилась... Это раздражало Японию... В Генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию Корейской армии, которая находилась в прямом подчинении императорской ставки. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем, чтобы предотвратить возможное выступление СССР против Японии»⁸. Начальник 2-й секции (маневры и военные планы) 1-го (оперативного) департамента Генштаба полковник Масадзуми Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии»⁹.

В известной степени японские организаторы хасанской провокации добились своей цели — убедились в отсутствии у Москвы намерения напрямую своими вооруженными силами вмешаться в японо-китай-

скую войну. Однако сохранялась задача угрозой начала большой войны с СССР вынудить Москву прекратить оказание Китаю военно-технической помощи.

В Токио рассчитывали, что в обстановке угрозы германского нападения СССР не сможет использовать крупные силы в восточных районах страны и в случае вооруженного столкновения с Японией будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки. После хасанских событий пришлось вносить коррективы в японские оперативно-стратегические планы войны против СССР. С осени 1938 г. Генеральный штаб японской армии разрабатывал новый вариант плана, закодированный как «Операция № 8». Отличительной особенностью этого варианта было нанесение основного удара не в Приморье, а через Монгольскую Народную Республику в направлении озера Байкал. Генеральный штаб изыскивал такое место для удара, «где противник не ждал наступления». Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз значительно укрепит здесь свою обороноспособность.

В исторической литературе при анализе причин развязывания японской армией крупного вооруженного конфликта на территории союзной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол (в Японии этот район именуется Номонхан) основное внимание обычно уделяется военным целям этой операции. Действительно, планируя очередную вылазку против Советского Союза, командование японской армии рассчитывало проверить действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских вооруженных сил на западном направлении. Японских военных интересовала также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному 12 марта 1936 г. военному союзу с МНР. Тогда советское правительство заявило, что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. Японская «Официальная история» признает: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР»¹⁰.

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо глубже, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Разведка доложила точно

Как уже отмечалось, главная задача Токио состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по японским расчетам, лидер Китая Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна», и лучше мирно уладить японо-китайский конфликт, разумеется, на условиях Токио.

Во-вторых, новый конфликт с СССР рассматривался японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом халхингольских событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»¹¹.

Речь шла о переговорах, касающихся заключения между Японией и Великобританией упомянутого выше «соглашения Арита — Крейги», которое вошло в историю как дальневосточный вариант «мюнхенского сговора». В значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение халхингольских событий до масштабов войны, правительство Великобритании обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае. Заключенное 22 июля 1939 г. в разгар халхингольских событий, это соглашение поощряло Японию на расширение военных действий против СССР.

В-третьих, японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в США Кэнсукэ Хориноути убеждал госсекретаря Корделла Хелла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза.

В результате, хотя 26 июля правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно много оснований полагать, что не последнюю роль при этом сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе. Денонсация торгового договора в этих условиях не нанесла какого-либо ущерба Японии. Более того, занятая США позиция позволила Японии закупить

в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем в 1938-м. Не прекращалась торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

В-четвертых, резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии (Тройственный пакт). Токио упорно добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио Рихард Зорге весной 1939 г. так оценивал ситуацию: «...Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам»¹².

По расчетам японского руководства, начало военных действий между Японией и Советским Союзом должно было подтолкнуть Германию к согласию с позицией Токио. Японское правительство знало о существовавших в Германии «сомнениях относительно способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению “нового порядка” в Азии, внести свой вклад в борьбу как против СССР, так и особенно против США и Великобритании».

В Токио знали и о том, что германское руководство стремится подчинить политику и действия Японии, как более слабого союзника, планам и действиям Германии. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые прямо заявляли, что наиболее важным для доказательства силы и боевой способности японских вооруженных сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании была бы серьезная военная акция против Советского Союза.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разре-

шению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта, главным образом политическими методами. Хотя и продолжала вести военные действия. Японский Генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента»¹³.

Хотя в официальной японской историографии утверждается, что события на Халхин-Голе не были спланированы центральным военно-политическим руководством Японии, а первоначально были не чем иным, как одним из многочисленных пограничных инцидентов, в действительности это не так.

В Москве о готовящейся очередной вооруженной провокации против СССР знали заранее. 3 марта 1939 г. разведывательное управление РККА информировало руководство страны:

«1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе оз. Хасан в июле-августе 1938 г. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе, это вторжение не будет глубоким и японцы постараются быстро уладить этот “инцидент”».

2. В японских военных кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем, по слухам, это выступление может вылиться в войну.

3. По сведениям, требующим проверки, генерал-лейтенант (Кандзи. — А. К.) Исихара в настоящее время совершает объезд пограничных частей и укрепленных районов на маньчжуро-советской границе, где проводит инструктивные совещания с командным составом. Японские военные круги в Шанхае рассматривают эту поездку Исихары как часть плана подготовки к новому нападению на СССР»¹⁴.

Предметный урок японцам комкора Жукова

Непосредственно подготовкой вооруженной провокации занимались командированные в марте 1939 г. в Квантунскую армию из Оперативного управления Генштаба полковник Масао Тэрада и подполковник Такусиро Хаттори. В районе намечавшихся военных действий

была сосредоточена 23-я дивизия, офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной армии». Командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Матитаро Комацубара, ранее бывший военным атташе в Москве, слыл знатоком «психологии красных».

Подготовка к проведению операции была завершена к концу апреля. Оставалось лишь спровоцировать начало боевых действий. И это тоже было продумано. 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Кэнкити Уэда направил командирам пограничных частей «Инструкцию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-Го и СССР». Согласно этой инструкции, командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать Красную армию к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-Го». Документ отменял «все прежние указания»¹⁵. Очевидно, что издать подобную провоцирующую войну с СССР инструкцию командующий Квантунской армии без согласования с центром не мог.

12 мая командир 23-й дивизии Комацубара, лично проведя рекогносцировку и необходимые приготовления, отправил усиленную двумя ротами разведгруппу дивизии под командованием подполковника Адзумы к границе с задачей «отбросить охранные подразделения монгольской армии за реку (Халхин-Гол)». Монгольские пограничные части оказали сопротивление, что было использовано японцами как повод для расширения спровоцированного конфликта до масштабов локальной войны.

19 мая советское правительство заявило Японии протест в связи с грубым нарушением границы союзной МНР и потребовало прекратить военные действия. К границе были направлены советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование продолжало осуществлять план задуманной операции. 28 мая части 23-й японской дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский Генеральный штаб направил командованию Квантунской армии следующую телеграмму: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан (японское название места конфликта. — А. К.)». В тот же день Генеральный штаб отдал распоряжение о включении в состав Квантунской армии 1-го авиационного соединения (180 самолетов) и запро-

сил о дополнительных нуждах армии в увеличении численности войск и военных материалов.

Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая принятия незамедлительных ответственных решений. Хотя анализ ситуации на Дальнем Востоке свидетельствовал о том, что в данный момент японское руководство едва ли было готово развязать большую войну против СССР, но, по данным разведки, Токио направил командованию Квантунской армии новые инструкции, требовавшие «продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буин-Нур (МНР)».

Иосиф Сталин и советское командование оказались перед жизненной необходимостью не допустить вовлечения страны в войну на два отдаленных друг от друга фронта. Советская разведка информировала Кремль о том, что в апреле 1939 г. в Германии началась разработка планов военных действий против Польши — операция «Вайс»¹⁶. Вскоре стало известно и о том, что крайней датой начала Польской кампании определено 1 сентября 1939 г. И хотя точных разведанных о последующих за разгромом Польши намерениях Гитлера не было, нельзя было исключать нападения в том же году и на СССР. Тем более что фюреру было известно о стремлении западных держав, отведя опасность германского нападения от себя, направить немецкую агрессию в сторону общего врага — Советского Союза. Понимал Гитлер и то, что ни Франция, ни Великобритания не стали бы вмешиваться в германо-советскую войну с целью облегчить положение русских. Принимая это во внимание, в Москве сочли необходимым решительно пресечь японские провокации, убедить японское командование в неспособности вести успешную вооруженную борьбу против СССР, тем более в условиях незавершенной войны в Китае.

В то же время Сталину было важно продемонстрировать возросшую мощь Красной армии западным державам — Франции и Великобритании, побудить их к действенному сотрудничеству в противостоянии и обуздании гитлеровской Германии. Ибо затягивание боев на Халхин-Голе против относительно слабой в военно-техническом отношении японской армии могло породить сомнение в способности СССР вести большую войну с значительно превосходившей японскую армией Германии.

В Кремле было принято решение, не допуская перерастания халхингольских событий в войну, преподать японцам чувствительный урок. 1 июня в Москву срочно был вызван заместитель командующего войсками Белорусского военного округа Георгий Жуков. Ему было предложено незамедлительно вылететь в район Халхин-Гола.

Последовавшие события хорошо известны¹⁷. После кровопролитных боев в июне-июле, перейдя в наступление, в августе советские части под командованием комкора Жукова нанесли сокрушительный удар япон-

ским войскам. К 31 августа ликвидация японской группировки вторжения завершилась.

Японская авантюра закончилась полным крахом. По опубликованным советской стороной данным, всего за время боев на Халхин-Голе японцы потеряли более 61 тысячи убитыми, ранеными и пленными. Потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили около 18,5 тысяч человек ранеными и убитыми.

Сталин, рассказывая 28 сентября о халхингольских событиях министру иностранных дел Германии Иоахиму фон Риббентропу, констатировал: «...В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол (Сигэнори) Того прибежал и попросил перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тыс. человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию. После того как уже вывезли пять тыс. трупов, они поняли, что зарвались, и, кажется, от своего замысла отказались»¹⁸.

Военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о подписании советско-германского пакта о ненападении привело японское руководство в сильное замешательство. Резидент советской военной разведки в Японии Зорге следующим образом характеризовал сложившуюся в Токио обстановку:

«Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутривнутриполитический кризис.

Рамзай»¹⁹.

То же сообщал в Москву 24 августа и временный поверенный в делах СССР в Японии Николай Генералов: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность особенно военщину и фашистский лагерь...»²⁰

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта. Немаловажное значение имело и то, что успешные действия советских войск у озера Хасан и в районе Халхин-Гола оказали помощь Китаю в его борьбе с японскими оккупантами. Маршал Фэн Юйсян заявлял от имени китайского правительства советскому полпреду Александру Панюшкину: «Ударами под Хасаном и Халхин-Голом Советский Союз крепко помог китайскому народу».

При всех морально-политических издержках советско-германского договора о ненападении он объективно ослабил Антикоминтерновский пакт, посеяв в Токио серьезные сомнения относительно Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в «оси» Токио — Берлин трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза.

Халхингольское поражение свидетельствовало об авантюристичности и порочности японской политики и стратегии. Было очевидно, что Японии не под силу военное противоборство с СССР. В ее интересах было перейти от конфронтации к установлению мирных отношений, к чему неизменно проявляло политическую волю советское правительство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 552.*

² *Сапожников Б. Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1938). М., 1970. С. 76.*

³ *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Vol. IX. London, 1960. P. 313.*

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. — М.: Кучково поле, 2012. С. 175.

⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1974. С. 72.

⁶ Дайтоа сэно кокан си. Дайхонъэй рикугун бу 2. (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил Императорской ставки. Ч. 2). Токио, 1968. С. 2.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 172–173.

⁸ Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 3. Токио, 1972. С. 108–111.

⁹ Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 74.

¹⁰ Дайтоа сэнсо кокан си... С. 585.

¹¹ Сёва но рэкиси (История периода Сёва). Т. 5. Токио, 1982. С. 200.

¹² Русский архив. Т. 18: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 г.: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е гг. Документы и материалы. М., 1997. С. 156.

¹³ War in Asia and the Pacific 1937–1949. A fifteen volume collection. Vol. 10: Japan and the Soviet Union. New York; London, 1980. P. 105–106.

¹⁴ Русский архив. Т. 18... С. 158.

¹⁵ Симада Т. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 135.

¹⁶ Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 24.

¹⁷ Подробно о военных действиях в период халхингольских событий см.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 2... С. 188–197.

¹⁸ Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 616.

¹⁹ Русский архив. Т. 18... С. 158.

²⁰ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 637.

ПРЕДВОЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ГЛАЗАМИ «КЕМБРИДЖСКОЙ ПЯТЕРКИ»

Михаил Богданов

Среди источников информации, на основе которых советское руководство принимало наиболее ответственные политические решения накануне начала Второй мировой войны, важную роль играли сведения, поступавшие во внешнюю разведку (ИНО НКВД) от закордонной агентуры, и в том числе от разведывательной группы, вошедшей в историю как «Кембриджская пятерка».

Пятерка англичан — выпускников Кембриджского университета, снижавшая славу самой эффективной и результативной агентурной группы, когда-либо работавшей на советскую разведку, была завербована сотрудниками нашей нелегальной резидентуры в Лондоне в 1934–1937 гг. За период с середины 1930-х и до начала 1960-х гг. Ким Филби¹, Дональд Маклин², Гай Берджесс³, Энтони Блант⁴ и Джон Кернкросс⁵ оказали Советскому Союзу колоссальное содействие в противостоянии с врагами и недругами.

О существовании разведгруппы мир узнавал поэтапно в течение почти 30 лет. В 1951 г. стало известно о работе на советскую разведку высокопоставленных дипломатов Форин офис Маклина и Берджесса. Спустя 12 лет, в 1963-м, окончательно подтвердилось, что «третьим» был Филби, ведущий сотрудник британской разведки Секрет Интеллидженс Сервис (СИС, она же МИ-6). В конце 1970-х — начале 1980-х гг. выяснилось, что «четвертым» и «пятым» были Блант и Кернкросс, обладавшие в свое время допуском к секретам огромной важности.

Поиски «скелетов в шкафу» не прекращаются и сейчас. Был ли «шестой», «седьмой», «десятый»? Существовала ли аналогичная группа в Оксфорде? Не исключено, что со временем, по мере рассекречивания архивов нашей разведки, мы услышим новые имена и узнаем о ранее не известных подвигах.

Бойцы невидимого антигитлеровского фронта

Почему молодые англичане, принадлежавшие (за исключением Кернкросса) к высшим кругам британского общества, с такой убежденностью и самоотдачей работали на «сталинскую разведку»?

Первая причина заключалась в их глубокой симпатии к идеям социализма. В Кембридже конца 20-х — начала 30-х гг. прошлого века, как нигде в Англии, атмосфера была наэлектризована левыми идеями. Для значительной части английской студенческой молодежи символами того времени были, с одной стороны, предательство интересов рабочего класса лейбористским правительством премьер-министра Рамсея Макдональда⁶ и разразившийся в США кризис капиталистической системы, а с другой — очевидные успехи молодой советской страны на пути строительства социалистического общества. Многие студенты и преподаватели университета принимали деятельное участие в акциях протеста против антинародного курса правительства, изучали и обсуждали теорию марксизма и практику ее применения в СССР. В левом движении активно участвовали и члены «пятерки», и это в решающей степени сформировало их убеждения на всю жизнь.

Причина вторая и главная — это ненависть к фашизму. Молодые люди, искренне приверженные идеалам гуманизма, во время поездок в Германию и Австрию видели своими глазами зарождение и становление нацизма. Они возмущались тем, как фашистам на первых порах потворствовали правительства Англии и Франции. И сделали для себя однозначный вывод: остановить фашизм способна единственная реальная сила — Советский Союз. Следовательно, их моральный долг заключается в том, чтобы действовать в рядах борцов с фашизмом на стороне СССР.

Советские кураторы от разведки с самого начала нацеливали молодых людей на проникновение в наиболее важные с точки зрения ценности информации объекты — Министерство иностранных дел (Форин офис), СИС (МИ-6), контрразведку МИ-5, руководя их действиями по достижению этих целей. Первым делом Филби, Маклину, Берджессу, а позднее и Бланту с Кернкроссом было приказано «сменить личину». Требовалось отказаться от публичного выражения своих левых взглядов и создать у всех окружающих, включая самых близких друзей, впечатление, что предыдущее увлечение социализмом и марксизмом было не более чем заблуждением, «ошибкой молодости». Отметим, что все пятеро с этим заданием справились превосходно.

Далее у каждого из пятерки антифашистов сложился свой собственный путь в интересующие советскую разведку объекты проникновения.

Ким Филби пошел в журналистику. Затем он вступил в Общество англо-германской дружбы, что позволило завести на редкость полезные связи, начиная с будущего гитлеровского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа (тогда он был послом в Лондоне) и вплоть до знакомства с Йозефом Геббельсом во время поездок в Берлин. Следующим этапом, предоставившим возможность для сбора ценной информации и ставшим трамплином для проникновения в СИС, явилась журналистская работа в охваченной гражданской войной Испании. Сначала он был независимым журналистом, затем военным корреспондентом лондонской «Таймс».

Гай Берджесс в качестве первого шага поступил на работу в Британскую радиовещательную корпорацию (Би-Би-Си), затем поработал личным помощником прогермански настроенного парламентария Джека Макнамары. Попробовав себя на журналистском поприще в «Таймс», Гай вернулся на Би-Би-Си, откуда уже и «был призван» в СИС.

Дональд Маклин практически сразу по окончании Кембриджского университета поступил в британский МИД. С этим ведомством была связана вся его дальнейшая карьера в Англии.

Энтони Блант до начала Второй мировой оставался на преподавательской и научной работе в Кембридже. С началом войны он добровольно предложил свои услуги военной полиции, где был замечен и получил предложение перейти на службу в английскую контрразведку МИ-5.

Джон Кернкросс до своего проникновения в святая святых английских спецслужб — Школу правительственной связи (ШПС), где занимались расшифровкой радиоперехватов, успел поработать в Форин-офисе, Министерстве финансов, а также на не менее интересной должности личного помощника лорда Мориса Хэнки, правой руки Уинстона Черчилля.

Блант, Филби и Кернкросс

В истории оперативной деятельности «Кембриджской пятерки» нередко случалось так, что в отдельные периоды кто-то из «пяти мушкетеров» выдвигался вперед по показателю ценности своей работы для советской разведки. В то же время разведывательные возможности других либо снижались, либо отсутствовали вообще. И это вполне естественно. Трудно представить, чтобы на временном отрезке в десятилетия все протекало ровно.

Если говорить только о периоде в 11 месяцев — с Мюнхенских соглашений, подписанных в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г., до начала Вто-

рой мировой войны, то по причинам, о которых будет сказано ниже, вроде получается, что членами «пятерки» сделано не так уж много (да и то не всеми). Однако представляется более правильным — и справедливым — подход, при котором деятельность «пятерки» и ее вклад, имеющие отношение к развязыванию Второй мировой, охватывает также и годы, непосредственно предшествовавшие Мюнхенскому соглашению. Попробуем эту деятельность проследить.

Начнем с Энтони Бланта. «Характеризуя свою работу за период с 1937 г. до начала войны, могу сказать, что я почти ничего не делал», — так со свойственной ему скромностью сам Блант признавался в письме в Москву в 1943 г.⁷ Отметим, что с этим утверждением можно согласиться только в том случае, если не брать в расчет, что именно в тот первоначальный период сотрудничества с СССР Блантом были выполнены основные его вербовки, включая наводку и первичное изучение Джона Кернкросса.

Ким Филби с середины 1938 г. без связи с московским Центром находился в Испании. Там республиканцы терпели поражение от поддерживаемых немецкими и итальянскими фашистами фалангистов генерала Франсиско Франко. Только в конце лета 1939-го Ким вернулся в Лондон. Но нельзя не оценить по достоинству то, что было сделано им в Испании за все проведенное там время. В 1937 г., действуя в Испании по заданию советской разведки в качестве независимого журналиста, Филби успешно собирал и переправлял через Францию сведения. Они касались военного положения страны, военных планов Франко, вооружений, перемещения войск, а также политическую информацию⁸.

Перед Филби даже хотели поставить задачу лично убить Франко. Ее отменили после того, как лондонскому куратору Кима Теодору Малли удалось убедить руководство советской разведки в том, что, «несмотря на преданность и готовность пожертвовать собой, у него не хватает для этого физической храбрости и прочих данных»⁹.

Возможно также, что за Филби вступился организатор его вербовки в Лондоне Александр Орлов, занимавший в тот момент позицию главного представителя НКВД в Испании¹⁰.

После того, как газета «Таймс» назначила Филби своим военным корреспондентом с аккредитацией при штабе Франко, его разведывательные возможности значительно расширились. «Как бывший член Общества англо-германской дружбы, я был знаком с немецкими дипломатами и офицерами, включая сотрудников внешней разведки, — отмечал в воспоминаниях Ким. — В этом мне здорово помогли рекомендательные письма посольства Германии в Лондоне к немецкому посольству в Саламанке. Сотрудники абвера часто приглашали меня

в свой штаб, причем даже не убирали карт с обозначением расположения своих войск и продолжали за шнапсом обсуждение всех планов и проблем»¹¹. Филби также вспоминал, что благодаря хорошим связям с немцами и плюс своим статьям, выдержанным в благоприятном для франкистского режима ключе, он часто бывал в МИД Испании, имел пропуски во все районы страны. Все это помогло ему со временем «установить точное расположение всех военных группировок до батальона включительно»¹². В конечном счете эти данные попадали в руки Орлова. А он передавал их республиканскому правительству.

Встречи Филби со своим старым знакомцем и бывшим руководителем регулярно проводились на территории Франции вплоть до середины 1938 г.

Осенью 1936-го Кернкросс был принят на службу в английский МИД, где проработал до конца 1938 г. Был завербован в апреле 1937-го. Его готовили на замену Дональду Маклину, получившему в сентябре 1938-го назначение в британскую дипломатическую миссию в Париже. Однако обстоятельства сложились так, что, не сумев в течение двух лет найти свое место в дипломатическом ведомстве (а он поработал в ряде отделов МИДа: Американском, Лиги наций, Западном и Центральном), в конце 1938 г. Джон был переведен из Форин офиса в Министерство финансов.

Хотя на новом месте разведывательные возможности Кернкросса значительно сузились, он сумел передать советской разведке ряд интересующих ее документов.

Вездесущий Дональд Маклин

К работе в Форин офис Дональд Маклин приступил еще в октябре 1935 г. С начала 1936-го от него хлынул такой поток совершенно секретной документальной информации, что ее с огромным трудом удавалось «переварить» сотрудникам лондонской резидентуры. Пришлось просить Центр срочно прислать дополнительного оперативного работника¹³.

24 мая 1936 г. резидент советской внешней разведки в Лондоне Теодор Малли сообщил в Москву Александру Орлову: «Пришел вечером "Вайзе" [первый оперативный псевдоним Маклина. — *Примеч. авт.*], принес огромную пачку докладов...»¹⁴

Когда пленки с полученными от Маклина документами Форин офиса проявили в Москве, Орлов был потрясен их ценностью. Причина его радости раскрывается в записке, направленной им руководителю внешней разведки в ту пору Абраму Слуцкому, в которой он резюмирует самую важную информацию, поступившую в Центр от Маклина. Орлов, в частности, приводит выдержку из доклада Министерства иностранных

дел «о состоянии германских военных заводов с точными цифровыми данными о выпуске вооружений по каждому заводу в отдельности» и еще одну, где описываются «мобилизационные планы разных стран: Германии, Италии, Франции и Советского Союза».

От Маклина также был получен доклад «Комитета снабжения армии» об организации английской промышленности для целей войны до и после ее возникновения, об обеспечении государственных арсеналов и заводов и о приспособлении частной промышленности и транспортных компаний к наиболее безболезненному переходу страны на военное положение. В приложении к нему содержался сверхсекретный доклад Британского имперского комитета обороны о подготовке, необходимой для ведения войны на Дальнем Востоке, а также «директива о пересмотре и переработке планов ведения войны в Европе [против Германии] в пятилетний период [с 1934 по 1939 год]». Еще одно приложение содержало подробный план обеспечения британской армии на случай войны с Советским Союзом. Маклин передал также все протоколы важного заседания Имперского комитета обороны, на котором присутствовали премьер-министр Стэнли Болдуин, представители вооруженных сил и начальники штабов¹⁵.

Еще одним документом, который Орлов выбрал, чтобы привлечь внимание руководства ИНО НКВД к молодому перспективному агенту, были записи беседы британского посла в Берлине с Гитлером по вопросу о воздушном пакте и обмене техническими данными о состоянии воздушных сил между Великобританией, Германией и Францией. «Гитлер заявил, что он согласен на взаимный обмен этими данными с Англией», — говорилось в британском докладе, но был непреклонен в нежелании обмениваться информацией с французами. Как заявил фюрер, «если материалы будут доверены Франции, они немедленно попадут в руки архиврага — Советского Союза»¹⁶.

Огромный интерес для руководства НКВД представлял тот факт, что Маклин начал снабжать их некоторыми из наиболее тщательно охраняемых секретов, касающихся британских операций по дешифрованию. Из так называемых «синих папок», которые должны были надежно запираться в сейфе начальника отдела (но не всегда запирались!), Маклин сумел извлечь подтверждение того, что англичанам не удалось добиться никаких успехов в раскрытии советской системы шифрования. Он подробно сообщал Москве, как продвигаются дела у сотрудников группы, призванной расшифровать сообщения Советского Союза и других стран (включая, кстати говоря, и США). Несмотря на постоянные заявления англичан о том, что их дешифровальщики якобы никогда не пытались читать сообщения дружественных стран в мирное время,

архивы НКВД убедительно доказывают, что это далеко не так. Сведения, полученные от Маклина, подтверждали, что такая деятельность в Министерстве иностранных дел осуществлялась сверхсекретным подразделением спецслужб, занимавшегося перехватом и дешифровкой и известного под названием «Школа правительственной связи» (ШПС — она же Блетчли-парк). Маклин не только информировал московский Центр о том, что англичане читают коминтерновские телеграммы, но и снабжал Москву докладами, подтверждающими, что «синие папки» нередко содержали разведанные, полученные в результате дешифровки американских, немецких и французских дипломатических телеграмм¹⁷.

Маклин стал настолько ценным и продуктивным агентом, что весной 1936 г. лондонская резидентура рекомендовала московскому Центру разработать специальный режим работы с ним. Его куратор, руководитель нелегальной советской резидентуры Теодор Малли¹⁸, стремясь к тому, чтобы поток поступающей от Маклина важной документальной информации передавался в Москву как можно скорее, убеждал Орлова в необходимости создания для него специального канала связи¹⁹. В ответ Москва направила в Лондон агента-связника нелегальной разведки «Джипси» («Цыганочка»). Под этим псевдонимом скрывалась канадка русского происхождения Китти Харрис. Она сняла квартиру специально для того, чтобы Маклин мог приносить туда для фотографирования документы из МИДа, и 4 апреля 1938 г. установила с Дональдом контакт по паролю. Расчет был на то, что встречи двух молодых людей будут выглядеть вполне естественно и не привлекут внимания окружающих.

Однако расчет оказался не до конца верным. Работа по передаче материалом явно улучшилась, но неожиданностью стало то, что между молодыми людьми вспыхнул бурный роман. В результате грубой ошибки «Джипси» в вопросах конспирации возникла опасная ситуация, потенциально угрожающая безопасности агента²⁰. В сентябре 1938-го Маклина в соответствии с принципом ротации кадров перевели на работу в британское посольство в Париже. Также было принято решение отправить вслед за ним во французскую столицу его связную Китти Харрис.

Вполне естественно, что второй секретарь посольства, пусть даже в очень важной стране, имеет более ограниченные информационные возможности, чем сотрудник ключевого отдела центрального аппарата МИДа. И хотя объем информации, поступавшей от Маклина, уменьшился, он оставался ценным источником для советской разведки. Его связная на регулярной основе передавала в резидентуру сведения по Испании, где продолжалась гражданская война, а также информацию о подготовке и последствиях Мюнхенского сговора Германии, Англии, Франции и Италии²¹.

Автору не удалось обнаружить в открытом доступе сведений об объеме материалов, поступивших от Маклина в период с конца 1938 г. и до 1 сентября 1939 г. В архивах НКВД имеются данные о том, что результаты его разведывательной деятельности с момента поступления на службу в МИД в 1935 г. по июнь 1940 г., когда он покинул Францию, занимают 45 коробок. Каждая из них содержит более 300 страниц документации — итого порядка 14 000 листов совершенно секретной информации!²²

Вполне вероятно, что выдающийся вклад Маклина по части добычи для советской разведки сверхважных сведений до сих пор до конца не изучен. Так, исследуя материалы, рассекреченные СВР РФ в 2017 г., автор обнаружил ценные документы — шифртелеграммы, поступившие из британских посольств в ряде европейских стран на имя министра иностранных дел лорда Эдуарда Галифакса, датированные маем-июнем 1938-го и касающиеся подготовки Мюнхенского соглашения. К сожалению, их источник не указан. Тем не менее весьма похоже на то, что эти важнейшие сообщения могли поступить именно от Маклина в период, непосредственно предшествующий его отъезду на работу в посольство Великобритании в Париже²³.

Многогранный талант Гая Берджесса

Непревзойденным мастером по организации и проведению акций влияния (на языке разведчиков — активных мероприятий) был Берджесс. В качестве ведущего программ Би-Би-Си он проводил целенаправленный подбор спикеров, который осуществлялся таким образом, что в их общем многообразии обязательно присутствовали известные и влиятельные лица, высказывающие мнения в русле, выгодном для внешней политики СССР. У нас, правда, нет пока документальных подтверждений того, что это делалась по указанию советских кураторов агента. Но общая оценка агентурной работы Берджесса свидетельствует о том, что в большинстве случаев он, быстро схватывая, что от него требуется, смело дополнял полученные от кураторов «вводные» своими собственными инициативами, весьма талантливыми и зачастую успешными.

Наиболее интересен в этой связи эпизод с Уинстоном Черчиллем, имевший место в начале октября 1938 г., сразу после подписания Мюнхенских соглашений. Зная о том, что влиятельнейший представитель консервативной партии, находившийся в тот момент в роли заднескамеечника в Палате общин, решительно не согласен с курсом правительства Невилла Чемберлена на умиротворение Гитлера, Берджесс пригласил Черчилля в эфир. В ходе предварительной встречи, состоявшейся в имении Черчилля Чартуэлл, 27-летний агент советской разведки

настолько аргументированно убеждал выдающегося государственного деятеля «употребить все свое красноречие для разрешения создавшегося кризиса», что растроганный Черчилль подарил ему собственноручно подписанную копию своей книги *Arms and the Covenant*²⁴. После ухода Берджесса он бросил своему окружению: «Почему среди молодых английских политиков так мало людей, похожих на Гая Берджесса, — молодых ребят, на суждения которых можно положиться»²⁵.

Увы — передача с участием Черчилля в эфир не вышла. В этой связи отметим, что действия Берджесса по подбору гостей для своих радиосюжетов нередко встречали противодействие со стороны руководства Би-Би-Си, которое, несмотря на свою широко декларируемую независимость, опасалось выступать против курса правительства Чемберлена. Гай считал, что именно в этом заключалась истинная причина срыва эфира с Черчиллем²⁶. После того как в ноябре 1938 г. под давлением канцелярии премьер-министра сорвалась передача еще с одним его гостем, Берджесс по собственной инициативе с Би-Би-Си уволился.

Уже будучи режиссером-постановщиком радиопередач на Би-Би-Си, Берджесс был привлечен к работе на разведку МИ-6 в качестве доверенного информатора. С 1938 г. привлечший его к сотрудничеству офицер МИ-6 Дэвид Футман стал регулярно давать Гаю разведывательные поручения политического характера. Наиболее интересным с точки зрения предмета данной статьи является то обстоятельство, что советский агент Берджесс стал... доверенным лицом и даже курьером британской разведки в вопросе обмена секретными посланиями между английским премьером Чемберленом и французским премьером Эдуардом Даладье. В своих письмах руководители двух стран обговаривали планы умиротворения германских нацистов за счет сдачи им Чехословакии, что имело целью открыть путь к агрессии Гитлера на Восток²⁷. Контактным лицом с французской стороны был некто Эдуард Пфейфер, являвшийся «доверенным человеком» премьер-министра Даладье в его отношениях французскими правыми²⁸. Каждый раз, когда Пфейфер возвращался из Парижа, Берджесс относил письма Даладье к Чемберлену в гостиницу «Сент-Эрмин», где МИ-6 снимала номер для своих нужд. Там послания французского премьера фотографировали, а Гай переводил их для Футмана, подзабывшего французский язык²⁹. Отметим, что память у Гая была отменная, поэтому Москва была самым подробным образом информирована обо всех нюансах выработки британо-французской позиции в канун мюнхенской встречи.

Выдержав испытание в роли доверенного информатора, Берджесс в середине 1938 г. был принят на работу в отдел D МИ-6. Это подразде-

ление фактически занималось дезинформацией и проведением активных мероприятий, направленных на то, чтобы оказывать воздействие на наиболее важные политические события в выгодном для англичан плане. Через некоторое время Берджесса подключили к работе отдела, занимающегося непосредственно Германией, что позволило ему быть в курсе политики Британии и действий МИ-6 на этом направлении. В своих сообщениях в Центр Гай, в частности, писал: «Основная политика — работать с Германией во что бы то ни стало и, в конце концов, против СССР... Главное препятствие — невозможность проводить эту политику в контакте с Гитлером и существующим строем в Германии... Главная цель — не сопротивляться германской экспансии на Восток»³⁰.

Разведывательные возможности Берджесса существенно расширились после того, как, дав расписку о неразглашении государственной тайны, он получил доступ к шифропереписке и сводкам Министерства иностранных дел. Он практически стал связным между Форин-офис, подразделением английской разведки и Министерством информации.

Отчеты Берджесса, хранящиеся в его досье в архивах НКВД, свидетельствуют о том, что он самым активным образом участвовал в подготовке антигитлеровских пропагандистских радиопередач под руководством специально созданного для этих целей Объединенного комитета по радиовещанию. Фактически МИ-6 поручила этому якобы независимому комитету вести передачи на Германию с радиостанций Люксембурга и Лихтенштейна. Осуществляя контроль за подготовкой передач, Берджесс узнал и первым сообщил в Москву, что Англия не намерена заключать пакт об обороне с Советским Союзом. Как следует из его оперативного досье (под псевдонимом «Мэдхен»), 3 августа 1939 г. Берджесс сообщил, что британские начальники штабов твердо убеждены: войну с Германией можно выиграть без труда, и поэтому британскому правительству нет необходимости заключать пакт об обороне с Советским Союзом³¹. «Во всех правительственных департаментах и во всех разговорах с теми, кто видел документы о переговорах [между британским правительством и Советским Союзом], высказывается мнение, что мы никогда не думали заключить серьезный военный пакт, — рассказывал Берджесс своему куратору из НКВД. — Канцелярия премьер-министра открыто заявляет, что они думали, что смогут уйти от русского пакта»³².

Такая информация, поступающая в Кремль изнутри английской разведки от достойного доверия агента, могла лишь усилить уверенность Иосифа Сталина в том, что британское и французское правительства

не имеют серьезной заинтересованности в соглашении. Вполне логично предположить в этой связи, что данный фактор во многом способствовал принятию советским руководством решения о заключении советско-германского договора о ненападении.

Накануне Второй мировой и после ее начала в сентябре 1939 г. Берджесс продолжал направлять в Москву поток полезной развединформации. Его сообщения имели широкий диапазон: от подробностей разработанного в недрах МИ-6 плана убийства Гитлера до попыток организации через лейбористскую партию забастовки шведских шахтеров с целью лишить Германию поставок угля. До начала 1940 г. Берджесс выступал в качестве консультанта руководителя отдела D Лоуренса Гранда на внештатной основе, работая одновременно режиссером-постановщиком программ Би-Би-Си. Он служил связующим звеном с Министерством информации, пока не ушел из радиокорпорации.

Все пятеро «кембриджских мушкетеров» выстояли в те нелегкие времена. Каждый из них в последующие годы совершил свои главные подвиги в деле борьбы с фашизмом и содействия обеспечению безопасности Советского Союза.

Итоги работы

Вклад «Кембриджской пятерки» в обеспечение советского руководства ценной разведывательной информацией, несомненно, мог быть намного весомее. Однако как раз в самый ответственный период лондонская резидентура, как, впрочем, и все остальные загранпредставительства ИНО НКВД, была серьезно ослаблена репрессиями. Опытные сотрудники руководящего уровня отзывались один за другим. Летом 1937 г. был отозван в Москву и по ложному навету расстрелян руководитель «легальной» резидентуры Адольф Чапский. Спустя год такая же судьба постигла замечательного руководителя «пятерки», резидента-нелегала Теодора Малли. В ноябре 1938-го был отозван в Москву и осужден на пять лет лагерей «за связь с троцкистами» резидент НКВД в Лондоне Григорий Грапфен. В результате, с осени 1938-го по март 1940 г. в английской столице оставался только один «легальный» оперативный работник — помощник резидента Анатолий Горский. Ему пришлось разрываться между 14 ценными агентами, включая «Кембриджскую пятерку». Кроме того, он выполнял обязанности переводчика, аналитика, шифровальщика, машинистки, фотографа и т. д. Наконец, в начале 1940 г. по указанию Лаврентия Берии лондонская резидентура НКВД была полностью ликвидирована как не вызывающая политиче-

ского доверия. Горского отозвали в Москву. Агентурная сеть была брошена на произвол судьбы³³.

В связи с вышеизложенным обратим внимание на существующую в западной историографии тенденцию объяснять действия советского руководства накануне войны (и прежде всего заключение так называемого «пакта Молотова — Риббентропа») тем обстоятельством, что в результате уничтожения лучших кадров разведки Советский Союз лишился источников достоверной информации об истинном раскладе сил в предвоенной Европе и потерял ориентиры для «правильной» внешней политики.

Выражая эту тенденцию, переметнувшийся к англичанам бывший офицер советской разведки Олег Гордиевский и британский историк разведки Кристофер Эндрю в книге «КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева» утверждают: «Сталин, Берия и, почти наверняка, Политбюро в целом считали Мюнхенские соглашения составной частью заговора западных держав, направленного на то, чтобы заставить Гитлера повернуть на Восток и, оставив в покое Великобританию и Францию, сконцентрироваться на агрессии против Советского Союза. Эта “заговорщическая” теория стала впоследствии одним из постулатов ортодоксальной советской исторической науки... На самом деле, хотя недостатка в государственных деятелях Запада, которых бы вполне устроило столкновение двух диктаторов, не было, не существовало никакого англо-французского заговора с целью подталкивания Германии к нападению на Советский Союз. Сталин был склонен верить в англо-французский заговор не только в силу своей личной склонности к теории “заговоров”, но и в силу получаемой им разведывательной информации. Новое поколение аппаратчиков, которое пришло на смену репрессированным глобально мыслящим агентам ИНО, в большинстве случаев не имело достаточно опыта поведения в совершенно другом мире и старалось сделать себе карьеру, демонстрируя способность обнаруживать и ликвидировать воображаемые контрреволюционные заговоры»³⁴.

Нельзя не согласиться с тем, что в результате сталинских чисток большую часть элитных кадров разведки наша страна потеряла. Однако то, что было посеяно великолепными профессионалами в предыдущие годы, дало всходы и принесло плоды именно в нужный момент. Даже свидетельств, приведенных в статье, вполне достаточно для того, чтобы сделать обоснованный вывод: у советского руководства *была* исчерпывающая, надежнейшая информация об истинных интересах Англии и Франции. Они заключались в том, чтобы канализировать агрессию Гитлера на восток, в направлении СССР.

Соответственно, выстраивалась и внешняя политика нашей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гарольд Адриан Рассел (Ким) Филби* (1912—1988). Окончив Кембридж в 1933 г., он отправился в Австрию, где принял активное участие в акциях сопротивления фашизму. Возвратившись в Лондон, летом 1934 г. принял предложение советской разведки присоединиться к бойцам невидимого антигитлеровского фронта. По заданию советской разведки отправился на гражданскую войну в Испанию в качестве журналиста, освещающего боевые действия со стороны испанских фашистов. Создав себе репутацию «ультраправого», Филби в 1940 г. попал в СИС, где стремительно продвигался по служебной лестнице — вплоть до должности официального представителя СИС в Вашингтоне по координации действий с ЦРУ и ФБР. Использовал занимаемые посты для передачи в Москву важнейшей информации. За военно-стратегические и технические сведения о подготовке немцев к танковой битве на Курской дуге Филби был удостоен ордена Красного Знамени. В 1951 г. после вынужденного вывода в СССР Маклина и Берджесса оказался «под колпаком» англо-американских спецслужб. Стойко выдержав четыре года допросов, ни в чем не признавшись, он был в ноябре 1955-го официально реабилитирован. Уехал на журналистскую работу в Бейрут, где продолжил добывать для советской разведки ценную информацию. В начале 1963 г. объем изобличающих его улик, полученных от предателей и в результате кропотливых расследований спецслужб, достиг критической массы. Филби был вынужден выехать из Бейрута в СССР. В Советском Союзе он выступал в роли консультанта и аналитика в вопросах, касающихся организации противодействия западным спецслужбам.

² *Дональд Дюарт Маклин* (1913—1983). В 1935 г. был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой по наводке Кима Филби. К 1938 г. Маклин уже занимал в британском МИДе ответственный пост, обеспечивавший ему доступ к важным для советской разведки материалам. В 1945—1947 гг. внес большой вклад в обеспечение безопасности СССР. Маклина, являвшегося 1-м секретарем английского посольства в США, назначили содиректором комитета, координирующего деятельность по созданию атомной бомбы между США и Великобританией. Только после отъезда Маклина из Вашингтона американцы, расследуя утечки сведений из «ядерного проекта», вышли на его след. Узнавший об этом по долгу службы Филби с помощью Берджесса сделал все возможное, чтобы спасти жизнь и свободу Маклину. 25 мая 1951 г. Дональд и Гай бежали из Англии в СССР, где Маклин занимался научной деятельностью, работая в Институте мировой экономики и международных отношений.

³ *Гай Фрэнсис Де Монси Берджесс* (1911—1963). К сотрудничеству с советской разведкой пришел в 1935 г. вслед за своими друзьями по Кембриджу Филби и Маклином. Он был на редкость инициативным агентом, лучшим в «пятерке» вербовщиком. Берджесс начал карьеру журналистом Би-Би-Си. Оттуда ему первому из «пятерки» удалось проникнуть в СИС. Закрепившись в британской разведке, он содействовал приходу туда Кима Филби. За годы работы Гая в радиокорпорации он наладил тесное сотрудничество с контрразведкой МИ-5. Собрал подробную информацию о немецкой и английской агентуре, осуществил целый ряд вербовок, неоднократно выступал в роли связника. Под конец войны Берджесс переместился в Форин офис и вскоре добился там таких результатов, что Центр считал его самым продуктивным источником лондонской резидентуры. Через него Москва была в курсе всех переговоров в мире с участием англичан, даже если советскую делегацию на них не приглашали. Затем был выезд на работу в британское посольство в США в 1950 г. Весной 1951-го, окончательно убедившись в том, что Маклина «вычислили», Филби и Берджесс разыграли хитроумную комбинацию по выводу соратника в СССР. Вместе с ним остался в нашей стране и Гай.

⁴ *Энтони Фредерик Блант* (1907–1983). Выдающийся ученый-искусствовед, приходившийся дальним родственником английской королеве Елизавете II. В 1937-м он согласился на сотрудничество с советской разведкой в интересах борьбы с фашизмом. С началом Второй мировой войны добровольно записался в английскую военную полицию, откуда был переведен в контрразведку МИ-5. Это позволяло ему в течение всей войны передавать в Москву важнейшую информацию контрразведывательного характера. В 1945-м Блант получил приглашение короля Георга VI стать хранителем королевской коллекции картин. После исчезновения Маклина и Берджесса, а затем и Филби, Бланта дважды подвергали допросам. В обмен на иммунитет от судебного преследования он признался в работе на СССР. Однако в 1979-м премьер-министр Маргарет Тэтчер частично нарушила договоренность об иммунитете, объявив в парламенте о сотрудничестве Бланта с советской разведкой. Энтони лишили всех постов и наград. Он сам отказался от рыцарского звания. Последние годы жизни занимался исследованиями европейского искусства.

⁵ *Джон Кернкросс* (1913–1995). Сын лавочника из Глазго, Кернкросс попал в Кембридж исключительно благодаря своим способностям и упорному труду. Джона заметил и подтолкнул к сотрудничеству с советской разведкой его «тьютор» (персональный наставник) Энтони Блант. Работая личным секретарем «правой руки» Черчилля лорда Мориса Хэнки, Кернкросс имел доступ ко всем материалам, которые докладывались британскому премьеру. Крупной удачей отечественной разведки было проникновение Джона в сверхсекретную Школу правительственной связи (ШПС), где шла работа по расшифровке немецких военных радиосообщений. Именно он передал попавшие к англичанам технико-технические данные о броне нового немецкого танка «Тигр», а накануне Курской битвы — военно-стратегическую информацию, способствовавшую нашей победе. «Под колпак» контрразведки Джон попал в 1951-м, когда при обыске в квартире Берджесса были обнаружены документы военных времен, написанные почерком Кернкросса. Он никого не выдал — ни Филби (проработавшего еще 12 лет), ни Бланта, ни своих советских «кураторов». Его уволили с госслужбы. Свои последние годы Кернкросс провел во Франции.

⁶ *Джеймс Рамсей Макдональд* (1866–1937) — один из основателей и лидеров Лейбористской партии. Занимал пост премьер-министра Великобритании в 1929–1931 и 1931–1935 гг. В годы Великой депрессии (1931–1935) сформировал коалиционное правительство, отдав консерваторам большинство мест в кабинете, за что был исключен из Лейбористской партии.

⁷ Автобиографические заметки 1943 г. в деле Бланта // Архив стратегической внешней разведки Российской Федерации (далее — Архив СВР РФ). Д. 83895. Т. 1. Л. 231–238.

⁸ *Царев О. И., Костелло Дж.* Роковые иллюзии. М., 1995. С. 186.

⁹ Оперативное письмо Т. Малли — Центру, 24 мая 1937 г. в деле Филби // Архив СВР РФ. Д. 5581. Т. 1. Л. 45.

¹⁰ *Александр Михайлович Орлов* (наст. имя и фамилия Лев Лазаревич Фельдбин; 1895–1973) — советский разведчик, майор госбезопасности. Руководитель нелегальных резидентур в ряде стран Западной Европы (1933–1937), резидент НКВД и советник республиканского правительства по безопасности в Испании (1937–1938). Именно Орлову принадлежала идея поиска перспективной агентуры в престижных университетах. Большинство практических шагов по вербовке членов «Кембриджской группы» осуществлялось под его руководством и зачастую при непосредственном участии. Тесные оперативные контакты поддерживал Орлов с Филби и в Испании. Отношение к Орлову в нашей стране неоднозначное, поскольку в 1938 г. он скрылся от сталинских репрессий в США, и его,

естественно, записали в предатели. Тем не менее никто из советских разведчиков или агентов из-за него не пострадал. Не «сдал» он и своих «воспитанников» из Кембриджа.

¹¹ Царев О. И., Костелло Дж. Указ. соч. С. 191.

¹² Там же. С. 193.

¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ Там же. С. 224.

¹⁵ Записка А. Орлова А. Слуцкому в деле Маклина // Архив СВР РФ. Д. 837916. Т. 1. Л. 75–82.

¹⁶ Сообщение А. Орлова. Дело Маклина // Архив СВР РФ. Д. 837916, Т. 1. Л. 75–82.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Теодор Степанович Малли* (1894–1938) — уроженец Венгрии, бывший католический священник, ставший советским разведчиком и майором госбезопасности. В середине 1930-х гг. — руководитель лондонской нелегальной резидентуры. Наиболее известен тем, что совместно с Арнольдом Дейчем (входил его группу с апреля 1936 г.) привлек к сотрудничеству студентов Кембриджского университета, включая Филби. Расстрелян в ходе сталинских репрессий в 1938 г. В 1956 г. реабилитирован посмертно.

¹⁹ Царев О. И., Костелло Дж. Указ. соч. С. 228.

²⁰ Китти Харрис имела неосторожность раскрыть Маклину псевдоним, под которым передавались его сообщения в Москву — «Лирик». Руководители с Лубянки узнали об этом после того, как Маклин подписался этим псевдонимом под одним из своих собственноручно написанных писем в Центр. В ходе последовавшего расследования Харрис откровенно признала свою оплошность, совершенную неумышленно.

²¹ Цит. по: Антонов В. С. Кембриджская пятерка. М., 2018. С. 153.

²² Царев О. И., Костелло Дж. Указ. соч. С. 246.

²³ Речь идет о переписке министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса с британскими послами в СССР, Польше, Болгарии, Греции и Югославии. Материалы Архива СВР РФ, рассекреченные в 2017 г. // Архив СВР РФ. Диск 1. Папка 7. С. 655–689.

²⁴ *Driberg T. Guy Burgess: A Portrait with Background.* London, 1956. Pp. 43–46.

²⁵ Цит. по: Долгополов Н. М. Ким Филби. М., 2012. С. 118.

²⁶ *Lownie A. Stalin's Englishman: The Lives of Guy Burgess.* London, 2016. P. 96.

²⁷ См. подробнее: Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М., 2018.

²⁸ Царев О. И., Костелло Дж. Указ. соч. С. 261.

²⁹ Там же. С. 269.

³⁰ Антонов В. С. Указ. соч. С. 111–112.

³¹ Царев О. И., Костелло Дж. Указ. соч. С. 275–276.

³² Письмо Берджесса от 28 августа 1939 г. в деле Берджесса // Архив СВР РФ. Д. 83792. Т. 1. Л. 281.

³³ Антонов В. С. Указ. соч. С. 48–49.

³⁴ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 259–260.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ГЕРМАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1939 г.

Михаил Мельтюхов

Мюнхенское соглашение, изменив равновесие сил в Европе в пользу Германии, чрезвычайно усложнило международную обстановку и обострило существующие противоречия и борьбу великих держав за свои интересы. Англо-германская, а затем и франко-германская декларации о ненападении свидетельствовали об усилении тенденции создания временного единого фронта европейских империалистических держав. Перед советским руководством вновь встал призрак возрождения «Пакта четырех». Главной задачей внешней политики Москвы стало недопущение консолидации великих держав Европы без своего участия. Для ее решения Советский Союз должен был, во-первых, постараться улучшить отношения с непосредственными западными соседями, а во-вторых, тщательно отслеживать взаимоотношения Англии, Франции, Германии и Италии, чтобы использовать имеющиеся между ними противоречия в своих интересах. Осенью 1938 г. активность внешней политики Москвы снизилась. Советское руководство было вынуждено выжидать дальнейшего развития событий в Европе.

Продолжая политику балансирования между Западом и Востоком, германское руководство с конца 1938 г. стало постепенно добиваться нормализации отношений с Советским Союзом. 19 декабря без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. 22 декабря Берлин предложил Москве возобновить переговоры о 200-миллионном кредите, намекнув на необходимость общей нормализации отношений. Опасаясь германо-польского сближения в результате визита министра иностранных дел Польши Юзефа Бека в Германию, советская сторона 11 января 1939 г. согласилась начать эконо-

номические переговоры. Со своей стороны, стремясь подтолкнуть Варшаву к соглашению, Адольф Гитлер 12 января несколько минут побеседовал на дипломатическом приеме с советским полпредом, что стало сенсацией в дипломатических кругах. Тем самым Германия пыталась намеками на возможность дальнейшего развития контактов с СССР вынудить Англию, Францию и Польшу к уступкам.

Подписав соглашение с Англией о поставках угля, Германия 20 января уведомила СССР о том, что в Москву 30 января прибудет германский представитель для ведения экономических переговоров. Стремясь поднять значение Советского Союза в Европе, советская сторона 27 января инициировала проникновение сведений об этом в английскую печать. Опасаясь ухудшения отношений с Англией и Польшей, Германия 28 января заявила о переносе срока переговоров. Естественно, Москва осталась недовольна тем, что Германия оглядывается на Англию и Францию, поскольку это подтверждало возможность возрождения «Пакта четырех». Правда, переговоры окончательно прерваны не были и вяло продолжались в последующие месяцы¹.

Уточнение тактики советской дипломатии, начавшееся с осени 1938 г., нашло свое выражение на страницах журнала «Большевик», где была опубликована статья В. Гальянова «Международная обстановка второй империалистической войны». Под этим псевдонимом скрывался заместитель наркома иностранных дел СССР Владимир Потемкин. Статья дает общее представление о внешнеполитической доктрине Советского Союза, которая исходила из того, что Вторая мировая война уже началась, поскольку во второй половине 1930-х гг. был предпринят ряд военных акций, изменивших обстановку в мире. Эти события разделили главные капиталистические державы на агрессоров (Германия, Италия, Япония) и тех, кто попустительствует агрессии (Англия, Франция, США). Хотя это попустительство наносит ущерб интересам западных держав, оно является политикой, направленной на столкновение агрессоров и Советского Союза, который представляет собой оплот революции и социального прогресса. Англия и Франция идут на уступки Германии и Италии, поскольку опасаются краха фашистских режимов, на смену которым может прийти большевизм.

Анализируя международную ситуацию, автор показывал слабость и конфликтность германо-итало-японского блока, экспансия которого идет по пути наименьшего сопротивления. Поэтому в первую очередь агрессоры угрожают интересам Англии, Франции и США, но не спешат портить отношения с СССР, хотя и ведут антисоветскую пропаганду. Германия будет и далее проводить политику шантажа и угроз, объектом которой на этот раз, скорее всего, станет Франция, сделавшая все,

чтобы ослабить советско-французский договор 1935 г. Степень верности капиталистических стран своим обязательствам была продемонстрирована летом 1938 г., когда только Советский Союз был готов оказать помощь Чехословакии. По мере нарастания кризиса капитализма происходит усиление СССР, на стороне которого находятся симпатии всего прогрессивного человечества. Как отмечал автор, «фронт второй империалистической войны все расширяется. В него втягиваются один народ за другим. Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию». «Конец этой второй войны ознаменуется окончательным разгромом старого, капиталистического мира», когда «между двумя жерновами — Советским Союзом, грозно поднявшимся во весь свой исполинский рост, и несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей ему на помощь, — в пыль и прах обращены будут остатки капиталистической системы»².

Схожие идеи прозвучали в выступлении кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и 1-го секретаря Ленинградского обкома и горкома партии Андрея Жданова на Ленинградской партийной конференции 3 марта 1939 г. Напомнив, что СССР является «державой самой сильной, самой независимой», он заявил, что в силу этого фашизм — «это выражение мировой реакции, империалистической буржуазии, агрессивной буржуазии» — угрожает главным образом Англии и Франции. В этих условиях Англии очень хотелось бы, чтобы «Гитлер развязал войну с Советским Союзом». Поэтому она старается столкнуть Германию и СССР, чтобы остаться в стороне, рассчитывая «чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут, и забрать». По мнению Жданова, этот несложный маневр разгадан Москвой, которая будет «копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом»³. Эти материалы важны тем, что они дополняют характеристику международной ситуации, данную секретарем ЦК ВКП(б) Иосифом Сталиным в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта, в котором были сформулированы задачи советской внешней политики в условиях начала новой империалистической войны и стремления Англии, Франции и США направить германо-японскую агрессию против СССР. Советский Союз должен был «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками; всемерно укреплять боевую мощь» своих вооруженных сил и «крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами». Из контекста речи становится ясно, что «поджигате-

лями» войны являются Англия, Франция и США, проводящие политику невмешательства⁴.

В ходе начавшихся в феврале 1939 г. экономических переговоров Лондона и Берлина 15 марта в Дюссельдорфе было подписано соглашение, которое давало возможность изменить картельную структуру мира в пользу англо-германских монополий, а отказ США присоединиться к нему мог вызвать совместные ответные действия Англии и Германии. 11 марта Франция также предложила Германии заключить обширное экономическое соглашение⁵.

В середине марта 1939 г. Англия, Франция, США и СССР располагали сведениями о подготовке Германии к оккупации Чехо-Словакии, но державы-участники Мюнхенского соглашения не предусматривали никаких мер противодействия⁶. 14 марта Словакия под давлением Берлина провозгласила независимость, а 15 марта германские войска вступили в Чехию, на территории которой был создан Протекторат Богемия и Моравия. Первоначально реакция Англии и Франции была довольно сдержанной, но по мере возбуждения общественного мнения они ужесточили свою позицию и 18 марта, как и СССР, выразили протест действиями Германии, из Берлина были отозваны «для консультаций» английский и французский послы. США также не признали аннексии и заморозили чехословацкие активы в своих банках. То же формально сделала и Англия, но чехословацкое золото было тайно возвращено в Прагу⁷.

Слухи об угрозе германского нападения на Румынию дали Англии повод 18 марта запросить Советский Союз, Польшу, Грецию, Югославию и Турцию об их действиях в случае германского удара по Румынии. В свою очередь эти страны запросили Лондон о его намерениях, а Москва предложила созвать для обсуждения ситуации конференцию с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции. 21 марта Англия выдвинула контрпредложение о подписании англо-франко-советско-польской декларации о консультациях в случае агрессии. Обсуждение этого предложения Лондона выявило, что Польша не хочет подписывать документ, если под ним будет стоять подпись советского представителя. В свою очередь Москва, опасаясь толкнуть Варшаву в объятия Берлина, не собиралась подписывать этот документ без участия Польши. В итоге к концу марта 1939 г. вопрос о декларации отпал⁸.

Тем временем 22 марта был подписан германо-литовский договор о передаче Мемеля (Клайпеды) Германии и ненападении⁹. 23 марта были подписаны германо-словацкий договор о гарантии и охране и германо-румынское экономическое соглашение, значительно укрепившие влияние Берлина в Центральной и Юго-Восточной Европе¹⁰. Еще в октябре 1938 г. Германия предложила Польше согласиться с включе-

нием Данцига в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог через «польский коридор» и вступить в Антикоминтерновский пакт. Со своей стороны Берлин был готов продлить на 25 лет соглашение 1934 г. и гарантировать существующие германо-польские границы.

Однако продолжавшиеся германо-польские переговоры по этому вопросу все очевиднее заходили в тупик. Не желая быть младшим партнером Третьего рейха, Варшава 26 марта окончательно отказалась принять германское предложение о территориальном урегулировании, а 28 марта заявила, что изменение статус-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу. В этих условиях германское руководство стало склоняться к военному решению польского вопроса. 28 марта СССР заявил о своих интересах в Эстонии и Латвии. Пытаясь не допустить перехода Польши в лагерь Германии, добиться ее согласия на гарантию границ Румынии и сдержать германскую экспансию, Англия 31 марта пошла на односторонние гарантии независимости Польши. При этом Лондон не отказался от содействия германо-польскому урегулированию, а вот Польша все же отказалась дать гарантии границ Румынии, полагая, что западная поддержка позволит и дальше лавировать между Берлином и Москвой¹¹.

1 апреля Берлин пригрозил расторгнуть англо-германское военноморское соглашение 1935 г., если Лондон не прекратит политику «окружения Германии». В тот же день СССР уведомил Англию, что поскольку вопрос о декларации отпал, «мы считаем себя свободными от всяких обязательств». На вопрос, намерена ли Москва впредь помогать жертвам агрессии, был дан ответ, «что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»¹². Контакты с польским послом в Москве 1–2 апреля вновь показали советской стороне, что Польша не готова к антигерманскому сотрудничеству¹³.

4 апреля было опубликовано сообщение ТАСС, в котором указывалось, что вопреки заявлениям французских газет Советский Союз не брал на себя обязательств «в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии»¹⁴. В тот же день, ориентируя советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов отметил, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»¹⁵. Одновременно советская сторона предложила Польше заранее договориться о советской помощи¹⁶.

4–6 апреля в ходе англо-польских переговоров стороны дали друг другу взаимные гарантии независимости, а также «было достигнуто

согласие, что вышеупомянутая договоренность не помешает ни одному из правительств заключать соглашение с другими странами в общих интересах укрепления мира»¹⁷. Польское руководство было уверено, что нормализация советско-германских отношений невозможна, и надеялось, что англо-польское сближение укрепит франко-польский союз и заставит Германию нормализовать отношения с Англией и Польшей. Однако, по мнению Берлина, сближение Варшавы с Лондоном свидетельствовало о нарастании неуступчивости Польши и требовало именно военного решения этой проблемы. Двойная игра Англии и Франции в отношении Германии также убеждала германское руководство в незначительном риске в случае войны с Польшей¹⁸. 5 апреля Германия усилила дипломатическое давление на Польшу. Одновременно в соответствии с утвержденной Гитлером 11 апреля «Директивой о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.» началось конкретное военное планирование. Теперь Германия была озабочена локализацией будущего конфликта и 11 апреля зондировала Советский Союз на предмет улучшения отношений, но советская сторона предпочла занять выжидательную позицию.

В тот же день Англия запросила СССР, чем он может помочь, в случае необходимости, Румынии. 11 апреля в письме советскому полпреду во Франции Литвинов отметил, что Лондон и Париж стремятся получить от Москвы одностороннее обязательство защищать Польшу и Румынию, полагая, что поддержка этих стран отвечает советским интересам. «Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?» Нарком выразил озабоченность английскими гарантиями Польше, которые могли в определенных условиях принять антисоветскую направленность¹⁹.

13 апреля Франция подтвердила франко-польский союзный договор 1921 г., а 14 апреля предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и Румынию на основе советско-французского договора о взаимопомощи 1935 г. Одновременно Париж приглашал Москву внести собственное предложение о сотрудничестве. В тот же день Англия предложила Советскому Союзу заявить о поддержке своих западных соседей в случае нападения на них. 17 апреля Москва предложила Лондону и Парижу заключить договор о взаимопомощи и выразила дипломатический протест Берлину, который после оккупации Чехии стал препятствовать выполнению советских военных заказов чешскими предприятиями. При этом стороны прозондировали намерения друг друга. В тот же день Польша

и Румыния подтвердили, что их союзный договор направлен только против СССР²⁰.

18 апреля польская сторона довела до сведения Германии, что она «может быть уверена, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России». Тем самым Польша вновь доказывала, что «она является европейским барьером против большевизма» и окажет влияние на Англию, чтобы та не пошла на соглашение с Советским Союзом без учета интересов Варшавы²¹. 22 апреля польская сторона сообщила Москве, что она отклонила германские предложения, «ни в коем случае не допустит влияния Германии» на свою внешнюю политику и, как и СССР, заинтересована в независимости стран Прибалтики²².

25 апреля Париж предложил Москве взять на себя обязательство помочь Англии и Франции в случае их вступления в войну и обеспечить тем самым себе англо-французскую поддержку. 29 апреля Париж уточнил свое предложение в том смысле, что в случае вступления Англии, Франции или Советского Союза в войну с Германией они обязуются помогать друг другу²³. Тем временем 26 апреля Лондон неофициально уведомил Берлин, что советское предложение принято не будет²⁴. 28 апреля Германия расторгла англо-германское морское соглашение 1935 г. и договор о ненападении с Польшей 1934 г., заявив при этом о готовности к переговорам о новом соглашении. 30 апреля германская сторона неофициально информировала Францию, что либо Лондон и Париж убедят Польшу пойти на компромисс, либо Берлин будет вынужден наладить отношения с Москвой²⁵.

Естественно, советское руководство тщательно отслеживало развитие событий на международной арене и, в частности, позицию Варшавы. Так же как и Англия, СССР старался избегать всего, что могло бы толкнуть Польшу на уступки Германии. Вместе с тем Москва негативно оценивала нежелание Варшавы взаимодействовать с Советским Союзом в коллективных действиях против агрессии и антисоветскую направленность польско-румынского союзного договора. Однако Польша вновь подтвердила Румынии, что ее принципиальное отношение к Советскому Союзу не изменилось²⁶. Конечно, основное внимание Москва уделяла начавшимся в середине апреля 1939 г. переговорам с Англией и Францией относительно договора о взаимопомощи и контактах с Германией²⁷, играя на противоречиях которых можно было обеспечить свои интересы.

3 мая, когда стало ясно, что Англия и Франция не приняли советское предложение, вместо Литвинова народным комиссаром иностранных дел был назначен Вячеслав Молотов, по совместительству оставшийся

главой СНК СССР²⁸. Отставка Литвинова была положительно воспринята не только в Берлине, но и в Варшаве. Уже 5 мая Германия заявила об удовлетворении требований Советского Союза относительно возобновления поставок из Чехии. В тот же день, выступая в Сейме, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек заявил о готовности к равноправным переговорам с Германией, тогда как предыдущие германские предложения содержали «недостаточные компенсации»²⁹. По мнению Берлина, это выступление свидетельствовало, что Польшу не удастся разложить изнутри, как Чехословакию. Вместе с тем до сведения Германии было доведено, что выступление Бека — «это только дипломатическая игра», так как Польша не может согласиться на передачу Данцига Германии, иначе правительство потеряет власть над страной. Более того, англо-французские гарантии вовсе не меняют польскую политику в отношении Германии. «Если бы Польша... вступила в соглашение с Советским Союзом, то тогда и только тогда имелись бы основания для утверждения об изменении внешней политики. Но Польша отказывалась участвовать в такой комбинации в прошлом и продолжает делать это теперь». Просто в данный момент Бек, стараясь удержаться у власти, не мог открыто продолжать политику сотрудничества с Германией³⁰.

8 мая в Москву поступил английский ответ на советское предложение трехстороннего пакта, в котором Советскому Союзу предлагалось помочь Англии и Франции, если они вступят в войну в силу взятых на себя обязательств в отношении Польши и Румынии. По мнению английского руководства, союз с СССР перекрыл бы путь к англо-германской договоренности, что могло привести к войне, а этого Лондон стремился избежать, поэтому английское предложение не содержало упоминаний о помощи Москве. Германское руководство решило активизировать зондажи СССР, но в ходе контактов 9, 15 и 17 мая советская сторона отмечала, что именно от Берлина зависит улучшение двусторонних отношений. Тем временем новые советско-польские контакты 8, 10 и 11 мая показали, что Варшава не собирается сближаться с Москвой и привлекать ее к решению европейских проблем³¹.

11 мая в передовой статье газеты «Известия» анализировались изменения международной ситуации в последние недели. По мнению газеты, остановить агрессию может только союз Англии, Франции и СССР, но эта позиция советского руководства не находит поддержки в Лондоне и Париже, которые не хотят равноправного договора с Москвой. В статье утверждалось, что Советский Союз не имеет пактов о взаимопомощи ни с Англией, ни с Францией (?!), ни с Польшей³². В тот же день в Монголии на р. Халхин-Гол начались столкновения советских и японских войск, продолжавшиеся во все возрастающем масштабе до начала сентя-

бря 1939 г. 14 мая советская сторона вновь предложила своим западным партнерам заключить договор о взаимопомощи с военной конвенцией и дать гарантии малым странам Центральной и Восточной Европы. В тот же день Англия неофициально предложила Германии углубить экономические переговоры³³.

17 мая по разведывательным каналам Москва получила информацию о намерениях Германии разгромить Польшу, если та не примет германские предложения, и «добиться нейтралитета» СССР³⁴. Советское руководство было заинтересовано в ее проверке и в отслеживании позиции Варшавы в отношении Берлина. Со своей стороны СССР вновь напоминал Польше о готовности договориться о размерах советской помощи³⁵. 30 мая Бек заявил, что «следовало бы еще раз сделать попытку разумного компромисса» с Германией³⁶. Советская сторона прекрасно понимала, что Польша ищет соглашения с Германией, которое не выглядело бы «как капитуляция»³⁷, а также и то, что по мере углубления кризиса шансы Советского Союза получить более приемлемые предложения от заинтересованных сторон будут только возрастать.

Тем временем в мае 1939 г. Польша предложила Франции подписать декларацию о том, что «Данциг представляет жизненный интерес для Польши», но Париж уклонился от этого. В ходе переговоров Польши с Францией (14–19 мая) и Англией (23–30 мая) западные страны не скупались на общие обещания помощи Варшаве в случае германского нападения. Однако это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало вообще³⁸. Более того, уже 20–25 мая Лондон предложил Парижу план передачи Данцига Германии. 27 мая Англия просила Польшу в случае обострения ситуации вокруг Данцига не предпринимать никаких действий без консультации с Лондоном и Парижем. 30 мая Варшава ответила согласием, но указала, что возможна ситуация, когда будут необходимы быстрые действия³⁹.

20 мая германская сторона предложила СССР возобновить экономические переговоры, а советская сторона наметнула на необходимость подведения под советско-германские отношения «политической базы», то есть предложила Германии внести конкретные предложения. В тот же день Берлин получил из Лондона сведения о трудностях на англо-франко-советских переговорах, а Франция зондировала Германию на предмет улучшения отношений. Поэтому 21 мая германское руководство решило не торопить события в Москве.

22 мая Германия и Италия подписали «Стальной пакт». 23 мая, выступая перед военными, Гитлер заявил, что для возвращения в число «могущественных государств» следует «при первом же подходящем

случае напасть на Польшу», обеспечив нейтралитет Англии и Франции. 24 мая Англия решила какое-то время поддерживать переговоры с Советским Союзом, и 27 мая Москва получила новые англо-французские предложения, предусматривавшие заключение договора о взаимопомощи на 5 лет, консультации в случае необходимости, но упоминавшие Лигу Наций. Этот шаг Англии, в свою очередь, подтолкнул Германию 30 мая вновь попытаться уточнить в Москве, что означает фраза о «политической базе», но советская сторона предпочла занять позицию выжидания⁴⁰.

31 мая в выступлении Молотова на III сессии Верховного Совета СССР прозвучала критика позиции Англии и Франции, которые на переговорах с Москвой лишь демонстрировали уступки и не хотели дать гарантии странам Прибалтики. Поэтому «пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему развертыванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить прикрытием к развязыванию агрессии в других районах?» Советскому Союзу следовало соблюдать осторожность и не дать втянуть себя в войну. В этих условиях, отметил Молотов, «мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей» с Германией и Италией, не исключено, что германо-советские экономические переговоры могут возобновиться⁴¹. Тем самым Москва стремилась оказать давление как на Англию и Францию, так и на Германию.

2 июня возобновились советско-германские экономические контакты, а Москва вручила Лондону и Парижу новый проект договора. Эстония и Латвия высказались против гарантий их независимости со стороны Англии, Франции и СССР и 7 июня заключили с Германией договоры о ненападении. 6–7 июня Англия и Франция договорились вести переговоры с Советским Союзом методом «круглого стола» в Москве. Одновременно Париж сообщил Москве, что Польша не против англо-франко-советского договора, но «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Германии», и «надеется на расширение торговли с СССР»⁴². 8 июня Москва согласилась на предложение Берлина возобновить экономические переговоры. Советская сторона вновь намекала на необходимость создания «политической базы», ожидая, что Германия сделает конкретное предложение, но Берлин не спешил.

9 июня Варшава уведомила Лондон, что «не может согласиться на упоминание Польши в англо-франко-советском договоре о взаимопомощи. Принцип оказания Советским Союзом помощи государству, подвергшемуся нападению, даже без согласия этого последнего мы счи-

таем в отношении Польши недопустимым, в отношении же прочих государств — опасным нарушением стабилизации и безопасности в Восточной Европе. Установление объема помощи Советов, по нашему мнению, возможно единственно путем переговоров между государством, подвергшимся нападению, и СССР»⁴³. Понятно, что подобные заявления не улучшали советско-польских отношений. Если в ходе советско-польских торговых переговоров в начале 1939 г. Польша не пошла на урегулирование вопроса о транзите и он был отложен на будущее, то теперь советская сторона 9 июня отказалась от его обсуждения⁴⁴.

12 июня Москва уведомила Лондон, что без гарантий странам Прибалтики не пойдет на подписание договора. 13 июня Англия зондировала Германию на предмет переговоров по вопросам свертывания гонки вооружений, экономического соглашения и колоний. 14 июня в Москву прибыл заведующий отделом Центральной Европы МИД Англии Уильям Стрэнг, получивший задание затягивать переговоры, избегая вместе с тем создавать впечатление, что Лондон настроен против соглашения. На следующий день советской стороне был передан новый английский проект, и англо-франко-советские переговоры стали более регулярными. 16 июня СССР вновь предложил Англии и Франции дать гарантии странам Прибалтики или заключить тройственный договор без гарантий третьим странам⁴⁵.

14 июня советский полпред в Берлине в беседе с болгарским послом получил сведения о тех проблемах, которые Германия, вероятно, будет готова обсудить с Москвой. Экономические контакты 17 и 25 июня завершились неудачей, поскольку Берлин посчитал советские требования слишком высокими. 21 июня последовало новое англо-французское предложение СССР, в ответ на которое Москва 22 июня вновь предложила заключить простой трехсторонний договор. 26 июня от итальянских дипломатов советская сторона узнала о наличии «плана Шуленбурга», предполагавшего поэтапное улучшение советско-германских отношений на основе германского содействия нормализации советско-японских отношений, заключения договора о ненападении или гарантии Прибалтики и заключения широкого торгового соглашения. 27 июня Англия опять зондировала Германию на предмет переговоров. 28 июня Берлин вновь заявил о необходимости нормализации советско-германских отношений, но Москва так и не услышала конкретных предложений, поскольку Гитлер запретил торопить события⁴⁶.

29 июня в газете «Правда» появилась статья члена Политбюро ЦК ВКП(б) Андрея Жданова. В ней отмечалось, что англо-франко-советские переговоры «зашли в тупик», поскольку Англия и Франция «не хотят равного договора с СССР». Именно Лондон и Париж затяги-

вают переговоры, что «позволяет усомниться в искренности» этих стран, не желающих дать гарантии странам Прибалтики и стремящихся возложить на Советский Союз «всю тяжесть обязательств». Скорее всего, Англия и Франция хотят «лишь разговоров о договоре» с тем, чтобы облегчить себе путь для сделки с агрессором. Естественно, что без учета советских интересов Москва не пойдет на подписание договора, поскольку «не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками»⁴⁷. В тот же день в выступлении министра иностранных дел Англии Эдуарда Галифакса прозвучала мысль о возможности переговоров с Германией по вопросам, которые «внушают миру тревогу». К этим вопросам он отнес «колониальную проблему, вопрос о сырье, торговых барьерах, “жизненном пространстве”, об ограничении вооружений и многое другое, что затрагивает европейцев»⁴⁸.

1 июля в ходе переговоров с СССР Англия и Франция согласились дать гарантии странам Прибалтики, предложили перенести список гарантируемых держав в секретный протокол и дали свою формулировку «косвенной агрессии». В тот же день Москва наметнула Берлину, что «ничто не мешает Германии доказать серьезность своего стремления улучшить свои отношения с СССР»⁴⁹. 3 июля Советский Союз отказался дать гарантии Нидерландам, Люксембургу и Швейцарии и выдвинул свою формулировку «косвенной агрессии». В тот же день Берлин предложил Москве договориться о будущих судьбах Польши и Литвы.

4 июля СССР информировал Италию, что пойдет на договор с Англией и Францией только тогда, когда они примут все советские условия, и вновь заявил, «что ничто не мешает германскому правительству доказать на деле серьезность и искренность своего стремления улучшить отношения с СССР»⁵⁰. 7 июля Германия решила возобновить экономические контакты с Советским Союзом на советских условиях, о чем 10 июля было заявлено Москве. 8 июля Англия и Франция отметили, что договор в целом согласован, но началась дискуссия по советскому определению «косвенной агрессии», которое было 9 июля еще более расширено. Одновременно Москва выразила готовность дать гарантии Нидерландам и Швейцарии при условии заключения двусторонних советско-польского и советско-турецкого договоров о взаимопомощи. 10 июля Англия решила попытаться достичь компромисса с СССР на базе взаимных уступок, но «обеспечить свободу рук, чтобы можно было заявить России, что мы не обязаны вступать в войну, так как мы не согласны с ее интерпретацией фактов». Однако выяснилось, что Москва не идет на уступки по этому вопросу и настаивает на одновременном заключении политического договора и военной конвенции, хотя и согласна на парафирование договора⁵¹.

Весной—летом 1939 г. Англия и Франция старались достичь соглашения с Германией, используя для давления на Берлин угрозу сближения с Советским Союзом. При этом они не желали иметь Москву в качестве равноправного партнера. Как откровенно заявил 4 июля английский министр иностранных дел Галифакс, «наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией»⁵². Не случайно в конце июля 1939 г. Англия довела до сведения Германии, что переговоры с другими странами «являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»⁵³. Понятно, что Англия и Франция не собирались соглашаться с тем, что Советский Союз наряду с ними получит право определять, когда Германия действует как агрессор. Именно этим и объяснялась бесплодная дискуссия по вопросу об определении «косвенной агрессии». В итоге взаимной подозрительности и неуступчивости сторон англо-франко-советские переговоры к середине июля 1939 г. фактически провалились.

Опасаясь англо-германо-японского сговора, СССР пошел на уступки в ходе возобновившихся с 18 июля в Берлине экономических переговоров. 19 июля английское руководство решило никогда не признавать советской формулировки «косвенной агрессии», но пойти на военные переговоры для того, чтобы затруднить советско-германские контакты и усилить позицию Англии в отношении Германии. Франция более осторожно отнеслась к военным переговорам до заключения политического соглашения. Выполняя задачу изоляции Польши, Германия 22 июля решила возобновить политические зондажи СССР, который в тот же день заявил о возобновлении экономических переговоров с Берлином. 23 июля в очередной беседе с англо-французскими представителями Молотов отметил, что «три правительства уже достигли достаточного согласия по основным вопросам, чтобы перейти к изучению конкретных военных проблем». 25 июля Лондон и Париж сообщили Москве о согласии на предложенные ею военные переговоры⁵⁴.

Тем временем продолжались неофициальные англо-германские контакты, в ходе которых Англия 18 и 20—21 июля предложила Германии широкую программу политического (отказ от агрессии в международных делах, взаимное невмешательство), экономического (вопросы снабжения сырьем, торговой, валютной политики и колоний) и военного (взаимное ограничение вооружений) сотрудничества. Со своей стороны Германия предложила Англии раздел сфер влияния в мире, потребовала возврата колоний и отмены Версальского договора. Но 21 июля об этих

контактах узнала Франция и, опасаясь англо-германского сближения за свой счет, передала эти сведения в прессу. Появившиеся 24 июля публикации не добавили доверия Англии со стороны ее партнеров.

Несмотря на шумиху в прессе, 29 июля Лондон вновь неофициально предложил Берлину раздел «сфер интересов» и невмешательство в дела друг друга. Со своей стороны Англия прекращала бы переговоры с СССР, а Германия согласилась бы на сотрудничество с Англией, Францией и Италией, предоставление автономии Протекторату Богемия и Моравия и на всеобщее сокращение вооружений. В ходе франко-германской переписки в июле 1939 г. Франция неоднократно заявляла, что поддержит Польшу в случае нападения на нее, но при этом конфиденциально проинформировала Германию, что эти заявления предназначаются лишь для успокоения французской и польской общественности⁵⁵.

24 июля Германия в очередной раз зондировала СССР, предлагая учесть советские интересы в Прибалтике и Румынии в обмен на отказ Москвы от договора с Англией. 26 июля Германия предложила Советскому Союзу согласовать интересы в Восточной Европе. 27 июля Англия, Франция и СССР оговорили подготовительный период для военных переговоров в 8–10 дней. Однако компромиссная формула по «косвенной агрессии» так и не была найдена, и советская сторона отказалась опубликовать коммюнике о согласовании политического договора.

29 июля Москва высказалась за улучшение отношений с Германией и пожелала узнать германские предложения поподробнее. Опасаясь неблагоприятного для себя исхода военных переговоров в Москве, Берлин увеличивал ставки, думая о разделе Польши и Прибалтики. 31 июля в английском парламенте от имени правительства было заявлено, что соглашение об определении «косвенной агрессии» не было достигнуто, так как якобы СССР предлагал формулу, посягающую на независимость стран Прибалтики. 2 августа было опубликовано Сообщение ТАСС с опровержением этого заявления. В тот же день советская сторона выразила свое недовольство и по дипломатическим каналам, а Англия и Франция предложили, чтобы в случае возникновения не подпадающих под их определение обстоятельств они стали бы поводом для проведения консультаций между договаривающимися сторонами⁵⁶.

Будучи вынужденными согласиться на ведение военных переговоров с Советским Союзом до заключения политического договора, Англия и Франция стремились использовать их для дальнейшего давления на Германию, чтобы склонить ее к компромиссу. Не случайно состав англо-французских военных делегаций был не слишком представительным, а их инструкции предусматривали, что «до заключения полити-

ческого соглашения делегация должна... вести переговоры весьма медленно, следя за развитием политических переговоров»⁵⁷. Французская делегация имела полномочия только на ведение переговоров, а английская делегация вообще не имела письменных полномочий⁵⁸. Английское правительство не желало в результате переговоров с СССР «быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»⁵⁹. Таким образом, для англо-французской стороны речь шла о ведении бесплодных переговоров, которые следовало затянуть на максимально долгий срок, что могло, по мнению Лондона и Парижа, удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение.

Со своей стороны советское руководство, будучи в целом осведомлено о подобных намерениях Англии и Франции, назначило представительную военную делегацию, обладавшую всеми возможными полномочиями. Были разработаны варианты военного соглашения, которые можно было смело предлагать партнерам, не опасаясь, что они будут приняты. 7 августа был разработан четкий «сценарий» ведения военных переговоров. Прежде всего следовало выяснить полномочия сторон «на подписание военной конвенции». «Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и “почтительно” спросить, для каких целей направило их правительство в СССР. Если они ответят, что они направлены для переговоров», то следовало выяснить их взгляды на совместные действия Англии, Франции и Советского Союза в войне. Если же переговоры все-таки начнутся, то их следовало «свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а так же через Румынию», выдвинув этот вопрос в качестве условия подписания военной конвенции. Кроме того, следовало отклонять любые попытки англо-французских делегаций ознакомиться с оборонными предприятиями СССР и воинскими частями Красной армии⁶⁰. Понятно, что в этих условиях военные переговоры были обречены на провал и использовались сторонами для давления на Германию.

Тем временем 2–3 августа Германия вновь предложила улучшить отношения с Советским Союзом на базе разграничения интересов сторон в Восточной Европе, но уклонилась от внесения конкретного предложения. По мнению Берлина, следовало заключить экономическое соглашение, расширить культурно-научный обмен и перейти к дружественным политическим отношениям. 4 августа Москва согласилась

продолжить обмен мнениями с Германией, но прежде следовало подписать экономический договор.

2 августа на переговорах с Англией и Францией СССР вновь подтвердил свою неизменную позицию по определению «косвенной агрессии», а 7 августа Стрэнг уехал из Москвы, что означало окончание политических переговоров. 8—10 августа Советский Союз получил сведения о том, что интересы Германии распространяются на Литву, Западную Польшу и Румынию без Бессарабии, но в случае соглашения с Берлином Москва должна будет отказаться от договора с Англией и Францией. 11 августа советское руководство согласилось на постепенные переговоры по этим проблемам в Москве. 13 августа Германия уведомила СССР, что согласна вести переговоры в Москве, но просила ускорить их начало⁶¹.

3 августа Англия вновь предложила Германии заключить договор о ненападении, соглашение о невмешательстве и начать переговоры по экономическим вопросам. При этом Германия должна была не допустить нового витка напряженности в Европе⁶². Это было самое щедрое предложение Лондона, открывавшее перед Германией широкие перспективы, которое также усилило в Берлине мнение, что Англия не выступит в поддержку Польши. Однако германское руководство посчитало, что это, скорее всего, английский блеф с целью оттянуть время, и 20 августа отказалось рассматривать столь широкое предложение до решения данцигского вопроса, который, как было заявлено Лондону, является «последним требованием» по пересмотру Версальского договора. Однако «после урегулирования данцигского вопроса Гитлер намерен выдвинуть предложения по общему урегулированию, в которых он намерен пойти настолько далеко, насколько это возможно, чтобы удовлетворить желания Англии. Гитлер будет готов предложить Англии союз»⁶³. В ходе секретной встречи Германа Геринга 7 августа с английскими бизнесменами им было передано предложение Лондону договориться на базе признания германских интересов на Востоке⁶⁴.

Получив из Рима сведения о том, что, несмотря на напряженность в германо-польских отношениях, до 1942—1943 гг. войны не будет, Бек полагал, что любые действия Германии — «это блеф Гитлера, он старается запугать Польшу и тем самым вынудить ее пойти на уступки. Гитлер не начнет войну». Поэтому было решено занять жесткую позицию в обострившихся польско-данцигских отношениях. В итоге власти Данцига пошли на нормализацию ситуации. Понятно, что Варшава увидела в этом подтверждение правильности своей твердой линии, а пресса заговорила о поражении Гитлера. 9 августа Германия предупредила Польшу, что ее дальнейшее вмешательство в дела Данцига приведет к ухудшению

германо-польских отношений. Польша заявила, что отвергает любое вмешательство Германии в польско-данцигские отношения и будет в дальнейшем расценивать его как акт агрессии. События вокруг Данцига вызвали неудовольствие Лондона и Парижа, с которыми Варшава и не подумала проконсультироваться⁶⁵.

9 августа Англия заявила Германии, что прекращение ее односторонних действий привело бы к успокоению общественного мнения в Европе и позволило бы «обсудить проблемы умиротворения. Британское правительство имеет живейшее желание, чтобы это время наступило, и тогда оно пойдет очень далеко для достижения этой цели»⁶⁶.

11 августа зондажи были возобновлены через комиссара Лиги Наций в Данциге Карла Буркхарда, встретившегося с согласия Англии, Франции и Польши с Гитлером. Рейхсканцлер высказал ряд угроз в адрес Польши и заявил, что Германия хочет мира и переговоров с Англией, но без участия Франции. Если Запад будет мешать походу против СССР, то Германии придется разбить его в первую очередь. Получив эти сведения, Англия стала ожидать дальнейших германских предложений. Но они не поступили, так как ставка Гитлера на войну блокировала многие выгодные Германии предложения Лондона⁶⁷. 12 августа Гитлер отдал приказ о начале сосредоточения и развертывания вермахта для операции против Польши и назначил «день X» на 26 августа⁶⁸.

14 августа в Берлин поступило новое неофициальное английское предложение о разделе сфер интересов (Германии — Восточная Европа, Англии — ее империя), решении колониального вопроса, общеевропейском урегулировании и взаимном разоружении. Соответственно Германия должна перестать поддерживать Испанию, дать автономию Протекторату и отказаться от самостоятельной экспансии⁶⁹. В тот же день в ходе совещания с военными Гитлер заявил о своем решении начать войну с Польшей, поскольку «Англия и Франция не вступят в войну, если ничто не вынудит их к этому»⁷⁰.

16 августа английское министерство авиации неофициально уведомило Берлин, что возможен вариант, когда Англия объявит войну, но военные действия вестись не будут, если Германия быстро разобьет Польшу, а английские ВВС не станут бомбить незащищенные города⁷¹. Все эти английские зондажи усиливали у германского руководства уверенность в том, что Англия пока не готова к войне, и в этих условиях следует не связывать себе руки соглашением с ней, а воевать.

В ходе начавшихся 12 августа в Москве англо-франко-советских военных переговоров советская сторона 14 августа подняла вопрос о проходе Красной армии через территорию Польши и Румынии, который, видимо, рассматривался советским руководством своеобразным индикатором

намерений западных партнеров. Хотя Англия и Франция прекрасно знали отрицательное отношение Польши к этой проблеме, было решено еще раз запросить ее и попытаться найти некую компромиссную формулу, которая позволила бы продолжить переговоры с СССР. Однако Варшава категорически отказалась от какого-либо соглашения с Москвой. В это время Англия и Франция все еще не были уверены в том, что Германия будет воевать с Польшей. 18–20 августа Польша была готова обсудить германские условия территориального урегулирования, но Берлин, взявший курс на войну, уже не интересовало мирное решение вопроса. Англию тоже не устраивала перспектива перехода Польши в лагерь Германии. В итоге германо-польские переговоры так и не состоялись. Со своей стороны Лондон и Париж отказались от давления на Варшаву по вопросу о проходе Красной армии через польскую территорию⁷². В свою очередь Москва была озабочена тем, что для Англии «Польша — форпост против СССР. Англия воевать не будет и Польше не поможет»⁷³.

Тем временем 15 августа Берлин выразил готовность направить в Москву для переговоров министра иностранных дел. В ответ советская сторона согласилась обсудить проблемы гарантий странам Прибалтики, нормализации советско-японских отношений и договора о ненападении. 17 августа Германия приняла все советские предложения и вновь просила ускорить переговоры путем приезда Иоахима фон Риббентропа в Москву. В ответ СССР предложил сначала подписать экономический договор, а затем подтвердить договор о нейтралитете 1926 г. или заключить договор о ненападении с протоколом о взаимных интересах.

19 августа было подписано советско-германское экономическое соглашение, Берлин сообщил о своем согласии «учесть все, чего пожелает СССР», и вновь настаивал на ускорении переговоров. Советская сторона передала Германии проект договора о ненападении и дала согласие на приезд Риббентропа 26–27 августа.

21 августа Берлин предложил Лондону принять 23 августа Геринга для переговоров, а Москве — Риббентропа для подписания договора о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием! Исходя из необходимости прежде всего подписать договор с Советским Союзом, Гитлер 22 августа отменил полет Геринга в Лондон. Пока же английское руководство, опасаясь сорвать визит Геринга, запретило мобилизацию.

22 августа советская пресса сообщила о предстоящем визите Риббентропа в Москву, одновременно СССР информировал Англию и Францию, что «переговоры о ненападении с Германией не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры»⁷⁴.

В тот же день Гитлер вновь выступил перед военными и заявил, что вмешательство Англии и Франции в германо-польский конфликт мало-

вероятно, а с СССР будет заключен договор, что снизит угрозу экономической блокады Германии. В этих условиях стоит рискнуть и разгромить Польшу, одновременно сдерживая Запад⁷⁵. Занятый локализацией похода в Польшу, Гитлер рассматривал «договор (с СССР) как разумную сделку. Разумеется, по отношению к Сталину надо всегда быть начеку, но в данный момент он (Гитлер) видит в пакте с советским лидером шанс устранить Англию из конфликта с Польшей»⁷⁶. Уверенный в том, что ему это удастся, Гитлер в первой половине дня 23 августа, когда Риббентроп еще летел в Москву, отдал приказ о нападении на Польшу в 4.30 утра 26 августа⁷⁷.

23 августа гаулейтер Данцига Альберт Форстер был избран главой города, что было нарушением его статута, но с протестом выступила лишь Польша, тогда как члены Лиги Наций промолчали. Хотя Париж заявил, что поддержит Варшаву, но Верховный совет национальной обороны решил, что никаких военных мер против Германии предпринято не будет, если она сама не нападет на Францию. 23 августа Гитлеру было передано письмо премьер-министра Англии, сообщавшего о том, что в случае войны Англия поддержит Польшу, но при этом демонстрировавшего готовность к соглашению с Германией⁷⁸. В Англии все еще ожидали визита Геринга, и лишь 24 августа стало ясно, что он не приедет.

Тем временем 23 августа в Москву прибыл Риббентроп, и в ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа был подписан советско-германский договор о ненападении и определены сферы интересов сторон в Восточной Европе. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, территория Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия⁷⁹. Благодаря этому соглашению Советский Союз впервые за всю свою историю добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Англии и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе и крупного конфликта на Дальнем Востоке, где в это время шли бои на Халхин-Голе с японскими войсками. Конечно, за это Москве пришлось взять на себя обязательства отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду.

24 августа Германия уведомила Польшу, что препятствием к урегулированию конфликта являются английские гарантии. В тот же день Франция порекомендовала Польше воздержаться от применения силы, а ограничиться дипломатическими средствами, если Данциг объявит

о присоединении к Германии. Опасаясь, что Варшава пойдет на уступки и сближение с Берлином, Англия 25 августа подписала с Польшей договор о взаимопомощи, но военного соглашения заключено не было, поскольку Лондон не собирался оказывать реальную военную помощь Варшаве. Это была все та же политика давления на Берлин с целью добиться нормализации англо-германских отношений. В тот же день Германия уведомила Англию, что «после решения польской проблемы» она предложит всеобъемлющее соглашение сотрудничества и мира, вплоть до гарантий существования и помощи Британской империи. Но вечером 25 августа в Берлине стало известно об англо-польском договоре, а Италия известила об отказе участвовать в войне. В итоге в 19.30 Гитлер отменил нападение на Польшу, и армию удалось удержать буквально в последний момент⁸⁰.

Подписав договор о ненападении с Германией, советская сторона 25 августа заявила англо-французским военным миссиям, что в изменившейся ситуации военные переговоры «теряют всякий смысл». Правда, в тот же день Франции было сообщено, что договор 1935 г. остается в силе, а политические переговоры с западными странами могли бы быть продолжены. Советское руководство было готово рассмотреть любые предложения Англии и Франции, если они согласятся на советские условия. Лондон и Париж решили не идти на уступки СССР, который втайне от них осмелился предпочесть какие-то собственные интересы «общему делу» защиты западных демократий, и в ночь на 26 августа их военные миссии покинули Москву⁸¹.

26 августа западные союзники порекомендовали Польше дать приказ войскам воздерживаться от вооруженного ответа на германские провокации, а на следующий день предложили ей организовать взаимный обмен населением с Германией. Англия, Франция и Польша все еще не были уверены, что Германия решится воевать, поскольку считалось, что англо-польский договор удержит ее от войны.

В тот же день из Лондона в Берлин поступили сведения, что Англия не вмешается в случае германского нападения на Польшу или объявит войну, но воевать не будет⁸². 28 августа Англия отказалась от германских предложений о гарантии империи, порекомендовав Берлину начать прямые переговоры с Варшавой. Лондон полагал, что «если регулирование нынешнего кризиса ограничится возвращением Данцига и участков “коридора” Германии, то, как нам кажется, можно найти, в пределах разумного периода времени, решение без войны»⁸³. Если бы германо-польские «переговоры привели к соглашению, на что рассчитывает правительство Великобритании, то был бы открыт путь к широкому соглашению между Германией и Англией»⁸⁴. Лондон вновь пред-

упредил Берлин, что в случае войны поддержит Польшу, но при этом обещал воздействовать на нее в пользу переговоров с Германией.

Во второй половине дня 28 августа Гитлер установил ориентировочный срок наступления на 1 сентября. 29 августа Германия дала согласие на прямые переговоры с Польшей на условиях передачи Данцига, плебисцита в «польском коридоре» и гарантии новых границ Польши Германией, Италией, Англией, Францией и СССР. Прибытие польских представителей на переговоры ожидалось 30 августа. Передавая эти предложения Англии, Гитлер надеялся, что «он вобьет клин между Англией, Францией и Польшей»⁸⁵. В тот же день Берлин уведомил Москву о предложениях Англии по урегулированию германо-польского конфликта и о том, что Германия настаивает на сохранении договора с СССР, союза с Италией и не будет участвовать в международной конференции без Советского Союза, вместе с которым следует решать все вопросы Восточной Европы⁸⁶.

30 августа Англия вновь подтвердила свое согласие воздействовать на Польшу, при условии, что войны не будет и Германия прекратит анти-польскую кампанию в печати. В этом случае Лондон был согласен на созыв в будущем международной конференции. В этот день вермахт все еще не получил приказа о нападении на Польшу. Ожидалось, что Англия пойдет на уступки и тогда наступление будет отсрочено до 2 сентября, причем в этом случае «войны уже не будет совсем», поскольку «приезд поляков в Берлин = подчинению»⁸⁷. 30 августа Англия получила точные сведения о предложениях Германии по урегулированию польской проблемы, но не известила о них Польшу, а, надеясь еще отсрочить войну, в ночь на 31 августа уведомила Берлин об одобрении прямых германо-польских переговоров, которые должны были начаться через некоторое время.

В 0.30 31 августа Гитлер подписал Директиву № 1, согласно которой нападение на Польшу должно было начаться в 4.45 утра 1 сентября. Лишь днем 31 августа германские предложения об урегулировании кризиса были переданы Англией Польше с рекомендацией положительно ответить на них и ускорить переговоры с Германией.

В 12.00 31 августа Варшава заявила Лондону, что готова к переговорам с Берлином при условии, что Германия и Польша взаимно гарантируют неприменение силы, законсервируют ситуацию в Данциге, а Англия в ходе переговоров будет оказывать поддержку польской стороне. Однако польскому послу в Берлине было приказано тянуть время, поскольку в Варшаве все еще считали, что «Гитлер не решится начать войну. Гитлер только играет на нервах и натягивает струны до крайних пределов»⁸⁸. В итоге в 18.00 Риббентроп в беседе с польским послом в Берлине Юзефом Липским констатировал отсутствие польского чрезвычайного упол-

номоченного и отказался от переговоров. В 21.15–21.45 Германия официально вручила свои предложения Польше послам Англии, Франции и США и заявила, что Варшава отказалась от переговоров. В это же время германское радио сообщило об этих предложениях по урегулированию кризиса и о польских провокациях на границе. Однако Варшава оказалась не готова к прямым переговорам с Берлином. В тот же день Италия предложила Германии посреднические услуги в урегулировании кризиса, но, получив отказ, уведомила Англию и Францию, что не будет воевать⁸⁹.

1 сентября Германия напала на Польшу, а европейский кризис перерос в войну, в которую 3 сентября вступили Англия и Франция.

Таким образом, начало политического кризиса 1939 г. в Европе активизировало внешнюю политику всех великих держав и резко расширило возможности внешнеполитического маневрирования Советского Союза. Шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры, происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. Поскольку в благожелательной позиции СССР были заинтересованы и Англия с Францией, и Германия, Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях договариваться. В своих расчетах советское руководство исходило из того, что нарастание кризиса или возникновение войны в Европе — как при участии СССР в англо-французском блоке, так и при сохранении им нейтралитета — открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с Лондоном и Парижем делал бы Москву равноправным партнером со всеми вытекающими из этого последствиями, а сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны. Продолжая действовать в рамках идеи «коллективной безопасности», советское руководство попыталось добиться заключения союза с Англией и Францией. Однако англо-франко-советские переговоры показали, что западные державы не готовы к равноправному партнерству с Москвой.

В европейской политике сложился своеобразный «заколдованный круг». Советский Союз стремился к соглашению с Англией и Францией, которые предпочитали договоренность с Германией, а она, в свою очередь, добивалась нормализации отношений с Москвой. Определенную роль в срыве англо-франко-советских переговоров сыграла и позиция восточноевропейских соседей СССР, которые заявляли Англии и Франции о своей незаинтересованности в гарантии их независимости с участием советской стороны.

Подобный ход переговоров наряду с угрозой англо-германского соглашения заставил Москву более внимательно отнестись к герман-

ским предложениям о нормализации двусторонних отношений. Подписанный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении стал большим успехом советской дипломатии. Используя склонность Германии к соглашению, советское руководство сумело добиться серьезных уступок со стороны Берлина, что так же способствовало нормализации советско-японских отношений. Советскому Союзу удалось на определенное время остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах. При этом следует подчеркнуть, что советско-германский договор о ненападении не был детонатором войны в Европе. Ведь вместо честного выполнения своих союзнических обязательств перед Варшавой Лондон и Париж продолжали добиваться соглашения с Германией, что фактически подтолкнуло ее к войне с Польшей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 167–168, 184–186; СССР — Германия: 1933–1941. М., 2009. С. 172–173; *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1990. С. 75–85, 93–95; *Безыменский Л. А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–26; *Случ С. З.* Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны // Россия — Польша — Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 325.

² *Гальянов В.* Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 49–65.

³ *Наджафов Д. Г.* Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова — Риббентропа // Война и политика: 1939–1941. М., 1999. С. 89–90.

⁴ Год кризиса. Т. 1. С. 258–264.

⁵ Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма. М., 1959. С. 74–75, 285; *Эдвардс К. Д.* Международные картели в экономике и политике. М., 1947. С. 134–135; *Аллен Дж. С.* Международные монополии и мир. М., 1948. С. 20–22; *Некрич А. М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939). М., 1955. С. 271–275; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 19–20, 23–28, 32–34, 37–39; Год кризиса. Т. 1. С. 276–278; Т. 2. С. 383–384.

⁶ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 351; *Некрич А. М.* Указ. соч. С. 263–264.

⁷ Год кризиса... Т. 1. С. 272–274, 289–291; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война. М., 1972. С. 160–196; *Севостьянов Г. Н.* Европейский кризис и позиция США: 1938–1939. М., 1992. С. 177–178.

⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. VII. М., 1973. С. 57–64, 66, 68, 69; Год кризиса... Т. 1. С. 314–315, 317–319, 324–327, 335–337, 339; Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 216; *Иванов А. Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 158–160; *Карлей М. Д.* 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005. С. 143–159.

⁹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. 5. Baden-Baden, 1953. S. 435–441; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 109–112.

¹⁰ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 2000. С. 200–201; *Чемпалов И. Н.* К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 года // Новая и новейшая история. 1959. № 1. С. 147–149; *Язькова А. А.* Румыния накануне Второй мировой войны 1934–1939 гг. М., 1963. С. 263.

¹¹ ДМИСПО. Т. VII. С. 29–30; Год кризиса... Т. 1. С. 75–77, 79–80, 85–86, 93–94, 117, 118, 130–137, 163–164, 168–177, 191–192, 194–196, 200–201, 210, 288, 293–294, 295, 296–297, 308–310, 341–342, 350–351; *Некрич А. М.* Указ. соч. С. 289–303; *Фомин В. Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе 1933–1939. М., 1963. С. 560–566, 571–575; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 112–118, 120–122, 125; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 201–218; *Кимхе Д.* Несостоявшаяся битва. М., 1971. С. 42–46; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 85–89, 109–112; *Иванов А. Г.* Указ. соч. С. 153–154, 163–164; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 43; *Случ С. З.* Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны // Россия — Польша — Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 326; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 132–135.

¹² Год кризиса... Т. 1. С. 355.

¹³ ДМИСПО. Т. VII. С. 71–75, 78–80; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 62–64.

¹⁴ Известия. 1939. 4 апреля; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 246.

¹⁵ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 252–253.

¹⁶ Год кризиса. Т. 1. С. 357–359.

¹⁷ Там же. С. 361.

¹⁸ *Захариас М.* Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 219–230.

¹⁹ Год кризиса... Т. 1. С. 370–372, 373–378.

²⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 69–72; Год кризиса... Т. 1. С. 379–383, 384–387, 389; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 55.

²¹ ДМИСПО. Т. VII. С. 88–89; Год кризиса... Т. 1. С. 389–390; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 55.

²² Год кризиса... Т. 1. С. 394–395.

²³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... Т. 2. С. 74; Год кризиса... Т. 1. С. 399, 413–414; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 119–127; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 167–183.

²⁴ *Вишнев О. В.* «Большая политика»: март — май 1939 года (к предыстории советско-германского договора о ненападении) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 222.

²⁵ Год кризиса... Т. 1. С. 378–379; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 218–221; *Фомин В. Т.* Указ. соч. С. 567–571.

²⁶ Год кризиса... Т. 1. С. 314–315; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 320–321; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 57.

²⁷ *Некрич А. М.* Указ. соч. С. 322–401; *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 2-е изд. М., 1989; *Волков С. В., Емельянов Ю. В.* До и после секретных протоколов. М., 1989; Альтернативы 1939 г. М., 1989; Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; 1939 год. Уроки истории. М., 1990; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч.; *Севостьянов Г. Н.* Указ. соч. С. 136–374; Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. С. 17–114; *Карлей М. Д.* Указ. соч. и др.

²⁸ Год кризиса... Т. 1. С. 424; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 129–139.

²⁹ *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., 1952. С. 107–109; *Гришин Я. Я.* Диктатор внешней политики. Казань, 2001. С. 238–241.

³⁰ *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши... С. 109–110; Год кризиса... Т. 1. С. 498–500.

³¹ Год кризиса... Т. 1. С. 435–436, 437–439, 441–442, 444, 448–449, 465–466; Т. 2. С. 394, прим. 111; *Дембски С.* Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа — Молотова. 1938–1939 годы // Отечественная история. 2001. № 2. С. 79–80.

³² Год кризиса... Т. 1. С. 451–454.

³³ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 396–398; Год кризиса... Т. 1. С. 461–463.

³⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 145–154, 159, 178–179; Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216–219; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 81–84.

³⁵ ДМИСПО. Т. VII. С. 111–112, 115–116; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 393, 418.

³⁶ ДМИСПО. Т. VII. С. 114–115.

³⁷ Год кризиса... Т. 1. С. 496–497, 498; Т. 2. С. 112–113; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 160–161.

³⁸ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 353; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 246–248; *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 55–67; *Фомин В. Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе... С. 595–596; *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши... С. 95–100; История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2. М., 1962. С. 17.

³⁹ *Некрич А. М.* Указ. соч. С. 310–311; *Дембски С.* Указ. соч. С. 78; ДМИСПО. Т. VII. С. 112–114.

⁴⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 94–95; Год кризиса. Т. 1. С. 482–484, 493–495, 508–513, 518–522; СССР — Германия: 1933–1941... С. 177, 179–180; *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 132–137; *Ушаков В. Б.* Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961. С. 161–164; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 155–156; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 102–103.

⁴¹ Год кризиса. Т. 1. С. 523–527.

- ⁴² ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 427; СССР — Германия: 1933–1941... С. 180–182.
- ⁴³ ДМИСПО. Т. VII. С. 120–121.
- ⁴⁴ Там же. С. 40; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 450–451; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 162–163.
- ⁴⁵ Год кризиса... Т. 2. С. 5–6, 15–17, 27–28, 31–36; *Фалин В. М.* Указ. соч. С. 103.
- ⁴⁶ Год кризиса... Т. 2. С. 29–30, 38–40, 45–48, 61–62, 64–67; СССР — Германия: 1933–1941... С. 182–183.
- ⁴⁷ Год кризиса... Т. 2. С. 71–73.
- ⁴⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 378.
- ⁴⁹ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 516; Год кризиса... Т. 2. С. 75–80.
- ⁵⁰ Год кризиса... Т. 2. С. 80–82, 84–85, 400, прим. 135; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 207.
- ⁵¹ Год кризиса... Т. 2. С. 88–94, 102–105; *Фалин В. М.* Указ. соч. С. 103–104.
- ⁵² *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические... С. 28–29.
- ⁵³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... Т. 2. С. 193–198.
- ⁵⁴ Год кризиса... Т. 2. С. 117, 122–125, 134; СССР — Германия: 1933–1941... С. 185–187.
- ⁵⁵ Год кризиса... Т. 2. С. 95–97, 127–134, 135, 147–152; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 248–253; *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 94–97; *Севостьянов Г. Н.* Указ. соч. С. 272–276; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 236–240.
- ⁵⁶ Правда. 1939. 2 августа; Документы и материалы кануна Второй мировой войны... Т. 2. С. 390; Год кризиса. Т. 2. С. 153–154, 136–139, 141–142, 145; СССР — Германия: 1933–1941... С. 187–194.
- ⁵⁷ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... Т. 2. С. 168.
- ⁵⁸ Год кризиса... Т. 2. С. 192–193; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 241–247.
- ⁵⁹ Там же. С. 169; *Чельшев И. А.* СССР — Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999. С. 131–133.
- ⁶⁰ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 386.
- ⁶¹ Год кризиса... Т. 2. С. 153–163, 175, 177, 178–180, 182–183, 184–188, 209; СССР — Германия: 1933–1941. С. 194–205; Европа в международных отношениях 1917–1939. М., 1979. С. 393–395; *Чельшев И. А.* Указ. соч. С. 134–141.
- ⁶² Год кризиса... Т. 2. С. 163–168.
- ⁶³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... Т. 2. С. 318–321.
- ⁶⁴ Там же. С. 205–211; *Безыменский Л. А.* «Второй Мюнхен»: замысел и результаты (из архивов Форин офиса) // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 93–110; № 5. С. 143–160.
- ⁶⁵ *Мосли Л.* Указ. соч. С. 258–259, 278–282; *Некрич А. М.* Указ. соч. С. 405; *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши... С. 129–131.
- ⁶⁶ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 201–204.
- ⁶⁷ *Безыменский Л. А.* Августовское предложение Гитлера Лондону // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 40–50.
- ⁶⁸ *Белов Н. фон.* Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945 // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 174; *Белов Н. фон.* Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945. Смоленск. 2003. С. 222–223.

⁶⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... Т. 2. С. 248–249; Год кризиса... Т. 2. С. 248–250.

⁷⁰ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3 т. Т. 1. М., 1968. С. 33–40.

⁷¹ Год кризиса... Т. 2. С. 250–252.

⁷² ДМИСПО. Т. VII. С. 144–146, 160–165, 166, 176; Год кризиса. Т. 2. С. 191–208, 210–229, 235–246, 255–269, 292–293, 294–301, 305–311, 316–318; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 299–302; *Гришин Я. Я.* Указ. соч. С. 257–261; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 260–261; *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши... С. 86; *Малафеев К. А.* Позиция французских правящих кругов на англо-франко-советских военных переговорах 1939 года // Из истории классовой борьбы и международных отношений новейшего времени. Рязань, 1974. С. 26–53; *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 76–77.

⁷³ *Парсаданова В. С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 15–16.

⁷⁴ Год кризиса... Т. 2. С. 229–233, 269–273, 274–278, 280–291, 302–303, 304–305; СССР — Германия: 1933–1941. С. 205–209; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 298–302.

⁷⁵ *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 138–140, 384–385; Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 89–94.

⁷⁶ Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 177; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 294.

⁷⁷ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 59–61.

⁷⁸ Год кризиса... Т. 2. С. 313–314.

⁷⁹ Там же. С. 319–321; СССР — Германия: 1933–1941. С. 209–214; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 319–321.

⁸⁰ Год кризиса. Т. 2. С. 323–326; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 336–338; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 316; *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 64–66; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 315–321; *Некрич А. М.* Указ. соч. С. 412–428; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. В 3 т. Т. 1. М., 1956. С. 81–86; Т. 2. М., 1958. С. 10–13, 20.

⁸¹ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 669; Год кризиса... Т. 2. С. 327–328; *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 112–113.

⁸² *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши... С. 141–148; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 329; *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 117–128.

⁸³ *Мосли Л.* Указ. соч. С. 329.

⁸⁴ *Фомин В. Т.* Указ. соч. С. 135.

⁸⁵ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 79.

⁸⁶ Год кризиса. Т. 2. С. 338; СССР — Германия: 1933–1941. С. 214–215; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 322–347; *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 129–140.

⁸⁷ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 83–84.

⁸⁸ *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши... С. 154–155.

⁸⁹ Год кризиса... Т. 2. С. 339–344, 354–355; *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 84–86; *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши... С. 148–152, 154–155; *Варлимонт В.* В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. М., 2005. С. 39; *Гришин Я. Я.* Указ. соч. С. 264.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ АВГУСТА 1939 г.: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ

Михаил Мельтюхов

Вопрос о наличии неких секретных договоренностей между Германией и Советским Союзом в связи с заключением договора о ненападении 23 августа 1939 г. возник практически сразу же после его подписания. Уже в 12.00 24 августа американский посол в Москве Лоуренс Штейнгардт направил в Вашингтон телеграмму с информацией о том, что «мне строго конфиденциально сообщили, что минувшей ночью между советским и германским правительствами было достигнуто полное “взаимопонимание” по территориальным вопросам в Восточной Европе, согласно которому Эстония, Латвия, Восточная Польша и Бессарабия признаны сферой жизненно важных интересов Советского Союза. Видимо, Финляндия не упоминалась. [...] В результате обсуждений территориальных вопросов, касающихся стран, находящихся между Германией и Советским Союзом, как мне сообщили, достигнуто молчаливое согласие о том, что Советскому Союзу будет предоставлена территориальная компенсация, если он того пожелает, за различные территориальные изменения, которые могут быть произведены Германией в этих регионах»¹.

В 15.00 5 октября Штейнгардт сообщил в Вашингтон, что «вчера посол Германии и Молотов подписали дополнительный протокол, предусмотренный в статье 1 советско-германского договора от 28 сентября». Помимо описания линии советско-германской границы в Польше «я узнал, что протокол также установил “советские и германские сферы интересов”. Я пока не смог выяснить, где находятся эти “сферы интересов”, но они вполне могут относиться к Прибалтийскому и Балканскому регионам»². Таким образом, американские дипломаты получали

от своих информаторов из германского посольства в Москве общие, хотя и не вполне детальные сведения относительно советско-германских договоренностей.

В 1946 г. в ходе Нюрнбергского процесса появились фотокопии секретного дополнительного протокола к договору о ненападении от 23 августа 1939 г. В 1948 г. Государственный департамент США опубликовал этот текст в сборнике документов о советско-германских отношениях в 1939–1941 гг.³ В дальнейшем именно эти тексты вместе с фотокопиями были широко представлены в западной историографии и использовались для критики внешней политики СССР в преддверии Второй мировой войны.

Однако слабым местом подобных утверждений было отсутствие подлинников соответствующих документов. Как правило, западные авторы занимали в этом вопросе позицию, схожую с мнением американского профессора Джорджа О. Кента, который в 1945 г. принял эти фоторолики из рук сотрудника МИД Германии Карла фон Лёша и в последующие годы, опираясь на них, участвовал в издании сборника «Документы германской внешней политики». Он утверждал, что «фотопленка удостоверяет подлинность протокола более четко, чем подразумеваемый оригинал. Протокол был заснят наряду со многими другими документами, достоверность которых не вызывает сомнения. И было бы труднее подделать всю пленку, нежели один документ»⁴. Совершенно очевидно, что подобное утверждение явно противоречит хорошо известной практике фотокопирования, которая легко позволяет «создавать» любые документы. Кстати, то же самое характерно и для ксерокопирования документов. Тем более что в данном случае фотоснимки немецкоязычного и русскоязычного вариантов договора находятся на ролике F-11, а немецкоязычного и русскоязычного вариантов протокола — на ролике F-19. Не имея подлинников документов, подтвердить аутентичность фотокопий в принципе не представляется возможным.

Советская историография занимала в этом вопросе довольно противоречивую позицию. С одной стороны, никаких официальных заявлений о немецких фотокопиях не делалось, о них просто умалчивалось, но с другой — не отрицалось наличие определенных советско-германских договоренностей. В целом тематика отношений СССР с Германией в 1939–1941 гг. была в советской историографии не слишком популярна и излагалась в рамках определенного канона без существенных подробностей. Ситуация кардинально изменилась в ходе перестройки в Советском Союзе. В 1988–1989 гг. все эти вопросы стали объектом ожесточенной политической борьбы. В итоге 24 декабря 1989 г. II Съезд народных депутатов СССР принял постановление, согласно которому было офи-

циально признано наличие секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г.⁵, текст которого воспроизводился по неожиданно «найденной» заверенной машинописной копии на русском языке⁶.

Лишь в октябре 1992 г. было заявлено о том, что в бывшем архиве Политбюро ЦК КПСС (ныне Архив Президента Российской Федерации) обнаружены подлинники этих документов⁷. Применительно к августу 1939 г. речь идет о следующих документах: 1) договор о ненападении от 23 августа, 2) секретный дополнительный протокол от 23 августа и 3) разъяснение к секретному дополнительному протоколу от 28 августа⁸. Однако в публикациях этих документов до сих пор сохраняется немало противоречий и неясностей. Появились и критические работы, ставящие целый ряд вопросов по имеющимся источникам⁹. В целом проблема советско-германских договоренностей в августе 1939 г. распадается на 2 вопроса: 1) были ли эти договоренности и 2) как именно они были оформлены.

Относительно первого вопроса следует отметить, что в советской историографии факт определенных договоренностей признавался. Так, еще в 1960 г. в официальном издании по истории Великой Отечественной войны при изложении событий августа 1939 г. указывалось: «Советский Союз уже не мог оказать помощь Польше, правительство которой столь категорически ее отвергло. Единственно, что еще можно было сделать, — это спасти от германского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию, а также Прибалтику. Советское правительство добилося от Германии обязательства не переступить линию рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан»¹⁰.

В 1974 г. в другом официальном издании по истории Второй мировой войны этот тезис был повторен: «Выбирая путь договора с Германией, Советское правительство еще могло предотвратить захват ею прибалтийских государств (Эстонии, Латвии, Литвы), но уже не могло оказать помощь Польше, правительство которой столь категорично и высокомерно отвергло любую помощь со стороны СССР. Однако еще было возможно спасти от гитлеровского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию»¹¹.

Доступные сегодня дипломатические документы Германии и СССР полностью подтверждают эти утверждения. Было точно установлено, что никакой советско-германской договоренности относительно совместного нападения на Польшу не существовало. Только после объявления войны Англией и Францией Германии 3 сентября 1939 г. германское руководство стало предлагать СССР ввести войска в Западную Белоруссию и Западную Украину, входивших в то время в состав Польши. Учитывая разгром польской армии и оккупацию значительной части

Польши вермахтом, ситуацию «Странной войны» в Западной Европе и просьбы Берлина, советское руководство стало склоняться к вводу войск в Западную Белоруссию и Западную Украину. 9 сентября нарком обороны СССР маршал Климент Ворошилов и начальник Генштаба РККА командарм 1-го ранга Борис Шапошников подписали директивы, в которых войскам ставились конкретные задачи в предстоящей операции. В этих директивах относительно глубины операции, в частности, указывалось следующее. В директиве № 16633/сс/ов Военному совету Белорусского особого военного округа:

«4. Граница наших действий по глубине устанавливается — м. Дрисса и далее граница с Латвией, Литвой и Восточной Пруссией до р. Писса, р. Писса до впадения ее в р. Нарев, левый берег р. Нарев от устья р. Писса до впадения ее в р. Буг, правый берег р. Буг от впадения р. Нарев до ее устья, правый берег р. Висла от устья р. Буг до устья р. Вепрш».

В директиве № 16634/сс/ов Военному совету Киевского особого военного округа:

«4. Граница наших действий по глубине устанавливается — правый берег р. Висла от устья р. Вепрш до устья р. Сан, правый берег р. Сан от устья до ее истоков, далее новая граница Венгрии (бывш[ая] граница Чехословакии с Польшей), вся граница с Румынией. Нашим войскам через эту линию отнюдь не продвигаться»¹². Таким образом, операция советских войск планировалась до линии, согласованной на августовских переговорах в Москве.

В ходе Польского похода Красной армии советское руководство в контактах с германскими дипломатами неоднократно ссылалось на августовские договоренности. Так, уже в ночь на 18 сентября в беседе с германским послом Фридрихом фон дер Шуленбургом Иосиф Сталин неожиданно заявил, что «у советской стороны есть определенные сомнения относительно того, будет ли германское верховное командование в соответствующее время соблюдать московские соглашения и вернется ли на согласованную линию (Писса — Нарев — Висла — Сан)». Шуленбург ответил, что «Германия, конечно же, полна решимости точно выполнять московские соглашения». На это Сталин заявил, что «он не сомневается в лояльности германского правительства, его сомнение относится к известному факту, что все военные неохотно оставляют захваченные территории». Германские дипломаты категорически отвергли его опасения и заявили, что вермахт подчиняется распоряжениям фюрера, и все соглашения с Москвой будут неукоснительно соблюдаться¹³.

В 19 часов 19 сентября председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов вызвал Шулен-

бурга и заявил ему, что «начальник оперативного отдела вермахта Варлимонт показал вчера исполняющему обязанности советского военного атташе в Берлине карту, на которой нанесена будущая “граница рейха”. Она проходит вдоль Вислы, идет через Варшаву, но дальше нанесена так, что Львов остается на немецкой стороне». Это противоречит московским соглашениям и вызывает удивление советского правительства. Шуленбург ответил, что произошло недоразумение, так как на карте, видимо, была показана временная демаркационная линия, тем не менее он запросил в Берлине инструкций. Кроме того, Молотов заявил Шуленбургу, что обоим правительствам пора окончательно определить структуру польских территорий. Если раньше советское правительство предполагало сохранить существование остатков Польши, то теперь оно готово разделить Польшу по линии Писса — Нарев — Висла — Сан. «Советское правительство желает немедленно начать переговоры по этому вопросу и вести их в Москве, поскольку такие переговоры с советской стороны обязаны вести лица, наделенные высшей властью, не могущие покинуть Советский Союз»¹⁴.

20 сентября Шуленбург передал советской стороне заявление министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа, что «уговор, заключенный мною в Москве по поручению г-на Гитлера, само собою разумеется, будет выполняться»¹⁵. В тот же день Адольф Гитлер установил «окончательную демаркационную линию», на которую должны были отойти германские войска: Ужокский перевал — Хыров — Перемышль — р. Сан — р. Висла — р. Нарев — р. Писса — граница рейха¹⁶. В тот же день в 18.30 Молотов в беседе с Шуленбургом заявил, что советское правительство не может одобрить эту линию от Перемышля до Турции и Ужковского перевала, а настаивает на линии по верховьям р. Сан. Надо учитывать, что это украинская территория. В обмен на нее советское правительство «готово уступить Сувалки и окрестности с железной дорогой, но не Августов». Кроме того, Молотов предложил текст советско-германского коммюнике о советско-германской демаркационной линии в Польше, который не вызвал возражений в Берлине. Германская сторона согласилась на передачу ей Сувалок в обмен на территорию вдоль верховьев р. Сан, но попыталась получить также и Августов с окрестными лесами¹⁷.

Германское и советское военные командования поддерживали контакты через военных атташе¹⁸. 20 сентября в 12.45 в беседе с Ворошиловым германский военный атташе в Москве генерал-лейтенант Эрнст Кёстринг заявил, что «как было договорено в присутствии Риббентропа, линия рек Писса, Нарев, Висла, Сан никем оспариваться не будет»¹⁹. Германский военный атташе также «просил сегодня же наметить рубежи

и сроки, которые должны быть оставлены германскими войсками. Тут же Кестринг достал из портфеля немецкую карту, где черным карандашом была проведена сплошная линия, занятая германскими войсками. На этой же карте по рекам Писса, Нарев, Висла, Сан синим карандашом проведена другая линия, точно соответствующая договоренности. Условились, что сегодня в 16 часов тов. Ворошилов примет Кестринга и прибывших офицеров для разработки рубежей и сроков отхода германской армии»²⁰.

В ходе начавшихся в 16.20 20 сентября переговоров Ворошилова и Шапошникова с представителями германского военного командования генералом Кёстрингом, полковником Генрихом Ашенбреннером и подполковником Гансом Кребсом в 4 часа утра 21 сентября был подписан советско-германский протокол о порядке отвода германских войск и продвижения советских войск на демаркационную линию по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан²¹.

Еще 20 сентября нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия издал приказ № 001121, согласно которому пограничным войскам НКВД следовало «принять под охрану новый участок государственной границы Союза ССР от селения Новое Село на границе с Латвией до селения Турмонч на границе с Литвой; от селения Турмонч по границе с Литвой до стыка границы с Восточной Пруссией у селения Больце; от селения Больце по границе с Восточной Пруссией до реки Писса, далее по реке Писса до впадения ее в реку Нарев, по реке Нарев до впадения ее в реку Висла; по реке Висла до реки Сан; по реке Сан до границы с Чехословакией; по границе с Чехословакией до стыка границы с Румынией и далее по границе с Румынией до селения Казачувка, что при впадении реки Збруч в реку Днестр»²².

В то же время 20–22 сентября было согласовано, а 23 сентября опубликовано советско-германское коммюнике: «Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков»²³. Различия в перечне рек в вышеприведенных документах 1939 г. связаны с тем, что не существовало устоявшегося названия реки ниже слияния рек Нарев и Западный Буг²⁴.

Точно так же советская и германская стороны ссылались на свои секретные договоренности при контактах с Латвией и Литвой. Например, в ходе начавшейся в 21.30 2 октября беседы с министром иностранных дел Латвии Вилхелмсом Мунтерсом Сталин откровенно заявил:

Рис. 1. Карта, опубликованная в газете «Известия» 23 сентября 1939 г.

«Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся... если не мы, то немцы могут вас оккупировать. Но мы не желаем злоупотреблять...»²⁵ На начавшихся в 22.30 3 октября переговорах Молотов заявил министру иностранных дел Литвы Юозасу Урбшису, что в условиях начавшейся войны «Советскому Союзу приходится обеспечивать свою полную безопасность». Поскольку Германия согласилась с вхождением Литвы «в зону влияния СССР», то Москва «стремится заключить и с Литвой пакт о взаимопомощи». Далее слово взял Сталин, который сообщил, что СССР пришлось договориться с Германией о передаче ей Сувалкского выступа и части прилегающей литовской территории²⁶.

5 октября Риббентроп поручил германскому посланнику в Каунасе Эриху Цехлину конфиденциально уведомить литовскую сторону о следующем: «Уже при подписании советско-германского договора

о ненападении от 23 августа, во избежание осложнений в Восточной Европе между нами и советским правительством состоялись переговоры о разграничении германской и советской сфер интересов. При этом я выступал за то, чтобы возвратить Литве Виленскую область, на что советское правительство дало мне свое согласие. На переговорах о договоре о дружбе и границе от 28 сентября, как видно из опубликованного проведения советско-германской границы, вдающийся между Германией и Литвой уголок территории вокруг Сувалок отошел к Германии. Поскольку в этом месте возникла сложная и непрактичная граница, я зарезервировал за Германией право на исправление границы, в соответствии с которым узкая полоса литовской территории отходит к Германии. Передача Литве Вильно также была обеспечена на этих переговорах. Вы уполномочены теперь проинформировать литовское правительство, что имперское правительство не считает в данный момент актуальным вопрос о таком изменении границы. При этом, однако, мы ставим условием, что литовское правительство будет рассматривать этот вопрос как строго секретный». Кроме того, германскому послу в Москве напоминалось о необходимости достичь договоренности с СССР относительно полосы литовской территории²⁷. В тот же день Цехлин сообщил эту информацию заместителю министра иностранных дел Литвы Казису Бизаускасу²⁸.

Схожая ситуация повторилась при обсуждении между Москвой и Берлином Бессарабского вопроса. В ходе переговоров 28 сентября 1939 г. со Сталиным и Молотовым Риббентроп «напомнил, что германское правительство в секретном дополнительном протоколе от 23 августа высказало свою незаинтересованность в этом вопросе», и попытался получить заверение, что Москва «заявит о своих интересах, если произойдут изменения на Балканах из-за каких-либо действий Венгрии против Румынии». Однако Сталин умело уклонился от подобных обещаний²⁹.

В беседе с Молотовым 23 июня 1940 г. Шуленбург подтвердил, что, по мнению Германии, «соглашение о консультации» согласно пакту о ненападении «распространяется и на Балканы». В ответ на это Молотов задал германскому дипломату вопрос, «подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день?». Шуленбург «ответил утвердительно», добавив, что «вопрос о Бессарабии не упоминался, но взят гораздо шире». Затем Молотов сообщил Шуленбургу решение советского правительства по бессарабскому вопросу. В ответ германский посол заявил: «Германия еще осенью прошлого года объявила, что она не имеет политических интересов в Бесса-

рабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной. По мнению Шуленбурга, в свое время постановка вопроса о Бессарабии была такова: СССР заявит свои претензии на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе». Молотов «ответил, что заявление Шуленбурга не соответствует действительности, это только один из частных моментов, но не условие в целом. Вопрос о Бессарабии не нов для Германии. [...] Я рассчитываю, сказал в заключение тов. Молотов, что Германия в соответствии с договором не будет мешать Советскому Союзу в разрешении этого вопроса, а будет оказывать поддержку, понятно, в пределах соглашения»³⁰.

Выступая 19 июля 1940 г. в рейхстаге, Гитлер впервые публично заявил о разграничении сфер интересов Германии и СССР. По его мнению, «германо-русские отношения окончательно определены. Причина этого в том, что Англия и Франция, поддерживаемые некоторыми малыми государствами, постоянно приписывали Германии агрессивные замыслы в регионах, которые находятся вне каких бы то ни было германских интересов. [...] В таких условиях я посчитал правильным прежде всего вместе с Россией трезво произвести установление интересов, чтобы раз и навсегда выяснить, что Германия должна в будущем считать своей зоной интересов и, наоборот, что Россия считает важным для своего существования. На этом четком размежевании обоюдных зон интересов произошло урегулирование на новой основе германо-русских отношений. Всякая надежда на то, что при выполнении этого теперь может возникнуть новая германо-русская напряженность — просто детские фантазии. Ни Германия не сделала ни одного шага, который бы выходил за пределы сферы ее интересов, ни Россия»³¹.

«Разграничение обоюдных сфер интересов» упоминалось в письме Риббентропа Сталину от 13 октября 1940 г.³² Во время визита Молотова в Берлин секретные договоренности 1939 г. упоминались в его беседе с Гитлером 12 ноября 1940 г. Кроме того, «протокол к договору о ненападении» упоминался в телеграмме Сталина Молотову от 12 ноября и беседах Молотова с Шуленбургом и Гитлером 13 ноября³³.

23 июня 1941 г. в германской прессе был опубликован «Меморандум министерства иностранных дел Германии правительству СССР». В нем германское правительство еще раз публично заявило, что суть советско-германских договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 г. «состоит:

1) в обоюдном обязательстве обеих государств не нападать друг на друга и жить в мирном соседстве, и

2) в разграничении сфер интересов посредством отказа Германии от всякого вмешательства в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бессарабии, тогда как территории бывшего польского государства до линии Нарев — Буг — Сан должны были по желанию Советской России войти в ее состав».

При этом утверждалось, что «в Москве при разграничении сфер интересов советское правительство заявило г. министру иностранных дел, что оно не намерено оккупировать, большевизировать или аннексировать государства, относящиеся к его сфере интересов, за исключением областей бывшего польского государства, находящихся в состоянии разложения». Соответственно делался следующий вывод: «Оккупировав и осуществив большевизацию областей Восточной Европы и Балкан, входивших в сферу интересов СССР, которую ему уступило германское правительство, советское правительство поступило явно и недвусмысленно вопреки московским соглашениям»³⁴.

Таким образом, доступные сегодня как советские, так и германские документы однозначно подтверждают наличие советско-германских договоренностей относительно разграничения сфер интересов в Восточной Европе. Из этих документов следует, что эта договоренность была оформлена письменно в виде некоего протокола, однако они не дают ответа на вопрос, как именно выглядел этот документ.

* * *

Как известно, начиная с 1946 г. на Западе получили хождение фотокопии немецких дипломатических документов, среди которых были как советско-германский договор от 23 августа 1939 г., так и секретный дополнительный протокол (см. рис. № 2—10)³⁵. Ныне благодаря любезности Министерства иностранных дел Российской Федерации имеется возможность ознакомиться с визуальными образами документов августа 1939 г., которые с 1992 г. считаются их подлинниками (см. Приложение на с. 321—331)³⁶. Сопоставление немецких фотографий и российских сканов документов 1939 г. порождает довольно много различных вопросов, которые требуют внятных ответов.

Поскольку и на немецких, и на российских изображениях представлены подписанные немецкоязычный и русскоязычный варианты договора о ненападении, то возникает вопрос, почему в Берлине оказался официальный советский текст договора, а в Москве официальный немецкий текст? Ведь в самом документе было указано, что он «составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках»³⁷, а значит, русскоязычный вариант должен был остаться в СССР, а немецкоязычный — отправиться в Германию. Ту же картину мы видим и применительно к секретному дополнительному протоколу — опять обе стороны

23. Aug. 1939
Friedensvertrag.

RICHTANGRIFFSVERTRAG ZWISCHEN DEUTSCHLAND UND
DER UNION DER SOZIALISTISCHEN SOVJETREPUBLICEN.

Die Deutsche Reichsregierung und
die Regierung der Union der Sozialistischen
Sowjetrepubliken

geleitet von dem Wunsche die Sache des Friedens
zwischen Deutschland und der UdSSR zu festigen und aus-
gehend von den grundlegenden Bestimmungen des Neutrali-
tätsvertrages, der im April 1926 zwischen Deutschland
und der UdSSR geschlossen wurde, sind zu nachstehender
Vereinbarung gelangt:

Artikel I.

Die beiden Vertragsschliessenden Teile verpflichten sich, sich jeden Gewaltakts, jeder aggressiven Handlung und jedes Angriffs gegen einander, und zwar sowohl einzeln als auch gemeinsam mit anderen Mächten, zu enthalten.

Artikel II.

Falls einer der Vertragsschliessenden Teile Gegenstand kriegerischer Handlungen seitens einer dritten Macht werden sollte, wird der andere Vertragsschliessende Teil in keiner Form diese dritte Macht unterstützen.

Artikel III.

Die Regierungen der beiden Vertragsschliessenden Teile werden künftig fortlaufend zwecks Konsultation in

F110048

Рис. 2. Немецкие фотографии немецкоязычного текста договора о ненападении (кадр F110048)

Wahlung miteinander bleiben, um sich gegenseitig über Fragen zu informieren, die ihre gemeinsamen Interessen betreffen.

Artikel IV.

Keiner der beiden Vertragsschließenden Teile wird sich an irgend einer Mächtegruppierung beteiligen, die sich mittelbar oder unmittelbar gegen den anderen Teil richtet.

Artikel V.

Falls Streitigkeiten oder Konflikte zwischen den Vertragsschließenden Teilen über Fragen dieser oder jener Art entstehen sollten, werden beide Teile diese Streitigkeiten und Konflikte ausschließlich auf dem Wege freundschaftlichen Meinungsaustausches oder nötigenfalls durch Einsetzung von Schlichtungskommissionen bereinigen.

Artikel VI.

Der gegenwärtige Vertrag wird auf die Dauer von 10 Jahren abgeschlossen mit der Aussage, dass, soweit nicht einer der Vertragsschließenden Teile ihn ein Jahr vor Ablauf dieser Frist kündigt, die Dauer der Wirksamkeit dieses Vertrages automatisch für weitere fünf Jahre als verlängert gilt.

Artikel VII.

Der gegenwärtige Vertrag soll innerhalb möglichst kurzer Frist ratifiziert werden. Die Ratifikationsurkunden sollen in Berlin ausgetauscht werden. Der Vertrag tritt sofort mit seiner Unterzeichnung in Kraft.

Ausgefertigt in doppelter Urschrift, in deutscher und russischer Sprache.

Warschau am 23. August 1939.

F110019 Für

Рис. 3. Немецкие фотографии немецкоязычного текста договора о ненападении (кадр F110049)

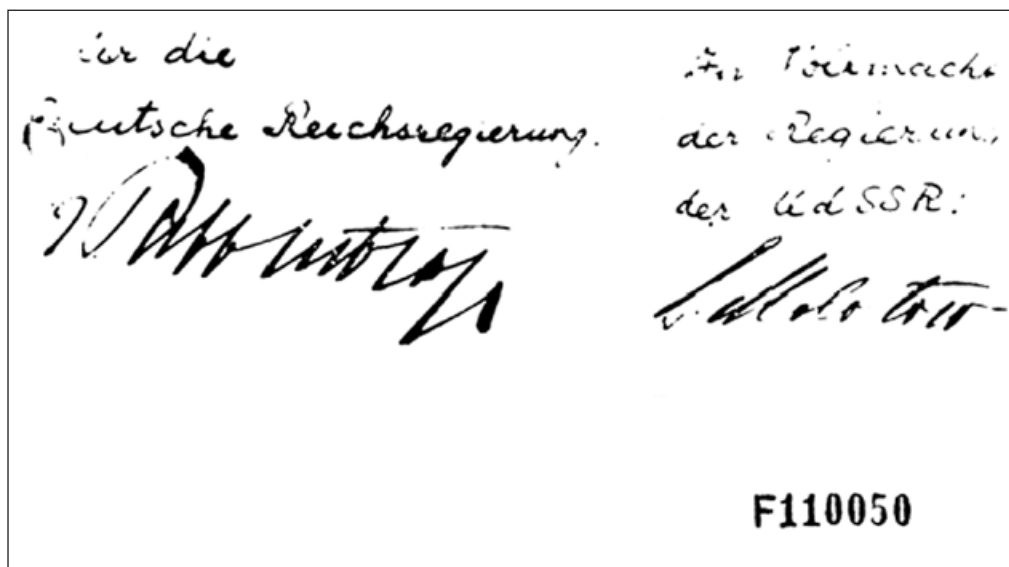

Рис. 4. Немецкие фотографии немецкоязычного текста договора о ненападении (кадр F110050)

демонстрируют нам и немецкоязычный, и русскоязычный тексты документа с подписями. Никакого объяснения данного довольно странного факта никто никогда не давал. До сих пор неизвестны какие-либо документальные подтверждения того, что в 1939 г. было подписано по 4 экземпляра соответствующих документов.

Внешний вид договора о ненападении не соответствует дипломатической практике оформления подобных документов. Так, советско-германское Кредитное соглашение от 19 августа 1939 г. было оформлено по всем правилам. Документ прошит специальным шнуром, который закреплен сургучной печатью Торгового представительства СССР в Германии (или МИД Германии в немецкоязычном варианте)³⁸. В конце текста на одном уровне впечатаны полномочия подписантов и расшифровка их фамилий (см. Приложение на с. 317–320). Схожее оформление мы видим и применительно к советско-югославскому договору о дружбе и ненападении от 5 апреля 1941 г. и советско-японскому договору о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.³⁹ Советско-германский договор от 23 августа 1939 г. выглядит совершенно иначе.

Немецкая фотография создает впечатление, что подписи Молотова и Риббентропа под немецкоязычным текстом договора выполнены на отдельной странице. Подобное расположение подписей также вызывает серьезные вопросы. Ведь в таком случае страница с подписями

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Правительство СССР и

Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультаций, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

F110051

Рис. 5. Немецкие фотографии русскоязычного текста договора о ненападении (кадр F110051)

Статья IV.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам 1 го или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продолженным на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

М. Уфимович За Правительством
Гр. Вильгельм Германии:
В. Мислов *В. Вильгельм*

F110052

Рис. 6. Немецкие фотографии русскоязычного текста договора о ненападении (кадр F110052)

может быть присоединена к любому документу. Совершенно очевидно, что никакие документы подобным образом не подписывают. Российский скан данного документа позволяет увидеть, что немецкоязычный текст договора был подписан на обороте 2-й страницы. Представляется, что такое странное оформление подлинников договора нуждается в объяснении.

Но самое странное заключается в том, что в немецкоязычных текстах договора и протокола подпись Молотова выполнена латиницей. На странность подобного факта указал и внук Молотова В. А. Никонов, отметивший, что «это единственный такого рода “подписанный” им документ, который мне известен. Дед владел английским, но “по-английски” или “по-немецки” не подписывался»⁴⁰. При этом сам внешний вид подписей Молотова, выполненных латиницей в тексте договора и протокола, различается между собой.

Объясняя эту ситуацию с советско-германскими документами 1939 г., Б. Л. Хавкин высказал мнение, что использование иностранного языка при подписании документов применялось «в дипломатической практике как свидетельство доброй воли»⁴¹. Отсюда, кстати, следует, что Риббентроп не захотел проявить «доброй воли», подписавшись в русскоязычных текстах документов кириллицей. Представляется, что подобное объяснение излишне фантастично и не имеет никакого отношения к реальности. Еще более экстравагантную версию предложил В. И. Болдин: «Изменяя своим правилам, В. М. Молотов действительно подписался латинскими буквами. Не думаю, что это случайность. В таких вопросах импровизаций не бывает. Скорее всего, он рассчитывал на то, что достоверность документа может быть поставлена под сомнение»⁴². Только не ясно, кого именно хотел обмануть таким «хитрым» способом Молотов — Риббентропа или будущих историков?

Здесь следует вспомнить, что подпись в любом документе это не простое украшение, а уникальная совокупность символов, написанных от руки, с применением определенных оформительных приемов, служащая для аутентификации (иногда также для идентификации) человека, необходимая для юридического подтверждения аутентичности подписанного документа. Совершенно очевидно, что использование для подписи иностранной графики лишает подпись ее аутентификационных особенностей. Поэтому подпись Молотова латиницей под официальными документами нуждается в обстоятельном объяснении.

При этом в русскоязычных текстах документов подписи даны на разных языках. Но в тексте секретного протокола подпись Молотова находится выше подписи Риббентропа, что является нарушением дипломати-

ческого протокола применительно к подписанию межгосударственных соглашений.

Кроме того, согласно правилу альтерната при оформлении двусторонних международных договоров, составленных на обоих языках, первое место (с левой стороны) занимает подпись представителя того государства, у которого будет храниться данный экземпляр договора. На экземпляре документа, предназначенного для другой стороны, подписи ставятся в **обратном** порядке. Однако в рассматриваемых документах 1939 г. это правило было нарушено. Так, во всех немецкоязычных текстах и договора, и протокола, находившихся как в Берлине, так и в Москве, с левой стороны стоит подпись Риббентропа, а во всех русскоязычных текстах — Молотова. Думается, что все эти нюансы также требуют объяснения.

Кроме того, в немецкоязычных текстах договора на немецкой фотографии и на русском скане имеются различия в оформлении рукописных фраз и подписей: 1) во фразе «In Vollmacht der Regierung der UdSSR» не совпадает перенос строк, 2) подписи Риббентропа и Молотова в обоих вариантах совершенно различны. В последнем слове 3-й статьи «berühren» буква «h» вписана над строкой от руки, но эта правка выглядит по-разному на немецком фото и на русском скане. При этом в 5-й статье и в том, и в другом варианте в словах «und Konflikte» имеется рукописная правка на «oder Konflikte».

Русскоязычные тексты договора на немецком фото и на русском скане имеют различный перенос слов во 2-й и 7-й статьях, в 5-й статье точка в конце абзаца стоит после пробела, тогда как на немецкой копии без пробела. Взаимное расположение рукописных надписей «По уполномочию Правительства СССР» и «За Правительство Германии», а также подписей совершенно иное, как, впрочем, и сами подписи одного и того же лица различаются между собой.

Немецкоязычный вариант протокола имеет разное оформление на разных страницах: сначала пункты протокола нумеруются как «1.», «2.», но на следующей странице мы видим совершенно другое — «3)», «4)». Создается впечатление, что в данном случае имеет место соединение двух разных страниц разных вариантов документа.

Не меньше вопросов вызывают исправления, которые имеются в официально подписанных документах. Русскоязычный текст протокола на немецком фото в 1-м абзаце документа имеет исправление в слове «разграничение» — буква «з» вписана от руки над строкой. В русском скане этого нет. Напечатанное в каждом русскоязычном варианте изначально название реки «Нарево» исправлено по-разному. На немецком фото исправление на «Нарева» было сделано путем

Geheimes Zusatzprotokoll.

Aus Anlass der Unterzeichnung des Nichtangriffsvertrages zwischen dem Deutschen Reich und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken haben die unterzeichneten Bevollmächtigten der beiden Teile in streng vertraulicher Aussprache die Frage der Abgrenzung der beiderseitigen Interessensphären in Osteuropa erörtert. Diese Aussprache hat zu folgenden Ergebnis geführt:

1. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung in den zu den baltischen Staaten (Finnland, Estland, Lettland, Litauen) gehörenden Gebieten bildet die nördliche Grenze Litauens zugleich die Grenze der Interessensphären Deutschlands und der UdSSR. Hierbei wird das Interesse Litauens am Wilnaer Gebiet beiderseits anerkannt.

2. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung der zum polnischen Staat gehörenden Gebiete werden die Interessensphären Deutschlands und der UdSSR ungefähr durch die Linie der Flüsse Märew, Weichsel und San abgegrenzt.

Die Frage, ob die beiderseitigen Interessen die Erhaltung eines unabhängigen polnischen Staates erwünscht erscheinen lassen und wie dieser Staat abzugrenzen wäre, kann endgültig erst im Laufe der weiteren politischen

F19 182

Рис. 7. Немецкие фотографии немецкоязычного текста секретного дополнительного протокола (кадр F19 182)

Entwicklung geklärt werden.

In jedem Falle werden ^{beide} bei Anforderungen diese Frage
in Wege einer freundschaftlichen Verständigung lösen.

3) Hinsichtlich des Südostens Europas wird von
sowjetischer Seite das Interesse an Bessarabien betont.
Von deutscher Seite wird das völlige politische Desinter-
essement an diesen Gebieten erklärt.

4) Dieses Protokoll wird von beiden Seiten streng
geheim behandelt werden.

Moskau, den 23. August 1939.

Für die
Deutsche Reichsregierung:

A. Ribbentrop

In Vollmacht
der Regierung der
U.S.S.R.:

W. Molotow

F19 183

Рис. 8. Немецкие фотографии немецкоязычного текста
секретного дополнительного протокола (кадр F19 183)

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Самойландия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарва, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

F19 184

Рис. 9. Немецкие фотографии русскоязычного текста секретного дополнительного протокола (кадр F19 184)

3. Насчетливо его-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Восточной Европе. С германской стороны указывается о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строжайшем секрете.

Губернатору Самар.
В. М. Мухомову.

34 Прогнозът на
Германия:

Robert L. Taylor

Рис. 10. Немецкие фотографии русскоязычного текста секретного дополнительного протокола (кадр F19 185)

приписывания к букве «о» справа дополнительной палочки, чтобы получить букву «а». На российском скане буква «а» была от руки надписана прямо на первоначальной букве «о». При этом совершенно непонятно, почему вообще возникло такое своеобразное написание названия реки, ведь и по-немецки, и по-русски, и по-польски она называется Нарев (Narew).

Следует отметить, что даже в современных документальных публикациях существуют разночтения в написании названий рек, упоминаемых в протоколе и разъяснении к нему:

1) Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г.:

«по линии рек Нарева, Висла и Сана»⁴³,

«по линии рек Нарева, Вислы и Сана»⁴⁴,

«по линии рек Нарев, Вислы и Сана»⁴⁵.

2) Разъяснение к секретному дополнительному протоколу от 28 августа 1939 г.:

«по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана»⁴⁶,

«по линии рек Писса, Нарева, Вислы и Сана»⁴⁷,

«по линии рек Писсы, Нарева, Вислы и Сана»⁴⁸.

С чем связаны подобные расхождения — остается неизвестным. Как, впрочем, и то, почему названия рек в документах 1939 г. не были даны в именительном падеже, что в гораздо большей степени соответствовало бы русскому языку.

Также в русскоязычных текстах секретного протокола трижды используется нехарактерное для русского языка словосочетание «обоими сторонами»⁴⁹. Поскольку такой же оборот имеется в подготовленном немцами русском переводе германского проекта договора о ненападении⁵⁰, можно предположить, что в обоих случаях мы имеем дело с переводом с немецкого на русский, выполненным немецкой стороной. Это же словосочетание «Правительства обоих Договаривающихся Сторон» имеется в первом предложении 3-й статьи подписанного договора о ненападении (см. Приложение на с. 321)⁵¹. Естественно, возникает вопрос, почему обсуждавшийся и подписывавшийся в Кремле секретный дополнительный протокол известен нам только в переводе с немецкого языка?

На немецком и российском изображениях русскоязычного варианта протокола 2-й абзац 2-го пункта протокола имеет различный перенос слов. Написание и взаимное расположение словосочетания «По уполномочию Правительства СССР» и обеих подписей различаются следующим образом:

Во-первых, первая строка фразы «По уполномочию Правительства СССР» находится под небольшим углом к машинописной строке

«Москва, 23 августа 1939 года», хотя на немецких фотографиях документа эти строки параллельны.

Во-вторых, обе заглавные буквы «П» фразы «По уполномочию Правительства СССР» начертаны более размашисто, чем на немецких фото русскоязычного варианта текста.

В-третьих, подпись Риббентропа наползает на вторую строку фразы «За Правительство Германии», чего не наблюдается на немецких фотографиях.

Во 2-м пункте немецкоязычного текста протокола в слове «ungefähr» — последняя буква «t» не зачеркнута, в отличие от русского скана, хотя это явная опечатка. В последнем абзаце этого пункта на немецком фото есть впечатанное над строкой над словом «bei» слово «beide», чего нет на русском скане. В 3-м пункте на русском скане впечатан над строкой артикль «das», тогда как на немецком фото этот артикль напечатан нормально в строке. Кроме того, в этом пункте документа мы видим различный перенос слов. Точно так же в каждом варианте видно явное различие в подписях как Риббентропа, так и Молотова.

В 2002 г. в изданной в Германии книге Л. А. Безыменский опубликовал русскоязычную копию секретного дополнительного протокола, которая якобы является подлинником этого документа (см. рис. № 11–12)⁵². Однако еще в 1993 г. при публикации, как было объявлено, подлинников этих документов из Архива Президента Российской Федерации указывалось, что «в «Особой папке» содержится также копия «Секретного дополнительного протокола о границе сфер интересов Германии и СССР» от 23 августа 1939 года (опись № 1, документ № 1) с напечатанным текстом: «По уполномочию Правительства СССР: В. Молотов. За Правительство Германии: Риббентроп», но без собственноручных подписей Молотова и Риббентропа. На первой странице текста «Секретного дополнительного протокола» в правом верхнем углу — карандашная пометка: “Тов. Сталину. В. М.”»⁵³. Видимо, в книге Безыменского первая страница документа с карандашной пометкой была соединена со второй страницей того документа, где имеются рукописные фразы и собственноручные подписи, что фактически является фальсификацией визуального образа документа.

Таким образом, наличие вышеуказанных расхождений в сравниваемых немецких фотографиях и сканах из архива МИД РФ показывает, что эти документы не являются копиями друг друга. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с разными документами. В свою очередь это возвращает нас к базовому вопросу — сколько всего было подписано документов? Почему указанное в самом договоре количество оригиналов явно

Мол. С. С. С. С. С.
В. И. З.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер общих интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к ниже следующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Вилейской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарва, Висла и Сана.

Вопрос, является ли в общих интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

- 2 -

3. Исключительно кто-восток Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Эссарбии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

Москва, 23 августа 1939 года.

За Правительство

Гитлер

Рис. 11—12. Копия секретного дополнительного протокола из книги Л. А. Безыменского

противоречит ситуации, когда как в Берлине, так и в Москве имеются по два разноязычных подписанных подлинника документа?

В ходе Нюрнбергского процесса защитник Рудольфа Гесса Альфред Зайдль утверждал, что секретный дополнительный протокол был изготовлен «только в двух экземплярах. Один из них был после подписания 23 августа 1939 г. оставлен в Москве, а другой Риббентроп привез в Берлин». При этом бывший статс-секретарь Министерства иностранных дел Германии Эрнст фон Вайцзеккер утверждал, что «видел фотокопию этого соглашения, может быть, я видел подлинник, но, во всяком случае, фотокопию я держал в руках. Один экземпляр фотокопии был заперт у меня в сейфе». Как справедливо отметила германский историк И. Фляйшхауэр, «шла ли речь об одной единственной или нескольких копиях и были ли они изготовлены по желанию или с ведома Риббентропа, неизвестно»⁵⁴. Однако еще в 15.50 26 августа 1939 г. германское посольство в Москве получило телеграмму от Риббентропа, который напоминал, что «подписанный 23 августа секретный дополнительный протокол вместе со всеми имеющимися черновиками должен держаться в строжайшем секрете», и требовал взять с сотрудников, знающих о нем, подписку о неразглашении⁵⁵. О каком документе говорится в этой телеграмме, разве Риббентроп не забрал его с собой в Берлин? И хотелось бы знать, а сколько именно имелось черновиков? К сожалению, до сих пор точно неизвестно, сколько вообще было подписано экземпляров протокола.

Изучение комплекса документов августа 1939 г. позволяет утверждать, что ни в тексте договора о ненападении, ни в тексте протокола нет никаких указаний на взаимную связь этих документов. То есть юридически протокол не являлся частью советско-германского договора. В отличие от договора, окончательный текст которого был опубликован 24 августа, доработка текста протокола продолжалась, о чем свидетельствует «Разъяснение...» от 28 августа⁵⁶. Соответственно, протокол не проходил процедуру ратификации⁵⁷, а значит, не получил «юридически закрепленного статуса межгосударственного документа». В свою очередь это означает, что и для СССР, и для Германии это был своеобразный «протокол о намерениях», фактически речь идет о письменно оформленной договоренности на уровне глав внешнеполитических ведомств, которая позднее не раз изменялась и уточнялась. Несмотря на то что в протоколе имеется слишком много слов о его секретности, в нем нигде не указано, в скольких оригиналах он составлен, на каких языках и какой юридической силой они обладают. Не ясно, почему фразы «По уполномочию Правительства СССР» и «За правительство Германии» не были напечатаны на машинке? Ведь это было сделано в «Разъяснении...». И почему

во всех этих документах нет машинописных расшифровок фамилий подписантов?

Кроме того, имеется ряд вопросов непосредственно по тексту секретного дополнительного протокола. Так, в протоколе нет объяснения, что такое «сфера интересов», что в дальнейшем позволило Германии обвинить СССР в его нарушении. В 1-м пункте документа точно не указано, с какой стороны латвийско-литовской границы находится сфера интересов Германии, а с какой СССР. В результате данный текст допускает различные толкования. Только по другим документам можно понять смысл этого абзаца.

В протоколе очень невнятно сформулирована ситуация с Виленской областью. Во-первых, Литва не была участником соглашения, поэтому очевидно, что это была попытка немцев расширить свою сферу интересов на восток от литовско-польской границы 1939 г. Во-вторых, никаких четких границ Виленской области никогда не существовало, и фактически Москва предоставила Берлину карт-бланш на произвольную трактовку данного вопроса. Ведь немцы могли использовать советско-литовский договор от 12 июля 1920 г., по которому Литва должна была получить значительную часть северо-западной Белоруссии с городами Гродно, Лида, Ошмяны⁵⁸. То есть весь огромный регион от стыка латвийско-литовско-польской границы до германской границы в Восточной Пруссии (около 350 км) остался не разграниченным на сферы интересов. Это особенно странно, если учесть, что Молотов активно добивался и добился уточнения протокола, в который было внесено название реки Писса (около 35 км от р. Нарев до границы Германии). Собственно, проблема с Виленской областью актуализировалась уже 22 сентября 1939 г., когда Шуленбург передал Молотову памятную записку, в которой, ссылаясь на занятие города советскими войсками, указал, что «заключенное между нами соглашение признает заинтересованность Литвы в этой области. Мы поэтому предполагаем, что между нами существует согласие в том, что при окончательном территориальном переустройстве Виленская область *в форме, подлежащей дальнейшему согласованию между нами* (курсив мой. — М. М.), будет передана Литве»⁵⁹.

Поскольку в протоколе не упоминаются никакие возможные действия сторон в отношении расположенных между ними государств, он юридически не нарушал никаких договоренностей Германии или СССР с третьими странами. Как верно отметил германский историк Р.-Д. Мюллер, «эти договоренности от 23 августа 1939 г. вначале оставались лишь малозначащим заявлением о намерениях и позднее могли быть изменены. Соглашение от 23 августа 1939 г. поначалу представ-

ляло собой, таким образом, не более чем “Соглашение о моратории” (“Stillhalteabkommen” /Klaus Hildebrand/) между двумя сторонами. Это был результат шахматного цугцванга — сложного безвыходного положения, в которое Гитлер загнал себя сам в результате изменения политики по отношению к Польше и которое Сталин искусно использовал в собственных интересах»⁶⁰.

Таким образом, источниковедческое исследование доступных ныне немецких и российских изображений документов 1939 г. показывает, что, как ни странно, до сих пор актуально высказанное еще 28 марта 1989 г. на заседании Комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики мнение начальника Историко-дипломатического управления МИД СССР Ф. Н. Ковалева: «Был ли подписан в конечном счете после переговоров протокол или была достигнута какая-то устная договоренность — этого мы не знаем. Нам это действительно неизвестно. Договоренности, несомненно, были достигнуты, но с теми ли формулировками, которые есть в фотокопиях ФРГ, или в иной форме, на сто процентов гарантию дать невозможно»⁶¹. Не менее здравой была и позиция главного редактора газеты «Известия» И. Д. Лаптева, который отметил: «Говорится, что подлинников протоколов нигде нет, а подтвердить подлинность копии мы не можем. Пусть будет сделано заявление о том, что в результате исследования, консультаций с различными странами — ФРГ, другими — не удалось установить подлинность документов, что нет этих секретных протоколов в том виде, в каком могли бы использовать их как документ, под которым стоят подписи государств»⁶².

Доступные ныне немецкие и российские визуальные образы августовских документов 1939 г. наглядно показывают, что их оформление содержит значительное количество странностей, которые требуют прояснения. Как верно отметил В. П. Козлов, спорные внешние признаки и отсутствие возможности натурно-демонстрационного знакомства с источником свидетельствуют больше в пользу подложности источника, нежели его подлинности⁶³. Представляется, что поскольку немецкие оригиналы отсутствуют, для окончательного прояснения всех вопросов об аутентичности этих документов следует провести всестороннюю физико-химическую и делопроизводственную экспертизу имеющихся российских документов. Кроме того, требуют объяснения как минимум: 1) сколько всего документов было подписано; 2) почему количество подписанных договоров о ненападении не совпадает с самим текстом документа; 3) чем объясняется странное оформление договоров о ненападении; 4) как объяснить подпись Молотова латиницей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Foreign relations of the United States. Diplomatic papers (далее — FRUS). 1939. Vol. 1: General. Washington, 1956. P. 342–343.

² FRUS. 1939. Vol. 1. P. 483.

³ Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, 1948. P. 76–78.

⁴ *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. Пер. с нем. М., 1991. С. 465.

⁵ Известия. 1989. 27 декабря; Второй съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. С. 612–614.

⁶ Как заявил 1-й заместитель министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалев, «это именно машинописные копии, по внешнему виду отличающиеся от западногерманских копий, но по содержанию полностью совпадающие с ними» (Известия. 1989. 27 декабря; Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 4. С. 56–57). Однако на этих копиях не указано, когда, кем и для кого они были отпечатаны, а сами они находятся в деле, которое неизвестно когда и кем было внесено в составленную в 1957 г. архивную опись (Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 4. С. 58–62).

⁷ *Осин В. М.* Найдены свидетельства сговора сталинского режима с фашистской Германией // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 70; Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 83–95; Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3–15.

⁸ 25 августа 1939 г. германский посол в Москве Ф. фон дер Шуленбург сообщил в Берлин, что этим вечером В. М. Молотов вызвал его и заявил, что «из-за большой поспешности, с которой составлялся секретный дополнительный протокол, в его текст вкралась одна неясность». Дело в том, что «неточность использовавшейся во время переговоров карты породила у всех участников неверное впечатление, будто Нарев в своем верхнем течении достигает восточно-прусской границы», хотя это не так. Поэтому Молотов предложил изменить последнюю фразу первого абзаца 2-го пункта протокола следующим образом: «разграничено линией рек Писса, Нарев, Висла и Сан», что «можно было бы осуществить путем обмена письмами между ним и мною». Германский посол просил «полномочий на то, чтобы согласовать с Молотовым вопрос о внесении такого дополнения». 27 августа статс-секретарь германского МИДа Э. фон Вайцзеккер сообщил Шуленбургу о согласии Берлина на такой обмен письмами. 28 августа соответствующий документ был подписан в форме разъяснения к дополнительному протоколу, о чем Шуленбург в тот же день сообщил в Берлин телеграммой № 229 и обещал прислать документы «со следующей безопасной возможностью» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). Serie D. Bd. 7: Die letzten Monate vor Kriegsausbruch. 9. August bis 3. September 1939. Baden-Baden, 1956. S. 247, 297; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 465–466; Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. В 3 т. Т. 3: 1933–1941. М., 2011. С. 282–283; Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 335).

⁹ *Мухин Ю. И.* Антироссийская подлость. М., 2003. С. 123–151; *Сахаров В. А.* Истоки и дефекты отечественной историографии источниковедения секретного дополнительного протокола к пакту о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. // Гуманитарные науки в техническом вузе. М., 2006. С. 151–167; *Сидак В. А.* Еще раз о «пакте Риббентропа — Молотова» // Обозрение — Observer. 2006. № 1. С. 110–119; *Сидак В. А.* Оригиналы секретных протоколов — на стол! // Обозрение — Observer. 2008.

№ 8. С. 87–105; *Мартиросян А. Б.* Сговор диктаторов или мирная передышка? М., 2009. С. 101–182; *Канто А. С.* Пакт Молотова — Риббентропа: мистификация или реальность. М., 2009. С. 36–56; 2-е изд. М., 2011. С. 33–51; *Кунгуров А. А.* Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова — Риббентропа. М., 2009; 2-е изд. М., 2014; *Мухин Ю. И.* Кто на самом деле развязал Вторую мировую войну? М., 2010. С. 102–127; *Кунгуров А. А.* Пакт Молотова — Риббентропа: тайна секретных протоколов. М., 2018; *Осовин И.* Загадки «пакта Молотова — Риббентропа» // URL: <http://www.conspirology.ru/2009/09/zagadki-pakta-molotova-ribbentropa.htm>; дата обращения 03.03.2019.

¹⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 1. М., 1960. С. 176.

¹¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 283.

¹² Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997. С. 59–63.

¹³ ADAP. Serie D. Bd. 8: Die Kriegsjahre. 4. September 1939 bis 18. März 1940. Baden-Baden — Frankfurt am Main, 1961. S. 72.

¹⁴ ADAP. Serie D. Bd. 8. S. 81–82; СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях. В 2 т. Вильнюс, 1989. Т. 1: Апрель — октябрь 1939 г. С. 103–104. В своих воспоминаниях В. Варлимонт следующим образом рассказал об этом эпизоде: «17 сентября во второй половине дня русский военный атташе в Берлине появился в сопровождении адмирала Канариса в отделе “Л” на Бендлерштрассе, чтобы получить от меня информацию относительно целей наступления и передвижений, осуществляемых германскими войсками в Польше. Это был полковник, одетый в коричневый военный китель, и он прослушал мою информацию с каменным лицом, не произнеся ни слова. Наша встреча имела важное продолжение. На следующее утро Йодль рассказал мне по телефону, что прошлой ночью Сталин сам позвонил из Москвы Риббентропу и сурово его упрекал за то, что, согласно сообщению русского военного атташе, немецкие войска намереваются занять нефтяное месторождение Дрогобыч в Южной Польше. Это, сказал он, нарушение демаркационной линии, установленной в секретном приложении к договору от 23 августа. Зная о нашей нехватке нефти, но не ведая об этом договоре, во время встречи с военным атташе я особо подчеркнул нашу заинтересованность в этой территории» (*Варлимонт В.* В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. М., 2005. С. 44).

¹⁵ ADAP. Serie D. Bd. 8. S. 81; СССР — Германия: 1933–1941. М., 2009. С. 221.

¹⁶ *Прозектор Д. М.* Война в Европе. 1939–1941 гг. М., 1963. С. 117.

¹⁷ ADAP. Serie D. Bd. 8. S. 85, 88, 95; Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Т. 3. С. 294.

¹⁸ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 22. В 2 кн. М., 1992. Кн. 2: 1 сентября — 31 декабря 1939 г. С. 28–29.

¹⁹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 60–61.

²⁰ Там же. Л. 62.

²¹ Там же. Л. 65–67; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Пер. с нем. В 3 т. Т. 1: От начала войны с Польшей до конца наступления на Западном фронте (14.8.1939 г. — 30.6.1940 г.). М., 1968. С. 126–127, 128–129; General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941. Frankfurt am Main, 1965. S. 176–178; *Hass G.* 23. August 1939: Der Hitler — Stalin Pact: Dokumentation. Berlin, 1990. S. 229–231. Подробнее об этих военных переговорах см.: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские конфликты 1918–1939 гг. М., 2017. С. 377–381.

²² РГВА. Ф. 40925. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–4.

²³ ADAP. Bd. 8. S. 85, 88, 95; Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Т. 3. С. 293; Известия. 1939. 23 сентября; Внешняя политика СССР. 1917–1944 гг. Сборник документов. В 6 т. Т. 4 (1935 — июнь 1941 гг.). М., 1946. С. 449; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 121.

²⁴ В конце 1920-х гг. в СССР р. Западный Буг считалась левым притоком р. Нарев (БСЭ. 1-е изд. Т. 7. М., 1927. Стб. 767). В конце 1930-х считалось, что р. Нарев сливается с р. Западный Буг «и под именем Буго-Нарева (длина 37 км) впадает в Вислу» (БСЭ. 1-е изд. Т. 41. М., 1939. Стб. 154). Позднее Нарев стал считаться правым притоком Западного Буга, который стал правым притоком р. Висла (БСЭ. 2-е изд. Т. 6. М., 1951. С. 218; Т. 29. М., 1954. С. 124; БСЭ. 3-е изд. Т. 4. М., 1971. С. 86, стб. 241; Т. 17. М., 1974. С. 249, стб. 735; БРЭ. Т. 4. М., 2006. С. 286; Т. 22. М., 2013. С. 48).

²⁵ Полпреды сообщают...: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990. С. 75–82.

²⁶ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Сборник документов. В 2 т. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 — август 1940 гг.). Vilnius, 2006. С. 227–237.

²⁷ ADAP. Serie D. Bd. 8. S. 166–167; СССР — Германия. 1939–1941. Т. 2: Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. С. 11–12.

²⁸ ADAP. Serie D. Bd. 8. S. 168.

²⁹ *Fleischhauer I.* Der deutsch-sowjetische Grenz- und Freundschaftsvertrag vom 28. September 1939. Die deutschen Aufzeichnungen über die Verhandlungen zwischen Stalin, Molotov und Ribbentrop in Moskau // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1991. № 3. S. 464; *Фляйшхауэр И.* Пакт Молотова — Риббентропа: германская версия // Международная жизнь. 1991. № 7. С. 136; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 613–614.

³⁰ ДВП. Т. 23. В 2 кн. Кн. 1: 1 января 1940 — 31 октября 1940. М., 1995. С. 364–366; Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы. В 2 т. М., 2000. Т. 2: 1935–1941. С. 302–304. 24 июня 1940 г. Риббентроп подготовил для Гитлера записку с текстом секретного дополнительного протокола, в котором были допущены следующие опечатки: «beide Erklärungen» вместо «beide Regierungen» и «stark geheim» вместо «streng geheim», которые были отмечены, но никак не объяснены публикаторами (ADAP. Serie D. Bd. 10: Die Kriegsjahre. 23. Juni bis 31. August 1940. Frankfurt am Main, 1963. S. 9–10). Интересно отметить, что в публикации Госдепартамента США 1948 г. эта записка приведена без текста протокола, была просто дана отсылка на страницу книги с протоколом (Nazi-Soviet Relations 1939–1941. P. 157–158).

³¹ *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Bd. 2: Untergang. Hdb. 1: 1939–1940. München, 1965. S. 1556; *Мюллер Р.-Д.* Враг стоит на Востоке. Гитлеровские планы войны против СССР в 1939 году. Пер. с нем. М., 2015. С. 278–279.

³² 1941 год. Документы. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 305–310; Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Т. 3. С. 517–523; ADAP. Serie D. Bd. 11. Hbd. 1: Die Kriegsjahre. 1. September bis 13. November 1940. Bonn, 1964. S. 248–253.

³³ ДВП. Т. 23. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. В 2 ч. Ч. 1: 1 ноября 1940–1 марта 1941. С. 45–46, 48, 54, 62, 63–68; Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Т. 3. С. 557–559; ADAP. Serie D. Bd. 11. Hbd. 1. S. 455–472.

³⁴ *Völkischer Beobachter.* 1941. 23 Juni. S. 4, 7; Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Bd. 17: Das Dritte Reich. Vom europäischen zum globalen Krieg. Der Angriff auf die Sowjetunion. Der Kriegsausbruch zwischen Japan und den USA. Berlin, 1975. S. 212–224.

³⁵ *Hass G.* 23. August 1939: Der Hitler — Stalin Pact. S. 195—197, 200—203; *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938—1939. С. 328—330; *Lipinsky J.* Das Geheime Zusatzprotokoll zum deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrag vom 23. August 1939 und seine Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte von 1939 bis 1999. Frankfurt am Main, 2004. S. 632—634, 636—641.

³⁶ Ранее изображение русскоязычного текста советско-германского договора о ненападении из архива МИД Российской Федерации публиковалось в: Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3 т. Т. 2: 1917—2002 гг. М., 2002. С. 257. Однако в данной публикации 1-я страница документа была воспроизведена без верхней части листа, где находится оттиск герба СССР. Чтобы это не бросалось в глаза, изображение было несколько увеличено по сравнению со 2-й страницей документа.

³⁷ Известия. 1939. 24 августа; Год кризиса. Т. 2. С. 320; ДВП. Т. 22. Кн. 1: 1 января — 31 августа 1939 г. С. 632.

³⁸ Наличие в архиве МИД Российской Федерации и русскоязычного, и немецкоязычного экземпляров текста Кредитного соглашения полностью подтверждается его текстом: «Составлено в двух экземплярах, каждый на русском и немецком языках, причем оба текста имеют одинаковую силу» (Международная жизнь. 1989. № 9. С. 107; Год кризиса. Т. 2. С. 284).

³⁹ См. фотокопии: История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 3. М., 1974. Фотоувеличение между С. 368—369.

⁴⁰ *Никонов В.* Тайны Второй мировой // Независимое военное обозрение. 1999. № 33 (156). 27 августа — 2 сентября.

⁴¹ *Хавкин Б.* К истории публикации советских текстов советско-германских секретных документов 1939—1941 гг. // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки. М., 2010. С. 237.

⁴² *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 261. На этой же странице своей книги Болдин уверяет, что «секретные протоколы состояли, если мне не изменяет память, из двух листов текста, завизированных Риббентропом и Молотовым... Подпись Молотова на секретном протоколе была сделана латинскими буквами». Из этого следует, что речь идет о немецкоязычном тексте протокола. Тогда возникает вопрос, а где же находился русскоязычный текст этого документа, который, согласно публикации 1992 г., хранился вместе с немецкоязычным вариантом? Все это порождает обоснованные сомнения в том, что Болдин видел эти документы в 1987 г. Вполне возможно, что таким образом он просто поддерживает официальную версию, обвиняющую М. С. Горбачева в их сокрытии.

⁴³ Год кризиса. Т. 2. С. 321.

⁴⁴ Вопросы истории. 1989. № 6. С. 20; Международная жизнь. 1989. № 9. С. 92; Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 89; Вопросы истории. 1993. № 1. С. 6; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 632; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 577.

⁴⁵ Катынь. Пленники необъявленной войны... С. 58. Любопытно отметить, что в данном издании утверждалось, что «к секретному протоколу было приложено более десятка карт Польши и Прибалтийских стран с подробным обозначением сфер влияния двух сторон договора» (Там же. С. 392). Подобные расплывчатые заявления так и не были ничем подтверждены и больше нигде и никогда не публиковались. Вероятно, фантазии о неких картах, приложенных к протоколу, связаны с рассказами В. И. Болдина о наличии «довольно большой карты западных районов СССР и сопредельных стран, подписанной Риббентропом и Сталиным», которую он приносил в кабинет М. С. Горбачева (*Гарифуллина Н.* Мистификаторы. Руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин «уточняет» А. Яковлева

и М. Горбачева // Советская Россия. 1993. 11 марта; *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. С. 261). Совершенно очевидно, что речь идет о карте, приложенной к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., которая зачастую выдается за карту, подписанную 23 августа, хотя на ней красным карандашом крупными цифрами написана дата «28/IX/39» (см., напр.: Сталин 1878–1953. Главные документы. М., 2018. С. 258–259).

⁴⁶ Год кризиса... Т. 2. С. 335.

⁴⁷ Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 90; Вопросы истории. 1993. № 1. С. 7; 1941 год. Документы... Кн. 2. С. 578.

⁴⁸ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 670.

⁴⁹ Любопытно отметить, что во всех современных публикациях это словосочетание дается в правильном согласовании: «обеими сторонами» (Год кризиса. Т. 2. С. 321; Полпреды сообщают... С. 18; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 632; Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 89; Вопросы истории. 1993. № 1. С. 6; Катынь. Пленники необъявленной войны... С. 58; 1941 год. Документы... Кн. 2. С. 577–578).

⁵⁰ СССР — Германия: 1933–1941... С. 209–211.

⁵¹ Известия. 1939. 24 августа; Правда. 1939. 24 августа. В современных публикациях в этом предложении дается правильное согласование слов: «Правительства обеих Договаривающихся Сторон» (Внешняя политика СССР. 1917–1944 гг... Т. 4. С. 443; СССР — Германия. 1939–1941... Т. 1. С. 61; Международная жизнь. 1989. № 9. С. 92; Год кризиса. Т. 2. С. 320; Полпреды сообщают... С. 17; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 631; Катынь. Пленники необъявленной войны... С. 57; 1941 год. Документы... Кн. 2. С. 576–577).

⁵² *Besymenski L.* Stalin und Hitler: Das Pokerspiel der Diktatoren. Berlin, 2002. S. 232–233. Копии иллюстраций из книги любезно предоставил С. 3. Случ.

⁵³ Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 85.

⁵⁴ *Зоря Ю. Н., Лебедева Н. С.* 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь. 1989. № 9. С. 136; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 464–465.

⁵⁵ ADAP. Serie D. Bd. 7. S. 264–265.

⁵⁶ Так как немецкие фотографии «Разъяснения к секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 г.» не известны, имеющиеся российские сканы русскоязычного и немецкоязычного текстов сравнить не с чем, но при этом в немецкоязычном тексте вновь имеется подпись Молотова латиницей, которая отличается от его же подобных подписей под другими документами.

⁵⁷ См. ратификационную грамоту от 8 сентября 1939 г.: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bilaterale Verträge des Deutschen Reichs, Sowjetunion, Nr. 54 // URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0025_pak&l=de S. 11–19; дата обращения 26.03.2019.

⁵⁸ ДВП. Т. 3: 1 июля 1920–18 марта 1921. М., 1959. С. 28–42.

⁵⁹ Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941... Т. 3. С. 294–295.

⁶⁰ *Мюллер Р.-Д.* Указ. соч. С. 202–203.

⁶¹ Вглядываясь в прошлое. К 50-летию событий 1939 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 36.

⁶² Там же. С. 30.

⁶³ *Козлов В. П.* Тайны документальных фальсификаций, или Обманутая, но торжествующая Клио: анализ подделок документальных исторических источников по российской истории в XVIII — начале XXI в. М., 2015. С. 622–623.

ПРЕДВОЕННЫЙ МИР ГЛАЗАМИ КРЕМЛЯ

Александр Шубин

Исследование представлений высшего советского руководства сталкивается с проблемой источников — до конца нельзя быть уверенным, что в действительности думали Иосиф Сталин и его окружение. Их намерения вызывают острые споры, нередко обусловленные идеологическими позициями дискутирующих авторов. Однако источники все же позволяют объективно определить основные параметры видения ситуации, в которой советское руководство искало политические решения, оптимальные для СССР.

К 1939 г. почти весь Старый Свет был поделен несколькими колониальными державами. СССР был крупнейшей страной, которая оказалась вне этого раздела. Советский Союз воспринимался западными лидерами как аномалия, а некоторыми — и как возможный ресурс, который наконец позволит насытиться экспансивному Гитлеру. СССР находился в условиях внешнеполитической изоляции, вызванной Мюнхенским сговором и агонией Испанской республики. В конце 1938 — начале 1939 г. в Европе обсуждали, не станет ли СССР следующей жертвой «умиротворения».

Ситуацию, в которой находился СССР, осложняла напряженность на Дальнем Востоке, где развивался конфликт с Японией, время от времени перераставший в военную конфронтацию. Япония угрожала также территории колоний Великобритании и Франции, но только потенциально. А против СССР был направлен подписанный Японией Антикоминтерновский пакт. В свою очередь, СССР помогал Китаю в японо-китайской войне. А с мая 1939 г. развернулся военный конфликт на Халхин-Голе.

Так что не было лишено оснований ощущение, что Советский Союз со всех сторон окружен врагами, желающими его погубить.

Клещи и каштаны

За все время существования единого Российского государства, наследником которого стал СССР, вторжения с запада велись по трем направлениям:

- северное — здесь главной целью с XVIII в. был Петербург/Петроград/Ленинград;

- центральное — на Москву, которая в силу своего транспортно-географического положения является наиболее удобным центром управления страной;

- южное — на Украину и Кавказ, богатые ресурсами.

В условиях войны XX в., когда действуют огромные армии, которые не могут снабжаться «подножным кормом», наступление должно обеспечиваться коммуникациями, по которым поступают продовольствие, боеприпасы, амуниция. Прямой прорыв на Москву в этих условиях становится почти невозможным — коммуникации легко перерезаются с севера и юга. Со времен гибели армии Наполеона Бонапарта в России этот урок был достаточно очевиден.

Прямой бросок на Москву от западной границы был возможен только при одновременном наступлении на севере и юге по расходящимся направлениям. Война получается неэкономной — на главном направлении можно сконцентрировать около одной трети войск, выделенных на всю кампанию. Но, чтобы закончить войну с Россией, следует наступать именно на Москву. Поэтому единственный смысл наступления прямо на Москву и одновременно на севере и юге — закончить войну в один год. Если такая рискованная задача не ставится, то наступление должно вестись по северному и южному направлениям. Закрепившись в Прибалтике, армия вторжения, хорошо снабжаясь через Балтийское море, нападает на Петроград/Ленинград и захватывает его за год, получая хорошие зимние квартиры и опять же прекрасные коммуникации. И уже на следующий год с этой позиции можно начинать наступление на Москву. С юга в первый год идет борьба за Украину. Армия вторжения может снабжаться и через Польшу и Румынию, и по Черному морю, и от ресурсов самой Украины — восточноевропейской житницы. В случае захвата Украины на следующий год можно наступать на Москву также с относительно близкой дистанции, взяв Москву «в клещи».

Опасность таких «клещей» заставляла советское руководство особенно сильно нервничать, когда речь заходила о приближении потенциального агрессора к Прибалтике, Ленинграду, о заигрывании «империалистов» с украинскими националистами или о гарантиях выполнения установленного 20 июля 1936 г. на конференции в Монтрё запрета на проход кораблей

воюющих стран через принадлежащие Турции проливы в Черное море. Сможет ли Турция гарантировать выполнение этой конвенции перед лицом сильного противника? Не пропустит ли в Черное море флот, враждебный СССР?

7 марта 1939 г. в Москве получили сообщение о германо-эстонском соглашении, которое позволяло разместить немецкие войска недалеко от Ленинграда. Вкупе с существовавшей до 16 марта «Закарпатской Украиной», которая могла использоваться Гитлером для разыгрывания «украинской карты», это были острия «клещей». О состоянии германо-польских отношений Сталин получал противоречивую информацию. Не станут ли Германия и Польша действовать против СССР вместе? Стратегические «клещи» потенциального противника нависли над СССР, как дамоклов меч. Но Советский Союз мог быть спасен в случае раскола Мюнхенского соглашения.

10 марта Сталин выступил с отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б), где изложил картину мировой борьбы: «Поджигатели войны» стравливают СССР и Германию из-за Украины, стремясь «загрести жар чужими руками», то есть сдерживать агрессора ценой жертв со стороны СССР, а самим оставаться в безопасности. Конечно, СССР, верный своей политике «коллективной безопасности», по-прежнему готов помогать жертвам агрессии, но только при условии, что это будут делать и страны Запада. Затем Сталин представил анализ отношений двух империалистических группировок. Политику «оси» он представлял себе так: «Война против интересов Англии, Франции и США? Пустяки! “Мы” ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте “антикоминтерновский пакт”, заключенный между Италией, Германией и Японией»¹. Сталин назвал эти действия стран «оси» «неуклюжей игрой в маскировку», которая может закончиться германским и японским нападением на британскую и французскую империи.

Но и немцам Сталин готов дать добрый совет. Их используют в чужой игре. Сторонники умиротворения стремятся «не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны глубоко увязнуть в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в “интересах мира” и продиктовать ослабленным участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»² Вторжение в СССР станет началом конца Гитлера, Запад использует фюрера в своих интересах и выкинет как выжатый лимон.

Эту речь на Западе прозвали «каштановой», так как при ее пересказе было употреблено выражение «таскать каштаны из огня» для других — что Сталин не рекомендовал делать Гитлеру.

Гитлер считался рьяным врагом СССР, официальные отношения между двумя государствами были испорчены еще в 1933 г., а в Испании советские и немецкие военные воевали по разные стороны фронта. Но 16 декабря 1938 г. появились первые признаки того, что Германия заинтересована в улучшении отношений с СССР. Заведующий восточноевропейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Карл Шнурре сообщил представителю советского торгпредства, что Германия готова предоставить кредит в обмен на расширение советского экспорта сырья. Эти предложения стали точкой отсчета советско-германского сближения — пока неустойчивого и ничем не гарантированного. Планировалась поездка Шнурре в Москву.

Но когда сообщения о поездке Шнурре просочились в мировую печать, министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп запретил визит. Переговоры сорвались, что на некоторое время убедило Сталина в несерьезности экономических намерений немцев. О политической составляющей речи еще не шло.

Опасный балкон

Захват Германией Чехии 15 марта 1939 г.³ и ликвидация Карпатской Руси (Закарпатской Украины) показали, что Гитлер не планирует разгрызывать украинскую карту против СССР в союзе с Польшей. Грубое нарушение Мюнхенского соглашения вызвало шок в Лондоне и Париже.

31 марта Великобритания предоставила Польше гарантии вступления в войну, если Польша подвергнется «прямой или косвенной агрессии». Под косвенной агрессией понималось то, что случилось с Чехо-Словакией в 1939 г. Франция присоединилась к этой гарантии. Интересно, что Чемберлен предоставил гарантии независимости Польше, но не ее границам⁴. Так что новый Мюнхен еще не исключался.

Посол Франции в Москве Робер Кулондр заметил, что от англо-французских гарантий наибольшую выгоду получил Сталин, который теперь отгорожен от Гитлера антигерманской коалицией: «С этого момента он, как бы с балкона, сам будучи в безопасности, может следить за происходящими событиями»⁵. Однако Сталин не спешил наслаждаться видом с балкона. После Судетского кризиса он понимал, что балкон непрочен и англо-французские гарантии ненадежны.

15 апреля со ссылкой на «каштановую» речь Сталина Великобритания предложила СССР также дать гарантии Польше. 17 апреля СССР выдвинул контрпредложение: «Англия, Франция и СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет со взаимным обязательством оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае

агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Такая же помощь должна быть оказана «восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств»⁶. Но Париж и Лондон долго не давали ответа на советские предложения. Терпение Сталина иссякло.

Провал «прозападной» линии наркома иностранных дел Максима Литвинова привел к его снятию с занимаемой должности. С 3 мая Вячеслав Молотов стал совмещать посты председателя Совнаркома и наркома иностранных дел СССР. Сталин исходил из того, что Молотов и так в последнее время все больше занимается проблемами обороны и внешнеполитической стратегии. Кроме того, на посту наркома ему требовался абсолютно надежный человек, который не имеет собственных внешнеполитических представлений.

Анонсируя новые подходы, 20 мая Молотов сказал германскому послу Фридриху Вернеру фон дер Шуленбургу: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана политическая база»⁷.

Но 27 мая Великобритания и Франция ответили на советские предложения, согласившись на идею военного союза. Это охладило Москву к «немецкой игре».

Неторопливые переговоры и позиция Варшавы

6–7 июня Лондон и Париж приняли за основу советский проект договора. При этом потенциальные союзники оценивали возможности Советского Союза скромно. Комитет начальников штабов Великобритании считал, что СССР сможет выставить за пределами страны всего 30 дивизий. «Такая оценка обусловила отношение к СССР как к важному, но все же второстепенному фактору в Европе, “неопределенной величине”»⁸, — заметил исследователь М. Л. Коробочкин.

Молотов пригласил прибыть на переговоры своих коллег Невилла Чемберлена и Эдуарда Даладье. Ради Гитлера они легко проделывали подобное путешествие. На худой конец хватило бы министров иностранных дел. Но Лондон и Париж ответили, что переговоры будут вести послы.

14 июня в Москву прибыл Уильям Стрэнг, начальник Центрально-европейского бюро МИД Великобритании, который был направлен как эксперт в помощь послу Уильяму Сидсу. Но Стрэнг, представлявший Форин офис, выглядел как глава делегации. Так он и воспринимался Кремлем. Такой низкий уровень представителя британского МИД не только убеждал Кремль в несерьезности намерений Великобритании, но и показывал, что партнеры не считают СССР великой державой, равной себе. Молотов ответил «симметрично». Чтобы подчеркнуть неравен-

ство уровней делегаций, Молотов разместился в зале переговоров выше партнеров, которые вынуждены были делать записи на коленке. Настроенное Стрэнга было далеко от оптимизма: «Это просто невероятно, что мы вынуждены разговаривать о военных тайнах с Советским Союзом, даже не будучи уверенными в том, станет ли он нашим союзником»⁹.

29 июня раздражение советского руководства было выражено публично в статье члена Политбюро ВКП(б) Андрея Жданова в «Правде» под названием «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Перед лицом срыва переговоров партнеры стали работать энергичнее. К середине июля текст договора был в основном согласован. 12 июля Чемберлен признал, что СССР готов заключить договор. Но вскоре переговоры снова зашли в тупик из-за вопроса о «косвенной агрессии».

Слова «косвенная агрессия» были взяты из английских гарантий Польше. Под ней понимался сценарий захвата Чехии Германией в марте 1939 г. Германия не напала на Чехию, а заставила ее капитулировать под угрозой вторжения. 9 июля Молотов внес советское определение «косвенной агрессии». Это такая ситуация, при которой государство-«жертва» «соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы» произвести действие, «которое влечет за собой использование территории и сил этого государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон»¹⁰. Для Молотова было принципиально, чтобы потенциальный противник не мог использовать в качестве плацдарма ныне нейтральные государства в балтийском и черноморском бассейнах.

Партнеры попытались вернуть Молотова к образцу чехословацкой трагедии, убрав двусмысленные слова «или без такой угрозы». Но без этих слов соглашение обесценивалось для Молотова. Воспользовавшись прямолинейностью Молотова, партнеры загнали переговоры в тупик. Им был желателен не столько результат переговоров, сколько сам процесс, который позволял пугать Германию угрозой окружения.

Нежелание партнеров согласиться на формулу Молотова (несмотря на некоторые частные уступки с их стороны) раздражало его, тем более что длительные заседания отвлекали председателя Совнаркома от более срочных дел. В телеграмме своим полпредам в Париже и Лондоне он назвал партнеров по переговорам «жуликами и мошенниками» и сделал пессимистический вывод: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет»¹¹. 18 июля он дал команду возобновить консультации с немцами о заключении хозяйственного соглашения. 22 июля было публично заявлено о возобновлении советско-германских экономических переговоров. Это обеспокоило британцев и французов, и, чтобы не сорвать переговоры с СССР окончательно, они 23 июля согласились

на советское предложение одновременно вести переговоры по политическому соглашению и по военным вопросам. Разработку конкретного плана совместных военных действий против Германии Молотов считал более важным вопросом, чем даже определение «косвенной агрессии». Если удастся согласовать план реального удара по Германии в случае ее нападения на Польшу, то ее вторжение в Прибалтику вряд ли состоится.

Если СССР выставил на военные переговоры наркома обороны Климента Ворошилова, то французов представлял бригадный генерал Жозеф Думенк, а британскую делегацию возглавил 1-й военно-морской адъютант короля адмирал Реджинальд Дракс. Военная миссия союзников, не торопясь, села на корабль и прибыла в СССР только 11 августа.

В условиях, когда поведение представителей Великобритании и Франции напоминало саботаж переговоров, в Кремле стали благосклоннее относиться к «ухаживаниям» Германии, которые активизировались по мере приближения даты нападения на Польшу, намеченной Гитлером.

2 августа Риббентроп заявил советскому поверенному в делах Георгию Астахову: «По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского морей, мы могли бы без труда договориться»¹². Шнурре потом развил мысль министра: эти вопросы могут быть урегулированы секретным протоколом.

Для советского руководства это была новая вводная, которую можно было использовать как для «подстегивания» уступок со стороны Великобритании и Франции, так и для решительного поворота советской внешней политики ради получения стратегических выгод, которые не могло дать сотрудничество с Великобританией и Францией.

Стало ясно, что Гитлер и Риббентроп крайне заинтересованы в договоренности о нейтралитете в ближайшее время. Значит, Москва могла диктовать условия. Несмотря на выгодность такой дипломатической позиции, Сталин и Молотов в это время по-прежнему предпочитали договориться с Великобританией и Францией, продолжая переговоры с ними о военном союзе. 7 августа Молотов указал Астахову: «Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе»¹³.

Военные переговоры в Москве, которые при благоприятном развитии могли бы вытянуть из тупика политические переговоры с союзниками, зашли в тупик из-за проблемы прохода войск через Польшу. Как и в случае с политическими переговорами, в центре внимания оказался чехословацкий опыт. В 1938-м СССР был готов оказать помощь жертве агрессии, но Красная армия не могла пройти на поле боя. Тогда Польша была фактически частью прогерманской коалиции. Может быть, теперь все будет иначе? Нет, поляки твердо встали на защиту своих границ

против СССР. Польский главнокомандующий Эдвард Рыдз-Смиглы заявил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»¹⁴. «Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска, — с печалью вспоминал видный британский политик Уинстон Черчилль. — Позиция Польши была такова: “С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу”»¹⁵.

Еще 17 апреля Молотов поставил перед польским послом в Москве Вацлавом Гржибовским вопрос об участии СССР в британско-французских гарантиях. 11 мая Польша четко ответила, что не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР¹⁶.

Ситуация с Польшей была крайне опасна для СССР. Следовала простая комбинация: Германия нападает на Польшу, наносит ей поражение. Великобритания, Франция и СССР объявляют войну Германии. После этого французы и англичане топчутся у германской оборонительной линии Зигфрида, а основные сражения разворачиваются на Восточном фронте. После всех комбинаций умиротворения такая стратегическая ловушка представлялась наиболее вероятной. Собственно, Польша через месяц как раз в нее и попала.

На переговорах Ворошилов предложил конкретный план прохода советских войск через польскую территорию по двум узким коридорам. План исходил из наболевшей проблемы «клещей»: северная колонна проходит через Виленский коридор, блокируя поползновения немцев наступать в Прибалтике, а южная — через Галицию, отрезая немцев и от Украины, и от румынской нефти.

Франция поддержала идею прохода Красной армии через четко очерченные полосы польской территории. Однако поляки упирались, опасаясь, что сегодня советские войска займут Вильно и Галицию, а завтра откажутся оттуда выходить, напоминая, что это — не польская земля. Кроме того, Варшаву беспокоило участие Советского Союза в будущей мирной конференции как одного из победителей, который потребует свою долю. Вполне возможно, что за счет Польши.

В свою очередь, Ворошилов настаивал, что Красная армия должна иметь право войти в Польшу в первый день войны, а не когда польская армия уже будет разбита.

Путь к пакту

Сила советской позиции заключалась в том, что Кремлю некуда было торопиться. Два империалистических блока шли к столкновению и до его начала стремились выяснить позицию СССР. Особенно торо-

пился Гитлер, который не собирался выбиваться из графика подготовки нападения на Польшу. 15 августа посол Шуленбург получил инструкцию Риббентропа предложить советской стороне принять в ближайшее время визит крупного руководителя Германии.

Выслушав это предложение, Молотов согласился, что быстрота в этом вопросе нужна. Он прекрасно понимал, что «польский вопрос» разрешится в ближайшее время то ли войной, то ли новым Мюнхеном. Но Молотов указал послу, что визит Риббентропа следовало тщательно подготовить, «чтобы все не ограничилось просто беседами, проведенными в Москве, а были приняты конкретные решения»¹⁷. А то СССР может ничего не получить от визита, который имеет возможность окончательно сорвать переговоры с Великобританией и Францией.

Германская сторона демонстрировала, что может гораздо лучше, чем Великобритания и Франция, обеспечить решение задач безопасности СССР. Можно совместно гарантировать безопасность прибалтийских государств, содействовать улучшению советско-японских отношений, заключить поскорее выгодное экономическое соглашение, лишь бы Риббентропа пустили в Москву уже начиная с 18 августа.

17 августа, проконсультировавшись со Сталиным, Молотов дал ответ Шуленбургу на предыдущий запрос Риббентропа: «раз уж теперь германское правительство меняет свою прежнюю политику», то оно должно сначала доказать серьезность своих намерений и заключить экономические договоры и выделить Советскому Союзу кредит в 200 миллионов марок на семь лет, которые позволили бы обеспечить поставки ценного оборудования из Германии. Только после выгодного СССР экономического соглашения можно заключить пакт о ненападении «с одновременным подписанием протокола, который определит интересы подписывающихся сторон в том или ином вопросе внешней политики и который явится неотъемлемой частью пакта»¹⁸. В этом протоколе можно оговорить все, вплоть до отношений к Польше, ради чего Германии и понадобилось улучшение отношений с СССР. Но о разделе сфер влияния и секретности протокола речь не шла.

Молотов был доволен предложением немцев прислать не мелкого чиновника, как англичане, а министра. 19 августа он сообщил Шуленбургу, что если экономические соглашения будут подписаны сегодня, то Риббентроп может приехать через неделю — 26 или 27 августа. Это было поздно для немцев — как раз в эти дни они планировали напасть на Польшу. На предложение Шуленбурга передвинуть сроки визита Риббентропа «Молотов возразил, что пока даже первая ступень — завершение экономических переговоров — не пройдена»¹⁹. Было часа три дня 19 августа.

Прошло полчаса, и Шуленбурга вызвали к Молотову опять. Явно что-то произошло. Оказывается, после встречи с послом Молотов имел

возможность сделать доклад «советскому правительству». Советское правительство в тот момент — это Сталин и его ближайшее окружение. В этот день Сталин в 13:40–13:55 переговорил с Молотовым и наркомом внешней торговли СССР Анастасом Микояном. Тогда, видимо, была намечена «дообеденная» линия поведения в отношении Германии. Затем Сталин никого до вечера не принимал в Кремле. В это время он мог совещаться с соратниками где-то еще. Вечером он долго — с 17:35 до 20:25 — говорил с Молотовым с глазу на глаз. Так что получается, что решение о повороте во внешней политике скорее всего было принято днём 19 августа Сталиным и Молотовым вдвоем. Вечером 20 августа Сталин провел в Кремле более широкое совещание, где, судя по составу участников, обсуждались идеологические (Жданов), экономические (Микоян, Николай Вознесенский, Иван Тевосян и др.) и военные (Григорий Кулик) аспекты дела²⁰. Хотя, возможно, Сталин занимался и текучкой.

Сталин принял решение: внешняя политика СССР меняет направление. Не прекращая переговоров с англо-французскими империалистами, посмотрим, что предложат немецкие. И если предложат больше — возьмем.

На второй встрече с Молотовым 19 августа Шуленбург получил проект пакта о ненападении. Там не было обычного для «литвиновских» пактов указания, что документ теряет силу в случае агрессии одной из сторон против третьего государства²¹. Сталин и Молотов прекрасно понимали, зачем Гитлеру пакт.

Тем же вечером советские дипломаты получили команду не тормозить экономические переговоры. В ночь с 19 на 20 августа торговое-кредитное соглашение было подписано. СССР получал 200 миллионов марок, на которые мог покупать германское оборудование, а долги гасить поставками сырья и продовольствия.

20 августа Гитлер, рискуя своим престижем, направил Сталину личное послание, чтобы подтолкнуть нового партнера принять Риббентропа 22 или 23 августа. В своем письме Гитлер принимал советский проект пакта и предупреждал о близящемся столкновении Германии и Польши — времени оставалось мало.

Получив письмо Гитлера, Сталин отдал команду Ворошилову, и тот 21 августа зачитал западным военным миссиям заявление. В нем говорилось, что переговоры могут быть возобновлены, как только будет решен вопрос о пропуске войск через Польшу. Поскольку Варшава своим несогласием на проход войск заблокировала военные переговоры в Москве, заключение англо-франко-советского союза до близившейся развязки германо-польского конфликта перестало быть реальной альтернативой германо-советскому сближению. Очевидно, что после заключения договора

о ненападении между СССР и Германией военное соглашение вообще не могло быть заключено. 22 августа Ворошилов встретился с Думенком, который как раз накануне получил согласие правительства на подписание военной конвенции, если ее проект все-таки получится согласовать. Ворошилов сказал: «Французские и английское правительства теперь слишком затянули политические и военные переговоры. Ввиду этого не исключена возможность некоторых политических событий...»²² Возможность была именно не исключена. Переговоры с Риббентропом могли еще и сорваться.

В это время счастливым для СССР образом изменилась ситуация на Дальнем Востоке. 20–31 августа 1939 г. советская 1-я армейская группа прорвала фланги японцев танковыми клиньями и совершила классическое окружение 6-й японской армии. В итоге операции противник был полностью разгромлен. Но 23 августа уверенности в полном успехе еще не было.

Вне войны

23 августа, прилетев в Москву, Риббентроп встретил прохладный прием, но на очень высоком уровне. В переговорах участвовал лично Сталин, который не поддерживал разговоры о «духе братства» двух народов, а деловито торговался. В ночь на 24 августа был подписан Советско-германский договор о ненападении и определена линия разграничения «сфер интересов» в Восточной Европе между СССР и Германией.

После подписания документов разговор пошел гораздо дружелюбнее. В ходе беседы с Риббентропом «Сталин и Молотов враждебно комментировали манеру поведения британской военной миссии в Москве, которая так и не высказала советскому правительству, чего же она в действительности хочет». Риббентроп, поддержав важную для него антианглийскую тему, сказал, что «Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое господство». «Господин Сталин живо согласился с этим... Англия еще господствует в мире... благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией... Сталин далее выразил мнение, что Англия, несмотря на слабость, будет вести войну ловко и упрямо»²³. Перспектива англо-германского столкновения была для собеседников очевидна.

Риббентроп заявил, что «Антикоминтерновский пакт был, в общем-то, направлен не против Советского Союза, а против западных демократий». Он даже пошутил: «Сталин еще присоединится к Антикоминтерновскому пакту»²⁴. Это был зондаж.

Затронув тему конфликта СССР с Японией, Сталин сказал Риббентропу, что «есть предел его терпению в отношении японских провокаций.

Если Япония хочет войны, она может ее получить»²⁵. Хотя советско-японский конфликт и не был причиной заключения пакта, он был большой неприятностью для Японии. Теперь СССР мог не опасаться войны на два фронта в том случае, если Япония решится на эскалацию конфликта.

В ходе беседы Сталин показал Риббентропу, что прекрасно осведомлен о германо-британских переговорах. Когда министр упомянул об очередном зондаже англичан, он произнес: «Речь, видимо, идет о письме Чемберлена, которое посол Гендерсон 23 августа вручил в Оберзальцберге фюреру»²⁶. Сталин понимал, что реальной альтернативой советско-германскому договору был англо-германский пакт.

Оценивая ситуацию, в которой был заключен советско-германский договор о ненападении, нужно учитывать широкий спектр альтернатив, которые должны были браться в расчет в Кремле. Уже после пакта могло состояться германо-польское соглашение под давлением Великобритании и Франции и новый Мюнхен — уже с участием СССР. После нападения Германии на Польшу могло начаться эффективное наступление на Западном фронте в момент нападения немцев на Польшу, которое оттянуло бы силы Гитлера на запад и спасло бы поляков от быстрого разгрома. Каждый из этих вариантов был выгоднее СССР, чем ситуация июля и тем более марта 1939 года, и она совершенно не исключалась пактом.

При этом СССР получал возможность, повернувшись спиной к Германии, обратить всю свою мощь против Японии, если она пойдет на эскалацию военного конфликта.

Альтернатива подписанию пакта была. Но, как мы видели, это было не заключение англо-франко-советского союза. До нападения Германии на Польшу шансов на это не было. А после нападения Советскому Союзу было невыгодно вступать в войну, которая начинается с поражения одного из союзников. СССР мог остаться нейтральным и не принять участия в разделе Польши. Это означало возвращение к внешнеполитической ситуации 1927–1933 гг. и конца 1938 г. — уход в глухую оборону в ожидании, чем кончится столкновение «империалистических хищников». Стратегия «глухой обороны» была бы весьма рискованной. Момент начала советско-германской войны удалось бы отодвинуть на несколько лет — пока Гитлер не расправится с Францией и Великобританией. А затем СССР остался бы один на один с объединенной Гитлером фашистской Европой и Японией, опирающейся на ресурсы Китая и Индии.

Сталин предпочел другой вариант, вытекавший из традиционной европейской политики, — участие в разделах, усиление своих стратегических позиций перед будущим столкновением.

1–3 сентября началась коалиционная война в Европе, которая получила название Второй мировой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 569.

² Там же. С. 570.

³ Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. М., 2018. С. 68, 86.

⁴ *Жерко С.* Внешняя политика Германии накануне Второй мировой войны // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 127.

⁵ Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 112.

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 283.

⁷ Там же. С. 386–387.

⁸ 1939. Предвоенный кризис в документах. М., 1992. С. 77.

⁹ Цит. по: *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 537.

¹⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. М., 1981. С. 133.

¹¹ Там же. С. 140.

¹² Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 568.

¹³ Год кризиса. 1938–1939. М., 1990. Т. 2. С. 177.

¹⁴ Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 194.

¹⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 177.

¹⁶ *Случ С. З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. — август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. С. 343.

¹⁷ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989. С. 37.

¹⁸ Там же. С. 40–41.

¹⁹ Там же. С. 46–47.

²⁰ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008. С. 270.

²¹ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 48.

²² Цит. по: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 178.

²³ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 67.

²⁴ Там же. С. 68.

²⁵ Там же. С. 65.

²⁶ Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 315.

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ВРУЧЕННОЕ НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВЫМ ПОСЛУ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СССР У. СИДСУ. 17 АПРЕЛЯ 1939 г.**

Сов. Секретно.
Приложение № 1.

Н А Ш И

ПРЕДЛОЖЕНИЯ АНГИЛИИ И ФРАНЦИИ от 17 апреля 1939 г.

Считая предложение Франции принципиально приемлемым и продолжая мысль г-на Бонна, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английское и французское предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5-10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу ^онемедленную всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривавшихся государств.
2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточно-европейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями, и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.
3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение §§ 1 и 2.
4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.
5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии, либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.

2.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3-го.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи.

Предложения вручены английскому послу в Москве Скидсу 17-го апреля и министру иностранных дел Франции Бонне 19-го апреля.

Вручено: К. Родович

*Продумано по циркулярному № 49,
отправленной в Париж Суржизу и
подписанной Митковичем (дело 3243,
н. 244, фонд 10го отдела, стр. 116-117.)*

ОТВЕТ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПРЕДЛОЖЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ 8 МАЯ.

14 МАЯ 1939 г.

Копия. 119

ОТВЕТ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА от 14. V НА ПРЕДЛОЖЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА от 8-го мая.

"Советское правительство внимательно рассмотрело последние предложения великобританского правительства, врученные советскому правительству 8 мая, и пришло к заключению, что они не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе.

Мотивы такого заключения:

1. Английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, в то время как Англия, Франция, равно как и Польша, имеют такую гарантию на основании существующей между ними взаимности.

2. Английские предложения распространяет гарантии восточно-европейских государств, граничащих с СССР, лишь на Польшу и Румынию, ввиду чего северо-западные границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии, Латвии остаются неприкрытыми.

3. Отсутствие гарантий СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров с одной стороны, и неприкрытость северо-западных границ СССР с другой стороны, могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза.

Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы по крайней мере три условия:

120
- 2 -

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пак-
та взаимопомощи против агрессии;

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав госу-
дарств центральной и восточной Европы, находящихся под угрозой агрес-
сии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию;

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией
и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гаранти-
руемым государствам, без чего / без такого соглашения/ пакти взаимо-
помощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехо-
Словакией".

**ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В. П. ПОТЕМКИНА С ПОСЛОМ
ГЕРМАНИИ В СССР Ф. В. ФОН ДЕР ШУЛЕНБУРГОМ. 20 МАЯ 1939 г.**

к. Декашову

30

ИЗ ДНЕВНИКА
В. П. ПОТЕМКИНА.

Секретно.

Экз. № 5

№ 5301.

ПРИЕМ ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА ШУЛЕНБУРГА
20 МАЯ 1939 ГОДА.

Шуленбург пришел ко мне растерянный и смущенный. Он заявил, что т. Молотов, в разговоре с ним, признал нецелесообразным приезд в Москву Шнурэ, пока под экономические переговоры с СССР с Германией не будет подведена надлежащая политическая база. Шуленбург добавил, что, по мнению т. Молотова, отношение германского правительства к экономическим переговорам с нами производит впечатление "игры". Шуленбург начал плакаться мне, что мы напрасно не учитываем "улучшения атмосферы" в Берлине, что сам ^{он} слишком четыре года старался улучшить отношения между Германией и СССР, что он не знает, как ему сообщить в Берлин об ответе т. Молотова. В сущности, приезд Шнурэ в Москву отклонен Советским Правительством. В каком направлении могут быть улучшены политические отношения между Москвой и Берлином посол себе не представляет. Он спрашивал об этом т. Молотова и услышал в ответ, что об этом надлежит подумать обоим правительствам. Шуленбург обращается ко мне с просьбой, не могу ли я пояснить и конкретизировать указания т. Молотова.

Я ответил Шуленбургу, что мне нечего добавить к заявлениям т. Молотова. Слова Народного Комиссара Иностранных Дел и Главы Советского Правительства совершенно ясны. Послу остается только передать их в точности в Берлин, чтобы

там они были надлежащим образом обдуманы.

Шуленбург ответил, что, разумеется, он немедленно сообщит в Берлин о своем разговоре с т.Молотовым. Однако, он повторяет, что сам затрудняется их понять и очень огорчен отказом принять в Москве Шнура.

В дальнейшей беседе посол сообщил мне, что генерал Франко передал 7 человек из команды "Комсомола" в распоряжение германского правительства на предмет обмена их на германских подданных, арестованных или осужденных в СССР. Посол готов в любое время принять меры к освобождению советских моряков, но просит, чтобы за них были высланы из СССР репрессированные германские граждане.

Уходя, посол вручил мне список арестованных немцев, напомнив, что за последнее время никто из них не был освобожден.

(В.Потемкин)

8 экз. нп.
1-2 в дело,
2-3 т. Сталину,
4-5 т. Молотову,
5-6 т. Деканозову,
6-7 т. Лозовскому,
7-8 во 23ап. отд
8-9 в Берлин.
20.V-1939 года.

ВЕРНО:

Секретарь:

В. Потемкин

КРЕДИТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ
МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ. 19 АВГУСТА 1939 г.
(Первые и последние листы русского и немецкого оригиналов)

240 05

КРЕДИТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И ГЕРМАНИЕЙ.

Представители Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Представители Германского Правительства вели между собой переговоры относительно размещения в Германии дополнительных советских заказов и пришли к нижеследующему соглашению:

1.

1. Правительство Союза Советских Социалистических Республик сделает распоряжение, чтобы Торговое Представительство СССР в Германии или же импортные организации СССР передали германским фирмам дополнительные заказы на сумму в 200 миллионов германских марок.

2. Предмет дополнительных заказов составляют исключительно поставки для инвестиционных целей, т.е. преимущественно:

устройство фабрик и заводов,
установки,
оборудование,
машины и станки всякого рода,
аппаратостроение,
оборудование для нефтяной промышленности,
оборудование для химической промышленности,
изделия электротехнической промышленности,
суда, средства передвижения и транспорта,
измерительные приборы,
оборудование лабораторий.

3. Сюда относятся также обычные запасные части для этих поставок. Далее сюда включаются договоры о технической помощи

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

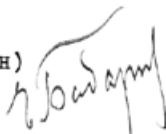
О СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ О ТОРГОВЛЕ И КРЕДИТЕ

от "19" *Августа* 1939 года.

- I. Стороны, проверив свои полномочия и найдя их в порядке, подписали Кредитное Соглашение между СССР и Германией и обменялись этим документом.
- II. Были подписаны и вручены нижеследующие документы, являющиеся неотъемлемой частью упомянутого выше Кредитного Соглашения:
1. список "А" германских поставок,
 2. список "Б" германских поставок,
 3. список "В" советских поставок,
 4. конфиденциальный протокол о бонифицировании.

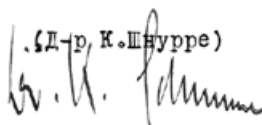
По уполномочию
Правительства Союза
Советских Социалистических
Республик

(Е. Вабарин)

По уполномочию
Правительства
Германии

(Д-р К. Шнурре)

240

KREDITABKOMMEN

zwischen der Union der Sowjetischen Sozialistischen
Republiken und dem Deutschen Reich.

Die Vertreter der Regierung der Union der Sowjetischen Sozialistischen Republiken und die Vertreter der Regierung des Deutschen Reiches haben miteinander Verhandlungen über die Vergabung zusätzlicher sowjetischer Bestellungen in Deutschland geführt und sind zu folgender Vereinbarung gekommen:

Artikel I

(1) Die Regierung der Union der Sowjetischen Sozialistischen Republiken wird veranlassen, dass die Handelsvertretung der U.d.S.S.R. in Deutschland oder die Einfuhrorganisationen der U.d.S.S.R. zusätzliche Bestellungen im Werte von 200 Millionen Reichsmark an deutsche Firmen erteilen.

(2) Gegenstand der zusätzlichen Bestellungen sind ausschliesslich Lieferungen zu Investitionszwecken, das heisst also insbesondere:

Einrichtungen von Fabriken,
Anlagen,
verschiedene Ausrüstungen,
Maschinen und Werkzeugmaschinen aller Art,
Apparatebau,

SCHLUSSPROTOKOLL

über die sowjetisch-deutschen Verhandlungen über den
Handel und Kredit
vom 19. August 1939.

I. Die vertragschliessenden Teile haben nach der Prüfung ihrer Vollmachten, die in Ordnung befunden waren, das Kreditabkommen zwischen der Union der Sowjetischen Sozialistischen Republiken und dem Deutschen Reich unterzeichnet und dieses Dokument ausgetauscht.

II. Die nachstehend aufgeführten Dokumente, die als untrennbare Bestandteile des oben erwähnten Kreditabkommens gelten, wurden unterzeichnet und ausgehändigt:

1. Liste "A" der deutschen Lieferungen;
2. Liste "B" der deutschen Lieferungen;
3. Liste "C" der sowjetischen Lieferungen;
4. Vertrauliches Protokoll über die Rückvergütung.

Berlin, den 19. August 1939.

Für die Regierung der
U.d.S.S.R. :

Für die Deutsche Regierung:

W. I. Bogdanov

H. U. Lehmann

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышников Владимир Николаевич, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой Истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Богданов Михаил Юрьевич, к. и. н., полковник в отставке Службы внешней разведки РФ

Буневич Дмитрий Сергеевич, к. и. н., директор Института русско-польского сотрудничества

Иванов Александр Гаврилович, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (Краснодар)

Карлей Майкл Джабара, Ph. D., профессор истории Монреальского университета (Канада)

Киселёв Александр Александрович, к. и. н., доцент Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Белоруссия)

Кошкин Анатолий Аркадьевич, д. и. н., профессор Института стран Востока, приглашенный профессор Осацкого университета экономики и права (Япония), эксперт РАН

Марьина Валентина Владимировна, д. и. н., главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН

Мельтюхов Михаил Иванович, д. и. н., старший научный сотрудник Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)

Назаров Олег Геннадьевич, д. и. н., обозреватель журнала «Историк»

Симиндей Владимир Владимирович, руководитель исследовательских программ Фонда «Историческая память»

Софронов Константин Игоревич, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Суржик Дмитрий Викторович, к. и. н., ученый секретарь Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН

Шевченко Кирилл Владимирович, д. и. н., профессор Филиала РГСУ в Минске, заведующий Центром евразийских исследований РГСУ в Минске (Белоруссия)

Шубин Александр Владленович, д. и. н., профессор РГГУ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авереску А. — 92
Адзума — 219
Айронсайд У. — 141, 154
Аманн Р. — 110
Антонеску И. — 95
Астахов Г. А. — 304
Астор Н. — 88
Ашенбреннер Г. — 271
- Барту Л.** — 16, 30
Батлер Р. — 198, 199, 201, 211
Бек Ю. — 12–14, 16–17, 28–30, 37, 44–49, 60, 137, 169, 170, 172–173, 175, 182, 186, 239, 246–247, 254, 262
Белинкин Дж. — 199
Бенеш Э. — 7, 38–41
Берачек П. — 103
Берджесс Г. — 23–24, 224–226, 231–234, 236–238
Берия Л. П. — 24, 118, 234, 235, 271
Бёссермени З. — 90, 91
Бетлен И. — 90
Бизаускас К. — 273
Бискупский В. В. — 87
Блант Э. — 23, 224–227, 237
Блюхер В. фон — 113, 114, 116, 122
Богомолов А. Е. — 198
Болдин В. И. — 281, 296, 297
Болдуин С. — 229
Бонне Ж. — 7, 11, 13, 14, 130, 170, 173, 176–184, 186–188, 201, 208, 209
Борис III — 95, 97, 102
Бофр А. — 11
Браухич В. фон — 145
Бок Ф. фон — 148
Брэтиану И. — 92
Буркхардт К. — 139
- Вайцзеккер Э. фон** — 111, 290, 293
Ванситтарт Р. — 133, 170, 181
Варлимонт В. — 265, 270, 294
- Василевский Л. — 60
Ваше де Лапуж Ж. — 85
Веннер-Грен А. — 138
Вессель Х. — 93
Вестфаль З. — 159
Вильгельм II — 69, 76
Вознесенский Н. А. — 307
Вольтат Г. — 190, 191, 198
Ворошилов К. Е. — 11, 14, 77, 269, 270, 271, 304, 305, 307, 308
Вульфсон М. — 108, 111
Вылков И. — 96
- Габленц Э. фон** — 33
Галифакс Э. — 10, 12, 22, 42, 88, 130, 132, 135–138, 140, 169, 173, 174, 176, 177, 180, 182–183, 187, 189–194, 196, 197, 199, 202, 206–207, 209, 210, 231, 238, 250–251
Гальдер Ф. — 121, 159, 161, 265, 294
Гамелен М. — 153–154, 156–158
Гафенку Г. — 28, 137
Гаха Э. — 32–33, 35
Геббельс Й. — 226
Гендерсон Н. — 133, 134, 141, 309
Генералов Н. И. — 222
Георгиев К. — 97
Геринг Г. — 133, 138, 254, 256, 257
Гесс Р. — 290
Гиммлер Г. — 108
Гитлер А. — 6–10, 16, 19, 21, 24, 26, 28–29, 31–34, 36, 38, 41–42, 45–48, 50, 69, 72, 75–76, 78, 88, 91, 97–99, 101, 103, 105–109, 118, 124–126, 129, 131–137, 139, 141–142, 144–145, 147–148, 153, 160–161, 167, 169–172, 174–176, 180, 190, 202, 203, 210, 220, 229, 231–235, 240, 241, 244, 247, 249, 254–259, 261–265, 270, 274, 292–296, 298, 300–302, 304, 306–307, 309–310
Глинка А. — 98, 99
Гобино А. де — 85
Гора О. — 94

- Гомбрович В. — 68
Гордиевский О. А. — 235, 238
Горский А. В. — 234–235
Гранд Л. — 234
Грапфен Г. — 234
Гржибовский В. — 169, 172, 175, 186, 205–206, 208, 305
Грипенберг Г. — 117
Гриффин Р. — 84
Гурбан В. — 39
Гусев Ф. Т. — 197–198, 211
- Даладьё Э. — 6, 11, 20, 24, 37, 39, 49, 130–131, 133, 170–171, 175, 177, 179, 189–190, 196, 200–201, 232, 302
Далерус Б. — 138
Данкерс О. — 107
Деревянский В. К. — 123, 128–129
Дертингер Г. — 19, 110
Дмовский Р. — 53–54, 57
Доусон Дж — 88
Дракс (Планкетт-Эрнль-Эрл-Дракс) Р. — 10, 14, 304
Дука И. — 94
Думенк Ж. — 10, 14, 190, 304, 308
Дурачиньски Э. — 14
- Ж**данов А. А. — 77, 119, 241, 249, 303, 307
- Зайдль А. — 290
Зариньш К. — 109
Зорге Р. — 217, 221
- И**ден Э. — 166
Идман К. Г. — 123
Ильмярв М. — 6, 27, 105, 107, 110–111
Инада М. — 214
Йорга Н. — 93
Ипохорский-Ленкевич В. — 75
Ирье-Коскинен А. С. — 112, 114, 121, 125
Исихара К. — 218
- К**адоган А. — 173, 176, 178–180, 184, 191, 193–194, 198–199, 202, 206–208, 210
Каллио К. — 119
Калфов Х. — 96
Каминский Б. В. — 87
Капп В. — 88
Каройи М. — 89
Кароль II — 92, 94–95
Карр Э. Х. — 194, 197, 202, 211
Карский (Козелевский) Я. — 12, 28
- Кейтель В. — 34, 148
Кеннард Г. — 11, 12, 141
Кент Дж. — 267
Кернкросс Дж. — 23, 224–228, 237
Кёстринг Э. — 270–271
Киплинг Р. — 84
Кирилл Владимирович, великий князь — 87
Кирке У. — 119
Клейст П. — 125
Клейтон Э. — 154
Ковалев Ф. Н. — 111, 292–293
Кодряну К. — 93–94, 102
Козицкий С. — 71, 75–76
Козлов В. П. — 292, 297
Козловский В. — 61
Колльер Л. — 181, 202, 208
Комацубара М. — 219
Корбен Ш. — 178, 179, 184, 194–196, 198–199, 207, 210
Корня В. — 201
Коробочкин М. Л. — 302
Королец Я. — 78
Корхонен К. — 125
Костек-Бернацкий В. — 56, 61–62
Коткин С. — 179, 188
Кребс Г. — 271
Криппс С. — 171, 205
Куза А. К. — 93
Кулик Г. И. — 307
Кулондр Р. — 7, 32, 34, 301
Кэлинеску А. — 94
Кэмпбелл Р. — 200, 210–211
- Л**аптев И. Д. — 292
Лееб В. фон — 149
Леже А. — 181–182
Лёш К. фон — 267
Липский Ю. — 16, 45, 102, 259
Литвинов М. М. — 7, 9, 32, 35–39, 112, 114–117, 126–127, 136, 167–173, 175–180, 182–187, 189, 191, 196, 198, 202–208, 243–246, 302, 311
Ллойд Джордж Д. — 10, 165–166, 174, 189
Лорейн П. — 142
Лоу Д. — 166, 189–190
Лукасевич Ю. — 11, 13
Луцкевич А. И. — 57, 66
Людендорф Э. — 87, 88
Лютвиц В. фон — 88
Лютце В. — 108

Ляпчев А. — 96

Майский И. М. — 36–38, 42, 109, 117, 135,
168–189, 194, 196–199, 201, 205–209, 211

Макдональд Р. — 225, 237

Маклин Д. — 23, 224–226, 228–231, 236–238

Макнамара Дж. — 226

Малли Т. С. — 227, 228, 230, 234, 237–238

Маннергейм К. — 137

Мао Цзэдун — 88

Марин В. — 93

Масарик Я. — 27

Мацкевич С. — 73, 77–78

Мейштович А. — 55

Менгер М. — 118

Мерекалов А. Ф. — 133, 206

Мешка З. — 90

Микоян А. И. — 307

Миронович Е. — 64

Мисюрев А. П. — 65

Молотов В. М. — 10, 15, 19, 24, 28–29, 35,
49, 117–118, 120–123, 179, 183–186, 188–
189, 191, 202, 208–210, 235, 245, 248, 251,
257, 261, 263, 266, 269–270, 272–274, 278,
281–282, 288, 291–297, 302–308

Монин Д. Д. — 33

Мордаль Ж. — 157

Моссе Дж. — 94

Мощицкий И. — 44, 60, 75

Моца И. — 93

Мудрый В. Н. — 63

Мунтерс В. — 19, 106–111, 271

Муссолини Б. — 6, 7, 28, 47, 88, 90, 96, 98,
101, 107, 139, 141–142, 152, 160, 169, 241,
262

Мюллер Р.-Д. — 291, 295, 297

Мюллер-Гиллебранд Б. — 159–161, 162, 265

Мюсс Ф. Ж. — 11

Нагата Т. — 212

Наджиар П.-Э. — 123, 188, 190–191, 196,
207–210

Найдзюк Я. — 61

Нарутович Г. — 43

Неджалковский М. — 69, 78

Нейрат К. фон — 16

Нимёлер М. — 100

Ницше Ф. — 85, 101

Обичкина Е. О. — 8, 27

Орлов А. М. — 227–230, 237–238

Осташевский Г. — 62

Отт О. — 221

Пайяр Ж. — 168, 173, 179–180, 183–184,
205–209

Панюшкин А. С. — 222

Перацкий Б. — 63

Пилсудский Ю. — 29, 30, 43–45, 51, 54,
59–60, 74, 102

Потемкин В. П. — 49, 133, 172, 175, 179, 184,
186, 188, 191, 197, 204–211, 240, 315

Пронаи П. — 90

Пфейфер Э. — 232

Ратенау В. — 94

Резк Н. — 107

Риббентроп И. фон — 8, 9, 13, 19, 27, 29,
45–47, 75, 102, 106–111, 118, 125, 165,
221, 226, 235, 256–257, 259, 261, 263, 270,
272–274, 278, 281–282, 288, 290, 293–296,
301, 304, 306–309

Робертс Ф. — 192–193, 199–201, 210–211

Россо А. — 186, 208–209

Рузвельт Ф. — 10, 28, 39, 107

Рундштедт Г. фон — 148

Русев И. — 96

Рыдз-Смиглы Э. — 12, 44, 50, 305

Саклинг — 200

Салаши Ф. — 90–92

Сарджент О. — 132, 176, 178, 191, 193, 200–
202, 206, 210–211

Сельтер К. — 19, 107–110, 137

Сидс У. — 9, 117, 122, 171, 177–178, 180–181,
185–186, 188–189, 196, 199, 202, 205–207,
209–210, 302, 311

Синклер А. — 199

Скорцени О. — 91

Славек В. — 44

Слуцкий А. А. — 57, 228, 238

Сноу Т. — 122

Соболев А. А. — 198

Сталин И. В. — 10, 15, 20, 23–24, 28–29,
39, 41, 52, 65, 78, 104, 110, 113–117, 126,
129, 141, 143, 160–161, 168, 171–172, 175,
177–180, 182–183, 188, 202, 207–208,
210, 220–221, 233, 235, 257, 261–264, 269,
271–274, 288, 292–294, 296–298, 300–302,
304, 306–310

Стамболийский А. — 95

Стахович В. — 11, 50

Стрэнг У. — 10, 28, 188, 194, 196–197, 200,
208–211, 249, 254, 302–303

Стучка П. И. — 108

Сулейман I Великолепный — 165

Суриц Я. З. — 7, 37–38, 167, 170, 172–173,
176–182, 184, 186, 189, 204–209

Тарашкевич Б. А. — 60

Тевосян И. Ф. — 307

Телеки П. — 89

Тиль В. — 200

Тисо Й. — 8, 31–32, 99

Тодзио Х. — 212

Трамекур А. де — 55

Трипье Ж. — 104

Тука В. — 98

Турович Е. — 73

Угаки К. — 221

Уилсон Х. — 190

Улманис К. — 104, 108

Уотт Д. К. — 181, 188

Урбшис Ю. — 9, 106, 272

Уэда К. — 219

Уэллс С. — 37

Файрбрейс Р. — 14

Фердинанд I — 92

Филби К. — 23, 24, 224–228, 236–238

Филингер З. — 36, 39–41

Фиппс Э. — 130, 132, 134, 207, 208

Фитин П. М. — 23

Фишер Л. — 191, 192

Фляйшхауэр И. — 14, 29, 30, 126, 129, 161,
210, 261–265, 290, 293, 295–297, 310

Форман Н. — 155, 159

Франко Ф. — 227

Франциск I — 165

Френч — 200

Фридман М. М. — 56, 65

Фрыч К. С. — 70

Футман Д. — 232

Фэн Юйсян — 222

Хавкин Б. Л. — 281, 296

Хадсон Р. — 170–172, 190, 206

Хайдеггер М. — 85

Хакер Д. — 185

Ханнула У. — 118

Харрис К. — 230, 238

Хартманис М. — 107

Хасимото — 221

Хаттори Т. — 218

Хвалковский Ф. — 32

Хориноути К. — 216

Хорти М. — 89, 90–91, 102

Хэлл К. — 6, 216

Хэнки М. — 226, 237

Цанков А. — 95 97

Цехлин Э. — 272–273

Чапский А. С. — 234

Чемберлен И. — 177

Чемберлен Н. — 6, 7, 8, 10, 22, 24, 27, 28, 37,
38, 39, 41, 68, 70, 88, 131, 133, 134, 135, 136,
137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 165, 166,
167, 168, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 177,
180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189,
190, 193, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 206,
208, 209, 231, 232, 241, 301, 302, 303, 309

Чемберлен Х. — 22

Чемберлен Х. С. — 85

Черчилль У. — 10, 28, 38, 109, 111, 165–166,
226, 231, 232, 237, 305, 310

Чиано Г. — 47

Чэтфилд Э. — 135, 146

Шапошников Б. М. — 269, 271

Шнурре К. — 301, 304

Штейн Б. Е. — 113–116, 126–127,

Штейнгартл Л. — 266

Шуленбург Ф.-В. фон дер — 35, 122, 125,
191, 210, 249, 269–270, 273–274, 291, 293,
302, 306–307, 315

Эванс Р. — 141, 143

Эвола Ю. — 86, 94, 101–102

Эмери Л. — 88

Эндрю К. — 235, 238

Эркко Э. — 113–117, 119, 122–123

Эрицберггер М. — 94

Эттли К. — 199

Юзевский Г. — 62, 63

Якобсон М. — 20, 119, 124

Яковлев В. Г. — 35, 39, 269

Ярнушкевич Ч. — 61

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Вероника Крашенинникова</i>	3
Сто дней до войны. От ответственного редактора Олег Назаров.....	6
Расчленение Чехо-Словакии (март 1939 г.): Реакция в мире Валентина Марьина.....	31
Польша весной и летом 1939 г. Дмитрий Буневич	43
«Картина варварства и глупости»: Белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг. Кирилл Шевченко	53
Внешняя политика Польши накануне Второй мировой войны на страницах польской печати Александр Киселёв	68
Развитие правоконсервативных идеологий и режимов в постверсальской Восточной Европе накануне Второй мировой войны Константин Софронов, Дмитрий Суржик	83
Прибалтика-1939: пакты с Гитлером Владимир Симиндей	103
Политический кризис 1939 г. и Финляндия Владимир Барышников.....	112
Европейский кризис 1938–1939 гг. и внешняя политика Великобритании Александр Иванов	130
Англо-франко-польская коалиция против Германии в 1939 г. Михаил Мельтюхов	144
История провала: англо-франко-советский альянс, которого не было, и неопубликованная белая книга британского правительства, 1939–1940 гг. Майкл Джабара Карлей.....	163
«На границе тучи ходят хмуро...»: СССР и Япония накануне Второй мировой войны Анатолий Кошкин	212
Предвоенный политический кризис глазами «Кембриджской пятерки» Михаил Богданов.....	224
Советский Союз, Германия и политический кризис 1939 г. Михаил Мельтюхов	239

Советско-германские документы августа 1939 г.: Проблемы источников	
Михаил Мельтюхов	266
Предвоенный мир глазами Кремля	
Александр Шубин.....	298
Приложения	311
Предложение, врученное народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым послу Великобритании в СССР У. Сидсу.	
17 апреля 1939 г.	311
Ответ советского правительства на предложения английского правительства от 8 мая. 14 мая 1939 г.	313
Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Германии в СССР Ф. В. фон дер Шуленбургом.	
20 мая 1939 г.	315
Кредитное соглашение между СССР и Германией. 19 августа 1939 г. (Первые и последние листы русского и немецкого оригиналов)	317
Сведения об авторах	321
Именной указатель	322

Антигитлеровская коалиция — 1939
Формула провала

Редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Н. А. Наталья*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 11.06.2019
Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 27,3
Доп. тираж 500 экз.

ISBN 978-5-907171-24-4

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ. 23 АВГУСТА 1939 г.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Правительство СССР и
Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется об'ектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обоих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

NICHTANGRIFSVERTRAG ZWISCHEN DEUTSCHLAND UND
DER UNION DER SOZIALISTISCHEN SOWJETREPUBLIKEN.

Die Deutsche Reichsregierung und
die Regierung der Union der Sozialistischen
Sowjetrepubliken

geleitet von dem Wunsche die Sache des Friedens
zwischen Deutschland und der UdSSR zu festigen und aus-
gehend von den grundlegenden Bestimmungen des Neutrali-
tätsvertrages, der im April 1926 zwischen Deutschland
und der UdSSR geschlossen wurde, sind zu nachstehender
Vereinbarung gelangt:

Artikel I.

Die beiden Vertragsschliessenden Teile verpflichten sich, sich jeden Gewaltakts, jeder aggressiven Handlung und jedes Angriffs gegen einander, und zwar sowohl einzeln als auch gemeinsam mit anderen Mächten, zu enthalten.

Artikel II.

Falls einer der Vertragsschliessenden Teile Gegenstand kriegerischer Handlungen seitens einer dritten Macht werden sollte, wird der andere Vertragsschliessende Teil in keiner Form diese dritte Macht unterstützen.

Artikel III.

Die Regierungen der beiden Vertragsschliessenden Teile werden künftig fortlaufend zwecks Konsultation in

Führung miteinander bleiben, um sich gegenseitig über Fragen zu informieren, die ihre gemeinsamen Interessen berühren.

Artikel IV.

Keiner der beiden Vertragsschliessenden Teile wird sich an irgend einer Mächtigkeitsgruppierung beteiligen, die sich mittelbar oder unmittelbar gegen den anderen Teil richtet.

Artikel V.

Falls Streitigkeiten oder Konflikte zwischen den Vertragsschliessenden Teilen über Fragen dieser oder jener Art entstehen sollten, werden beide Teile diese Streitigkeiten ^{oder} und Konflikte ausschliesslich auf dem Wege freundschaftlichen Meinungsaustausches oder nötigenfalls durch Einsetzung von Schlichtungskommissionen bereinigen.

Artikel VI.

Der gegenwärtige Vertrag wird auf die Dauer von 10 Jahren abgeschlossen mit der Massgabe, dass, soweit nicht einer der Vertragsschliessenden Teile ihn ein Jahr vor Ablauf dieser Frist kündigt, die Dauer der Wirksamkeit dieses Vertrages automatisch für weitere fünf Jahre als verlängert gilt.

Artikel VII.

Der gegenwärtige Vertrag soll innerhalb möglichst kurzer Frist ratifiziert werden. Die Ratifikationsurkunden sollen in Berlin ausgetauscht werden. Der Vertrag tritt sofort mit seiner Unterzeichnung in Kraft.

Ausgefertigt in doppelter Urschrift, in deutscher und russischer Sprache,

Moskau am 23. August 1939.

Feir

Für die
Deutsche Reichsregierung:

In Vollmacht
der Regierung der
UdSSR:

W. Molotow

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обоими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Наревы, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

- 2 -

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обоими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

По уполномочению
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии:
Гитлер

Geheimes Zusatzprotokoll.

Aus Anlass der Unterzeichnung des Nichtangriffsvertrages zwischen dem Deutschen Reich und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken haben die unterzeichneten Bevollmächtigten der beiden Teile in streng vertraulicher Aussprache die Frage der Abgrenzung der beiderseitigen Interessenssphären in Osteuropa erörtert. Diese Aussprache hat zu folgendem Ergebnis geführt:

1. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung in den zu den baltischen Staaten (Finnland, Estland, Lettland, Litauen) gehörenden Gebieten bildet die nördliche Grenze Litauens zugleich die Grenze der Interessenssphären Deutschlands und der UdSSR. Hierbei wird das Interesse Litauens am Wilnaer Gebiet beiderseits anerkannt.

2. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung der zum polnischen Staate gehörenden Gebiete werden die Interessenssphären Deutschlands und der UdSSR ungefähr durch die Linie der Flüsse Märew, Weichsel und San abgegrenzt.

Die Frage, ob die beiderseitigen Interessen die Erhaltung eines unabhängigen polnischen Staates erwünscht erscheinen lassen kann endgültig ers

Entwicklung geklärt werden.

In jedem Falle werden beide Regierungen diese Frage im Wege einer freundschaftlichen Verständigung lösen.

3) Hinsichtlich des Südostens Europas wird von ^{das} sowjetischer Seite/Interesse an Bessarabien betont. Von deutscher Seite wird das völlige politische Desinteressement an diesen Gebieten erklärt.

4) Dieses Protokoll wird von beiden Seiten streng geheim behandelt werden.

Moskau, den 23. August 1939.

Für die
Deutsche Reichsregierung:

Dr. Winter

Für Vollmacht
der Regierung der
UdSSR:

W. Molotow

РАЗЪЯСНЕНИЕ К "СЕКРЕТНОМУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ
ПРОТОКОЛУ" от 23 августа 1939 года.

В целях уточнения первого абзаца п.2-го "Секретного
Дополнительного Протокола" от 23-го августа 1939 года
настоящим разъясняется, что этот абзац следует читать
в следующей окончательной редакции, а именно:

" 2. В случае территориально-политического переустрой-
ства областей, входящих в состав Польского Государства,
граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизи-
тельно проходить по линии рек Писса, Нарва, Вислы и
Сана".

Москва, 28-го августа 1939 года.

ПО УПОЛНОМОЧЕНИЮ
ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР

В. Молотов

За ПРАВИТЕЛЬСТВО
ГЕРМАНИИ

Г. Г. Грат и т. П. Гитлер

in Zusatzprotokoll" vom
t 1939.

des ersten Absatzes des Punktes 2
olls" vom 23 August 1939 wird hier-

er Absatz in folgender endgültiger
l und zwar:

iner territorial-politischen Umge-
n Staate gehörenden Gebiete werden
schlands und der UdSSR ungefähr
Pissa, Narew, Weichsel und San

Moskau, am 28. August 1939.

Für die
Deutsche Reichsregierung:

Г. Г. Грат и т. П. Гитлер

In Vollmacht
der Regierung der UdSSR:

В. Молотов

Антигитлеровская коалиция — 1939 Формула провала

«Главная наша головная боль — Россия. Признаюсь, меня терзают большие подозрения на ее счет. Я не могу поверить, что она преследует те же цели и интересы, что и мы, или имеет хоть какое-то уважение к демократии... Наша задача... держать Россию на задворках, избегая противостояния с ней».

— Невилл Чемберлен, премьер-министр Великобритании

«Мы имеем дело только с жестами и тактическими маневрами, а не с действительным стремлением Чемберлена к сотрудничеству с нами».

— Максим Литвинов, нарком иностранных дел СССР

«Начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом, и в случае оказания Советским Союзом помощи Чехословакии, Польша готова к войне с СССР плечом плечу с Германией».

— Юлиуш Лукасевич, польский посол в Париже

«Мы думаем не о “постоянном соглашении” с Москвой, а только “временном”, строго ограниченном конкретными возможными случаями».

— Жорж Бонне,
министр иностранных дел Франции

